МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 14 № 3 / 2024

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 14 № 3 / 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Красильникова Екатерина Ивановна, д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск, Россия)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2024

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 28.06.2024.
Дата выхода в свет 18.07.2024. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 32,1.
Тираж 1000 экз. Заказ 29.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Ekaterina I. Krasilnikova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2024

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 28.06.2024.
Release 18.07.2024. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 32,1.
Circulation 1000 copies. Order 29.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ 10

Оригинальные статьи

Правовая регламентация деятельности советских и партийных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике (1944–1953 годы) 10

Мутигуллин А. В.

Концепция идеократического государства…… ..... ……22

Сафронов Н. А.

Анализ порядка заключения брака на Руси (на материалах Кормчей книги)..... 34

Алонцева Д. В., Очеретько Е. А.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ 48

Оригинальные статьи

Конституционно-правовые пределы защиты частной жизни…… ..... ……48

Каменский М. А.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ 61

Оригинальные статьи

Защита персональных данных пользователя сети Интернет после смерти..... 61

Алихаджиева И. С.

Гражданско-правовая ответственность медицинской организации за утечку персональных данных 79

Агарков Б. В., Сурков А. Н.

Право на охрану изображения несовершеннолетнего: способы реализации и специфика защиты..... 95

Григорьева И. М.

Правовой режим персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве 108

Елизарова М. Ю.

Нематериальные блага как объекты гражданско-правовой защиты 121

Попова И. Ю.

Предоставление заверений об обстоятельствах третьими лицами 130

Тишкевич А. А.

Гражданско-правовая защита частной жизни гражданина после его смерти 147

Устинов В. Д., Коротких О. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ 161

Оригинальные статьи

Некоторые проблемы адаптации мигрантов в контексте криминологического анализа предупреждения преступлений (на примере Курской области)…… ..... ……161

Новичков В. Е.

Ситуация «двойной защиты» и ее влияние на доказывание в уголовном судопроизводстве: анализ явления и рекомендации адвокатам…… ..... ……..177

Конин В. В.

Общественная опасность деяния в межотраслевом измерении……. .....……..190

Урда М. Н., Урда А. О.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 200

Оригинальные статьи

Фонды государственного архива Курской области о состоянии промышленности в 1970-1980-х годах: отрасли и предприятия……. .....……..200

Коротеева Н. Н., Ирмакова Д. А.

Опыт преподавания отечественной истории и основ конституционных знаний в конце 1930-х – начале 1940-х годов (на примере железнодорожных школ Курской области) 214

Коровин В. В., Коровин Р. В.

Отмена крепостного права и положение пореформенного крестьянства в России в оценках В. П. Мещерского……. .....……..223

Ипатов А. М., Обоимова Р. В.

«Расширить ассортимент, повысить качество обслуживания…»: об организации торговли и общественного питания на Московско-Курско-Донбасской железной дороге в конце 1950-х годов 233

Головин Е. А.

Организация губернских органов контроля в 1920-1922 годах: по материалам Курского края 245

Немкова Д. С.

Административно-территориальные преобразования в Курской области в середине 1940-х – начале 1960-х годов: основные практики и результаты……. .....……254

Аргунов О. Н., Есипов Д. М., Коровин В. В.

К западу от Тыргу-Фрумос: боевые будни 7-й гвардейской армии в Румынии (июнь–август 1944 года) 264

Гришина А. С.

К сведению авторов..... 276

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES 10

Original articles

Legal regulation of the activities of Soviet and party bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in the Baltic States (1944-1953)…….....…….10

Alexander V. Mutigullin

The concept of an ideocratic state…….. .....……..22

Nikita A. Safronov

Analysis of the order of marriage in Russia (based on the materials of the Pilot book)…….....…….34

Dina V. Alontseva, Elena A. Ocheretko

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES…… ..... ….48

Original articles

Constitutional legal limits to privacy protection…….. ..... …….48

Maksim A. Kamenskii

PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE……..……..61

Original articles

Protection of personal data of Internet user after death…….....……..61

Inna S. Alikhadzhiyeva

Civil liability of a medical organization for personal data leakage……. .....….79

Bogdan V. Agarkov, Aleksandr N. Surkov

The right to protect the image of a minor: methods of implementation and specifics of protection…… ..... .95

Irina M. Grigorieva

Legal regime of personal data of persons participating in civil proceedings…… .....……..108

Marina Y. Elizarova

Intangible benefits as objects of civil law protection……..…….....……121

Irina Y. Popova

Provision representation by third parties……..…….....……130

Anton A. Tishkevich

Civil protection of a citizen's privacy after his death……..…….....……147

Vadim D. Ustinov, Olga A. Korotkich

CRIMINAL LEGAL SCIENCES…… ..... ……..161

Original articles

Some problems of adaptation of migrants in the context of criminological analysis of prevention crimes (using the example of the Kursk region)……. ..... ……161

Valery E. Novichkov

The situation of "double protection" and its impact on evidence in criminal proceedings: appearance analysis and recommendations to lawyers…….. .....…177

Vladimir V. Konin

The public danger of an act in an intersectoral dimension……. ..... …….190

Margarita N. Urda, Artem O. Urda

HISTORICAL SCIENCES……200

Original articles

Funds of the state archive of the Kursk region on the state of industry in 1970-1980: industries and enterprises…….200

Natalia N. Koroteeva, Darya A. Irmakova

The experience of teaching national history and the foundations of constitutional knowledge in the late 1930s early 1940s (using the example of railway schools in the Kursk region)…….214

Vladimir V. Korovin, Roman V. Korovin

The abolition of serfdom and the situation of the post-Reform peasantry in Russia in the assessments of V. P. Meshchersky…….223

Alexey M. Ipatov, Raisa V. Oboimova

"Expand the range, improve the quality of service...": about the organization of trade and public catering on the Moscow-Kursk-Donbass railway in the late 1950s…….233

Evgeny A. Golovin

The organization of provincial control bodies in 1920-1922: based on the materials of the Kursk region…..245

Daria S. Nemkova

Administrative-territorial transformations in the Kursk region in the mid 1940s – early 1960s: main practices and results…….254

Oleg N. Argunov, Dmitry M. Esipov, Vladimir V. Korovin

West of Tirgu-Frumos: combat routine of the 7th Guards Army in Romania (June-August 1944)…… ….264

Anna S. Grishina

FOR AUTORS ……276

Оригинальная статья / Original article

УДК 342.5

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-10-21

CC BY 4.0

Правовая регламентация деятельности советских и партийных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике (1944–1953 годы)

А. В. Мутигуллин[1] ✉

[1]Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации ул. Летчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: 04mutigullin1989@mail.ru

Резюме

Актуальность *обусловлена теоретической и практической значимостью научных проблем, связанных с исследованием правовой регламентации деятельности советских и партийных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике в последние годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Опыт борьбы с национализмом в послевоенное десятилетие, когда Советскому государству в относительно короткие сроки удалось справиться с фашистско-националистическим подпольем, представляется поучительным в настоящее время.*

Цель *– выяснение в историко-правовом аспекте особенностей борьбы советских и партийных органов, а также органов и войск НКВД-НКГБ СССР с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике в 1944–1953 годы.*

Задачи: *проанализировать основные нормативно-правовые документы, регламентирующие борьбу с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике в 1944–1953 годы; определить особенности противодействия советских и партийных органов, органов и войск НКВД-НКГБ деятельности участников фашистско-националистического подполья в Литве, Латвии и Эстонии в последние годы Великой Отечественной войны и первое десятилетие после окончания войны.*

Методология. *В качестве методологической основы исследования использованы диалектический, исторический, сравнительно-правовой метод в силу историко-правового характера статьи.*

Результаты *исследования носят историко-правовой характер и позволили выявить особенности деятельности органов советской власти в борьбе с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике. Проводились не только оперативно-чекистские, войсковые операции, а также осуществлялись уголовно-репрессивные меры, применялись соответствующие «текущему моменту» административные, агитационно-пропагандистские меры. Руководство борьбой с фашистско-националистическим подпольем осуществляли партийные и советские органы, как на республиканском, так и на общесоюзном уровнях.*

Вывод. *Комплекс мероприятий, осуществленный в 1944–1953 годах в целях борьбы с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике, имеет историческое и правовое значение. Опыт его проведения может быть использован войсками национальной гвардии Российской Федерации, органами государственной безопасности и другими правоохранительными ведомствами как в настоящее время, так и в дальнейшем, в том числе в рамках проведения специальной военной операции.*

Ключевые слова: *правовая регламентация; фашистско-националистическое подполье; борьба; советские органы; партийные органы; Прибалтика.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Мутигуллин А. В. Правовая регламентация деятельности советских и партийных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике (1944-1953 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 10–21. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-10-21

Поступила в редакцию 12.03.2024 Принята к публикации 13.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Мутигуллин А.В., 2024

Legal regulation of the activities of Soviet and party bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in the Baltic States (1944-1953)

Alexander V. Mutigullin[1]✉

[1] St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation
1 Pilyutov Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

✉ e-mail: 04mutigullin1989@mail.ru

Abstract

The relevance *is due to the theoretical and practical significance of scientific problems related to the study of the legal regulation of the activities of Soviet and party bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in the Baltic States in the last years of the Great Patriotic War and the post-war years. The experience of fighting nationalism in the post-war decade, when the Soviet state managed to cope with the fascist-nationalist underground in a relatively short time, seems instructive at the present time.*

Purpose. *Clarification in the historical and legal aspect of the peculiarities of the struggle of Soviet and party organs, as well as organs and troops of the NKVD-NKGB of the USSR with the fascist-nationalist underground in the Baltic States in 1944-1953.*

Objectives: *to analyze the main normative legal documents regulating the fight against the fascist-nationalist underground in the Baltic States in 1944-1953; to determine the features of the counteraction of Soviet and party organs, organs and troops of the NKVD-NKGB to the activities of participants in the fascist-nationalist underground in Lithuania, Latvia and Estonia in the last years of the Great Patriotic War and the first decade after the end of the war.*

Methodology. *The dialectical, historical, comparative legal method was used as the methodological basis of the study due to the historical and legal nature of the article.*

Results *the research was of a historical and legal nature and made it possible to identify the specifics of the activities of the Soviet authorities in the fight against the fascist-nationalist underground in the Baltic States. Not only operational-Chekist, military operations were carried out, but also criminal and repressive measures were carried out, but also administrative, agitation and propaganda measures corresponding to the "current moment" were applied. The struggle against the fascist-nationalist underground was led by party and Soviet bodies, both at the republican and all-Union levels.*

Conclusion. *The complex of measures carried out in 1944-1953 in order to combat the fascist-nationalist underground in the Baltic States has historical and legal significance. The experience of its implementation can be used by the troops of the National Guard of the Russian Federation, state security agencies and other law enforcement agencies, both now and in the future, including as part of a special military operation.*

Keywords: *legal regulation; fascist-nationalist underground; struggle; Soviet organs; party organs; Baltic States.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Mutigullin A. V. Legal regulation of the activities of Soviet and party bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in the Baltic States (1944-1953). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):10–21. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-10-21

Received 12.03.2024 Accepted 13.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

В настоящее время в мире прослеживается тенденция к распространению и популяризации националистических и ультраправых, в том числе фашистских, идей, что не может не вызывать серьезной обеспокоенности.

После окончания Великой Отечественной войны националистическая идеология не укоренилась в сознании как народов, населявших Советский Союз,

так и среди европейских народных масс, поскольку в общественном сознании она прочно ассоциировалась с нацизмом. Советское государство на протяжении своей истории декларировало политику «пролетарского интернационализма» и вело непримиримую борьбу с национализмом на идеологическом и других «фронтах». Тем не менее с развалом СССР и распадом социалистического блока в Восточной Европе националистические движения, которые в советский период находились на «нелегальном положении», получили возможность выступать в качестве политических сил в новых европейских государствах, в том числе в республиках бывшего Союза ССР. Необходимо отметить, что именно в прибалтийских республиках, ныне называющих себя странами Балтии, национализм приобрел наиболее радикальные формы и фактически стал приоритетным направлением государственной политики, а сами государства встали на откровенно русофобский, проамериканский путь.

Тема деятельности советских государственных органов, направленной на борьбу с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике в послевоенный период, освещена в отечественной историко-правовой литературе в меньшей степени, чем, например, история борьбы с национал-фашистским бандитизмом на Украине [1, с. 31], которой в последние годы в условиях прихода к власти в этой стране откровенно антироссийских, националистических сил уделяется значительно больше внимания, особенно с началом Россией специальной военной операции [2, с. 92]. Поэтому, на наш взгляд, следует вновь обратить внимание на послевоенную Прибалтику, где в кратчайшие по историческим меркам сроки активная антисоветская деятельность была прекращена.

Методология

Анализ исследуемых нормативно-правовых документов позволил на основе историко-правового и сравнительно-правового методов систематизировать и проанализировать информацию, раскрывающую сущность и содержание правового регламентирования борьбы с фашистско-националистическим подпольем, а равно и «политико-националистического бандитизма».

Результаты и их обсуждение

Подполье в Прибалтике сформировалось и развернуло свою антинародную и антигосударственную деятельность практически сразу после освобождения оккупированных фашистами территорий Эстонской, Латвийской и Литовской ССР в ходе проведения Прибалтийской операции советских войск в сентябре-ноябре 1944 г. Однако немцы, прижатые к морю в «Курляндском котле» на территориях современных Латвии и Литвы, были окончательно ликвидированы или пленены только в мае 1945 г. [3, с. 83–85]

При этом необходимо отметить, что в республиках советской Прибалтики движение «лесных братьев» (латыш. mežabrāļi, лит. miško broliai, laisvės kovotojai, partizanai, эст. metsavennad); неофициальное наименование вооружённых формирований, действовавших в 1940–1950-е гг. на территории прибалтийских республик) отличалось по степени своей организованности и массовости. Так, самое организованное и массовое подполье сформировалось в Литве. В Латвии подпольное движение отличалось существенно меньшим количеством его участников. Что же касается Эстонии, то в отличие от Литвы и Латвии, несмотря на достаточно широкое распространение в республике националистических идей, подполье было организовано слабо.

Следует обратить внимание, что руководство прибалтийских республик не сразу осознало всю важность борьбы с националистическим подпольем на освобожденных территориях. В 1944–1945 гг. к основным направлениям деятельности государственных органов по переходу к

мирной жизни в республиках относились, прежде всего: восстановление советских органов власти, ремонт разрушенных и постройка новых объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры (пекарни, водонапорные башни, дороги, хранилища и др.), возвращение беженцев, обеспечение рабочими местами и т. д.

Постановлением Оргбюро ЦК ВКП (б) от 3 ноября 1944 г. «О недостатках в работе республиканских органов власти» [4] в каждой республике было отмечено «наличие серьезных недостатков и ошибок», которые, по мнению московского руководства, свидетельствовали о неспособности республиканских властей в полной мере контролировать ситуацию, в том числе был поднят вопрос о недооценке деятельности националистического подполья.

Постановление Оргбюро определило основополагающие задачи, которые необходимо было выполнить республиканским партийным и советским властям. Однако среди основных хозяйственно-политических целей задача по борьбе с буржуазными националистами стояла лишь на четвертой «позиции» [5, с. 190]. Здесь следует подчеркнуть, что до выхода постановления Оргбюро в официальных документах прибалтийских республиканских властей о «националистическом подполье», а также о «вооруженных бандах» не упоминалось. Политическое руководство Литовской, Латвийской и Эстонской ССР первоначально воспринимало подполье как результат «фашистских происков», а также антирусских настроений, имевших место в Прибалтике, а не как серьезную угрозу советской власти и системе государственного управления. Положение дел начало изменяться только после «окрика» из Москвы.

Причина сложившейся ситуации была двоякой. Во-первых, по нашему мнению, республиканское руководство само в определенной степени не было свободно от националистических взглядов. А во-вторых, деятельность местных государственных органов в указанный период зачастую осуществлялась резкими, прямолинейными методами и не учитывала специфики данных территорий, где советская власть была установлена только летом 1940 г., что, в свою очередь, вело к негативному отношению местного населения к этой власти.

Но если местное прибалтийское руководство не относилось серьезно к фашистско-националистическому подполью, то советские «силовые структуры» в лице народных комиссариатов внутренних дел (далее – НКВД) и государственной безопасности (далее – НКГБ) СССР уже в начале 1944 г. понимали всю серьезность положения, которое может сложиться после освобождения территорий прибалтийских республик от фашистских захватчиков. Так, НКГБ СССР была разработана директива от 3 марта 1944 г. «Об организации агентурно-оперативной работы на освобожденной территории прибалтийских республик» [6, с. 287]. Директива предусматривала проведение основных оперативно-чекистских мероприятий на освобожденных территориях с целью борьбы с националистами, пособниками немецко-фашистских захватчиков, а также с агентами спецслужб враждебно настроенных государств.

Анализ документов позволяет выделить несколько форм организации совместной борьбы спецслужб и иных государственных органов с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике в первые послевоенные годы:

– создание института уполномоченных НКВД-НКГБ по Латвии, Литве и Эстонии. Уполномоченные входили в состав созданных в 1944 г. бюро ЦК ВКП(б) по прибалтийским республикам. К их задачам относилось руководство деятельностью по подавлению националистического движения, «очистке» общества от «враждебных элементов», а также координация деятельности НКВД и НКГБ союзных республик;

– направление в прибалтийские республики оперативных групп НКГБ СССР, которым по отдельным вопросам подчинялись республиканские НКГБ и НКВД;

– создание в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР «оперативных секторов» на наиболее ответственных и сложных участках;

– образование оперативных групп, состоявших из сотрудников местных НКГБ и НКВД, работавших, как правило, на одной определенной территории или по конкретному националистическому бандформированию [7, с. 287].

Среди основных мероприятий, которые должны были проводиться органами госбезопасности в Прибалтике, следует обратить внимание на арест агентуры немецких разведывательных и контрразведывательных органов, руководящего состава тюрем, лагерей для военнопленных, полицейских подразделений, органов местного управления, созданных фашистами в городах и населенных пунктах, активных участников антисоветских националистических организаций («Железный волк», «Омакайтсе» и др.) и участников банд, которые вели боевые действия в тылу советских войск под руководством оставшихся там фашистов и пропагандистскую работу среди местного населения в целях насаждения националистической идеологии и дискредитации советской власти.

В конце 1944 г. руководству страны стало окончательно очевидно, что в западных регионах СССР оно столкнулось с серьезным сопротивлением советской власти и деятельность органов советской власти в этих регионах по налаживанию мирной жизни не может идти по «стандартному плану», как, например, в освобожденных западных областях РСФСР. Поэтому был предпринят ряд дополнительных правовых и организационных мер.

Поскольку, как было отмечено выше, в Литве националистическое подполье приобрело наиболее крупные масштабы, был издан приказ НКВД СССР от 12 октября 1944 г. «Об очистке территории Литвы от антисоветского подполья и его вооруженных банд, созданных и оставленных германской разведкой» [8, с. 435]. В декабре 1944 г. для качественного руководства деятельностью по уничтожению подполья в Прибалтике был создан специальный орган – штаб для руководства войсковыми операциями. Непосредственно в Литве задачи по борьбе с националистическими бандформированиями выполняла 4-я стрелковая дивизия войск НКВД СССР. Для выполнения аналогичных задач в Латвии использовалась 5-я дивизия, а в Эстонии – 63-я дивизия войск НКВД СССР.

К основным способам ведения борьбы с бандформированиями можно отнести ведение поисковых мероприятий в сельской и лесистой местности, блокирование мест дислокации бандформирований, захват и уничтожение участников бандформирований в местах их временной дислокации, сделанных ими схронов и складов [9, с. 32].

Для усиления борьбы с подпольем сначала в Литве, затем в Латвии и Эстонии по распоряжению народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берии начали формироваться истребительные батальоны. На эти батальоны возлагались задачи патрулирования населенных пунктов, прочесывания вероятных мест укрытия бандгрупп и др.

Необходимо указать, что на начальном этапе члены истребительных батальонов (как их называли, «ястребки») вели свою деятельность на «общественных началах». Преимущественно в состав истребительных батальонов входили малоимущие крестьяне, поддерживавшие советскую власть. Однако «ястребки» не освобождались от призыва в армию. С учетом вышеперечисленных факторов формирование истребительных батальонов велось крайне неудовлетворительно. Но с изданием распоряжения военного

комиссара Литвы от 15 декабря 1944 г. «Об освобождении бойцов истребительных батальонов от призыва в Красную Армию» ситуация резко изменилась в положительную сторону. Так, к концу марта 1945 г. количество истребительных батальонов в республике составляло 22 с общей численностью бойцов свыше 11 000 чел.

Помимо истребительных батальонов, для борьбы с националистическим подпольем создавались так называемые «группы содействия». Эти группы формировались преимущественно из числа местных партийных и комсомольских активистов и использовались в основном с целью получения информации о местах дислокации националистов и путях их передвижения.

Предпринятые меры, прежде всего репрессивного характера, дали положительные результаты. В частности, в докладе народного комиссара госбезопасности СССР В. Меркулова от 14 ноября 1944 г. подчеркивался масштаб мер против пособников фашистов в Эстонии: «всего было арестовано 1116 человек, из них по г. Таллину – 575 человек». Из всего количества задержанных наибольшая часть относилась к участникам националистических организаций – 425 чел., пособников фашистов и предателей было 206 чел.

Из доклада наркома внутренних дел СССР Л. Берии от 26 января 1945 г. «О результатах работы по борьбе с националистическим подпольем» следует, что с июля 1944 г. по январь 1945 г. только органами НКВД в Латвии было задержано 5 223 чел., причем около 70% составляли пособники фашистов.

Из совместного доклада наркомов внутренних дел и госбезопасности Литвы от 1 января 1945 г. известно, что с июля по декабрь 1944 г. из числа членов подполья было задержано 8678 чел., убито – 1658 чел. [10, с. 127]

С момента победоносного завершения Великой Отечественной войны националистические бандформирования полностью ушли в подполье, преимущественно в леса, и коренным образом поменяли тактику ведения борьбы с советской властью. Во всех районах Прибалтики националисты разделились на мелкие мобильные отряды, используя тактические приемы партизанской борьбы.

С учетом активизации подполья необходимо было усилить борьбу с националистами до полной ликвидации кулацко-националистических банд. Так, Бюро ЦК ВКП (б) Латвии от 24 мая 1945 г. приняло постановление «Об активизации буржуазно-националистических банд и мерах усиления борьбы с ними», которое определило, что борьба с буржуазно-националистическим подпольем является первостепенной задачей для партийных, комсомольских и советских организаций, органов НКВД и НКГБ.

Руководство Литовской ССР выходом из положения считало также усиление вооруженной борьбы с подпольем и ужесточение репрессий. Бюро ЦК ВКП (б) по Литве предложило руководству страны ряд мер, направленных на усиление борьбы с националистическим подпольем: 1) усиление кадров НКВД; 2) усиление численности войск НКВД; 3) выселение за пределы республики семей главарей банд и активных участников подполья; 4) проведение показательных открытых уголовных процессов над националистами на литовском языке.

Одним из мероприятий советского руководства, направленных на стабилизацию обстановки в прибалтийских регионах, было введение паспортной системы для граждан республик Прибалтики, в том числе крестьян. Проведение соответствующих мероприятий было урегулировано распоряжением Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) СССР от 4 октября 1945 г. Паспортизация населения обеспечила государственные органы информацией об антисоветски настроенных гражданах, а также дала возможность

расширения и усиления контроля за населением.

Немаловажную роль в борьбе с националистическими формированиями сыграла активная разъяснительная работа среди местного населения, проводимая политработниками частей и соединений войск НКВД СССР. В результате проведенных мероприятий уменьшилось количество лиц, скрывающихся от призыва в Красную армию, участились случаи добровольной сдачи членов националистических формирований [11, с. 308].

1945 и 1946 гг. характеризовались максимальной интенсивностью ведения борьбы с обеих сторон. Со стороны националистического подполья применялись методы террора и запугивания населения. В ответ советская власть применяла методы открытости и публичности при проведении процессов в отношении участников подполья, приговоры публиковались в печатных изданиях, использовались и другие формы работы.

Одним из важных мероприятий в рамках борьбы с националистическим подпольем стал так называемый «Рижский процесс», который состоялся в январе-феврале 1946 г., где перед судом предстали 7 руководителей националистических бандформирований. Важно подчеркнуть, что данный процесс был хорошо подготовлен и в юридическом, и в фактологическом плане. К этому во многом обязывал проходивший тогда Нюрнбергский процесс. В архивах сохранились документы Рижского процесса, составлявшие массированную доказательную базу, свидетельствующую о злодеяниях, совершенных участниками националистического подполья. Все подсудимые были приговорены к смертной казни через повешение.

Тем не менее власть готова была пойти и на уступки в отношении тех участников националистического подполья, которые откажутся от борьбы и придут к властям с повинной. Так, в Литве 9 февраля 1945 г. было издано обращение, в котором сообщалось, что «если в указанный период участники банд явятся с повинной, сдадут свое оружие и откажутся от связи с участниками подполья то они будут прощены». Такие мероприятия назывались «кампаниями по легализации».

Постановлениями Государственного комитета обороны СССР от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. было принято решение об амнистировании репатриированных и направлении их на шестимесячное спецпоселение. При этом для прибалтийских республик меры в отношении репатриированных были более «либеральными». Так, директивой НКВД СССР от 3 марта 1946 г. было определено, что всех граждан прибалтийских республик, которые согласно распоряжениям НКВД республиканского уровня были реабилитированы, следует направлять не на спецпоселение, а в места жительства их семей [12, с. 356]. Инициатива о подобном порядке проведения амнистии исходила от властей прибалтийских республик. В частности, в начале 1946 г. руководство Латвийской ССР направило народному комиссару иностранных дел СССР В. Молотову докладную записку, в которой просило отменить высылку латышей в отдаленные районы, поскольку высылка крайне негативно повлияет на общее настроение местного населения.

Стоит отметить, что понятие бандитизма в рассматриваемый период содержалось в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. Анализируя деятельность НКВД и НКГБ СССР по борьбе с подпольем, отдельные авторы отмечали, что указанными ведомствами деятельность подполья в Прибалтике после освобождения от фашистской оккупации рассматривалась либо как «политический бандитизм», либо как «националистический бандитизм» [13, с. 212]. Он являлся таковым с учетом того, что вся антисоветская деятельность подполья носила исключительно нацио-

налистические черты и была направлена против советской власти, что в свою очередь, угрожало основам государственной власти и управления. Политические и националистические черты в деятельности фашистско-националистического подполья проявлялись в виде организации террористических актов в отношении представителей органов советской власти, партийного и комсомольского актива, особо жестоких акциях в отношении местного населения, а также сотрудников милиции, военнослужащих Красной армии и войск НКВД-НКГБ (МВД-МГБ) СССР. В то же время бандитизм, который «расцвел», в частности, на близлежащих освобожденных территориях северо-западных областей РСФСР и Карело-Финской ССР, носил исключительно уголовный характер, хотя и борьба с ним велась сходными методами, в том числе при активном использовании истребительных батальонов [14, с. 186–187].

В период с мая 1945 по декабрь 1946 г. в результате проведения оперативно-чекистских и войсковых операций и других предпринятых советским руководством мер «костяк» националистического подполья был уничтожен. В докладной записке Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР от 20 декабря 1946 г. констатировалось, что все крупные бандитские формирования в основном ликвидированы.

Борьба с остатками подполья продолжалась ещё несколько лет, но уже с меньшей интенсивностью, причем на всем её протяжении войска НКВД-МГБ с учетом изменения тактики действий бандитов постоянно совершенствовали свою оперативно-служебную деятельность. Так, из ориентировки ГУ ВВ МГБ СССР от 20 апреля 1948 г. «О порядке проведения культурно-массовых мероприятий» следовало, что при проведении личным составом частей и подразделений культурно-массовых мероприятий перед их началом необходимо проверять помещения на предмет взрывоопасных предметов, на время проведения мероприятий обеспечивать охрану помещений выставлением часовых и патрулей [15, с. 249]. Подобные меры позволяли свести к минимуму потери войск.

Необходимо отметить, что борьба с фашистско-националистическим подпольем организовывалась не только путем вооруженной борьбы и репрессивно-уголовных мер, но и мер административного характера [16, с. 24–25]. Помимо упомянутой выше паспортизации населения, одним из существенных шагов советских государственных органов являлось проведение депортации части населения прибалтийских республик в отдаленные районы СССР [17, с. 24–25]. Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 29 января 1949 г.[1] с территории Литвы, Латвии и Эстонии были выселены кулаки с семьями, семьи бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализовавшихся бандитов, продолжающих вести вражескую работу. Репрессии также коснулись семей репрессированных пособников бандитов. Всего с территорий прибалтийских республик на основании постановления Совета Министров было выселено свыше 100000 человек (Литва – 32000 чел., Латвия – 42500 чел., Эстония – 20700 чел.) [18, с. 341].

Следует обратить внимание, что в исторических условиях существования Советского Союза во второй половине

[1] Постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. № 398-133сс «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализовавшихся бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов» // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. URL: https://docs.historyrussia.org/ (дата обращения: 15.01.2024).

1940-х гг. данная административная операция, проведенная советскими властями, какими бы суровыми и жесткими по нынешним временам не казались использованные в ходе ее проведения меры, существенно подорвала социальную базу «лесных братьев» и во многом способствовала прекращению развернутого ими террора против советской власти.

До 1953 г. националистическое подполье в Латвии, Литве и Эстонии было ликвидировано практически полностью, поэтому Постановлением ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «О работе органов государственной безопасности» органы госбезопасности республик Прибалтики были ориентированы не только на борьбу с остатками подполья, но и в основном на «вскрытие и решительное пресечение подрывной деятельности активно проявляющих себя антисоветских элементов; выявление маскирующих врагов Советского государства, особенно лиц, вынашивающих враждебные замыслы, и предупреждение активных антисоветских проявлений с их стороны» [20, с. 255].

Выводы

Таким образом, деятельность органов советской власти в борьбе с националистическим подпольем в Прибалтике включала в себя комплекс политических, социально-экономических и специальных мероприятий, причем проводились не только оперативно-чекистские, войсковые операции, а также осуществлялись уголовно-репрессивные меры, но и применялись соответствующие «текущему моменту» административные, агитационно-пропагандистские меры.

Процесс борьбы с националистическим подпольем в Прибалтике включал три основных этапа:

– первый этап (сентябрь 1944 – май 1945 г.) – этап возникновения подполья и начало организованной борьбы с ним;

– второй этап (июнь 1945 – декабрь 1946 гг.) – этап развертывания крупномасштабных операций по уничтожению подполья;

– третий этап (1947–1953 гг.) – этап окончательной ликвидации подполья.

Руководство борьбой с националистическим подпольем осуществляли партийные и советские органы, как на республиканском, так и на общесоюзном уровнях. Непосредственно вооруженную борьбу с подпольем вели органы и войска НКВД-НКГБ (МВД-МГБ) СССР.

Осуществленный в 1944–1953 гг. в целях борьбы с фашистско-националистическим подпольем в Прибалтике комплекс мероприятий имеет историческое и правовое значение. Опыт его проведения может быть использован войсками национальной гвардии Российской Федерации, органами государственной безопасности и другими правоохранительными ведомствами, как в настоящее время, так и в дальнейшем, в том числе в рамках проведения специальной военной операции.

Список литературы

1. Канавин И. С. Деятельность НКВД СССР на Западной Украине против националистического подполья после ее освобождения от гитлеровских оккупантов // Преподавание истории в школе. 2021. № 1. С. 31–34.

2. Климов А. А. Особенности деятельности органов и войск НКВД СССР по борьбе с украинскими националистами на территории западных областей Украинской ССР (1944–1945) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(46). С. 91–94.

3. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.

4. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 117. Д. 459. Л. 1–3; Д. 460. Л. 8–11; Д. 464. Л. 16–18.

5. От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы: в 2 т. / под общ. ред. А. В. Репникова. М.: Полит. энцикл., 2018. Т. 1. 437 с.

6. Крысин М. Ю., Литвинов М. Ю. Органы госбезопасности против буржуазных националистов Прибалтики. М.: Вече, 2017. 416 с.

7. Мутигуллин А. В. Правовое регулирование деятельности госорганов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР (1943–1955 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 4. С. 318–325.

8. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сборник документов / сост.: Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. 640 с.

9. Руденко А. В. Служебно-боевая деятельность войск НКВД по борьбе с националистическими формированиями на территории Прибалтики в 1944–1946 гг. // Власть. История и археология. 2014. Вып. 2. С. 189–192.

10. Кантор Ю. Э. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал Звезда, 2011. 336 с.

11. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): военно-исторический труд / А. С. Беркутов, А. А. Климов, Ю. А. Марценюк, В. Н. Сидоренко, А. С. Ченцов, С. М. Штутман. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России: Типография «Новости», 2011. 496 с.

12. Климов А. А. Применение войск НКВД в борьбе с националистическими формированиями на территории Прибалтики в заключительный период Великой Отечественной войны (1944–1945 годы) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 30–34.

13. Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР: сборник документов / сост.: Н. И. Владимирцев, В. Д. Кривец, В. Ф. Некрасов [и др.]. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. 512 с.

14. Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. В. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Лань: С.-Петерб. ун-т МВД России, 1999. 224 с.

15. Войска НКВД-МГБ-МВД СССР накануне, в годы Великой Отечественной войны и в борьбе с националистическим подпольем в послевоенный период: сборник документов и материалов: в 2 т. Т. 2: 1943–1955. М.: Редакция журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. 428 с.

16. Мутитуллин А. В. Борьба с бандитизмом на Украине в годы Великой Отечественной войны как функция обеспечения общественной безопасности советского государства // Актуальные вопросы административного законодательства: сборник материалов всероссийского круглого стола / ред. кол.: И. С. Назарова, В. И. Кайнов. Белгород: Эпицентр, 2023. С. 79–84.

17. Исторический опыт деятельности внутренних войск МВД СССР по обеспечению внутренней безопасности государства в 1945–1991 гг.: военно-исторический труд / под общ. ред. Н. Е. Рогожкина. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2013. 200 с.

18. Политбюро и органы государственной безопасности: сборник документов. М.: Кучково поле, 2017. 398 с.

19. Упоров И. В. Государственная политика СССР по борьбе с бандитизмом на бывших в оккупации советских территориях (1943–1953 гг.): монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 212 с.

Reference

1. Kanavin I.S. The activities of the NKVD of the USSR in Western Ukraine against the nationalist underground after its liberation from the Nazi occupiers. *Prepodavanie istorii v shkole = Teaching history at school*. 2021;(1):31–34. (In Russ.)

2. Klimov A.A. Features of the activities of the organs and troops of the NKVD of the USSR in the fight against Ukrainian nationalists in the western regions of the Ukrainian SSR (1944-1945). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvenny′e nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2022;(1):91–94. (In Russ.)

3. Kozlov M.M. (ed.) The Great Patriotic War 1941-1945. Moscow: Sovetskaya Encyclopediya; 1985. 832 p. (In Russ.)

4. RGASPI (Russian State Archive of Socio-political History). F. 17. Op. 117. D. 459. L. 1-3; D. 460. L. 8-11; D. 464. L. 16–18. (In Russ.)

5. Repnikova A.V. (ed.) From nationalism to collaboration: The Baltic States during the Second World War. Vol. 1. Moscow: Politicheskaya Encyclopediya; 2018. 437 p. (In Russ.)

6. Krysin M.Y., Litvinov M.Y. State security agencies against bourgeois nationalists of the Baltic States. Moscow: Veche; 2017. 416 p. (In Russ.)

7. Mutigullin A.V. Legal regulation of the activities of state bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of the USSR (1943-1955). *Ucheny′e zapiski Kry′mskogo federal′nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*. 2023;9(4):318–325. (In Russ.)

8. Vladimirtsev N.I., Kokurin A.I. NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939-1956). Moscow: Ob′′edinennaya redakciya MVD Rossii; 2008. 640 p. (In Russ.)

9. Rudenko A.V. Service and combat activities of the NKVD troops in the fight against nationalist formations in the Baltic States in 1944-1946. *Vlast′. Istoriya i arkheologiya = Power. History and archaeology*. 2014;(2):189–192. (In Russ.)

10. Kantor Yu.E. Baltics: a war without rules (1939-1945). St. Petersburg: Zhurnal Zvezda; 2011. 336 p. (In Russ.)

11. Berkutov A.S., Klimov A.A., Martsenyuk Yu.A., Sidorenko V.N., Chentsov A.S., Shtutman S.M. Internal troops in the Great Patriotic War (1941-1945): Military historical work. Moscow: Redakciya zhurnala “Na boevom postu” vnutrennix vojsk MVD Rossii; Tipografiya “Novosti”; 2011. 496 p. (In Russ.)

12. Klimov A. A. The use of NKVD troops in the fight against nationalist formations in the Baltic States in the final period of the Great Patriotic War (1944-1945). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodny′e otnosheniya = Izvestiya Saratov University. Series: History. International Relations*. 2015;15(3):30–34. (In Russ.)

13. Vladimirtsev N.I., Krivets V.D., Nekrasov V.F. (eds.). Baltic nationalism in the documents of the NKVD, the Ministry of Internal Affairs and the MGB of the USSR. Moscow: Ob′′edinennaya redakciya MVD Rossii; 2011. 512 p. (In Russ.)

14. Salnikov V.P., Stepashin S.V., Yangol N.V. Internal affairs bodies of the North-West of Russia during the Great Patriotic War. St. Petersburg: Lan; St. Petersburgskii Univ. MVD Rossii, 1999. 224 p. (In Russ.)

15. Troops of the NKVD-MGB-Ministry of Internal Affairs of the USSR on the eve, during the Great Patriotic War and in the fight against the nationalist underground in the post-war period: collection of documents and materials. Vol. 2. 1943–1955. Moscow: Redakciya zhurnala "Na boevom postu" vojsk nacional′noj gvardii Rossijskoj Federacii; 2023. 428 p. (In Russ.)

16. Mutigullin A.V. The fight against banditry in Ukraine during the Great Patriotic War, as a function of ensuring public security of the Soviet state. In: Nazarova I.S., Kainov V.I. (eds.) *Aktual′nye voprosy administrativnogo zakonodatel′stva: sbornik materialov Vserossijskogo kruglogo stola = Topical issues of administrative legislation: collection of materials of the All-Russian round table*. Belgorod: E′picentr; 2023. P. 79–84. (In Russ.)

17. Rogozhkin N.E. (ed.) The historical experience of the activities of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR to ensure the internal security of the state in 1945-1991: military historical work. Moscow: Redakciya zhurnala "Na boevom postu", 2013. 200 p. (In Russ.)

18. Politburo and state security agencies: collection of documents. Moscow: Kuchkovo pole; 2017. 398 p. (In Russ.)

19. Uporov I.V. State policy of the USSR to combat banditry in the occupied Soviet territories (1943-1953). Moscow: Yurlitinform; 2015. 212 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Мутигуллин Александр Владимирович, адъюнкт, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: 04mutigullin1989@mail.ru

Alexander V. Mutigullin, Adjunct, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: 04mutigullin1989@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.112

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-22-33

CC BY 4.0

Концепция идеократического государства

Н. А. Сафронов[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В последнее время в политическом дискурсе и в официальных документах стратегического планирования Россия называется государством-цивилизацией с ярко выраженной самобытностью. В отечественной консервативно-правовой доктрине определение специфических черт государственной идентичности России выступало ключевой темой, а приоритет нематериальных ценностей отмечался в качестве главного признака православной цивилизации. Не случайно российская общественно-политическая мысль всегда была озадачена поиском русской идеи. В этой связи особый интерес представляет концепция идеократической государственности, основной смысл которой сводился к поиску ключевой идеи или системы идей, на базе которых должно строиться государство.*

Цель *состоит в реконструкции и интерпретации теории идеократического государства в отечественной консервативной политико-правовой доктрине конца XIX – первой половины XX века.*

Задачи*: изучение эволюции концепции идеократического государства, анализ ее понятийного аппарата, осмысление значимости государственной идеологии для современного этапа развития.*

Методология*. В основу положены исторический метод познания, способствовавший раскрытию эволюции изучаемой теории, метод диахронного и синхронного сравнения с целью систематизации и классификации изучаемых идей, а также проблемно-теоретический, позволяющий определить степень современной востребованности изучаемой концепции.*

Результаты. *Проведенное исследование позволило установить, что концепция идеократической государственности преимущественно оформилась в трудах представителей общественно-политического движения евразийцев, зародившегося 1920–1930 годы в среде русской эмиграции. Наиболее значимый вклад в теоретическую разработку доктрины идеократического государства внес Н. Н. Алексеев. Именно он обобщил идеи евразийцев, концептуально оформив их в юридически обоснованную теорию демотической идеократии или гарантийного государства.*

Вывод*. Идеократия – это концепция управления, основанная на постулате идеалоправства, в основе которой определение государства как единой сверхорганической сущности, где правит идея, разделяемая всем народом.*

Ключевые слова*: государство; идеократическое государство; гарантийное государство; идеократия; демотия; правящий слой; евразийство.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Сафронов Н. А. Концепция идеократического государства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 22–33. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-22-33

Поступила в редакцию 25.04.2024 Принята к публикации 26.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Сафронов Н. А., 2024

The concept of an ideocratic state

Nikita A. Safronov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru

Abstract

Relevance. *It is quite obvious that the modern world has entered a new stage of its development, the prospects of which are very vague. The model of the mondial world order with its ideas of faceless globalization, depopulation, universalization, de-Christianization, etc. are rejected by Russia. Recently, in political discourse and in official strategic planning documents, Russia has been called a civilization state with a pronounced identity. In the Russian conservative legal doctrine, the definition of specific features of Russia's state identity was a key topic, and the priority of intangible values was noted as the main feature of Orthodox civilization. It is no coincidence that Russian socio-political thought has always been puzzled by the search for a Russian idea. In this regard, the concept of ideocratic statehood is of particular interest, the main meaning of which was to search for a key idea or system of ideas on the basis of which the state should be built.*

The aim *is to reconstruct and interpret the theory of the ideocratic state of the Russian conservative political and legal doctrine of the late XIX - first half of the XX centuries.*

Research objectives: *to study the evolution of the concept of an ideocratic state, to analyze its conceptual apparatus, to comprehend the importance of state ideology for the modern stage of development.*

Methodology. *It is based on the historical method of cognition, which contributed to the disclosure of the evolution of the theory under study, the method of diachronic and synchronous comparison, as well as a problem-theoretical one, which allows determining the degree of modern relevance of the concept under study.*

Results. *The conducted research allowed us to establish that the concept of ideocratic statehood was mainly formed in the works of representatives of the socio-political movement of Eurasians, which originated in the 20-30 years among Russian emigration. The most significant contribution to the theoretical development of the doctrine of the ideocratic state was made by N.N. Alekseev. It was he who generalized the ideas of the Eurasians, conceptualizing them into a legally sound theory of demotic ideocracy or a guarantee state.*

Conclusion*. Ideocracy is a concept of governance based on the postulate of idealism, based on which the definition of the state as a single super-organic entity, where the idea shared by all the people rules.*

Keywords: *state; ideocratic state; guarantee state; ideocracy; dementia, ruling stratum; Eurasianism.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Safronov N.A. The concept of an ideocratic state. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):22–33. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-22-33

Received 25.04.2024 Accepted 26.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

В российской правовой науке термин «идеократия» появился в 1865 г., когда была опубликована книга выдающегося швейцарского юриста И. К. Блюнчли «Общее государственное право» в переводе студента юридического факультета Московского университета Николая Павловича Ляпидевского (1842–1885), позднее ставшего известным историком права. С этого времени понятие «идеократия» прочно вошло в отечественную философию и теорию права, выражаясь в различных интерпретациях. Концептуальное оформление теория идеократического государства получила в трудах представителей эмигрантского общественно-политического движения евразийцев в 20–30 годы XX века, что было связано с глубинной трансформацией

государственного строя России и поиском путей ее дальнейшего развития.

Всплеск современного интереса к идеократии связан с актуализацией общественной дискуссии о государственной идеологии. В работах О. А. Верещагина [1], Ю. М. Воронова [2], И. А. Исаева [3], Т. И. Малиевой [4], А. Г. Палкина [5], В. В. Панкратова [6] и других затрагивались различные аспекты исследуемой темы. *Целью данного исследования* явилась комплексная реконструкция эволюции теории идеократического государства отечественной консервативной политико-правовой доктрины конца XIX – первой половины XX века.

Методология

Методологию исследования определила специфика предмета истории политических и правовых учений. Помимо общенаучных методов и специально-юридических методов исследования, в основу был положен исторический метод познания, способствовавший раскрытию эволюции многообразных идей комплексно и в хронологической последовательности, и метод диахронного и синхронного сравнения с целью систематизации и классификации изучаемых идей. Значимость исследуемой теории идеократии для современного политико-правового развития России определила необходимость использования проблемно-теоретического метода исследования.

Результаты и их обсуждение

Первое употребление термина «идеократия» в отечественной историографии, согласно переводу Ляпидевского, означало одну из четырех государственных форм наряду с демократией, аристократией и монархией. В работе отмечается: «Первой формой была идеократия, которой высший тип составляет теократия» [8, с. 241]. По мысли Блюнчли, речь идет о такой форме государства, где власть имеет внеземной источник. «Здесь народ представляет себе государя как существо, которое по самой природе выше его, видит в нем более, нежели человека, считает самого Бога истинным правителем государства» [8, с. 241]. Вероятно, Блюнчли высшей формой идеократии считал христианскую теократию.

Следующей работой, опубликованной в России, где употребляется термин «идеократия», стала книга выдающегося русского мыслителя Льва Александровича Тихомирова (1852–1923) «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897 г.). Л. А. Тихомирову удалось теоретически обосновать и концептуально описать модель идеократической государственности, составляющей специфику самодержавной монархии в России. Анализируя концепцию Блюнчли, Тихомиров отмечал, что идея швейцарского ученого расширить перечень основных государственных форм за счет идеократии и ее высшей формы – теократии не имеет оснований. «Теократия сама по себе никакой политической формы власти не составляет» [9, с. 49]. Формы, которые когда-то определил Аристотель, не изменились, их шесть: три правомерных, служащих благу государства, и три извращенных. Используя терминологию XIX в., правомерные формы – это монархия, аристократия и демократия; каждая форма верховной власти служит своей идее. «Всякая Верховная власть, – писал Л. А. Тихомиров, – идеократична, то есть находится под властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадает с ним, и становится узурпацией (тираний, олигархией, охлократией), когда сама выходит из подчинения ему» [9, с. 60].

Лучшей формой организации верховной власти Тихомиров считал монархию, однако отмечал, что основной тип может иметь различные виды. Например, один монархический принцип может иметь такие воплощения, как европейский абсолютизм, восточное самовластие или русское самодержавие. Единоличная власть превращается в самодержавную, когда глава государства и народ едины в

представлении о смысле жизни; когда подчинение народа строится не на принуждении, а на служении общим идеалам и взаимном доверии. При этом источником такой власти христианин Тихомиров считал не Бога, а нацию, «то есть народ, внутренне слившийся в нечто целое, с известными привычками, традиционным опытом, общим характером, с известным духом и миросозерцанием, а стало быть, с известными идеалами, – эта нация есть первоисточник власти» [9, с. 60].

Самодержавный принцип властвования – это, по Тихомирову, принцип, при котором в «форме Верховной власти выражается дух народа, его идеалы и верования» [9, с. 60]. Такая власть самодержавна и «ограничивается лишь содержанием своего собственного идеала» [9, с. 60].

Под идеократией он понимал нравственную и духовную основу верховной власти; «высший принцип», «нравственный идеал», который руководит всеми сторонами жизни общества [9, с. 63]. Мыслитель задавался вопросом: кто и что формирует этот «всеобъемлющий идеал»? По его глубокому убеждению, это не какие-либо философские системы, а религия; для самодержавной монархии – православное христианство. «Подчиняя свою жизнь нравственному идеалу, нация, собственно, желает подчинить себя Божественному руководству, ищет Верховной власти Божественной» [9, с. 65]. Назначение власти определялось Л. А. Тихомировым исключительно как служение (Богу и людям), как обязанность и долг. Он утверждал, что отсутствие правовой ответственности не означает отсутствия ответственности перед Богом и нравственной перед народом.

Наибольшее развитие концепция идеократической государственности получила в трудах евразийцев – идейного и общественно-политического движения российской эмиграции 20–30 годов XX века. В трудах Н. Н. Алексеева, Л. П. Карсавина, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, К. А. Чхеидзе и других исследователей Россия и другие страны Евразии признавались ими уникальными культурными образованиями, обладающими специфической государственно-правовой историей, особым социальным строем, самобытным менталитетом. Именно это, по мнению евразийцев, должно учитываться при построении новых политических институтов. Идеократическая концепция евразийцев – это философская и политико-правовая теория, основной идеей которой выступает признание культурного единства евразийского континента и необходимость создания специфической идеократической государственности.

Наиболее интересными и глубокими следует признать работы крупного правоведа и философа Николая Николаевича Алексеева (1879–1964), известного этнографа и историка Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1838) и геополитика Петра Николаевича Савицкого (1895–1968). Суть их идеократической концепции заключалась в придании идеям центрального значения, определяющей роли в жизни общества. Они призывали к установлению ключевой идеи-правительницы, которая служила бы основой для построения системы государственной власти, утверждая, что верховной идеей может быть только идея, ради которой «стоило жертвовать собой» [10, с. 524], «идея религиозная» [11, с. 592]. По справедливому выражению А. Г. Дугина, «культурно-политико-правовой триумвират (Трубецкой – Савицкий – Алексеев) и должен рассматриваться как три основные линии евразийского учения, составляющие совокупно абрис уникального, полноценного, крайне оригинального, мировоззрения, единственно непротиворечивого, адекватного самой сути русского пути в истории» [12, с. 5].

Одним из основателей теории евразийства был русский историк и философ Н. С. Трубецкой, утверждавший, что Россия является особым типом цивилизации, отличающимся от западной

культурной традиции. Русский народ, по его мнению, обладает особыми чертами, которые делают его способным к созданию уникальной государственности. Именно ему принадлежит термин «идея-правительница». Под идеократией Трубецкой понимал тип управления, «государственный строй, при котором правящий слой отобран по признаку общности мировоззрения» [13, с. 498]. В этом смысле объединение советской правящей элиты (большевистской партии) общей идеей Трубецкой считал верным, а советский государственный строй называл «идеократическим», отмечая при этом, что именно в СССР идеократия впервые получила наиболее яркое выражение. Однако саму идею, ориентированную на достижение материального благополучия, классово-эгоистическую, признавал ошибочной. Главной проблемой, по его мнению, выступал разрыв между идеей правящей партии и историческим путем народов России; отказ от марксистской идеологии он считал насущной необходимостью. «Перед нами русскими, – писал он, – стоит великая задача – заменить теперешнюю лжеидеократию коммунизма идеократией истинной» [14, с. 449].

Какой же в таком случае должна быть «идея-правительница»; каким должен стать государственный строй и форма правления в идеократическом государстве? На эти и другие вопросы, считал Н. С. Трубецкой, должна ответить русская интеллектуальная элита. «Всесторонняя разработка теории идеократического государства, – писал он, – является неотложной задачей современности» [14, с. 446].

По мнению Трубецкого, главным знамением современной ему эпохи выступает переход от демократического строя к строю идеократическому. Демократический строй предполагает избрание правящей элиты по признаку популярности у населения в процессе выборов, а «под идеократией же разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице» [15, с. 523]. Демократическое государство характеризуется идеологическим плюрализмом, многопартийностью, экономической конкуренцией, невмешательством в хозяйственную и общественную жизнь, тогда как идеократическое государство, напротив, имеет систему общих убеждений, единую идеологию, «носителем которой является объединённый в одну-единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой» [15, с. 523]. Этот «правящий слой» должен организовывать и управлять всеми сферами общественной жизни, поэтому такой строй, утверждал Трубецкой, «является до известной степени социалистическим» [15, с. 523]. «Идеократическому строю соответствует известный государственный максимализм, активное участие государства в хозяйственной жизни и развитии культуры» [14, с. 447].

Проблему формы правления Трубецкой не считал значимой; важным, по его мнению, выступал лишь тип отбора правящей элиты. Исторически сложились два основных вида: аристократический и демократический. При аристократическом типе отбора главную роль играет происхождение, ему, как правило, соответствует монархическая форма правления; при демократическом – выборы, а естественной формой правления выступает республика. Новый тип отбора – идеократический, в соответствии с которым управленческий слой объединяет единое инвариантное и стабильное миросозерцание, независящее от внешних обстоятельств. Позднее идеи Трубецкого об отборе правящего слоя были развиты Николаем Андреевичем Макшеевым, также придававшем большое значение подготовке смены и ротации элиты [16, с. 35].

Вопрос о том, какой должна быть «идея-правительница», Трубецкой считал недостаточно разрешенным в евразийстве. По его мнению, ее характеризуют

два признака: «во-первых, ради нее стоило жертвовать собой и, во-вторых, чтобы жертва ради нее расценивалась всеми гражданами как морально ценный поступок» [15, с. 524]. Жертва ради какого блага может быть признана моральной? По мнению Трубецкого, ради «особого мира» – автаркии – единой политико-правовой и социально-экономической системы, сложившейся исторически, объединенной общим бытом, общими традициями и общей культурой.

Такой автаркией он считал Евразию – «географически и антропологически некое единое целое» [17, с. 271], доказывая, что Россия должна обратить свой взор на Восток, отказавшись от чуждых западноевропейских гегемонических установок. Западные идеи империализма, либерализма, парламентаризма были чужды исторической России. Основу бытия традиционной России составляло православие. «В русском сознании, “вера” не была совокупностью отвлеченных догматов, а цельной системой конкретной жизни» [17, с. 296]; «Россия-Евразия только тогда может стать сама собой, когда будет религиозна» [17, с. 332].

Обращаясь к истории Московской Руси, Трубецкой писал, что в тот период «идеология поставила царя, который представлялся воплощением национальной воли… Царь мыслился и как принимающий нравственную ответственность перед Богом за грехи нации, а поэтому царствование представлялось как известного рода нравственный подвиг» [17, с. 296–297]; «русская государственность и верховная власть русского царя покоилась на идеологии, неразрывно связанной с русским миросозерцанием» [17, с. 299].

Мыслитель приходил к выводу, что «совершенное царство правды есть только царство небесное, всякое же земное царство никогда не достигнет этого идеала, а может только стремиться к нему» [17, с. 298].

Близких идей придерживался еще один теоретик евразийства, основоположник отечественной геополитики П. Н. Савицкий. Он также полагал, что в основе любого властвования и любой формы организации власти (демократической или монархической) лежит идея. «Всякое длящееся правление, – писал он, – будь оно единодержавным, народодержавным, или иным, есть та или иная форма осуществленного идеалоправства. Более реально и ощутимо, чем люди и учреждения, народами и странами правят идеи» [18, с. 10].

Именно идеи определяют общественно-государственный идеал и, соответственно, форму государства. За всеми внешними формами скрывается, по его мнению, «реальное и объемлющее явление идеалоправства» [18, с. 10]. При этом доминирующие идеи могут быть различными (религиозными, национальными, правовыми, смешанными). Природа идеи определяет и характер государства. Например, в древнем Востоке правила религиозная идея; в Англии новейшего периода – идея правового государства; в Российской империи – национально-религиозная. Савицкий утверждал, что «идея-правительница» выступает определяющим началом исторической жизни. Она «рождается и растет в недрах общей духовной обстановки момента и эпохи. Ее колыбелью и отчим домом являются духовное самосознание и духовный опыт интеллектуальных предстоятелей народа» [18, с. 11]. Мыслитель возлагал значимую роль на русскую интеллигенцию, призванную вести сознательную, целесообразно-рассчитанную национальную работу, аккумулируя в себе русскую идею.

В критический период отечественной истории – период «злоправства», когда российское «мирочувство», по мнению Савицкого, извращено в идее коммунизма, необходимо вернуться к истокам – к православным ценностям, и придать особое значение церковному творчеству. Новый мир России виделся ему «как мир, построяемый на основе напря-

женного православно-духовного творчества» [18, с. 16]. Под сводами православной церкви, считал он, могут укрыться и другие евразийские народы. «Будем строить град земной, – писал П. Н. Савицкий, – ибо Бог даровал нам просторы и материалы ...но в душе своей будем носить Град Небесный» [18, с. 13]. Русская идея должна быть и прикладной, и вселенской. А пока Россия во власти «злоправства», ее интеллектуальные силы рассредоточены «идея должна заменить нам государство, ...средоточие и вождь не будут реально созданы, сделаны идеей… И потому, в усилиях непрестанных и творческих, пусть станет нашей задачей: взрастить и избрать ее, грядущую Идею-Правительницу; взрастив и избрав, быть верными, самоотверженными и действенными подданными идеи» [18, с. 16].

Значимый вклад в развитие идеократической концепции внес профессор юридического факультета Московского университета, ученик и последователь П. И. Новгородцева Н. Н. Алексеев, ставший в эмиграции одним из идеологов евразийства. Ему как юристу принадлежит альтернативная западной теории правового государства доктрина о «гарантийном государстве», базирующаяся на евразийской концепции идеократии.

В учении Н. Н. Алексеева о государстве много эпитетов, характеризующих различные типы государства: «правовое», «гарантийное», «тягловое», «государство правды», «государство советов», «государство идеократии». Диахронный и синхронный сравнительно-правовой анализ позволил ему выработать оригинальную теорию, которая легла в основу евразийской концепции государственности.

Философия права и государства евразийцев базировалась на принципах, противоположных западно-европейской естественно-правовой доктрине. Алексеев эту идею развивал, отмечая, что русский народ, имеющий собственную духовную жизнь, самобытную культуру, включая правовую (обычное право), к сожалению, не определился со своими политическими идеалами. Точнее российской интеллектуальной элите не удалось выработать оригинальной теории права и государства, опирающейся на национальную ментальность. «Русский народ, – писал он, – имеет какую-то свою собственную интуицию политического мира, отличную от воззрений западных народов и в то же время не вполне сходную с воззрениями народов чисто восточных» [11, с. 69], однако это не стало предметом для изучения в отечественной науке.

В основе теории гарантийного государства Н. Н. Алексеева несколько ключевых идей: холизм (государство как единая сверхорганическая сущность, «народ как органическое единство»); идеократия (суверенитет государственной идеи, «общее дело»); демотия (определение народом своей судьбы вне парламентаризма); доминирование обязанностей над правами.

Алексеев считал ошибкой распространение индивидуалистического подхода и договорной теории на публичные отношения в России. Теорию, согласно которой возникновение государства связывают с идеей договора между свободными индивидуумами, для отечественной истории он считал неприемлемой. По его мнению, в основе формирования традиционной модели государственности должна лежать органическая теория государства. Пока русская интеллигенция увлекалась западными идеалами демократии, в народной среде формировалось собственное представление о «государстве правды», сочетающее в себе одновременно и идеи свободы (вольницы), и идеи порядка (диктатуры), и идеи социальной справедливости (социализма). «Будущее принадлежит, – писал он, – православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством

(начало вольницы) и со служением социальной правде» [11, с. 116].

Алексеев был сторонником органической природы любого социума, включая государство. Он писал: «…общественной реальностью является не личность, а социальное целое» [19, с. 433]. Государство – естественное следствие социальной природы человека. «Оно является как бы продолжением природы… Развитие социальной жизни происходило не через ее сознание и волю, но в силу влияния общих биологических причин, для которых личности являются не автономными “субъектами” общественного бытия, но чем-то вроде органических клеток, составляющих биологический организм» [19, с. 434].

Рассматривая различные органические социальные теории, Алексеев отмечал, что все они не учитывают важный факт, что человек не только биологический вид, но и личность, поэтому человеческое общество всегда сверхорганично. Человеческая личность обладает способностью совершать духовные акты (любить, сострадать, переживать, стремиться, познавать и др.). «Оно не только обладает телесно-душевным бытием, но и чувствует себя принадлежащим к высшему, духовному миру, к миру смысла» [19, с. 440]. Мысль о сверхорганичности социума воплотилась у Адексеева в теорию культурной национальной личности, т. е. народа (нации) как соборного единства. При этом государство лишь одна из форм развития социального организма, которая может не совпадать ни с отдельной нацией, ни с отдельной культурой. Россию Алексеев считал государственной формой, покрывающей культурную личность, – многонациональным евразийским государством-миром – «носителем культурного сознания» [19, с. 444].

Важными принципами идеального государства Алексеев считал идеократию и демотию. Под идеократией он, как и другие евразийцы, понимал идею-правительницу, но в отличие от других доказывал, что она должна быть закреплена в конституции страны. «В гарантийном государстве, – доказывал он, – ведет и действует утвержденная в конституции идея» [19, с. 381]. Он ввел понятие суверенитета основной государственной идеи, которой должна быть вдохновлена властная элита. Мысль Н. С. Трубецкого о подборе правящего слоя «по признаку общности мировоззрения» и преданности идее им разделялась. При этом воплотителем конституционно-закрепленной идеи – общего дела – выступает народ. Идея государства как общего дела развивалась и в трудах других евразийцев, в частности К. А. Чхеидзе (1897–1974).

Н. Н. Алексеев утверждал, что ненародной совокупной волей идея творится, она им находится и воспринимается. Нация, принадлежащая к определенной культуре и выполняющая свою миссию в истории, такую идею (принцип) находит и воплощает в общем делании. «Принцип и народ в известном смысле нераздельны – идея нема без народа, народ слеп без идеи. Им обоим и должен принадлежать суверенитет в государстве. Оттого гарантийное государство и является демотической идеократией или идеократической демотией» [19, с. 384].

Термин «демотия», используемый некоторыми евразийцами, наиболее детально был раскрыт Н. Н. Алексеевым в соотношении с понятием «демократия». По его мнению, классическая западная демократия выражается в идее парламентаризма, политическом равенстве, праве каждого на участие в управлении государством, которое чаще всего реализуется в голосовании. Демократия в таком случае приобретает лишь форму плебисцита. Демотия – это особая форма демократии, при которой народ управляет своей судьбой вне парламентаризма. Под народом (нацией) он понимал не граждан, не лиц, наделенных избирательным правом, а «совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное госу-

дарством единство культуры» [20, с. 179]. Очевидно, что народ в таком определении неспособен участвовать в политике, требуется организующая сила, но не политическая партия. Западную парламентскую демократию Алексеев считал олигархией нового типа, управляющей дезорганизованной массой. Руководство социальными процессами в гарантийном государстве («демотической идеократии» или «идеократической демотии») должны осуществлять специалисты – лица, обладающие профессиональными знаниями и опытом, а отношения власти и подчинения (властного преобладания) – строиться на основе авторитета, естественно формируемого на основе признания знающего и умелого.

Ему импонировала советская система управления, которую он называл органической системой народного представительства. «В нормальном порядке государство должно стремиться к самоуправлению, но из парламента, референдума, плебисцита, депутатских полномочий, выборов, избирательных систем народ не должен делать каких-то идолов. Нужно помнить, что демократия есть только средство для упрочения демотического порядка» [19, с. 383]. Организующей силой в таком обществе выступает «путеводная идея», цель государства, благодаря которой формируется и стабилизируется общественное мнение. «В этом смысле, – писал он, – можно назвать наше государство идеократией или иначе государством стабилизированного общественного мнения» [20, с. 182].

В отличие от Л. А. Тихомирова, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и других Н. Н. Алексеев считал, что «путеводная идея», которая должна быть закреплена в конституции, не должна привести к формированию «доктринального» государства, принуждающего население следовать какой-либо одной философской или религиозной системе. Гарантийное государство призвано обеспечивать соблюдение общих социальных принципов, признаваемых людьми с разными политическими и религиозными убеждениями. «Гарантийное государство стремится формулировать и организовать не цельное миросозерцание, но «общественное мнение» известной культурной исторической эпохи» [19, с. 374].

Еще одним принципом гарантийного государства выступает доминация обязанностей. Н. Н. Алексеев справедливо отмечал, что права будут реализованы только тогда, когда они обеспечены обязанностями, поэтому в основу конституции следует положить декларацию обязанностей государства.

Идейно наиболее близким к Н. Н. Алексееву был историк и философ Лев Платонович Карсавин (1882–1952), который также был сторонником органической теории социума. По его мнению, нация есть функциональный организм, соборный (симфонический) субъект культуры. «Государство является необходимою формулою личного бытия народа или многонародного целого» [21, с. 11]. При этом в культуре он выделял различные сферы: материальную, духовную и политическую (государственную). Государственную сферу культуры он считал определяющей, т. к. в «политической организации получают выражение и оформление сознание, и воля симфонического субъекта, а сам он приобретает действительное личное бытие» [21, с. 6].

Демотию и идеократию Карсавин также считал признаками идеального государства. «Идея культуры, – утверждал он, – определяет ее государственность. …Государство должно быть идеократическим, идеократией; условием же идеократии является демотичность власти» [21, с. 10]. Карсавин считал, что православный народ должен создать государство православное, отношения с Церковью в котором должны в идеале быть симфоническими. «Действуя в своей сфере, государство само и свободно стремится на основе церковного миросозерцания выработать свою государствен-

ную идеологию, ставить и решать свои чисто эмпирические задачи» [21, с. 38].

Выводы

Таким образом, концепция идеократической государственности, основной смысл которой сводился к поиску ключевой идеи или системы идей, на базе которых должно строиться государство, представлена в трудах Н. Н. Алексеева, Л. П. Карсавина, П. Н. Савицкого, Л. А. Тихомирова, Н. С. Трубецкого. Наиболее значимый вклад в теоретическую разработку доктрины идеократического государства внес Н. Н. Алексеев. Именно он обобщил идеи евразийцев, концептуально оформив их в юридически обоснованную теорию демотической идеократии, или гарантийного государства. В основе концепции: определение государства как единой сверхорганической сущности и народа как носителя самобытной культуры; трактовка идеократии как государственного управления, базирующегося на конституционно закрепленной государственной идеологии (идеи-правительницы, путеводной идеи и т. п.); формирование правящего слоя по признаку единства мировоззрения и преданности государственно-образующей идее; развитие демотической формы организации общественного управления – органической системы народного представительства вне парламентаризма; обоснование необходимости юридического закрепления принципа доминирования обязанностей над правами.

Список литературы

1. Верещагин О. А., Горькова Е. В. Концепт «идеократии» в отечественной политико-правовой традиции // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 54–59.

2. Воронов Ю. М. Феномен идеократии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 136 с.

3. Исаев И. А. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 42–55.

4. Малиева Т. И. Идеократия в трактовке Н. С. Трубецкого // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4(58). С. 85–87.

5. Палкин А. Г. Принцип демотии в учении евразийцев // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: «Право». 2006. № 5(60). С. 62–66.

6. Панкратов В. В. Идеократия: опыт типологизации интерпретаций понятия // Гуманитарные и социальные науки. 2003. № 3. С. 12–22.

7. Блюнчли И. Г. Общее государственное право. Т. 1. М.: Университетская тип. Катков и Ко, 1865. 462 с.

8. Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 636 с.

9. Трубецкой Н. С. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент.: О. В. Волобуев, А. Ю. Морозов. М.: РОССПЭН, 2010. 615 с.

10. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2000. 640 с.

11. Дугин А. Г. Теория евразийского государства // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 5–20.

12. Трубецкой Н. С. Идеократия и пролетариат // Избранное. М.: Аграф, 1999. С. 498–505.

13. Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Избранное. М.: Аграф, 1999. С. 439–450.

14. Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // Избранное. М.: Аграф, 1999. С. 518–522.

15. Макшеев Н. А. О воспитании ведущего отбора (идеократии) // Евразийская хроника. Вып. XII. Берлин, 1937. С. 33–37.

16. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н. С. Избранное. М.: Аграф, 1999. С. 268–334.

17. Савицкий П. Н. Подданство идеи // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 9–17.

18. Алексеев Н. Н. Гарантийное государство // Русский народ и государство. М.: Аграф, 2000. С. 372–625.

19. Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // Русский народ и государство. М.: Аграф, 2000. С. 169–186.

20. Карсавин Л. П. Основы политики // Мысли о России. Тверь: Дайджест, 1992. 234 с.

Reference

1. Vereshhagin O.A., Gor′kova E.V. The concept of "ideocracy" in the Russian political and legal tradition. *Privolzhskij nauchny′j vestnik = Privolzhsky scientific Bulletin*. 2015;(12-2):54–59. (In Russ.)

2. Voronov Yu.M. The phenomenon of ideocracy. St.-Petersburg: Izd-vo SPbGU; 1998. 136 p. (In Russ.)

3. Isaev I.A. Eurasianism: the Ideology of Statehood. *Obshhestvenny′e nauki i sovremennost′ = Social Sciences and Modernity*. 1994;(5):42–55. (In Russ.)

4. Malieva T.I. Ideocracy in the interpretation of N.S. Trubetskoy. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel′skij zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2017;(04):85–87. (In Russ.)

5. Palkin A.G. The principle of dementia in the teaching of the Eurasians. *Vestnik Yuzhno-Ural′skogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Pravo = Vestnik South Ural State University. Series: Law*. 2006;(5):62–66. (In Russ.)

6. Pankratov V.V. Ideocracy: the experience of typologizing interpretations of the concept. *Gumanitarnye i social′nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2003;(3):12–22. (In Russ.)

7. Blyunchli I.G. General State law. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tip. Katkov i Ko; 1865. 462 p. (In Russ.)

8. Tikhomirov L.A. Guiding ideas of Russian life. Moscow: Institut russkoj civilizacii; 2008. 636 p. (In Russ.)

9. Trubeczkoj N.S. Favourites. Moscow: ROSSPEN; 2010. 615 p. (In Russ.)

10. Alekseev N.N. The Russian people and the state. Moscow: Agraf; 2000. 640 p. (In Russ.)

11. Dugin A.G. Theory of the Eurasian state. In: Alekseev N.N. The Russian people and the state. Moscow: Agraf; 1998. P. 5–20. (In Russ.)

12. Trubeczkoj N.S. Ideocracy and the proletariat. In: Favorites. Moscow: Agraf; 1999. P. 498–505. (In Russ.)

13. Trubeczkoj N.S. On the state system and the form of government In: Favorites. Moscow: Agraf; 1999. P. 439–450. (In Russ.)

14. Trubeczkoj N.S. About the idea-ruler of an ideocratic state. In: Favorites. Moscow: Agraf; 1999. P. 518–522. (In Russ.)

15. Maksheev N.A. On the education of the leading selection (ideocracy). *Evrazijskaya khronika = Eurasian Chronicle*. Is. XII. Berlin; 1937. P. 33–37. (In Russ.)

16. Trubeczkoj N.S. The legacy of Genghis Khan. A look at Russian history not from the West, but from the East. In: Favorites. Moscow: Agraf; 1999. P. 268–334. (In Russ.)

17. Saviczkij P.N. The citizenship of the idea. *Evrazijskij vremennik = The Eurasian Time Period*. Book. 3. Berlin: Evrazijskoe knigoizdatel′stvo; 1923. P. 9–17. (In Russ.)

18. Alekseev N.N. The Guarantee State. The Russian people and the State. Moscow: Agraf; 2000. P. 372–625. (In Russ.)

19. Alekseev N.N. Eurasians and the state. Russian people and the state. Moscow: Agraf; 2000. P. 169–186. (In Russ.)

20. Karsavin L.P. The basics of politics. In: Thoughts about Russia. Tver′: Dajdzhest; 1992. 234 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Сафронов Никита Алексеевич, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9933-6668

Nikita A. Safronov, Lecturer of Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kris1996z@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9933-6668

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.115

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-34-47

CC BY 4.0

Анализ порядка заключения брака на Руси (на материалах Кормчей книги)

Д. В. Алонцева[1] ✉, Е. А. Очеретько[1]

[1]Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
ул. Коммунаров, д. 28, г. Елец 399770, Российская Федерация

✉ e-mail: dina.alontseva@mail.ru

Резюме

Актуальность *проводимого исследования определяется тем, что на основе анализа Кормчей книги расширяются знания о генезисе древнерусского семейного права, позволяющие раскрыть исторические корни современного законодательства в этой области и выявить влияние культурных, религиозных и социальных факторов на формирование норм и принципов семейного права. Научная дискуссия по данной проблеме способствует глубокому пониманию истории отечественного государства и права, актуализации вопросов брачно-семейных отношений в контексте современных вызовов и изменений в обществе.*

Цель *исследования состоит в раскрытии особенностей, условий и порядка заключения брака на Руси.*

Задачи *заключаются в выявлении факторов, влияющих на порядок заключения брака, определении препятствий к заключению брака, установлении религиозно-правовой основы брачно-семейных отношений.*

Методология. *Методологическая база определяется историко-правовым характером исследования, основанном на принципах историзма, системного подхода и объективности в осмыслении наследия Кормчей книги.*

Результаты. *В процессе исследования определены историко-правовые основы семейного законодательства, к их числу относятся: целомудренный характер добрачных отношений, не нарушающий основ семейных ценностей и жизни в браке; определение брака как союза мужчины и женщины, имеющий целью законное деторождение и избегание греховной жизни; согласие обоих супругов к вступлению в брак, отсутствие препятствий к вступлению в брак (родство, кумовство и др.); обязательное венчание супругов и благословение священником брачующихся; ответственность мужа за жену.*

Вывод. *В условиях современной России обращение к историко-правовому наследию прошлого продиктовано необходимостью укрепления авторитета и поддержки института семьи и базовых семейных ценностей. Анализ норм Кормчей книги (Номоканона), заложившей основы семейного законодательства, помогает понять ценности и принципы, которые сформировались в обществе на протяжении веков и оказывают влияние на современное законодательство.*

Ключевые слова: *брак; порядок заключения брака; канонические нормы и правила; источники права; историография.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Алонцева Д. В., Очеретько Е. А. Анализ порядка заключения брака на Руси (на материалах Кормчей книги) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 34–47. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-34-47

Поступила в редакцию 30.03.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Алонцева Д. В., Очеретько Е. А., 2024

Analysis of the order of marriage in Russia (based on the materials of the Pilot book)

Dina V. Alontseva[1]✉, Elena A. Ocheretko[1]

[1]Bunin Yelets State University
28 Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation

✉ e-mail: dina.alontseva@mail.ru

Abstract

The relevance *of the research is determined by the fact that, based on the analysis of the Pilot Book, knowledge about the genesis of ancient Russian family law is expanding, allowing to reveal the historical roots of modern legislation in this area and to identify the influence of cultural, religious and social factors on the formation of norms and principles of family law. The scientific discussion on this issue contributes to a deep understanding of the history of the Russian state and law, the actualization of issues of marriage and family relations in the context of modern challenges and changes in society.*

The purpose of *the study is to reveal the features, conditions and procedure of marriage in Russia.*

The objectives *are to identify the factors influencing the order of marriage, identify obstacles to marriage, and establish the religious and legal basis of marital and family relations.*

Methodology. *The methodological basis is determined by the historical and legal nature of the research, based on the principles of historicism, a systematic approach and objectivity in understanding the legacy of the Pilot Book.*

Results. *In the course of the study, the foundations of family legislation were determined, among them are: the chaste nature of premarital relations, which does not violate the foundations of family values and life in marriage; the definition of marriage as a union of a man and a woman, with the aim of legitimate childbearing and avoiding a sinful life; the consent of both spouses to marry, the absence of obstacles to marriage (kinship, nepotism, etc.); the obligatory wedding of the spouses and the blessing of the priest of the couple; the responsibility of the husband for the wife.*

Conclusion. *In the conditions of modern Russia, the appeal to the historical and legal heritage of the past is dictated by the need to strengthen the authority and support the institution of the family and basic family values. The analysis of the norms of the Steering Book (Nomocanon), which laid the foundations of family legislation, helps to understand the values and principles that have been formed in society over the centuries and influence modern legislation.*

Keywords: *marriage; order of marriage; canonical norms; rules; sources of law; historiography.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Alontseva D.V., Ocheretko E.A. Analysis of the order of marriage in Russia (based on the materials of the Pilot book). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):34–47. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-34-47

Received 30.03.2024 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Семейные отношения играют важную роль в общественном развитии, оказывают прямое влияние на демографическую ситуацию и стабильность общества. Как отмечают современные исследователи: «…социально-политическая трансформация семейных ценностей в современном обществе сегодня находится на этапе процесса их правового закрепления» [1, с. 162]. Необходимо учитывать изменяющиеся социокультурные и экономические условия и адаптировать семейную политику к новым реалиям. Со-

временные вызовы, такие как низкий уровень рождаемости, старение населения и изменение структуры семьи, требуют комплексного подхода и разработки эффективных мер для поддержки и развития семейных отношений. Институт семьи, являясь ячейкой общества «обретает свой социально-психологический и юридический статус в том случае, когда она основана на таком правовом институте, как брак» [2, с. 4]. Ретроспективный анализ брачно-семейных правоотношений позволяет не только изучить исторические ошибки и проблемы, но и выявить основные тенденции и изменения в семейной жизни общества. Это помогает разработать более эффективные правовые механизмы и инструменты для регулирования семейных отношений в современном государстве.

Как отмечают отечественные ученые П. М. Филиппов и А. С. Назарова: «…особый интерес возникает к традиционным семейным ценностям, которые должны лежать в основе формирования и жизни российской семьи, российского брака, исключая те формы семейных отношений, которые признаются в некоторых государствах, а для современного российского общества являются неприемлемыми» [3, с. 60]. По мнению О. А. Рутковской: «…наличие семейных отношений существенным образом влияет на осуществление прав супругов, установленных гражданским законодательством Российской Федерации» [4, с. 114].

Тема брачно-семейных отношений на основе анализа Кормчей книги значима, актуальна, важна и на сегодняшний день, поскольку духовно-нравственные основы и ценности государственности, формировавшиеся на всем протяжении развития государства и права, закладывались в семье, являющейся первичной ячейкой общества, где передаются традиции, ценности, нормы поведения и культуры.

Новизна представленной работы заключается в комплексном исследовании брачно-семейных отношений Древней Руси и царского периода с точки зрения существовавшего в те времена церковно-правового подхода. Это позволяет установить преемственность отечественной религиозно-правовой культуры в становлении современного семейного права, основанного на истоках семейных ценностей Древней Руси и более позднего исторического периода [5, с. 38].

Ретроспективный анализ канонических норм Номоканона (Кормчей книги) в совокупности с текстом Домостроя в наилучшей степени позволяет соотнести существовавшие подходы законодателя и правоприменительной практики того времени. Выводы представленного исследования способствуют формированию представления об историческом пути сохранения брачной культуры и семейных ценностей сквозь призму нескольких эпох.

Методология

Методологическая база определяется историко-правовым характером исследования, основанном на принципах историзма, системного подхода и объективности в осмыслении наследия Кормчей книги.

На основе метода историзма дан анализ Кормчей книги как основополагающего свода правил семейного права Руси. Системный подход направлен на определение понятия брака, порядок его совершения, оснований, дающих право на вступление в брак. Метод объективности позволил установить, какое влияние оказала на формирование институтов и отраслей отечественного брачно-семейного права Кормчая книга.

Применение указанных методов и подходов позволило авторам объективно и комплексно провести исследование, способствующее более глубокому пониманию регулирования семейных отношений.

Результаты и их обсуждение

Изучению Кормчей книги как своду церковных канонов и правил в отечественной науке уделяется большое внимание. Стоит поддержать К. В. Петрова, по мнению которого «проведённый анализ публикаций, изданных за последние десять лет, привёл к выводу о том, что новейшие исследования историков остаются неизвестными историкам права. Между тем за последние два года в исторической науке активизировались исследования Кормчей книги, свидетельством чего является выход ряда значительных исследований Кормчей книги» [6, с. 562].

Среди фундаментальных исследований последнего времени стоит отметить коллективную монографию «Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию», авторами которой являются Е. В. Белякова, Л. В. Мошкова, Т. А. Опарина [7, с. 496]. В рамках проведенного исследования рассмотрен широкий спектр тем, связанных с историей и развитием Кормчих книг в церковной традиции Древнерусского государства, в том числе с определением норм, закрепляющих духовную жизнь церкви и ее пастырскую деятельность, установлением содержания печатных текстов Кормчих книг в конце XV – первой половине XVI в. и других вопросов, исследование которых позволяет более глубоко понять историю и значение Кормчих книг в церковной жизни Русской православной церкви.

Существенный вклад в исследование Кормчих книг внесла М. В. Корогодина. Опубликованные ею два тома Кормчих книг XIV – первой половины XVII в. содержат в себе описание важнейших вопросов государственно-церковного взаимодействия, свода церковных канонов, а также содержат характеристику Кормчей книги, ее составных частей с описанием их сущности [8; 9]. Н. С. Нижник в изучении проблемы регулирования брачно-семейных отношений на Руси интерпретировала содержание Кормчей книги, установила основания и порядок заключения и расторжения брака в Древней Руси [10, с. 31–33].

Приведенные позиции ученых говорят о значимости норм Кормчей книги для отечественной науки, однако комплексные исследования отдельных институтов, в частности института семьи и брака, остаются неизученными. Полагаем, что проведенное нами исследование дает объективную оценку положений Кормчей книги в системе семейного права Киевской Руси, поскольку в научной литературе институт брака имеет неоднозначные трактовки. В частности, ученые дореволюционного периода выдвигали различные гипотезы о природе и сущности брака в древнерусском обществе: к примеру, И. С. Бердников [11, с. 67] и Д. Н. Дубакин [12, с. 59] связывали содержание древнерусской концепции брака с христианской догматикой, видя в нем отражение таинства и духовного единства мужа и жены, А. Я. Ефименко доказывала, что крестьянство рассматривало брак прежде всего как гражданский акт, не связанный с религиозными аспектами [13, с. 382]. А. С. Павлов дал характеристику Кормчей книги как русского источника церковного права и брачно-семейных отношений [14, с. 114–115]. В. И. Сергеевич в своих исследованиях занимался анализом института семьи на протяжении различных исторических периодов, определив сущность брака, положение супругов, позволившие более глубоко понять исторические корни института семьи [15, с. 454–467]. Н. С. Суворов занимался анализом исторических источников брачно-семейных отношений, изучением института семьи в отечественной и зарубежной правовых системах [16, с. 11–12].

Современные ученые, включая Н. Л. Пушкареву, Я. Н. Щапова и В. И. Сергеевича, склоняются к тому, что древнерусский брак имел договорной характер, но при этом учитывали влияние

христианской концепции брака, которая была распространена церковными иерархами [17, с. 408].

Кормчая книга (Номоканон) – это церковно-правовой источник, призванный регулировать семейные отношения в Древней Руси и царский период. «Кормчий» с церковнославянского переводится как рулевой; «номоканон» с греческого – закон, правило, устав. Это сборник церковных и светских законов, являющихся руководством к управлению церковью и в церковном суде православных славянских стран. Для текстов Кормчей книги Руси характерна связь норм брачно-семейного права с нормами канонического права. Кормчие книги (это не единая книга, а большое количество книг) написаны на старославянском и церковнославянском языках. Первоначальным вариантом выступает византийский вариант Номоканона. Эти книги включали в себя различные тексты, порой даже не имеющие к ним непосредственного отношения. В связи с этим идентичность текста нарушалась кардинально при их переписывании. По некоторым данным текст Русской Правды тоже присутствовал в составе Кормчих книг, например, Синодальная кормчая 1282 г. (Новгородский список). К середине XVIII в. накопилось огромное количество редакций данного первоисточника. Особенностями списков каждого периода является то, что греческие и канонические тексты имели характерные особенности, обусловленные спецификой периода времени, церковного и светского уклада жизни, войн, царящих династий, природных катаклизмов. Географическими рамками нашего исследования являются территории Древней Руси и Руси до 1650 г. В исторической же ретроспективе, как отмечает Ю. М. Гончаров, до Кормчей книги 1650 г. и в период ее существования, как церковно-правового источника, брачно-семейные отношения регулировались Уставом князей Владимира и Ярослава, Новгородской и Псковской судными грамотами, Судебника 1497 и 1550 гг., положениями Стоглавого собора 1551 г. [18, с. 17] Также следует отметить одновременное сосуществование норм Кормчей книги с книгой «О должностях пресвитеров приходских», «Инструкцией благочинному приходских церквей» и другими правовыми источниками.

Кормчая книга в этот период являлась наиболее подробным руководством семейной жизни, включавшей не только положения Византийского семейного права, но и постановления русских князей.

Сложность иерархического значения кормчих книг, а также определение более актуальной версии было обусловлено как раз отсутствием понимания действия их во времени, т. к. при создании новых списков (более поздних) – первые, или предыдущие, не утрачивали своего значения, а действовали одновременно с более «свежими» списками.

Следует исходить из того, что порядок заключения брака, условия его заключения и жизнь в браке определялись догмами Православной церкви, что проистекало из основания византийского брака. Ученые отмечают первоначальное непринятие народом Руси института брака в аспекте византийского подхода к семье и браку.

Брак, имеющий византийскую правовую основу, следует охарактеризовать через следующие подынституты и принципы: само понятие брака («Брак есть мужева и жене сочетание, и событие во всей жизни, божественная и человеческая правда общения»); таинство венчания; тайна супружества; регламентация внутрисемейных отношений; отношение Церкви к прелюбодеянию; возможность развода; запрет добрачных связей; защита прав жены или невесты при непререкаемом авторитете мужчины (мужа).

Следует отметить высокую мораль и нравственность, целомудренный характер добрачных отношений и не нарушающий основ семейных ценностей и жиз-

ни в браке. Важно, что в тексте Кормчей книги практически отсутствуют указания относительно вопросов опеки и попечительства, родителей и детей. Это объясняется тем, что данные вопросы не входят в компетенцию Церкви как регулятора отношений. Церковные суды (а брак мог быть расторгнут епископом или епархиальным судом) рассматривали вопросы расторжения брака. В целом Кормчая книга охраняла благочестивую жизнь семьи, наказывая за измены и прелюбодеяния, а также за прельщение чужих жен и мужей.

Глава 50 Кормчей книги «О тайне супружества» раскрывает сущность брака, основания его заключения, условия, разрешающие и запрещающие вступление в брак. Вместе с тем были запрещены тайные браки, в том числе с родственниками. Брак предполагался как публичное действие («не бывает брака, не сообщавшегося собравшимся»). В данном случае имеется в виду тайно от приходского священника, руководившего в этом храме, т. е. тайно жениться от него возможно было только в другом приходе. Тайна супружества должна соблюдаться во «умножение рода человеческого и воспитания детей во славу Божию, в житие в союзе и дружбе, во взаимной помощи и боязни греха прелюбодеяния» [19, с. 1155].

Брак по Кормчей книге – это союз мужчины и женщины («брак есть мужеви и жены сочетание и с бытием во всей жизни» [20, с. 931], имеющий целью законного легитимного деторождения и избегания греховной жизни: «…брак всем иметь чист и честен, честным от блуда, потому что блуд есть не брака начало, но греха и преступление Закона Божьего» [20, с. 931]. Причем избегание грехов предполагалось как до брака (т. е. не обещание брака другому, запрет на обручение с несколькими девушками, недопущение причинения вреда брошенной невестой себе самой – описываются самоубийства в виде удавления девицей). Предполагалось мужу и жене «неразлучное брачное житие творить», они должны быть неразлучны как «в церковных древних книгах», т. к. считалось, что «Господь мужа сотворил, а потом из его ребра жену сотворил, и сошлись два лица во единую плоть». Предполагалось, что брак должен совершаться по взаимному согласию, священник лично выявлял волю к заключению брака у самих брачующихся. Лица обоего пола, пришедшие к согласию о заключении брака, должны сначала осмотреться сами, нет ли к этому законных препятствий – родства, кумовства или иного. Особенно следует быть предельно внимательными будущим супругам в случае, когда они самостоятельно пожелали заключить брак по своей воле, а не по воле родителей или иных родственников, которые считались мудрее и опытнее, лучше знали свою родню и возможных дальних родственников. Брачующиеся должны были быть уверены в своем возрасте – девице 12 лет, мужчине 15. Они оба должны быть верующими, верить в единого Бога и «жить молитвой “Отче наш”, соблюдать десять общих заповедей».

Иерей, совершающий брак, также должен со своей стороны исключить препятствия к заключению брака (он должен лично знать вступающих в брак), а затем хранить тайну брака. Священник не должен был венчать беглецов, «пришельцев» и лиц, не имеющих «оседлости» в своем приходе, а также уже состоявших в браке с пропавшими воинами, плененными лицами, лицами без вести пропавшими. Перед венчанием и даже обручением священник должен был трижды пообщаться с лицами, желающими вступить в брак. Они, в свою очередь, должны были трижды лично явиться в храм на литургию. И если уже в процессе общения со священником выяснится законное препятствие к браку, то священник не будет иметь права благословить их на брак. Причем важным было обратить внимание всех – и брачующихся, и

священника даже на малейшее подозрение препятствия ко вступлению в брак. После того как священник исключит препятствие к браку, трижды пообщается с женихом и невестой, оглашается будущее заключение брака. Если оно было оглашено, но венчание не состоялось, то священник оглашал снова. Священник имел право наказать лиц, которые еще не стали мужем и женой, но жили в одном доме, тем более ведущих половую жизнь.

Венчание и предварительное получение благословения происходило у одного и того же священника, если брачующиеся жили в одном приходе. Если проживали в разных приходах, то венчались у того священника, который имел право венчать таких лиц. Венчание происходило публично в храме перед людьми. Перед венчанием оба будущих супруга должны были помолиться, исповедать свои грехи, держать пост. Священнику устанавливался запрет венчать в обед, вечером и в пост. Венчание проходило строго утром по окончании Божественной литургии. Также в Номоканоне указывались возможные для венчания даты и периоды: до Богоявления (Крещения), до июня (до Пасхи). Запрещалось венчать во время Мясопостного Великого поста, до праздника Петра и Павла (в Петров пост), с первого дня августа до последнего дня августа (до Успения Пресвятой Богородицы), т. е. ни один священник не брался венчать молодых в пост под страхом снятия с должности. В указанные периоды запрещалось не только венчаться, но и творить брачные пиры. Оканчивалось правило «О тайне супружества» словами о том, что «брак должен быт со всякой скромностью христианской во славу Божию. Супружество или законный брак есть вещь тайная» [11, с. 1155].

Венчание осуществлялось при двух или трех свидетелях по Соборному правилу и Учению Святых отцов. Священник сам венчал жениха и невесту. «Если муж с женой разлучатся не по своей воле, а вследствие оклеветания, горя, болезни, то у Бога впоследствии встретятся». Считалось, что проживать супруги должны в доме мужа; если муж умирал, то жена не возвращалась жить в родительский дом, пока не оплачет его. Мужу надлежало ценить жену, особенно родившую ему детей. Жене запрещалось покидать супружеский дом без уведомления мужа, в том числе чтобы посетить своих родителей.

Нормативно-правовое регулирование брачно-семейных отношений в Древней Руси основывалось на церковном каноническом праве. Семейные отношения, весь уклад семейной жизни долгое время были под властью церковной, а гражданские отношения, уголовные наказания, вопросы казны, налогов, градостроительства – это все было под эгидой светской власти. В то же время отдельные главы Кормчей книги содержали одновременно и нравственные аспекты семейной жизни, и брачно-семейные нормы, и уголовно-правовые, например, глава Ё «О блуде и прелюбодеянии и растлении девиц». В этот длительный исторический период велика была власть церкви над семейным укладом жизни любого отдельно взятого прихожанина. Непререкаемым был авторитет священника и неоспоримым – решение церковного суда. Лишь в конце XVII в. на смену нормам Кормчей книги пришел Домострой, который резко вытеснил из правового регулирования брачных отношений Кормчую книгу, хотя имел большую правовую ценность в сфере семейно-бытовой сферы, нежели в брако-разводных вопросах. Домострой содержал строгий принцип «Все от Бога». Домострой, как и Кормчая книга, в своей основе включал Правила Вселенских соборов. Но все же в большей степени он регулировал домашнюю жизнь, а из брачно-семейных отношений в основном те, которые связаны с семейными обязанностями, одеждой, бытом. Параллельно с этим Номоканон посвящал большое количество правил условиям

вступления в брак, требованиям в браке для супругов, аспектам половой жизни супругов.

Но были и общие моменты, например, и Домострой, и Кормчая книга исходили из запрета монахам вступать в брак и иметь отношения с женским полом. Однако не монахам, а мирским священникам, наоборот, предписывалось вступить в брак перед получением сана – «пресвитер или дьякон, поставленный жениться, но прежде к священному браку приходити» и «пребывать в браке в службе и чести». Но следует отметить, что тексты Кормчей книги не были идентичными на протяжении длительного периода ее существования, изменялись, дополнялись. В частности, несколько расходится текст первых норм Номоканона и текст более позднего комментария к нему. Шестое правило Вселенского собора гласит о том, что не приветствуется приход к должности пришедшего в подьяконский или дьяконский чин семейного. «Совершившего брачное себе составляти житие, дерзнувшего сотворити, повелевает Шестой Собор извергши». Это правило имело место, но на момент комментария к главе S (более позднего) оно упразднилось.

Однако в рассматриваемый период было весьма характерным рассматривать жену как слабый субъект семейных отношений, как наименее образованного и умного члена семьи, а в то же время и более беззащитного, как в моральном плане, так и в гражданско-правовом. Поэтому муж не просто считался главой семьи, но и ответственным за свою супругу. Брак должен быть крепким, муж и жена едиными, не надеющимися на будущие браки. Мужу дозволялось приводить в дом мужчин (сослуживцев, соседей), в том числе устраивать с ними пиршества. Жене запрещалось в этот день находиться в доме, пить и есть с чужими мужчинами за одним столом, ей надлежало в этот день уйти в дом своих родителей.

Условия заключения брака были представлены императивными нормами.

1. Брачный возраст. Для лиц мужского пола составлял пятнадцать лет, для женского тринадцать. До этого времени брачного сожительства быть не должно. Допускались некоторые исключения с разрешения священника, если одному из будущих супругов имела место угроза жизни, здоровью или «иная беда» [21, с. 810].

2. Родительское благословение на брак предусматривалось в обязательном порядке. Если девица следовала за мужем (вышла замуж) без воли отца, то она именовалась блудницей. Юноша тоже должен был получить благословение отца. Живущие в браке без благословения родителей блуд совершающими считались. Если замуж выходила вдова, то ей уже не требовалось обязательное согласие родителей. Номоканон полагал, что в таком случае женщина выходит замуж во второй раз без греха (как вдова), а по Божественной воле. Если отец девицы или жениха будет пленен и не сможет ввиду этого дать родительское благословение, то надлежало его ждать три года. По прошествии трех лет, если даже неизвестно будет, жив он или нет, то молодым разрешалось жениться. Если девица была сиротой и у нее был опекун, то по достижении ее совершеннолетия она уже могла тоже не брать в расчет его согласие или несогласие на брак. Если же при разрешении вопроса благословления на брак девицы несовершеннолетнего возраста возникнут разногласия между ее родителями или опекунами или другими родственниками, то точку в вопросе надлежало ставить властям.

Совершеннолетний сын («самовластный») мог жениться без благословения отца, в том числе и в случае открытого несогласия. Еще не такие взрослые по возрасту, но совершеннолетние («самовластные») девицы, если будут двух женихов иметь, то выбирать предстоит отцу. Если отец будет мертв у девицы, то

другой родственник будет уполномочен определить ей мужа. Если возникнет спор между родственниками относительно кандидатуры жениха для девицы, то предстоит суду определить будущего мужа. Может так случиться, что потенциальные женихи будут одного статуса и из одного рода, то невеста сама должна выбрать себе будущего мужа. Отец в период знакомства с женихом определяет уровень достатка его семьи и размер возможного брачного дара.

В одном из правил встречается норма, что достигшая двенадцати лет девушка сама имеет право выбрать себе мужа.

Регистрация брака в рассматриваемый период имела иное понимание, нежели сегодняшний институт. Полагалось оформлять заключение брака судом городского епарха – в Константинополе, в других областях – судом епископа или «властителем города». В обручении отдавался залог или дар. Дар приносил будущий муж. Жене родителями выдавалось приданое. Это имущество озвучивалось и показывалось при обручении. Если впоследствии брак не состоялся, то подаренное невесте имущество надлежало вернуть жениху, в том числе если она умирала. Обручение продолжало иметь силу и в случае смерти отца девицы или опекуна.

Согласие родителей в отдельных случаях приветствовалось, когда выходившие замуж были уже совершеннолетними. Если же вступающий в брак был несовершеннолетним и при этом имелись особые обстоятельства ко вступлению в брак, то согласие родителей на брак было обязательным. Необходимо было благословение на брак.

Нормы Кормчей книги предписывали, что если у кого нет отца (пропал и от него три года нет известий, например, достоверно известно, что он состоял на государственной службе или был на войне), неизвестно официально, является ли он живым или нет, то вместо него замуж его дочь могут выдать оставшиеся в живых родственники мужского пола, также и дать благословение аналогично родительскому. Достигшей 25 лет дочери в случае вступления ею в брак разрешалось не заручаться согласием родителей. Если ей родители подыскивают жениха, а она сама за другого замуж хочет выйти и уже вступила с ним в интимную связь, то ей дозволялось самой решать свою судьбу и выходить замуж за выбранного ею мужчину. Если же она младше 25 лет, то надлежало ей со своим избранником разлучиться и исполнить родительскую волю.

3. Предварительное обручение. Обручаться разрешалось мужскому полу с 14 лет, женскому – с 12 лет. Но обручение не давало права на начало половой жизни. Если же после обручения обручившиеся начнут сожительствовать или иметь интимную связь, то вина за это возлагалась на родителей. В отдельных нормах Кормчей книги более позднего времени – «Леона царя премудрого и Константина главизны о совещании обручения и о браках и о иных различных делах» называется иной брачный возраст: мужчины – с 15 лет, женщины – с 13 лет. Предполагалось согласие обоих родителей.

4. Подарок при обручении. Если к свадьбе дарился дар, но брак не заключался, то подарки полагалось вернуть дарителю.

Препятствиями к заключению брака были:

1. Запрет на браки с еретиками [22, с. 301–302; 535].

2. Запрет на браки с иноплеменными.

Но тем не менее в тексте Кормчей книги имеется правовое регулирование случаев, когда муж приводил в дом женщину-иноплеменницу, которой он завладел во время военных действий, вывел из плена или пленил сам. И в таком случае, если не было ее согласия на брак, то надлежало ее вернуть. Но здесь нет четкого разграничения в отношении веры

похищенной девицы. Однако исходя из православного характера брака, все-таки браки с иноплеменниками не приветствовались.

3. Запрет кровно-родственных браков устанавливался разными нормами Номоканона, рождение детей от родственников считалось особо опасным. Так, согласно Правилу Василия Великого, установлен краткий запрет жениться брату с сестрой, смешивать кровь. «Смешивать кровь брата и сестры от одного отца» считалось смертным грехом. Браки со сводными сестрами наказывались отлучением от церкви и епитимьей до семи лет [22, с. 622]. Запрещалось иметь отношения со своей мачехой (наказывалось это епитимьей до 7 лет), с детьми сестры, в том числе умершей. В Номоканоне говорилось, что муж и жена, вступи в брак, становятся единой плотью. Нормы Кормчей книги содержали запреты на кровосмешение родственников как одной семьи, так и семьи родственников – связь матери с сыном, сына с женой отца, мачехой, дальними родственниками. Причем наказание должно было иметь место и в случае незнания указанными лицами о своем родстве. В правилах «О тайне супружества» в главе «Родство по крови двоюродных и троюродных» устанавливалось, что брак по крови запрещается до седьмой степени и разрешается в восьмой. Двоюродным запрещается в шестом родстве (шестой степени родства) и разрешается в седьмой. Между троюродными также запрещается. При усыновлении родство образуется как кровное, поэтому также запрещаются браки включительно до седьмой степени. Степени по родству распределялись следующим образом: отец и сын – первая степень родства, это единое родство. Братья же состоят между собой во второй степени родства и составляют одну и ту же степень (т. к. они друг от друга не рождались) во взаимоотношениях с другими родственниками. Никто не мог свою сестру в жены себе взять, т. к. это одна и та же степень родства, например, «Петр родил Георгия и Марию. Это два рождения и одна степень родства». Запрещались браки во всех степенях родства с двоюродными, их детьми, внуками, правнуками, праправнуками [19, с. 1163–1195]. В Номоканоне стоял запрет на сочетание браком детям двух братьев, эти дети между собой считались «четвертым коленом», внуки их между собой – «шестым коленом».

4. Запрещались браки крестников с крестными. Крещение считалось «божественным рождением и души обновлением». Крестный отец – отец не по плоти, а по духу. Крестник назывался и считался «воспреемником». Крестница и крестный (крестник и крестная) также не могли вступать в браки до седьмой степени родства включительно.

5. Родство, усыновление и крещение рассматривались в тот период как родство, причем во всех случаях родство считалось равным, как по прямой восходящей, так и нисходящей линии, все лица мужского и женского пола учитывались одинаково. В связи с этим запрещались браки с усыновленными. При усыновлении («братотворении») «сливаются имена сродства между собой». Усыновленным запрещалось супружество до шестой степени. К заключению брака также не допускались следующие лица: например, два брата живут в одной семье, то второй брат не мог вступать в брак с крестной (воспреемницей) своего брата или ее детьми или родственниками.

6. Иногда имели место иные запреты на вступление в брак. Например, если один из потенциальных супругов был оболган в прелюбодеянии, но доказано это не было, то оболгавший не имел права обиженную им невесту взять в жены себе.

Таким образом, правовое регулирование брачно-семейных отношений в период Древней и Средней Руси основывалось на правилах, записанных не только в издаваемых царями законах, но и на

текстах канонических норм и правил. Одним из таких комплексных правовых источников является Кормчая книга (Номоканон). В «Описании Книги Кормчей к любезным читателям» дается пояснение следующего содержания. «Плавающим кораблям нужен кормчий – путеводитель. Кормчество – в художестве кораблеплавательном, при этом спасаются все плавающие в море житейском, вскормленные истинным художником, учителем, пастырем в море житейском. И если есть какие страсти в нас, то прийдем к пристанищу тихому и не бурному вечного блаженства Горного Иерусалима. Достойно это называется Кормчая. Если на пути встречается камень или терен, то мудрый кормчий как велико разумный хитрец, держащий Великую Россию, благородный и благочестивый государь князь Алексей Михайлович – хитрым и мудрым царствием кормчество. Корабль сей – это слово церкви. Кормчий – царь, корабль – церковь» [23, с. 1399–1405].

Выводы

В период Древней и Средней Руси заключение брака имело свои особенности и условия, к числу которых относятся: достижение брачного возраста (соблюдение возраста вступления в брак), обязательное родительское благословение на брак (предусматривалось в обязательном порядке), обрядности и традиции (брак заключался в церкви, сопровождался предварительным обручением, получением подарка при обручении). Брак на Руси заключался обычно в церкви и сопровождался церковным обрядом, поскольку церковь играла важную роль в установлении брачно-семейных отношений. При заключении брака учитывались обстоятельства, препятствующие заключению брака, которые могли варьироваться в зависимости от социального статуса, религиозных убеждений и культурных традиций (в частности, родовая принадлежность), устанавливался запрет на браки с еретиками, с иноплеменными, на кровно-родственные браки. Обращение к историко-правовому наследию прошлого в условиях современной России продиктовано необходимостью укрепления авторитета и поддержки института семьи и базовых семейных ценностей. Анализ норм Кормчей книги (Номоканона) заложившей основы семейного законодательства, помогает понять ценности и принципы, которые сформировались в обществе на протяжении веков и оказывают влияние на современное законодательство.

Список литературы

1. Очеретько Е. А., Мирончуковская В. В. Правовое и этическое понимание семьи в мультикультурном пространстве России как основа укрепления семейных ценностей // Вопросы российского и международного права. 2022. № 10. С. 161–168. https://doi.org/10.34670/AR.2022.94.29.076

2. Очеретько Е. А. Брак в семейном праве. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2020. 70 с.

3. Филиппов П. М., Назарова А. С. Семейные ценности в российском праве и проблема сиротства: прошлое, настоящее и будущее // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 58–73. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-58-73

4. Рутковская О. А. Особенности межотраслевых связей семейных правоотношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 112–121. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-112-121

5. Алонцева Д. В., Новиков О. А. Влияние византийского права на развитие брачно-семейного права Древней Руси // Современные тенденции развития юриспруденции, эко-

номики и управления: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Елец: Елец. гос. ун-т им И. А. Бунина, 2017. С. 38–43.

6. Петров К. В. Правовая природа «Кормчей книги» в новейших отечественных исследованиях // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Т. 1. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. С. 562–567.

7. Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.

8. Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века: в 2 т. Т. 2. СПб.: Альянс-Архео, 2017. 648 с.

9. Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века: в 2 т. Т. 1. СПб.: Альянс-Архео, 2017. 600 с.

10. Нижник Н. С. Регулирование брачно-семейных отношений на Руси в условиях язычества // История государства и права. 2003. № 2. С. 31–33.

11. Бердников И. С. О восприемничестве при Крещении и о духовном родстве, как препятствии к браку. Казань: Тип. Имп. ун-т, 1892. 67 с.

12. Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского, 1880. 188 с.

13. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М.: В. И. Касперов, 1884. 382 с.

14. Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1902. 552 с.

15. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 667 с.

16. Суворов Н. С. О гражданском браке. Ярославль: Типо-лит. г. Фальк, 1887. С. 11–12.

17. Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М.: Юрлитинформ, 2011. 408 с.

18. Гончаров Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX в. Барнаул: Азбука, 2019. 148 с.

19. О тайне супружества // Кормчая (Номоканон): отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. СПб.: Воскресеніе, 2011. С. 1155–1195.

20. Закон градского главы // Кормчая (Номоканон): отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. СПб.: Воскресеніе, 2011. С. 923–1100.

21. Новая заповедь благочестивого царя Алексия Комнина // Кормчая (Номоканон): отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. СПб.: Воскресеніе, 2011. С. 803–818.

22. Правило Второго Вселенского собора // Кормчая (Номоканон): отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. СПб.: Воскресеніе, 2011. С. 301–302, 535, 632.

23. Описание Книги Кормчей к любезным читателям // Кормчая (Номоканон): отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. СПб.: Воскресеніе, 2011. С. 1399–1405.

References

1. Ocheret′ko E.A., Mironchukovskaya V.V. Legal and ethical understanding of the family in the multicultural space of Russia as a basis for strengthening family values. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2022;(10):161–168. (In Russ.) https://doi.org/ 10.34670/AR.2022.94.29.076

2. Ocheret′ko E.A. Marriage in family law. Elecz: Eleczkij gos. un-t im. I. A. Bunina; 2020. 70 p. (In Russ.)

3. Filippov P.M., Nazarova A.S. Family values in Russian law and the problem of orphanhood: past, present and future. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(3):58–73. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-58-73

4. Rutkovskaya O.A. Features of intersectoral relations of family legal relations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. (In Russ.) 2023;13(6):112–121. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-112-121

5. Alonceva D.V., Novikov O.A. The influence of Byzantine law on the development of marriage and family law in Ancient Russia. In: *Sovremennye tendencii razvitiya yurisprudencii, ekonomiki i upravleniya: sbornik materialov mezhregionalnoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Modern trends in the development of jurisprudence, economics and management: a collection of materials of the interregional scientific and practical conference with international participation*. Elecz: Eleckij gos. un-t im I. A. Bunina; 2017. P. 38–43. (In Russ.)

6. Petrov K. V. The legal nature of the "Pilot Book" in the latest domestic research. In: One Hundred years of the Ural State Law University (1918-2018). Vol. 1. Ekaterinburg: Ural. gos. yurid. un-t; 2019. P. 562–567. (In Russ.)

7. Belyakova E.V., Moshkova L.V., Oparina T.A. The Pilot book: from the handwritten tradition to the printed edition. Moscow; St. Petersburg: Institut rossijskoj istorii RAN; Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov; Centr gumanitarnykh iniciativ; 2017. 496 p. (In Russ.)

8. Korogodina M.V. Pilot books of the XIV – first half of the XVII century. Vol. 2. St. Petersburg: Al′yans-Arkheo, 2017. 648 p. (In Russ.)

9. Korogodina M. V. Pilot books of the XIV – first half of the XVII century. Vol. 1. St. Petersburg: Al′yans-Arkheo; 2017. 600 p. (In Russ.)

10. Nizhnik N.S. Regulation of marital and family relations in Russia in the conditions of paganism. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and law*. 2003;(2):31–33. (In Russ.)

11. Berdnikov I.S. On Baptism and spiritual kinship as an obstacle to marriage. Kazan: Tip. Imp. un-ta, 1892. 67 p. (In Russ.)

12. Dubakin D.N. The influence of Christianity on the family life of Russian society in the period before the appearance of "Domostroy". St. Petersburg: Tip. F. G. Eleonskogo; 1880. 188 p. (In Russ.)

13. Efimenko A.Ya. Studies of folk life. Is. 1: Customary law. Moscow: V. I. Kasperov; 1884. 382 p. (In Russ.)

14. Pavlov A.S. The course of Church law. Sergiev Posad: Tip. Svyato-Troiczkoj Sergievoj Lavry; 1902. 552 p. (In Russ.)

15. Sergeevich V.I. Lectures and research on the ancient history of Russian law. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha; 1910. 667 p. (In Russ.)

16. Suvorov N.S. About civil marriage. Yaroslavl: Tipo-lit. G. Fal′k; 1887. P. 11–12. (In Russ.)

17. Ospennikov Y.V. The legal tradition of Northwestern Russia of the XII–XV centuries. Moscow: Yurlitinform; 2011. 408 p. (In Russ.)

18. Goncharov Y.M. Marriage and family law of the Russian Empire of the XIX – early XX century. Barnaul: Azbuka, 2019. 148 p. (In Russ.)

19. On the mystery of matrimony. In: The Helmsman (Nomocanon): printed from the original of Patriarch Joseph. St. Petersburg: Voskresenie; 2011. P. 1155–1195. (In Russ.)

20. The law of the Gradsky chapter. In: Helmsman (Nomocanon): printed from the original of Patriarch Joseph. St. Petersburg: Voskresenie; 2011. P. 923–1100. (In Russ.)

21. The New Commandment of the Pious Tsar Alexei Komnenos. In: Helmsman (Nomocanon): printed from the original of Patriarch Joseph. St. Petersburg: Voskresenie; 2011. P. 803–818. (In Russ.)

22. The Rule of the Second Ecumenical Council. Helmsman (Nomocanon): printed from the original of Patriarch Joseph. St. Petersburg: Voskresenie; 2011. P. 301–302, 535, 632. (In Russ.)

23. Description of the Book of Helmsmen to kind readers. Helmsman (Nomocanon): printed from the original of Patriarch Joseph. St. Petersburg: Voskresenie; 2011. P. 1399–1405. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Алонцева Дина Викторовна, доктор юридических наук, заведующий кафедрой юриспруденции им. В. Г. Ермакова, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация,
e-mail: dina.alontseva@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2486-9248,
ReseacherID: C-5459-2018,
Scopus Author ID: 57188756184

Dina V. Alontseva, Doctor of Sciences (Juridical), Head of the Department of Jurisprudence named after V. G. Ermakov, Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation,
e-mail: dina.alontseva@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2486-9248,
ReseacherID: C-5459-2018,
Scopus Author ID: 57188756184

Очеретько Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции им. В. Г. Ермакова, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация,
e-mail: lena.ocheretko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0075-4844

Elena A. Ocheretko, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V. G. Ermakov, Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation,
e-mail: lena.ocheretko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0075-4844

Оригинальная статья / Original article

УДК 342.723

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-48-60

CC BY 4.0

Конституционно-правовые пределы защиты частной жизни

М. А. Каменский[1] ✉

[1]Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации
ул. Большая Якиманка, д. 50, г. Москва 119049, Российская Федерация

✉ e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Право на неприкосновенность частной жизни как одно из основных конституционных прав человека и гражданина подлежит защите в соответствии со статьями 23, 24 Конституции Российской Федерации. На основе конституционного правосудия и научных взглядов теоретиков раскрывается содержание рассматриваемого права, описаны проблемы законодательного и терминологического характера, оказывающие влияние на его содержание и установление пределов конституционно-правовой защиты.*

Цель исследования *состоит в дополнении теоретических положений, способствующих углублению научного знания об охране конституционного права на неприкосновенность частной жизни, его содержании и пределах конституционно-правовой защиты.*

Задачи*: проанализировать практику Конституционного и Верховного судов Российской Федерации по делам об охране права на неприкосновенность частной жизни и научные позиции ученых относительно его понятия; описать состояние конституционно-правовой защиты и содержание рассматриваемого права; выявить законодательные и терминологические пробелы, препятствующие его надлежащей охране; определить границы конституционно-правовой защиты.*

Методология*. Исследование осуществлялось с применением методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, документального, формально-юридического, системно-аналитического и формально-логического методов.*

Результатами исследования *являются сформулированные теоретические положения, характеризующие содержание права на неприкосновенность частной жизни и объективные пределы его конституционно-правовой защиты.*

Вывод. *В теории конституционного права и практике Конституционного Суда Российской Федерации усматривается смена тренда в толковании права на неприкосновенность частной жизни с «негативного» на «позитивное». Происходит его трансформация посредством дополнения понятия частной жизни новыми видами информации, ее составляющими (право на генетическую неприкосновенность, неприкосновенность персональных данных, на тайну при применении репродуктивных технологий и др.). Дается прогноз о модернизации системы личных прав человека с признанием самостоятельным права на защиту персональных данных.*

Ключевые слова*: конституция; частная жизнь; личная тайна; неприкосновенность частной жизни; конституционно-правовая охрана; персональные данные.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Каменский М. А. Конституционно-правовые пределы защиты частной жизни // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 48–60. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-48-60

Поступила в редакцию 15.04.2024 Принята к публикации 24.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Каменский М. А., 2024

Constitutional legal limits to privacy protection

Maksim A. Kamenskii[1] ✉

[1]Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President of the Russian Federation
50 Bolshaya Yakimanka Str., Moscow 119049, Russian Federation

✉ e-mail: login8@mail.ru

Abstract

Relevance. *The right to privacy, as one of the basic constitutional rights of man and citizen, is subject to protection in accordance with Art. 23, 24 of the Constitution of the Russian Federation. On the basis of constitutional justice and the scientific views of theorists, the content of the law in question is disclosed, problems of a legislative and terminological nature that affect its content and the establishment of limits of constitutional legal protection are described.*

The purpose *of the study is to supplement theoretical provisions that contribute to the deepening of scientific knowledge about the protection of the constitutional right to privacy, its content and the limits of constitutional legal protection.*

Objectives: *to analyze the practice of the Constitutional and Supreme Court of the Russian Federation in cases of protecting the right to privacy and the scientific positions of scientists regarding its concept; describe the state of constitutional and legal protection and the content of the right in question; identify legislative and terminological gaps impeding its proper protection; define the boundaries of constitutional legal protection.*

Methodology. *The study was carried out using methods of analysis and synthesis, induction and deduction, documentary, formal-legal, system-analytical and formal-logical methods.*

The results *of the study are formulated theoretical provisions characterizing the content of the right to privacy and the objective limits of its constitutional and legal protection.*

Conclusion*. In the theory of constitutional law and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, there is a change in the trend in the interpretation of the right to privacy from «negative» to «positive». It is transformed by supplementing the concept of private life with new types of information that make it up (the right to genetic inviolability, inviolability of personal data, secrecy when using reproductive technologies, etc.). A forecast is given on the modernization of the system of personal human rights with the recognition of an independent right to protect personal data.*

Keywords*: constitution; private life; personal secrecy; privacy; constitutional and legal protection; personal data.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kamenskii M.A. Constitutional legal limits to privacy protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):48–60. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-48-60

Received 15.04.2024 Accepted 24.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 12) и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 17) говорится: «Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию». Эти нормы международных актов имеют прямое отношение к развитию конституционных положений о праве на неприкосновенность частной жизни в России.

Право на неприкосновенность частной жизни – одно из основополагающих прав, становление и развитие которого в

России прошло сложный исторический путь. Конституционными нормами, его оберегающими, являются ч. 1 ст. 23, провозгласившая право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, и ч. 1 ст. 24, устанавливающая императивный запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Эти две нормы, по мнению судей Конституционного Суда России, составляют основу права на неприкосновенность частной жизни, что неоднократно подтверждалось в его решениях[1].

Стремительное развитие информационных технологий, повлекшее переход общества в цифровой мир, помимо очевидных преимуществ, привело к появлению проблемы обеспечения сохранности сведений о частной жизни, личной или семейной тайны. О ее масштабах говорят данные об объеме утечек личной информации о россиянах, попавшей в свободный доступ. За 2023 г. деанонимизированными оказались 1,12 млрд записей, характеризующих частную жизнь граждан (покупки в онлайн-магазинах, путешествия, посещение кинотеатров, музеев, поездки в такси, место жительства и др.), что на 60% больше, чем в прошлом году. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. отдельно подчеркивается «необходимость соблюдения баланса между своевременным внедрением современных технологий обработки данных с защитой прав граждан, включая право на личную и семейную тайну»[2].

На то, что нарушение права на неприкосновенность частной жизни обусловлено тотальной цифровизацией частной жизни, указывает Н. И. Пикуров: «Современные социальные связи немыслимы без интенсивного обмена информацией, в том числе непосредственно касающейся частной жизни человека. Пользование технологиями мобильного банкинга, покупки и получение самых разных услуг посредством интернет-контактов предполагает жертвование не только материальными, но и определенными личными благами, в том числе и своим правом на неприкосновенность частной жизни» [1, с. 56]. Как отмечают криминологи и специалисты по уголовному праву, информация о частной жизни человека стала своего рода «товаром», в связи с чем в теневом сегменте Интернета предлагаются для покупки сведения, составляющие чужую тайну, конфиденциальные данные, а также услуги по незаконному собиранию информации о личности, отсутствующей в открытых источниках [2, с. 92; 3, с. 18]. В этой связи многократно возросли риски нарушения неприкосновенности частной жизни, право на защиту которой закрепляет Конституция РФ [4, с. 43; 5, с. 187]. Это актуализирует исследования, посвящен-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. П. Глушкова на нарушение его конституционных прав статьями 3, 5, 6 и 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьями 8 и 9 Федерального закона «О персональных данных»: определение Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2009 г. № 3-О-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/ online.cgi/; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М. М. Багадурова на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьей 10 Федерального закона «О персональных данных» и частью второй статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2011 г. № 1063-О-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 03.04.2024).

[2] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

ные институту неприкосновенности частной жизни и обеспечению ее защиты. Как справедливо отмечает О. С. Капинус: «Скорость и объемы обращающейся информации, а также относительная доступность ее противоправного получения, в том числе из государственных и частных баз данных, образуют необходимость усиления защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации, в том числе связанных с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайны при аккумулировании, передаче, копировании и использовании персональных данных» [6, с. 10]. Проблема конституционно-правовой защиты частной жизни человека требует поиска четких критериев отнесения к ней определенного рода сведений и установления ее пределов. Решением указанных вопросов теоретического характера и определяется объективная необходимость проведения исследования по избранной теме.

Методология

Тема работы, поставленные в ней цели и задачи обусловили применение конкретных методов познания объективной действительности. При написании статьи использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования. Среди первых методы дедукции, индукции, анализа и синтеза, позволившие изучить научные труды по теме исследования, конкретизировать поисковые запросы по практике Конституционного и Верховного судов РФ. Они были востребованы и при сопоставлении российских и зарубежных конституционных норм, закрепляющих право на неприкосновенность частной жизни и охрану личной тайны. Частнонаучные методы, среди которых системно-аналитический и документальный методы, позволили осуществить выборку и анализ решений Конституционного и Верховного судов РФ, касающихся правовой позиции высших судебных инстанций в части толкования частной жизни человека и личной тайны, различно понимаемых в доктрине и в юридической практике. Формально-логический и формально-юридический методы дали возможность логически изложить и структурировать эмпирический материал, описать полученные результаты и сформулировать выводы исследования.

Результаты и их обсуждение

Характеризуя пределы конституционно-правовой защиты частной жизни, необходимо отметить следующее:

1. *В российском законодательстве отсутствует, а у научной общественности нет единообразного понимания сущности оберегаемого блага.* Конституционный Суд Российской Федерации, осознавая его ценность, во множестве своих решений обращался к его трактовке, давая следующие разъяснения: «В понятие “частная жизнь” включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер»[1]. По мнению судей Конституционного Суда Российской Федерации, «лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Фе-

[1] По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»: постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385041 (дата обращения: 23.04.2024).

дерации»[1]. В части права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну суд обнародовал позицию, согласно которой это право означает «предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера»[2]. Пытаясь устранить пробел с отсутствием четкой дефиниции частной жизни человека, составляющей его личную или семейную тайну, Верховный Суд РФ указал, что не будет нарушения права на неприкосновенность частной жизни, если сведения о ней «ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле», либо собирались или распространялись в государственных, общественных или иных публичных интересах»[3].

Очевидно, что интерпретация Конституционным Судом РФ понятия частной жизни основана на ее различии с иными сферами жизнедеятельности человека. По тому же пути пошли и многие теоретики-конституционалисты. В юридической литературе частная жизнь при ее научном определении традиционно отделяется от иных сфер человеческой жизнедеятельности. Она понимается как «узкая сфера интимных, бытовых и семейных отношений, непосредственно не связанных с правовой сферой»[4], как «физическая и духовная область индивида, которая не связана с его публичной деятельностью, службой или работой и включает родственные и дружеские связи, домашний уклад, интимные и другие личные отношения, привязанности, образ мыслей, увлечения и творчество» [7, с. 11].

Между тем сложности в определении содержания этой категории таким разграничением не решаются. Невозможно дать точную дефиницию тому, что именно есть информация о частной жизни человека, составляющая его личную или семейную тайну. На это обращал внимание и Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ): «Частная (личная) жизнь – это емкая категория, которой невозможно дать исчерпывающее

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М. Н. Супруна на нарушение его конституционных прав статьей 137 УК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029 (дата обращения: 03.04.2024)

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан В. А. Захаркина и И. Н. Захаркиной на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736 (дата обращения: 03.04.2024); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Д. Н. Усенко на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 26 янв. 2010 г. № 158-О-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/ online.cgi; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. Н. Богородицкого на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона РФ «О милиции»: определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2010 г. № 644-О-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 03.04.2024).

[3] О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 1381, 139, 1441, 145, 1451 Уголовного кодекса Российской Федерации)»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 2.

[4] Хужокова И. М. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 5.

определение. Каждый человек волен развивать это понятие и наполнять его определенным смыслом. Было бы непозволительно ограничить понятие личной жизни “внутренним кругом” и исключить целиком внешний мир, не входящий в этот круг. Таким образом, понятие личной жизни с необходимостью включает право на развитие взаимоотношений с другими лицами и внешним миром». А потому, как отмечается в отечественной литературе, сторонников широкого толкования содержательного компонента понятия «частная жизнь» становится больше.

Так, С. А. Авакьян предлагает считать частной жизнью в том числе «трудовую (в широком смысле слова) деятельность; состояние здоровья; общение человека с другими людьми» [8, с. 670]. А. Л. Кононов к конфиденциальной информации о частной жизни относит сведения о принадлежности к общественным объединениям, здоровье, имуществе, доходах, профессиональной деятельности [9, с. 233]. Поддерживая расширение понятия «частная жизнь», М. И. Проскурякова полагает верным включать в него иные сферы жизнедеятельности (в частности, трудовой, образовательной) при наступлении определенных обстоятельств. Недостаток узкого подхода к истолкованию частной жизни автор справедливо видит в ограничении содержания конституционного права на неприкосновенность частной жизни, а это ведет к снижению объема конституционных гарантий, призванных обеспечить свободное развитие личности [10, с. 15].

В одном из решений ЕСПЧ справедливо отметил, что было бы неверным «…слишком строго ограничивать понятие “личная жизнь” “внутренним кругом”, в котором человек может вести свою личную жизнь по своему выбору, полностью исключая внешний мир, не входящий в указанный круг. Статья 8 гарантирует право на “личную жизнь” в широком смысле, включая право вести “частную общественную жизнь”, то есть возможность для человека развивать себя как социальную единицу, обращаться к другим людям с целью установления и развития отношений с ними»[1].

2. *Высокая динамика сферы частной жизни не позволяет точно определить границы защиты этого блага*. Универсальную дефиницию частной жизни с исчерпывающим перечнем сведений, ее составляющих, сформулировать для правоприменения не представляется возможным. Большая подвижность этой сферы жизни объективно усугубляется бурными процессами цифровизации [11, с. 176]. Стали привычной реальностью новые формы онлайн-общения людей в социальных сетях с размещением личной информации в открытом доступе, в мессенджерах, получение различных услуг посредством передачи своих данных, относящихся к конфиденциальным, в обмен на решение вопросов, связанных с частной жизнью, взаимоотношениями с государственными органами, организацией быта и досуга. Н. И. Пикуров по этому поводу пишет: «Настоящий бум обмена сведениями, относящимися к частной жизни конкретного лица, связан с появлением социальных сетей. Возникает проблема отграничения допустимого сбора и распространения информации, прежде всего визуального характера, размещенной на сайтах самим гражданином, от незаконных действий, нарушающих право такого гражданина на неприкосновенность частной жизни при дальнейшем распространении информации иными лицами» [1, с. 57].

Масштабный переход человека в цифровую среду способствовал и тому, что разглашение личных сведений далеко не каждый воспринимает как нарушение права на неприкосновенность частной

[1] Постановление Европейского суда по правам человека от 05.09.2017. Дело «Бэрбулеску (Barbulescu) против Румынии» (жалоба № 61496/08) // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 03.04.2024).

жизни. Ведь у каждого человека собственное понимание того, что относится к его частной жизни [12, с. 138]. Другими словами, эволюция технического прогресса повлекла и переосмысление роли человека, способствовала главенству личных ценностей перед интересами общества.

Стремительное развитие науки, в том числе облачных технологий с опцией хранения больших массивов информации, находит отражение и в правовом регулировании частной жизни, неприкосновенность которой должна обеспечиваться балансом частных и публичных правовых начал. Только за последние десятилетия содержание права на частную жизнь претерпело изменение границ, дополнившись правом «на забвение» (право «быть забытым» в Интернете, ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1]), правом стать родителем (суррогатное материнство [13, с. 628]), правом на создание семьи и общение с ее членами и др. Под влиянием новых общественных отношений, отраслевого законодательства и международных норм содержание понятия частной жизни эволюционирует. Во взаимосвязи с этим положением и в соответствии с целью индивидуализации субъекта, в том числе коллективного, учеными формулируются новые дефиниции частной жизни. Так, по мнению А. В. Кротова, под частной жизнью понимается деятельность человека или группы лиц, составляющих семью (субъекта права на частную жизнь), зависящая от созданной ими системы ценностей, ограниченная действующими в обществе нормами морали и права, экономическими факторами, направленная на создание психической и физической индивидуализации [14, с. 129] (к слову, у позиции о коллективном субъекте права на частную жизнь имеются и противники [15, с. 159]).

Учитывая расширение пределов частной жизни, российские правоведы предлагают отказаться в ст. 23 Конституции РФ от понимания права на частную жизнь, основанного на негативном праве [14, с. 130] (когда условием реализации служит невмешательство государства или частных лиц в его осуществление). Это потребует определенной модификации ее действующих положений [16, с. 86].

3. О*пределение частной жизни не может быть универсальным ввиду многообразия сведений, составляющих частную жизнь, личную или семейную тайну, охраняемых конституционными нормами.* В силу неразрешимой сложности в установлении всей их возможной совокупности следует поддержать расширительное толкование частной жизни человека, содержащей его личную или семейную тайну. О том, насколько вариативна информация, составляющая тайну частной жизни, свидетельствует практика ЕСПЧ. В его решениях сведениями о человеке, которые суд относит к частной жизни в смысле ст. 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признавались:

– физическая и социальная индивидуальность человека;

– личная автономия, личное развитие;

– установление и развитие отношений с иными людьми и окружающим миром;

– гендерное определение и половая жизнь;

– имя человека и его образ, отражающие уникальные характеристики человека;

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/docu-ment/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 03.04.2024).

– фотографии и распространение изображений;

– репутация и честь человека;

– связь между взрослыми детьми и их родителями;

– фамилии и имена;

– социальная идентичность индивида;

– деятельность профессионального и коммерческого характера;

– право на уважение решения иметь или не иметь детей;

– использование репродуктивных методов при медицинском содействии;

– определение правовых отношений отца с его предполагаемым ребенком;

– роды и обстоятельства рождения ребенка;

– погребальные церемонии и др.

О. Ю. Красотенко, проанализировав решения ЕСПЧ, составляющими частной жизни называет: 1) персональную идентификацию; 2) установление законных связей человека; 3) физическую и моральную неприкосновенность; 4) личное пространство; 5) сбор и использование информации; 6) персональные данные; 7) сексуальные отношения; 8) социальную активность; 9) профессиональные взаимоотношения индивида [17, с. 52].

Содержание отечественного права на частную жизнь активно формировалось и Конституционным Судом РФ. Согласно исследованию А. В. Кротова, своими решениями судьи признали, что из конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, личной тайны и недопустимости распространения информации о частной жизни лица без его согласия вытекают:

– банковская тайна[1];

– налоговая тайна[2];

– право человека требовать предоставления сведений о частной жизни, собираемых органами государственной власти и их должностными лицами[3];

– право на уважительное отношение к волеизъявлению лица по вопросам, касающимся его личной жизни, в том числе после смерти [4];

– право на защиту частной жизни лиц, страдающих психическими расстройствами[5];

– право на защиту врачебной тайны[1] и др.

[1] По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О судебных приставах» в связи с запросом Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа: постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2003 г. № 8-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42277 (дата обращения: 03.04.2024).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. И. Ламбина на нарушение его конституционных прав статьей 102 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 30 сент. 2004 г. № 317-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50176 (дата обращения: 03.04.2024)

[3] По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана: постановление от 18 февр. 2000 г. № 3-П18 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

[4] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Т. М. Бирюковой, Е. В. Саблиной и Н. С. Саблиной на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение от 10 февр. 2016 г. № 224-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194949/ (дата обращения: 03.04.2024).

[5] По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 г. № 15-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132150 (дата обращения: 03.04.2024).

Право на неприкосновенность частной жизни, будучи комплексным, сложносоставным конституционным правом, включает не только право человека оберегать свою жизнь от воздействия извне, но и обязанность других лиц не предавать ее огласке. Оно распространяется и на общественные, экономические и культурные права индивида, которые определяют качество его частной жизни. Из состоявшихся решений ЕСПЧ и Конституционного Суда России следует, что право на неприкосновенность частной жизни «живое» [18, с. 36]. Оно характеризуется динамичностью, и, как другие конституционные права, будет претерпевать трансформацию посредством расширения своих границ и повышения уровня его защиты. Примером тому служит появление и развитие новых прав: на генетическую неприкосновенность, на «уединение», «анонимность» в цифровой среде, на неприкосновенность персональных данных как особой категории информации сведениями о частной жизни, подлежащих конституционно-правовой защите[2]. В юридической науке не сложилось общего взгляда на соотношение понятий частной жизни и персональных данных по содержанию [19, с. 18], т. е. какое является общим по отношению к другому, [20, с. 56], однако перспектива трансформации права на неприкосновенность частной жизни очевидна [21, с. 19]. В условиях глобального прогресса в сфере информационных технологий, используемых для хранения и обработки огромных объёмов данных о людях, право на неприкосновенность частной жизни будет развиваться в сторону вычленения от него как самостоятельного права на защиту персональных данных. Об этом свидетельствуют и новые международные акты. Так, в Хартии Европейского союза об основных правах ее авторы разграничили право на частную и семейную жизнь (ст. 7) и право на защиту данных личного характера (ст. 8)[3]. Оценивая степень потенциальной угрозы данным, характеризующим частную жизнь, как высокую, зарубежные законодатели уже предусматривают в основном законе отдельные нормы о гарантиях защиты персональных данных. К примеру, по Конституции Республики Македония «гарантируется надежность и тайна личных данных. Гражданам гарантируется защита от посягательств на неприкосновенность личности и нанесения ущерба от собранной информации и обработанных данных» (ст. 18). Статьей 37 Конституции Республики Хорватия и статьей 38 Конституции Республики Словения гарантируется защита тайны личных данных [22, с. 85]. Иностранные модели конституционного признания права на защиту персональных данных подтверждают, что в ближайшей перспективе с учетом стремительной глобализации информационного пространства в качестве обособленного от права на тайну частной жизни в Конституции России может появиться новое право человека – право на защиту своих данных [22, с. 86].

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина И. С. Скипакевича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 части 4 статьи 13, пунктом 5 статьи 78, статьями 87 и 90 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 24 сент. 2013 г. № 1333-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152820/ (дата обращения: 03.04.2024).

[2] Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. С. 7.

[3] Хартия Европейского Союза об основных правах (Страсбург, 12 дек. 2007 г.) (2016/C 202/02) 07 г.) // Гарант: сайт. URL: https://base.garant.ru/71672404/ (дата обращения: 03.04.2024).

Выводы

Подводя итоги исследования, отметим, что опубликованные решения Конституционного Суда России позволяют, во-первых, сделать вывод о существенном изменении понимания права на частную жизнь. В правовых позициях судей наблюдается смена конституционного статуса права на неприкосновенность частной жизни. Модернизируется подход к толкованию права на неприкосновенность сферы частной жизни с «негативного» (когда оно реализуется без вмешательства органов и лиц, наделенных публично-властными полномочиями), на «позитивное» (когда оно поддерживается силами государства). Интенсификация позитивных нормативных начал проявляется в том, что право на частную жизнь дополняется различными видами тайн (медицинская, банковская, налоговая) или их новыми элементами (право на генетическую неприкосновенность, право на неприкосновенность персональных данных, право на тайну при применении стерилизации, репродуктивных технологий и др.).

Во-вторых, отсутствие легальной дефиниции частной жизни лица объясняется невозможностью установить какие-либо границы этого понятия ввиду его объемности и многогранности. В силу индивидуализации субъекта права частной жизни и невероятной подвижности самого права, в том числе обусловленной научно-техническим прогрессом и глобализацией информационного пространства, нельзя сформулировать и исчерпывающий перечень сведений, составляющих понятие частной жизни. Речь всегда будет идти о модернизации примерного (открытого) перечня сведений, относящихся к частной жизни, посредством конституционного правосудия и применительно к конкретной ситуации нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

В-третьих, учитывая новые возможности и технологические прорывы современной цивилизации, а также возрастающие риски информационно-технического развития общества, новым вектором эволюционирования права на неприкосновенность частной жизни будет модернизация системы личных прав (признание права на защиту персональных данных, права на генетическую неприкосновенность самостоятельными).

Список литературы

1. Пикуров Н. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // Уголовное право. 2019. № 2. С. 51–58.

2. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(3). С. 90–101.

3. Баринов С. В. Распространение сведений о частной жизни как способ совершения преступления // Российский следователь. 2015. № 8. С. 15–19.

4. Латыпова Э. Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. 2019. № 2. С. 35–45.

5. Павлинов А. А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 187–191.

6. Капинус О. С. Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 10–15.

7. Петрухин И. Л. Личные тайны (Человек и власть). М.: ИГиП РАН, 1998. 230 с.

8. Авакьян С. А. Конституционное право России: в 2 т. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2014. 864 с.

9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 1007 с.

10. Проскурякова М. И. Конституционно-правовые рамки защиты персональных данных в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 2. С. 12–27.

11. Волкова Г. Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 174–180.

12. Исаева В. В., Сахарова Ю. В. Международные и национальные аспекты правового регулирования частной жизни и права на частную жизнь // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 2 (44). С. 136–142.

13. Богдан В. В., Урда М. Н. Суррогатное материнство и торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 628–657.

14. Кротов А. В. Проблемы конституционализации права на частную жизнь в России в условиях глобализации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2 (75). С. 126–131.

15. Варламова Н. В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4 (71). С. 152–166.

16. Кротов А. В. Концепция «широкого» толкования права на частную жизнь в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90). С. 81–88.

17. Красотенко О. Ю. Понятие «частная жизнь» в решениях Европейского суда по правам человека // Сборник тезисов 68-й научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов факультета международных отношений БГУ: в 3 ч. Ч. 2. Минск: БГУ, 2011. С. 51–53.

18. Гаджиалиева Н. Ш. К вопросу о содержании конституционного права на неприкосновенность частной жизни // Государственная служба и кадры. 2012. № 5. С. 34–37.

19. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М.: Статут, 2021. 468 с.

20. Важорова М. А. Соотношение понятий «Информация о частной жизни» и «Персональные данные» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 55–59.

21. Рузанова В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 17–22.

22. Кильдеев Р. Р. Право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту данных: проблемы соотношения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 83–88.

References

1. Pikurov N. Problems of qualification of criminal encroachments on privacy: theory and judicial practice. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2019;(2):51–58. (In Russ.)

2. Alihadzhieva I.S. Criminological risks of personal data: main trends and forecasts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Izvestia of Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(3):90–101. (In Russ.)

3. Barinov S.V. Dissemination of information about private life as a way to commit a crime. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*. 2015;(8):15–19. (In Russ.)

4. Latypova E.Yu. Some aspects of criminal liability for acts that infringe on privacy. *Oeconomia et Jus*. 2019;(2):35–45. (In Russ.)

5. Pavlinov A.A. Criminal liability for violation of privacy. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation.* 2013;(6):187–191. (In Russ.)

6. Kapinus O.S. Personal data security as one of the most important objects of constitutional and legal protection. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2018;(6):10–15. (In Russ.)

7. Petrukhin I.L. Personal secrets (Man and power). Moscow, IGiP RAN; 2008. 230 p. (In Russ.)

8. Avak′yan S.A. Constitutional Law of Russia. Vol. 1. 5th ed. Moscow: Norma; 2014. 864 p. (In Russ.)

9. Zor′kin V.D. (ed.) Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 2nd ed Moscow: Norma; Infra-M; 2011. 1007 p. (In Russ.)

10. Proskuryakova M I. Constitutional and legal framework for the protection of personal data in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Righ.* 2016;(2):12–27. (In Russ.)

11. Volkova G.E. The right to privacy in the digital age. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2022;(4):174–180. (In Russ.)

12. Isaeva V.V., Sakharova Yu.V. International and national aspects of legal regulation of private life and the right to private life. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Bryansk State University*. 2020;(2):136–142. (In Russ.)

13. Bogdan V.V., Urda M.N. Surrogacy and human trafficking: Interbranch conflict. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2022;(58):628–657. (In Russ.)

14. Krotov A.V. Problems of constitutionalization of the right to privacy in Russia in the context of globalization. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2017;(2):126–131. (In Russ.)

15. Varlamova N.V. Classification of human rights: approaches to the problem. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*. 2009;(4):152–166. (In Russ.)

16. Krotov A.V. The concept of a “broad” interpretation of the right to privacy in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2018;(5):81–88. (In Russ.)

17. Krasotenko O.Y. The concept of “private life” in the decisions of the European Court of Human Rights. *Sbornik tezisov 68-i nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov fakul'teta mezhdunarodnykh otnoshenii BGU = Collection of theses of the 68th scientific and practical conference of students, undergraduates and graduate students of the Faculty of International Relations of BSU*. Minsk: BGU; 2011. P. 51–53. (In Russ.)

18. Gadzhialieva N.Sh. On the content of the constitutional right to privacy. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Public Service and Personnel*. 2012;(5):34–37. (In Russ.)

19. Savel'ev A. I. Scientific and practical article commentary on the Federal Law “On Personal Data”. Moscow: Statute; 2021. 468 p. (In Russ.)

20. Vazhorova M. A. Correlation of the concepts of “Information about private life” and “Personal data”. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012;(4):55–59. (In Russ.)

21. Ruzanova V. D. Problems of the relationship between the protection of the right to privacy and the right to protect personal data. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2019;(9):17–22. (In Russ.)

22. Kil'deev R. R. Right to privacy and the right to data protection: problems of ratio. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(2):83–88. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Каменский Максим Андреевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела административной работы, Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6847-282X

Maksim A. Kamenskii, Candidate of Sciences (Juridical), Deputy Head of Administrative Department, Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President, Moscow, Russian Federation,
e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6847-282X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.1

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-61-78

(cc) BY 4.0

Защита персональных данных пользователя сети Интернет после смерти

И. С. Алихаджиева[1] ✉

[1]Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой
г. Москва 117624, Российская Федерация

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Резюме

***Актуальность**. В статье рассматриваются проблемы, связанные с защитой персональных данных умерших граждан, в том числе размещенных в аккаунтах социальных сетей, на других онлайн-платформах, анализируется «право на забвение» в отношении личной информации о человеке после его смерти.*

***Цель** исследования состоит в дополнении научных положений, направленных на углубление теории права о посмертной защите персональных данных человека, в том числе его цифровых активов, об удалении неактуальной и недостоверной информации в порядке правопреемства; в разработке предложений для устранения пробелов в гражданско-правовом регулировании цифрового наследства и «цифровой смерти».*

***Задачи**: определить юридические средства защиты персональных данных человека и иной личной информации, размещенных в Глобальной сети, после его смерти; выявить недостатки действующего законодательства; актуализировать с учетом научных дискуссий правоведов предложения по совершенствованию охраны нематериальных благ этой категории граждан.*

***Методология**. Для достижения теоретического и практического результата исследование проводилось с привлечением общенаучных и частнонаучных методов – диалектического, индукции и дедукции, анализа и синтеза, статистического, анализа судебной практики, формально-юридического, системно-аналитического и формально-логического методов.*

***Результаты** исследования носят теоретико-прикладной и законотворческий характер. Они включают предложения по разрешению проблем, связанных с защитой персональных данных умерших граждан, наследуемостью их виртуальных активов, в том числе аккаунтов в социальных сетях. Для преодоления пробелов в гражданском праве требуется легализация некоторых понятий (цифровое наследство, цифровые активы, «цифровая смерть»), признание в определенных случаях цифрового актива как виртуального имущества наследственной массой и др.*

***Вывод**. С учетом зарубежного опыта российское законодательство по защите персональных данных, личной информации и цифровых активов человека после его смерти характеризуется правовой неурегулированностью и неопределенностью, устранять которую необходимо посредством модернизации норм Гражданского кодекса Российской Федерации, регулятивных законов и пользовательских соглашений.*

***Ключевые слова**: персональные данные умершего; право на забвение; цифровое наследство; социальные сети; аккаунт; цифровая смерть; цифровой хранитель.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Алихаджиева И. С. Защита персональных данных пользователя сети Интернет после смерти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 61–78. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-61-78

Поступила в редакцию 30.04.2024 Принята к публикации 31.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Алихаджиева И. С., 2024

Protection of personal data of Internet user after death

Inna S. Alikhadzhiyeva[1]✉

[1]Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova
Moscow 117624, Russian Federation

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article examines the problems associated with the protection of personal data of deceased citizens, including those posted on social media accounts, on other online-platforms, analyzes the «right to be forgotten» in relation to personal information about a person after his death.*

The purpose *of the study is to supplement scientific provisions aimed at deepening the theory of law on the posthumous protection of personal data of a person, including his digital assets, on the removal of irrelevant and inaccurate information in succession; in developing proposals to address gaps in civil regulation of digital inheritance and «digital death».*

Objectives: *to determine legal means of protecting personal data of a person and other personal information posted on the global network after his death; identify shortcomings of the current legislation; update, taking into account the scientific discussions of legal scholars, proposals for improving the protection of intangible benefits of this category of citizens.*

Methodology. *To achieve a theoretical and practical result, the study was carried out with the involvement of the of schenoscientific and private scientific methods - dialectical, induction and deduction, analysis and synthesis, statistical, analysis of judicial practice, formal-legal, system-analytical and formal-logical methods.*

The results *of the study are of a theoretical-applied and legislative nature. They include proposals to resolve problems related to the protection of personal data of deceased citizens, the heritability of their virtual assets, including social media accounts. To overcome gaps in civil law, legalization of some concepts (digital inheritance, digital assets, "digital death") is required, recognition in certain cases of a digital asset as a virtual property by the hereditary mass, the introduction of a probate order, the appointment of a digital keeper, etc.*

Conclusion*. Taking into account foreign experience, Russian legislation on the protection of personal data, personal information and digital assets of a person after his death is characterized by legal unresolved and uncertainty, which must be eliminated through the modernization of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, regulatory laws and user agreements.*

Keywords*: personal data of the deceased; right to be forgotten; digital inheritance; social media; account; digital death; digital keeper.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Alikhadzhiyeva I.S. Protection of personal data of Internet user after death. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):61–78. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-61-78

Received 30.04.2024 Accepted 31.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Право на защиту персональных данных[1], «право на забвение»[2] (право на конституционные нормы о гарантиях защиты тайны персональных данных по примеру Хартии Европейского Союза об основных правах (Страсбург, 12.12.2007). См.: Журнал № С 202, 7.6.2016. С. 389.

[1] В отличие от России право на защиту персональных данных конституциями европейских стран и Хартией Европейского Союза об основных правах признается самостоятельным. Так, Македония (ст. 18), Хорватия (ст. 37) и Словения (ст. 38) ввели отдельные

[2] Такая формулировка используется не только юристами в научных публикациях, но и в решениях Конституционного Суда РФ. См.: Об отказе в принятии к рассмотрению

удаление информации личного характера), право на распоряжение онлайн-активами с личными сведениями в теории конституционного права исследователи относят к цифровым правам [1, с. 163]. Исходя из толкования ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152)[1], носителями персональных данных, набор которых индивидуален и может меняться в течение жизни, являются только физические лица. Как следует из ст. 3 ФЗ № 152, «информационный портрет» личности составляет любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу. В отличие от зарубежного (Япония, Великобритания) [2, с. 1396] отечественный законодатель признает и умершего человека субъектом персональных данных, допуская их обработку. В то же время ФЗ № 152 как регулятивный акт со специальным предметом (персональные данные) однозначно не решает вопрос об исключении из оборота персональных данных человека после его смерти, если их опубликование, к примеру, не затрагивает какое-то из личных неимущественных прав покойного, хотя при жизни такое право у их обладателя имеется. Он устанавливает требование о получении согласия на обработку персональных данных у наследников умершего гражданина, однако не разрешает многие вопросы: все ли наследники должны его давать, кто в отсутствие наследников должен выразить согласие, допустимо ли оно при обработке «чувствительных» данных [3, с. 21], к примеру, о судимости [4, с. 92] или нетрадиционной сексуальной ориентации и др. Нет юридического (законодательного) решения в специальном законе и ситуации, когда опубликована неактуальная или недостоверная информация, характеризующаяся как личная, в отношении умершего человека. Закон «о забвении» (о праве на удаление) (ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2] (далее – ФЗ об информации)) позволяет только живому гражданину ставить вопрос о прекращении операторами поисковых систем выдачи ссылок на нее[3].

В силу отсутствия правового регулирования вопросов, связанных с «информационным наследством», составляющим цифровую идентичность, актуализируется проблема посмертной защиты персональных данных умерших лиц. Требуется поиск правовых решений, позволяющих нивелировать проблему доступа наследников и иных заинтересованных лиц к аккаунтам умерших граждан с их персональной информацией, распоряжения ими, в том числе для прекращения неправомерной обработки чужих данных. Необходимость исследований, связанных с вопросами защиты

жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: определение Конституционного Суда РФ от 26 нояб. 2018 г. № 3087-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 03.04.2024).

[1] О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: [ред. от 06.02.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 03.04.2024).

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ: [ред. от 12.12.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 03.04.2024).

[3] О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 03.04.2024).

персональных данных умерших пользователей и правопреемства наследниками и уполномоченными лицами их цифровых активов, подтверждается и экспертами, предупреждающими об использовании мемориальных учетных записей в социальных сетях злоумышленниками в преступных целях. Оставление цифровых активов умерших людей без должной юридической охраны, отсутствие единообразного регулирования их цифровой жизни чреваты несанкционированным доступом к содержимому аккаунта (появились платные услуги цифрового бессмертия). Аккаунты могут быть взломаны с целью завладения персональными данными для опорочивания репутации умершего, мошеннических операций или вымогательства. Неурегулированность в национальном праве вопросов, связанных с распоряжением цифровыми объектами, породила неопределенность статуса личной информации, включающей персональные данные, переписку, сведения о частной жизни после смерти человека, и ее цифрового существования. Изложенные обстоятельства и обусловили выбор научной проблемы исследования.

Методология

Для достижения необходимого теоретического результата в основу исследования были положены общенаучные и частнонаучные методы, обеспечившие системный подход к изучению проблемы защиты персональных данных человека в сети Интернет после его смерти. Посредством применения диалектического метода познания социальных явлений, индукции и дедукции, анализа и синтеза были получены объективные и достоверные результаты, основанные на изучении понятий «персональные данные», «цифровые права», «цифровой актив», «цифровое наследство», «цифровая смерть», «аккаунт» и др.

С помощью формально-юридического и формально-логического методов были изучены содержание и особенности правового режима персональных данных умершего человека, право покойного «на забвение», состояние защиты личной информации создателя аккаунта в социальных сетях, мессенджерах, в почтовых сервисах после его смерти. Статистический метод был применен при работе со сведениями, характеризующими доступность мировому населению интернета, количество пользователей социальных сетей в мире и показателей мемориальных (памятных) страниц в Глобальной сети, для построения прогноза о развитии гражданского законодательства в этой сфере. На основе системно-аналитического метода, метода анализа судебной практики, формально-юридического и формально-логического методов были изучены решения по искам о защите персональных данных умерших граждан их наследниками. Посредством указанных методов была осуществлена и выборка научной литературы, описаны результаты и сформулированы авторские выводы и предложения законотворческого характера.

Результаты и их обсуждение

Стремительное развитие информационных технологий актуализировало вопросы защиты персональных данных физических лиц после их смерти, наследования (правопреемства) их цифровых ресурсов, авторских прав по цифровым произведениям, предоставления доступа к конфиденциальной информации умершего лица в интернете, не нарушающего его право на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки [5, с. 88]. Правовое регулирование ситуаций, связанных с цифровой смертью, имеет ряд пробелов, а потому на уровне доктрины идет разработка отдельных аспектов этой проблемы. Исследователи предлагают разные варианты решения вопросов юридической защиты и распоряжения информацией, относящейся к уже умершим людям (персональные данные, сведения о частной жизни, личная или семейная

тайна, честь и достоинство, авторство произведений и др.). Каким же образом охраняются персональные данные и иная личная информация об умершем человеке, его частная жизнь? Какова судьба цифровых активов человека после его смерти? Чтобы ответить на эти вопросы, следует изучить действующее российское законодательство и сравнить его с зарубежным.

«Право на забвение» и защита персональных данных умершего человека

«Право на забвение», или право на защиту (удаление) информации о себе (right to be forgotten), в России толкуется двояко: и как личное неимущественное, производное от конституционного права на уважение частной жизни, и как способ защиты персональных данных их субъектом в цифровом пространстве [6, с. 167]. Статьей 10.3 ФЗ об информации оператору поисковой системы императивно (обязан) предписывается прекратить выдачу ссылок на страницы в сети Интернет с информацией о заявителе, если она распространяется с нарушением законодательства, или недостоверна, неактуальна, утратила значение для заявителя в силу каких-то событий или его действий[1]. Как указано в Пояснительной записке к законопроекту, его предметом не является ограничение доступа к ресурсам, непосредственно распространяющим информацию о гражданине, а создание механизма прекращения выдачи поисковой системой ссылок на такую информацию[2]. Исключение составляет информация о событиях, в которых усматриваются признаки состава преступления и не истекли сроки привлечения к уголовной ответственности, а также о преступлениях, по которым не снята или не погашена судимость. Другими словами, оператор должен удалить из результата поиска, сделанного по имени человека, ссылки, которые содержат устаревшую информацию или не соответствуют действительности [7, с. 293]. Исторически россияне получили это право после знаменитого решения Европейского суда по правам человека, который в 2014 г. признал нарушением выдачу ссылок на «неадекватную, не соответствующую или больше не соответствующую действительности» информацию [8, с. 90; 9, с. 189].

Судьи вынесли такое решение по делу гражданина Испании Марио Костеха Гонсалеса, который потребовал у международной поисковой системы Google удалить неактуальную информацию о проведении аукциона в связи с его долгами и аресте дома. По его мнению, оператор нарушил право на конфиденциальность и должен скрыть в результатах поиска персональные данные. Google ответила отказом, и Гонсалес обратился в испанский суд, принявший сторону заявителя. Google обжаловала решение суда в Верховный суд Испании, а тот инициировал дело в Европейском суде. Суд сослался на Директиву о защите данных 95/46/ЕС (ст. 7 (f)), которые обрабатываются поисковыми системами, впервые признав, что принципы защиты персональных данных действуют и в отношении публикации результатов поисковых систем[3]. На основании ст. 7 «Уважение

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 03.04.2024).

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: пояснительная записка к законопроекту № 804132-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/804132-6 (дата обращения: 21.04.2024).

[3] Google проиграл дело в суде ЕС о защите персональных данных // Forbes: сайт. URL: https://www.forbes.ru/news/257113=lw3i

частной и семейной жизни» и ст. 8 «Защита персональных данных» Хартии основных прав Европейского союза суд постановил: контролер данных (Google) нарушил эти права Гонсалеса. Дело Гонсалеса послужило закреплению права субъекта персональных данных на удаление информации о себе в Общем регламенте по защите персональных данных (General Data Protection Regulation, далее – GDPR) (ст. 17). Несмотря на оговорку в преамбуле о действии регламента по новым правилам только в отношении персональных данных живых людей, этот документ предоставил странам-членам ЕС возможность принять свои правила обработки интернет-ресурсами и компаниями личной информации человека после смерти[1].

Ссылаясь на результаты исследования зарубежного права, проведенного Д. С. Богуславским и И. В. Смирновой, можно выделить подходы, которые использует иностранный законодатель в отношении права умерших «на забвение». Он устанавливает срок, в течение которого могут обрабатываться данные о человеке после смерти (в Венгрии – 5 лет, в Дании – 10 лет); срок действия согласия наследников и других заинтересованных лиц (10 лет в Эстонии и Словакии); право составить распоряжение о своих персональных данных на случай смерти (Франция, ФРГ); право наследников после смерти субъекта запросить персональные данные, если не было запрета на передачу со стороны умершего или нет противоречий закону (Италия, Испания). Другими словами, если европейские государства безусловно охраняют приватность живого человека, то правила по удалению информации об умерших вариативны, обусловлены особенностью национальной правовой системы и исходят из приоритета общества в публичном доступе к сведениям об умершем. По этой причине многие страны не вводят специальные нормы в отношении права умерших на удаление информации, а руководствуются положениями GDPR и нормами о личных неимущественных правах (по данным Д. С. Богуславского и И. В. Смирновой, это Австрия, Швеция, Португалия, Чехия, Нидерланды [10, с. 36–38]).

В юридической литературе справедливо указывается, что формулировка ст. 10.3 ФЗ об информации не содержит ответа, могут ли родственники умершего или иные заинтересованные лица инициировать обращение к оператору за удалением из поисковых запросов информации об умершем человеке, а потому толкование может быть буквальным или расширительным, с аналогией закона и без нее [10, с. 39]. И действительно, исходя из содержания п. 2 ст. 10.3 ФЗ об информации о требовании заявителя, включающего его персональные данные (почтовый, электронный адрес, номер телефона) и согласие на обработку персональных данных, очевидно, что подателем заявления об удалении ссылок может быть живой гражданин (физическое лицо), и спорная информация касается живых людей. Подтверждает этот вывод и анализ оснований прекращения выдачи ссылок, не могущих применяться к умершему человеку, одно из которых – утрата значения информации для гражданина. Российский аналог «права на забвение» не упоминает других лиц как заявителей для

7iuqdi616139073 (дата обращения: 21.04.2024).

[1] О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных: регламент (EU) 2016/679 от 27.04.2016 // OGDPR: сайт. URL: https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679; О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования уголовных преступлений, ведения розыскных или судебных действий или исполнения уголовных наказаний, а также за свободное перемещение таких данных: директива (EU) 2016/680 от 27.04.2016 // OGDPR: сайт. URL: https://ogdpr.eu/ ru/gdpr-2016-680 (дата обращения: 21.04.2024).

удаления ссылок в интересах умерших, что следует понимать не иначе, как пробел правотворца. Он пошел своим путём и сформулировал оригинальную модель нормы, отличную от европейской судебной практики, которая в сравнении с ФЗ № 152 не предусматривает удаления или сокрытия устаревшей или неправомерной информации о покойном человеке. Запросить удаление (закрытие доступа на выдачу ссылок) может живой человек и только в отношении себя. Именно потому наследники, другие заинтересованные лица для удаления ложной информации не могут использовать ст. 10.3 ФЗ об информации, а ссылаются на нормы ГК РФ. Так, в иске, рассмотренном Свердловским областным судом, удовлетворившем требование об удалении видеозаписи ДТП матери погибшего, в которой ее сына обвинили в аварии, заявлялось требование о защите чести и достоинства[1].

Другим способом защиты персональных данных и информации о частной жизни умершего человека является обращение в Роскомнадзор. От лица родственников или иных заинтересованных лиц ведомство обращается в суд с иском о признании деятельности веб-сайтов и интернет-страниц, публикующих конфиденциальную информацию (персональные данные) умершего, незаконной[2].

В то же время смерть человека – субъекта персональных данных не отменяет действие ФЗ № 152 вопреки ч. 2 ст. 17 ГК РФ о прекращении правоспособности со смертью. По ст. 9 согласие на их обработку, если его не было при жизни, дают наследники. В то же время критики этой нормы закона № 152-ФЗ справедливо обращают внимание и на нерешенность многих вопросов о защите персональных данных человека после его смерти: кто до вступления в наследство распоряжается персональными данными покойного; как осуществляется защита при отсутствии всех (по закону и по завещанию) наследников; есть ли количественный показатель наследников, голоса которых должны учитываться; могут ли наследники давать согласие на обработку «чувствительных» и специальных персональных данных (интимная жизнь, судимость, вероисповедание) и др. [3, с. 20]

Оживленная дискуссия вокруг нуждаемости в «праве на забвение» умершего разделила ученых по содержанию аргументов на две группы. В попытке убедить в его ценности сторонники говорят о потребности снизить риски негативного вмешательства в частную жизнь человека посредством компрометирующей информации. Напротив, противники легализации этого права полагают, что оно ущемляет свободу выражения мнений и доступа к информации, позволит «приукрасить» свое прошлое, переписать биографию, а также исказит статистику, научные и исторические исследования, чем повлияет на архивную работу специалистов и толкование исторических событий [8, с. 90]. К тому же положения ГК РФ

[1] Истец указал, что в телесюжете его сын неоднократно назван водителем автомобиля, виновным в ДТП, в результате которого наступила смерть не только сына истца, но еще двух людей, но сын истца автомобилем не управлял, указанные фразы порочат его честь и достоинство, поскольку фактически обвиняют его в совершении преступления. См.: О признании не соответствующими действительности сведений, содержащихся в телесюжете, об обязании опровергнуть данные сведения, удалить видеозапись из сети Интернет, о взыскании компенсации морального вреда: апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.07.2018 по делу № 33-10295/2018 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 03.04.2024) .

[2] Решение Обнинского городского суда Калужской области от 24.12.2020 по делу №2-1238/20 // N-ПДН: сайт. URL: https://n-pdn.ru/judical/content/razmeschenie-na-sayte-personalnih-dannih-umershego-i-ego-rodstvennikov/?ysclid=lwn32 gvdap39067703 (дата обращения: 25.04.2024).

(ст. 150) о нематериальных благах позволяют родственникам или наследникам, иным заинтересованным лицам защитить добрую память умершего, если умаляются его честь и достоинство, репутация, нарушаются приватность частной жизни, личная или семейная тайна, имя гражданина (а все потому, что «право на забвение» по своему смыслу есть право на удаление информации о личности).

Следует согласиться с теоретиками в том, что гражданское законодательство предусматривает возможность защиты частной жизни, личной и семейной тайны, изображения, чести и достоинства как нематериальных благ человека после смерти по «правилу преемства», если обработка личных сведений (персональных данных), характеризующих умершего, была неправомерной. Сбор, хранение, распространение и (или) использование личных данных судами при их незаконности оцениваются как нарушение права на уважение (неприкосновенность) частной жизни. Вместе с тем, вопреки аргументам «против», укажем, что в условиях стремительного развития высоких технологий и масштабирования границ цифрового мира следует прогнозировать перспективу признания «права на забвение» одним из общечеловеческих прав XXI в., а потому механизм его действия должен быть обдуман законодателем. «Право на забвение» умершего как нематериальное благо должно подлежать специальной защите по аналогии с персональными данными, что корреспондирует с ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции о праве *каждого* (а не живого) на неприкосновенность частной жизни. Человек сам должен решать, что о нем будут «помнить», это его «право на добрую память» [11, с. 41]. В этом смысле следует поддержать юристов-специалистов по гражданскому праву, предлагающих регламентировать в ГК РФ «право на забвение» как неимущественное благо, «четко установив условия практической реализации данного правомочия» [12, с. 259–260].

Другим правотворческим решением, которое приумножит действенность защиты чести и достоинства, доброго имени умершего, его частной жизни, изображения и др., может быть новелла о праве наследников на обращение к оператору поисковой системы в соответствии со ст. 10.3. Закона об информации. Их запрет на поисковую выдачу указателя страницы сайта в сети Интернет, где содержится неактуальная или недостоверная информация о покойном, действиях или событиях с ним связанных, сделает более эффективным инструмент ее исключения из общего доступа [6, с. 167; 10, с. 38;]. Несмотря на гражданско-правовые способы охраны некоторых нематериальных благ человека после его смерти, описанная в ст. 10.3 Закона об информации процедура защиты в том числе персональных данных более «полная и своевременная», на что указывали разработчики законопроекта в пояснительной записке. В этой же норме, в ст. 10.3 Закона об информации, как представляется, следует ввести положение о взыскании морального вреда в пользу наследников умершего в случае незаконной обработки его персональных данных, о чем пишут авторы [3, с. 21]. В работах исследователей на эту тему предлагаются и другие новеллы (предоставление документов, подтверждающих заинтересованность заявителя) для «достижения целей введения этой нормы и снижения риска появления неединообразной судебной практики» [10, с. 40].

Аккаунт умершего пользователя в социальных сетях

Информационный век с его высокими технологиями обусловил участие современного человека во множестве онлайн-коммуникаций, среди которых взаимодействие в социальных сетях. Как верно подмечает Е. А. Войниканис, социальные сети – это «сетевые места скопления адресатов рекламы, продуктов и

услуг», формирующие аудиторию [13, с. 108]. Используя эту платформу, пользователь оставляет свои личные данные, переписывается с другими людьми, может публиковать свои работы или авторские произведения и др. Согласно отчету Social Media Users (Global Data & Statistics), на 01.01.2024 пользователями социальных сетей во всем мире являются 5,17 млрд человек, что составляет 63,82% от всего населения планеты. Ежегодный прирост аккаунтов на этих площадках в среднем составляет 9,6%. По прогнозам аналитиков из сферы IT, к 2027 г. число учетных записей в онлайне должно увеличиться до 5,85 млрд[1]. Вместе с ростом пользователей этих ресурсов увеличивается количество аккаунтов, принадлежащих умершим людям. Эти страницы, как верно отмечают IT-специалисты, «память, поскольку там остаются мысли человека, фотографии, то есть информация о его жизни. Это своего рода виртуальный памятник этому человеку, который позволяет друзьям и родственникам вспоминать его»[2]. В то же время, по подсчетам экспертов, через 50 лет число «живых» аккаунтов станет меньше, чем тех, что принадлежали умершим людям. Прогнозируется цифра «мертвых» профилей в 1,4 млрд.

Данные, которые хранит личный аккаунт умершего, с точки зрения гражданского права могут содержать результаты его интеллектуальной деятельности (рисунки, рилсы, стихи), быть цифровым активом. У современного «человека информационного» огромные объемы информации находятся в мессенджерах, облачных хранилищах, в личных кабинетах на сайтах. В связи со смертью человека возникают не только вопросы получения наследства, выраженного в физическом имуществе, но и, к примеру, наследования цифровой собственности, профиля умершего, могущего иметь материальную ценность, защиты личных данных покойного, в том числе когда он не оставил паролей и логинов от своего аккаунта с информацией о своей жизни[3]. Цифровое наследство может включать не только аккаунты в соцсетях, но и профили в интернет-магазинах, переписку в мессенджерах, свой блог, в которых содержатся персональные (биометрические) данные, изображение, голос, которые дороги близким ушедшего[4]. Эти виды информации регулируются разными правовыми режимами, а потому возникает юридический конфликт при желании близких получить доступ к личному профилю в случае смерти его создателя, оформить его как цифровой мемориал [5, с. 88].

Как и с «правом на забвение» умерших, отечественный законодатель устранился от решения вопросов, связанных с цифровым существованием аккаунтов после смерти их владельцев. Не предусмотрено законом и получение родными умершего человека цифрового наследства, поскольку не определен его предмет или точный список наследуемых интернет-данных. Эта сфера законом практически не урегулирована, а потому аккаунты, зарегистрированные в Глобальной сети, имуществом не признаются и не наследуются. А между тем в мировой практике имеются законодательные при-

[1] Статистика социальных сетей в мире (июнь 2024) // Инклиент: [сайт]. URL: https://inclient.ru/global-social-networks-stats/?ysclid=lw3qqrcinj995020719 (дата обращения: 27.04.2024).

[2] Вечная память: как сохранить и защитить от взлома аккаунты умерших в соцсетях // Миртесен: [сайт]. URL: https://mt.newizv.ru/blog/43590407616/Vechnaya-pamyat-kak-sohranit-i-zaschitit-ot-vzloma-akkauntyi-ume (дата обращения: 25.04.2024).

[3] Цифровое завещание: кому переходят аккаунты после смерти владельца // Газета.ru: сайт. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/04/18/13561352/digital_will.shtml?updated (дата обращения: 22.04.2024).

[4] Что происходит с цифровым следом человека после смерти // РБК: сайт. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/6295dbe39a794721003f8656?from=copy (дата обращения: 15.04.2024).

меры наследования интернет-данных и цифровых аккаунтов. А. Л. Романова, изучив зарубежный опыт, приводит правовые акты ряда государств, содержащих правила распоряжения объектами, выраженными в цифровом формате, принадлежавшими умершему человеку. Согласно ее компаративистскому исследованию, в испанской Каталонии Акт «О цифровом наследнике» одобрил включение виртуальной собственности в наследственную массу, для чего наследодатель может составить завещание. При этом действует оговорка: при противоречии виртуальных и письменных распоряжений покойного учитывается второе [14, с. 212].

Во Франции Законом № 2016-1321 «О цифровой республике» человек наделен правом распоряжения персональными данными, в том числе опубликованными им в интернете, в порядке завещательной воли по их судьбе, что обязывает поставщиков онлайн-услуг и доверенных лиц выполнить волю умершего. А в эстонском законе о защите персональных данных владелец цифровых активов может оставить распоряжение ими при жизни, а действовать оно будет десять лет после его ухода. Причем защищать персональные данные умершего, его цифровое существование и виртуальное наследство могут только правопреемники [14, с. 212]. В 2014 г. законом § 5002 штат Делавэр в США первым внес поправку в раздел 12 своего кодекса, признав контент в соцсети цифровым активом. Ею разрешается цифровое наследование личных кабинетов в онлайн-сервисах (магазины, службы доставки, транспортные компании) и страниц в социальных сетях, принадлежащих умершим гражданам. Поправкой была сформулирована дефиниция цифрового актива и составлен перечень полномочий доверенных лиц относительно онлайн-наследства. Законодатель штата исходил из понимания виртуального аккаунта как обычного документа, подлежащего наследованию, и эта практика в порядке унификации была распространена и на другие штаты [15, с. 524].

По сообщениям газеты “Suddeutsche Zeitung”, в 2018 г. Верховный суд ФРГ приравнял аккаунт в Facebook*[1] к фотоальбомам, письмам, личным дневникам и разрешил его наследование. Рассмотрев дело по заявлению отца и матери погибшей девочки, суд в своем решении от 12 июля 2018 г. III ZR 183/17 указал, что цифровой актив (аккаунт) и личное его содержание не подлежат дифференциации, поскольку нет оснований толковать онлайн-контент иначе, чем как предмет наследства. Де-юре архив дочери был признан цифровым наследством и приравнен к материальному. Сославшись на ст. 1922 Германского гражданского уложения о правилах наследования, суд признал пользовательское соглашение между соцсетью и умершей контрактом, который перешел к наследникам. По мнению суда, наследники, кому открывается доступ к личным записям умершей, не являются посторонними лицами владелице аккаунта[2]. Изучив опыт Швеции, Е. А. Абросимова, Э. В. Власенко также отмечают юридическое признание аккаунта имуществом, которое наследуется, однако решение принимает судья, исходя из пользовательского соглашения умершего с социальной сетью [16, с. 455].

Правила цифровой смерти профилей владельцы российских социальных сетей и прочих электронных площадок устанавливают сами, не оговаривая передачу кому-то данных в случае смерти зарегистрированного в сети участника, и запрещают доступ к учетным записям покойных. К примеру, в Правилах пользо-

[1] Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России.

[2] В Германии признали аккаунты в соцсетях цифровым наследством // RTVI: сайт. URL: https://rtvi.com/news/v-germanii-priznali-akkaunty-v-sotssetyakh-tsifrovym-naslediem/ (дата обращения: 24.04.2024).

вания сайтом «ВКонтакте» нет информации о судьбе аккаунта умершего человека. В ответе соцсети по запросу автора говорится, что его можно удалить либо ограничить доступ, сохранив как память (режим «консервации» для близких). После обращения в службу техподдержки при публикации неприемлемых материалов посторонними людьми можно ограничить доступ или закрыть профиль в режиме приватности (с просмотром сохраненных материалов). «ВКонтакте» разъяснил, что принять меры к аккаунту умершего можно только на основании необходимых документов, а на профиле появится метка «Страница умершего человека». В другой отечественной соцсети «Одноклассники» действуют те же нормы – родственники принимают решение или о переводе страницы в памятную (изображение с черно-белой лентой с доступом только друзьям), или о режиме сокрытия аккаунта для участников соцсети. Для этого в теме обращения «Человек ушел из жизни» заявитель направляет в техподдержку фото свидетельства о смерти и ссылку на профиль умершего. Обе платформы не предоставляют доступ даже доказавшим свое родство людям к аккаунтам умерших граждан: провайдер самостоятельно выполняет нужные действия с учетной записью (и в этой связи Е. А. Абросимова, Э. В. Власенко верно ставят вопрос о неясности правовой квалификации действий тех лиц, которые используют логин и пароль умершего родственника, пользуются его страницей, не сообщая о смерти оператору соцсети [16, с. 459]).

Напротив, с 2013 г. в американской соцсети Facebook* (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России) правила существования и закрытия профиля человека, которого нет в живых, установлены в момент регистрации. Они предусматривают указание на хранителя аккаунта и его действия после смерти его создателя (удаление, изменение фотографии, публикация прощального сообщения). При этом владелец онлайн-страницы оформляет завещание или иной документ той же юридической силы с согласием на раскрытие его контента. Думается, что сами действия, которые предлагают провайдеры социальных сетей в отношении судьбы аккаунта умершего пользователя (только как дань памяти о нем с присвоением мемориального статуса), свидетельствуют о непризнании его имуществом. Аккаунт ушедшего из жизни человека аккумулирует его персональные данные, информацию о частной жизни человека, его переписку, а потому приоритетом провайдера является соблюдение законодательства об их защите после смерти[1].

Российский законодатель и суды как правоприменители не смогли определиться и в вопросе правовой природы виртуального контента (аккаунта в социальной сети, переписки и личных материалов в нем, персональных (биометрических) данных, онлайн-игр и др.). Правда, правотворец ввел в трех частях кодекса категорию «цифровые права» (ст. 128 «Объекты гражданских прав», 141.1 «Цифровые права» ГК РФ), а судебной практике известны единичные решения по признанию цифрового актива имуществом[2].

Проблема правовой квалификации учетной записи в социальных сетях и других цифровых активов приобретает все большую значимость, и вот почему.

[1] Как устроено цифровое кладбище Facebook*? (*принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России) // Инфобезопасность: сайт. URL: https://infobezopasnost.ru/blog/news/kak-ustroeno-tsifrovoe-kladbishhe-facebook/ (дата обращения: 19.04.2024).

[2] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/ (дата обращения: 03.04.2024)

Ее актуализируют не только масштабы доступа человечества к онлайн-площадкам. Происходит коммерциализация аккаунта («бизнес-аккаунты»), когда он становится платформой для творчества, продажи услуг (тренинги), интернет-магазином, в который вкладываются денежные средства, хранилищем денег (криптовалюта, электронные), купленных за безналичные деньги цифровых копий книг, музыкальных альбомов, игр, криптовалюты и др. (цифровые покупки). И тогда возникает вопрос не только о потребительских свойствах интернет-аккаунта, когда человек пользуется сервисами и контентом соцсети, а с учетом возрастающей функциональности – его условной «стоимости», приносящей огромному числу «живых пользователей», прежде всего, медийным людям, высокие доходы. И в этом значении любой актив в цифровой (электронной) форме, обладающий материальной (коммерческой) ценностью, как иное имущество может быть признан новым объектом гражданского оборота, а значит подлежащим включению в наследственную массу для его передачи родным и близким.

Специалисты, изучившие вопрос наследования аккаунтов в социальной сети, полагают, что проблема перехода прав умершего пользователя в отношении учетной записи к наследникам порождена неурегулированностью в правилах социальных сетей условия о наследовании аккаунта. Так, А. В. Копьев указывает на то, что причина сложности в получении наследниками доступа к личной онлайн-информации после смерти пользователя не в том, что нет положения о наследовании такой информации, а потому что само соглашение социальной сети и пользователя не допускает наследования аккаунта [17, с. 71]. По мнению второй группы авторов, пользователь при регистрации сам выбрал условия для учетной записи без доступа кого бы то ни было к нему, что и означает его отказ на посмертное владение или распоряжение оставшимся ресурсом. Другими словами, регулирование судьбы цифрового ресурса предлагается отдавать на откуп пользовательским соглашениям, в которых по-разному, крайне отличительно, прописаны правила пользования интернет-платформами [18, с. 25; 19, с. 38].

Полагаем, как и многие публицисты, что в современной реальности аккаунты должны получить статус объекта цифрового права для защиты права наследников и наследодателей, в том числе на добрую память о покойном родственников и других близких лиц. Для этого юристы предлагают определиться с тем, что представляет собой цифровой феномен учетной записи, ведь проблема наследования страниц в социальных сетях обусловлена их непризнанием объектом гражданских прав. Так, М. М. Панарина, анализировавшая понятие «аккаунт в социальных сетях» через гражданско-правовые категории («база данных»[1], «запись на сервере собственника соцсети», «договор (соглашение с организатором соцсети»)), пришла к выводу о смешанной его природе. По ее мнению, сам

[1] К примеру, «ВКонтакте» предъявило иск о защите исключительного смежного права на базу данных пользователей соцсети к ООО «Дабл» как разработчику скоринговых программ. В своем постановлении Девятый арбитражный апелляционный суд признал действия ответчика по извлечению и последующему использованию информационных элементов из базы данных пользователей социальной сети «ВКонтакте» нарушением исключительных прав истца как изготовителя базы. См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2018 по делу № 09АП-61593/2017-ГК // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/OkUD2e9M1PU8/?ysclid=lwja4c5zpx320026465 (дата обращения: 25.04.2024); Брезгулевская Л. В Контакте & Дабл: дело о запрете продажи данных пользователей базы данных соцсети // Zakon.ru: сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/12/ (дата обращения: 25.04.2024).

наследодатель должен иметь возможность в лицензионном соглашении распорядиться о передаче права на пользование его интеллектуальной собственностью (при наличии), о сокрытии какой-то информации от наследника и действиях с его персональной страницей [20, с. 27–28]. Е. А. Абросимова и Э. В. Власенко считают неоднозначным такое понимание аккаунта, полагая, что у него недостаточно необходимых свойств для включения в наследственную массу. В то же время авторы признают, что решение этого вопроса – прерогатива законодателя и пользовательских соглашений, а ему, законодателю, они предлагают дополнить часть 4 ГК РФ ст. 1128.1 «Завещательные распоряжения аккаунтами в социальных сетях» (по аналогии с банковским завещанием) [16, с. 456]. Для легализации цифрового наследства А. А. Бордюговская видит возможным изменить ст. 128 ГК РФ в части конкретизации понятия «иное имущество» и ввести новую гражданско-правовую категорию «право на доступ к информации» как разновидность имущественных прав. В ст. 1112 ГК РФ, по ее мнению, следует оговорить основания наследования цифровых прав [21, с. 112].

Электронная почта, мессенджеры, мобильные устройства и облачные хранилища с персональными данными и другой личной информацией умершего человека

В отечественном законодательстве нет никаких положений относительно получения данных с электронной почты умерших граждан, телефонов, мессенджеров и других цифровых хранилищ по накоплению информации. Каким же образом можно получить доступ к личной информации умершего человека из мобильных устройств, мессенджеров, в электронной почте и в облачных хранилищах в России и за рубежом? При сравнении правил посмертного распоряжения аккаунтами и иными цифровыми площадками, которыми пользовался умерший, очевидно, что службы электронной почты, производители мобильных устройств и мессенджеров избрали другие подходы. По свидетельству М. М. Панариной, каких-то инструкций в отношении содержания электронных почтовых ящиков в России (Яндекс.ru, mail.ru), если их владельцем был ушедший из жизни человек, нет. Почтовые сервисы предусматривают автоудаление ящиков в случае, если они не использовались в течение определенного времени [20, с. 28]. И действительно, «Яндекс» блокирует доступ и к e-mail умершего, и к его личным данным в своих сервисах. При обращении родственников или близких со свидетельством о смерти почтовый адрес удаляется, а при его неактивности удаление произойдет через два года. Те же правила и у сервиса Mail.ru, а срок бездействия электронной почты составляет шесть месяцев. В мессенджерах WhatsApp и Telegram доступ к аккаунту и переписке умершего не предоставляется, что соответствует политике конфиденциальности этих платформ. Они содержат отсылку к ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений» УК РФ [21, с. 109].

По данным А. Л. Романовой, штат Коннектикут в США принял Акт о доступе к учетным записям электронной почты умерших [14, с. 212]. При этом американская транснациональная корпорация Apple в новых версиях телефонов (iOS) и макбуков (macOS) предусмотрела новую опцию «Цифровой наследник» (до активации в настройках «Пароль и безопасность» она отключена). Владельцем гаджета с облачным хранилищем (iCloud) могут быть назначены до пяти наследников, выбор которых происходит из списка контактов. Причем они не обязательно должны состоять в родстве, но минимальный возраст ограничен тринадцатью годами. Он нигде не оговаривается специально, но таким является нижний порог возраста для создания учетной запи-

си. Наследнику далее передается ключ – либо комбинация из 88 символов, либо QR-код. И тогда после смерти наследодателя его облачный сервис будет доступен лицам, выбранным наследниками. Им не нужно обращаться к нотариусу, а следует создать заявку на сайте компании Apple или написать в службу поддержки с приложением свидетельства о смерти владельца учетной записи и ключа доступа (он генерируется при назначении наследника). Интересно, что содержимое оригинальной учетной записи (Apple ID) умершего отключается, а наследник на три года получает доступ к истории звонков, заметкам, почте, контактам, списку для чтения, закладкам, резервной копии, медицинским данным в приложении «Здоровье». По правилам Apple не передаются близким и родственникам – наследникам платежные данные платежей, покупок в приложениях и платные подписки, а также привязанные карты (Apple Pay). По истечении трех лет все данные из учетной записи безвозвратно удаляются[1].

В аккаунте Google можно воспользоваться опцией «На всякий случай» с назначением наследника, которая начинает действовать, если учетная запись перестала быть активной. Владелец сам может настроить режим активности на срок от трех месяцев до года. Google позволяет определить наследниками до десяти человек и выбрать, какая информация об активности во всех сервисах компании будет открыта и какому именно из названных наследников. Если эта функция не была подключена, то действует тот же порядок, что и в компании Apple: обращение через специальную форму в техподдержку Google со свидетельством о смерти и указанием паспортных данных.

Выводы

На сегодняшний день пользовательские соглашения при регистрации новых учетных записей в российских и зарубежных социальных сетях содержат информацию о судьбе аккаунта в случае смерти его создателя. При этом каждая онлайн-платформа предусматривает свой порядок цифрового существования персональной страницы пользователя после его биологической смерти. Думается, из-за популярности коммуникационных интернет-ресурсов правило социальных сетей о цифровом бессмертии посредством сохранения памятного мемориала умершего пользователя через какое-то время будет исключено, поскольку приведет к доминированию в Глобальной сети «мертвых» страниц. Вне зависимости от юрисдикции социальной сети в большинстве государств мира, как и в Российской Федерации, нет юридических норм, разрешающих правопреемство указанного цифрового актива в порядке наследования. Недопуск родных и близких к учетным записям их создателя выступает проявлением защиты со стороны провайдеров персональных данных умершего, его частной жизни и приватности переписки. Исключением являются отдельные страны, законодательство которых регулирует вопрос наследования аккаунта и других цифровых активов. Мировой тенденцией является разрешение вопросов наследования личных аккаунтов на онлайн-платформах и защиты персональных данных и частной жизни умерших в Глобальной сети только судебными органами. Под давлением сформировавшейся судебной практики и в связи с коммерциализацией учетных записей в соцсетях, когда аккаунты становятся средством заработка шоуменов, блогеров, артистов, вполне прогнозируемы новеллы в национальном законодательстве и в пользовательских соглашениях (так называемое «мягкое» право). Думается, они будут более детально регламентировать вопросы цифровой жизни личности после

[1] Как завещать аккаунты в соцсетях и цифровые покупки? // Тинькофф Журнал: сайт. URL: https://journal. tinkoff.ru/live-and-die-in-web (дата обращения: 25.04.2024).

смерти, цифровой смерти, не одномоментной с биологической, и цифрового наследства.

Для разрешения правовой неопределенности в этой сфере полагаем необходимой (вслед за специалистами и практиками) выработку единого подхода в отечественной юриспруденции в отношении персональных данных умерших лиц, их аккаунтов и другого цифрового следа после смерти человека. В этих целях представляется необходимым конкретизировать понятия «цифровое наследство», «аккаунт в социальной сети», «право на доступ к информации» ввиду разного их понимания в теории и практике и закрепить четкий механизм наследования интернет-активов. Если признать аккаунт виртуальным имуществом по признаку его коммерческой ценности или как базы данных, тогда речь можно вести и о его признании «иным имуществом». Вполне реализуема идея с электронным завещанием с назначением наследника (цифрового хранителя), который будет наделяться обязанностью защищать цифровые активы умершего и (или) управлять ими. В этом смысле следует поддержать модернизацию ГК РФ с его дополнением нормой о завещательном распоряжении в отношении виртуальных ресурсов, распространив ее действие не только на профили в социальных сетях, но и в отношении прочих сервисов (почта, мессенджеры, облачные серверы, криптовалютные, электронные платежные сервисы, стриминговые и видеоигровые, домены, веб-страницы, личные блоги и др.), также хранящих персональные данные, фотографии, файлы с интеллектуальной собственностью, электронные деньги, цифровое имущество и др. Дальнейшему осмыслению наукой подлежат вопросы наследования интеллектуальных прав умерших, оставивших свой цифровой след в творчестве, в науке, и цифрового бессмертия или цифровой смерти, когда наследодатель выразил желание сохранить или уничтожить информацию о себе.

Правотворцу следует предложить регламентировать в ГК РФ и такое личное неимущественное право, как «право на забвение» в отношении неактуальной или недостоверной информации об умершем человеке. Новелла будет востребована в том числе для оперативной защиты нематериальных благ умершего, сокращения нагрузки на суды. В этом смысле возможно законодательное дополнение ст. 10.3 Закона об информации в части наделения наследников, детей, пережившего супруга, родителей и иных заинтересованных лиц (по аналогии со ст. 152, 152.1, 152.2 ГК РФ) правом на отправку запроса об удалении негативной или любой другой информации об умершем – ложной, утратившей свою актуальность.

Список литературы

1. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 5. С. 141–167.

2. Молчанов С. В., Нехайчик В. К. Обеспечение конфиденциальности информации в России и некоторых зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование // Право и политика. 2008. № 6 (102). С. 1395–1400.

3. Кучеренко А. В. Особенности обработки персональных данных лица в случае его смерти // Информационное право. 2011. № 2. С. 20–22.

4. Алихаджиева И. С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменителю информацию о личности? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 91–106.

5. Данилов Н. А., Силкин В. В. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 1. С. 86–101.

6. Волкова Г. Е. Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 2. С. 165–171.

7. Подрабинок Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 290–300.

8. Чуб Е. С. Право на забвение: новое право человека? // Цифровое право. 2022. Т. 3, № 4. С. 89–106.

9. Пащенко И. Ю. Право быть забытым: зарубежный и российский опыт правового регулирования // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 4. С. 189–192.

10. Богуславский Д. С., Смирнова И. В. «Право на забвение» в сети «Интернет» после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 35–42.

11. Гаврилов Е. В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 9. С. 39–47.

12. Шергунова Е. А. Право на забвение как личное право физического лица // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова / отв. ред. В. В. Богдан; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 255–261.

13. Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2014. 821 с.

14. Романова А. Л. Технологии цифрового реинкарнирования личности в соотношении с правом на «цифровую смерть» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 4 (92). С. 211–217.

15. Гурковская М. И. Наследование аккаунта: проблемы и перспективы развития // Научный аспект. 2020. Т. 4, № 2. С. 523–527.

16. Абросимова Е. А., Власенко В. Э. Наследование аккаунтов в социальных сетях в Германии и Швеции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 2. С. 452–468.

17. Копьев А. В. Цифровое наследство // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград: Волгоград. акад. МВД России, 2020. С. 71–73.

18. Лазаренкова О. Г. К вопросу о цифровых правах, а также цифровой учетной записи в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2019. № 3. С. 24–27.

19. Яценко Т. С. Проблемы гражданско-правового регулирования посмертного использования нематериальных благ // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 7. С. 35–46.

20. Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 27–28.

21. Бордюговская А. А. Проблемы наследования цифрового имущества // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 107–113.

References

1. Varlamova N.V. Digital rights – a new generation of human rights? (end). *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019;(5):141–167. (In Russ.)

2. Molchanov S.V., Nekhaichik V.K. Ensuring confidentiality of information in Russia and some foreign countries: comparative legal research. *Pravo i politika = Law and politics*. 2008;(6):1395–1400. (In Russ.)

3. Kucherenko A.V. Features of the processing of personal data of a person in the event of his death. *Informacionnoe pravo = Information law*. 2011(2):20–22. (In Russ.)

4. Alikhadzhiyeva I.S. Private life, personal secret or personal data: how to interpret information to a law enforcement officer? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(2):91–106. (In Russ.)

5. Danilov N.A., Silkin V.V. Legal regulation of access to information of the Internet user after his death: comparative legal research. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*. 2021;(1):86–101. (In Russ.)

6. Volkova G.E. Judicial protection of the «right to oblivion» in modern Russia: questions of theory and practice. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2022(2):165–171.

7. Podrabinok E.M. Features of the exercise of the right to oblivion in the era of digitalization of society. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*. 2019;(2):290–300. (In Russ.)

8. Chub E S. The right to be forgotten: a new human right? *Cifrovoe pravo = Digital law Journal*. 2022;3(4):89–106. (In Russ.)

9. Pashchenko I.Y. The right to be forgotten: foreign and Russian experience in legal regulation. *Nauka. Mysl': elektronnyj periodicheskij zhurnal = Science. Thought: Electronic periodical journal*. 2016;(4):189–192. (In Russ.)

10. Boguslavsky D.S., Smirnova I.V. “The right to oblivion” on the Internet after the death of a citizen: foreign approaches and the possibility of implementation in Russia. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Court for Intellectual Rights*. 2019;(24):35–42. (In Russ.)

11. Gavrilov E.V. The good memory of a deceased person as an intangible good in the civil law of the Russian Federation and foreign countries. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2014;(9):39–47. (In Russ.)

12. Shergunova E.A. The right to be forgotten as a personal right of an individual. In: Bogdan V. V. *Chastnoe pravo v evolyucioniruyushchem obshchestve: tradicii i novacii: sbornik nauchnyh statej 2-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati doktora yuridicheskih nauk, professora V. N. Suslikova = Private law in an evolving society: traditions and innovations: a collection of scientific articles of the 2nd All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor V. N. Suslikov*. Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2020. P. 255–261. (In Russ.)

13. Voynikanis E.A. Intellectual property law in the digital age. Balance and flexibility paradigm. Moscow: Jurisprudence; 2014. 821 p. (In Russ.).

14. Romanova A.L. Technologies of digital reincarnation of personality in relation to the right to “digital death”. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*. 2022;(4):211–217. (In Russ.)

15. Gurkovskaya M.I. Account inheritance: problems and development prospects. *Nauchnyj aspect = Scientific aspect*. 2020;(2):523–527. (In Russ.)

16. Abrosimova E.A., Vlasenko V.E. Inheritance of accounts in social networks in Germany and Sweden. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2022;(2):452–468. (In Russ.)

17. Kop'ev A.V. Digital inheritance. In: *Aktual'nye problemy chastnogo i publichnogo prava: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Actual problems of private and public law: collection of scientific works of All-Russia scientific-practical. conference.* Volgograd: Volgograd. akad. MVD Rossii; 2020. P. 71–73. (In Russ.).

18. Lazarenkova O.G. On the issue of digital rights, as well as a digital account in hereditary legal relations. *Nasledstvennoe pravo = Hereditary law*. 2019;(3):24–27. (In Russ.)

19. Yatsenko T.S. Problems of civil regulation of the posthumous use of intangible goods. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;(7):35–46. (In Russ.)

20. Panarina M.M. Inheritance of an account in social networks and issues of digital inheritance: legal research. *Nasledstvennoe pravo = Hereditary law*. 2018;(3):27–28. (In Russ.)

21. Bordyugovskaya A.A. Problems of inheritance of digital property. *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskih issledovanij = Journal of Legal and Economic Research*. 2023;(3):107–113. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Алихаджиева Инна Саламовна, доктор юридических наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Alins1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6998-930X

Inna S. Alikhadzhiyeva, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova, Moscow, Russian Federation,
e-mail: Alins1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6998-930X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.51

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-79-94

(cc) BY 4.0

Гражданско-правовая ответственность медицинской организации за утечку персональных данных

Б. В. Агарков, А. Н. Сурков[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: alexandrnikolaevitch.surkov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *При рассмотрении исков об утечке сведений, составляющих персональные данные пациента и его врачебную тайну, судами дается разная оценка основаниям гражданско-правовой ответственности медицинских организаций. В статье выявляются сложившиеся подходы к оценке виновности медицинской организации, допустившей нарушение конфиденциальности личной информации граждан, обратившихся за медицинской помощью.*

Целью исследования *является дополнение теоретических положений, направленных на углубление научного знания о гражданско-правовой ответственности медицинских организаций за неправомерное распространение и (или) использование персональных данных пациента, включающих сведения, относящиеся к врачебной тайне; разработка предложений для устранения дисбаланса режима конфиденциальности персональных данных пациента и его права на юридическую помощь.*

Задачи: *проанализировать гражданское законодательство, законодательство о персональных данных, позиции Конституционного и Верховного судов Российской Федерации в части защиты персональных данных пациента, решения судов общей юрисдикции по искам об ответственности медицинских организаций за неправомерные действия с персональными данными, повлекшие утечку личной информации о пациентах; изучить и актуализировать имеющиеся в теории предложения, направленные на единообразное правоприменение по делам этой категории.*

Методология*. Исследование проводилось посредством методов индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-юридического, системно-аналитического и формально-логического методов, а также метода обобщения судебной практики.*

Результаты исследования *отражены в сформулированных предложениях, направленных на совершенствование судебной защиты персональных данных пациентов медицинских организаций и единообразие судебной практики в части ответственности медицинских организаций по делам этой категории.*

Вывод*. По делам об ответственности медицинских организаций за утечку персональных данных пациентов единообразного правоприменения не сложилось. Не получило однозначную оценку судебной практикой и право адвоката на доступ к персональным данным лиц, которым была оказана медицинская помощь. Для устранения имеющихся пробелов в защите рассматриваемых нематериальных благ пациента аргументируется необходимость исключения их персональных данных из режима конфиденциальности для отправления правосудия и при оказании квалифицированной юридической помощи по договору.*

Ключевые слова*: персональные данные; пациент; медицинская организация; ответственность; врачебная тайна; конфиденциальность; моральный вред; адвокатский запрос.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Агарков Б. В., Сурков А.Н. Гражданско-правовая ответственность медицинской организации за утечку персональных данных // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 79–94. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-79-94

Поступила в редакцию 30.04.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Агарков Б. В., Сурков А.Н., 2024

Civil liability of a medical organization for personal data leakage

Bogdan V. Agarkov, Aleksandr N. Surkov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: alexandrnikolaevitch.surkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. *When considering claims for leakage of information constituting the patient's personal data and his medical confidentiality, the courts give a different assessment of the grounds for civil liability of medical organizations. The article reveals the established approaches to assessing the guilt of a medical organization that violated the confidentiality of personal information of citizens who applied for medical help.*

The purpose *of the study is to supplement theoretical provisions aimed at deepening scientific knowledge about the civil liability of medical organizations for the unlawful dissemination and (or) use of patient's personal data, including information related to medical confidentiality; development of proposals to eliminate the imbalance of the patient's personal data confidentiality regime and his right to legal assistance.*

Objectives: *analyze civil legislation, legislation on personal data, the positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation regarding the protection of patient personal data, decisions of courts of general jurisdiction on claims of liability of medical organizations for unlawful actions with personal data that resulted in the leakage of personal information about patients; to study and update the proposals available in theory aimed at uniform law enforcement in cases of this category.*

Methodology. *The study was carried out through methods of induction and deduction, analysis and synthesis, formal-legal, system-analytical and formal-logical methods, as well as a method for generalizing judicial practice.*

The results *are reflected in the formulated proposals aimed at improving the judicial protection of personal data of patients of medical organizations, and the uniformity of judicial practice in terms of the responsibility of medical organizations in cases of this category.*

Conclusion. *In cases of responsibility of medical organizations for the leakage of personal data of patients, uniform law enforcement did not work out. The right of a lawyer to access the personal data of persons who received medical assistance did not receive an unambiguous assessment by judicial practice. To eliminate the existing gaps in the protection of the intangible benefits of the patient under consideration, the need to exclude their personal data from the confidentiality regime for the administration of justice and in the provision of qualified legal assistance under the contract is argued.*

Keywords: *personal data; patient; medical organization; liability; medical secrecy; privacy; moral injury; attorney request.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Agarkov B.V., Surkov A.N. Civil liability of a medical organization for personal data leakage. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):79–94. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-79-94

Received 30.04.2023 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Стремительное развитие высоких технологий в мире и повышение уровня доступности сети Интернет для большинства населения способствовали переходу человечества к информационному обществу. IT-технологии создали новые преимущества и придали новый импульс развитию многих сфер жизнедеятельности – образования, банковской сферы, медицины, в которых осуществляется обработка, передача и использование личных данных человека [1, с. 122]. Персональные данные стали ежедневно обмениваемым и многократно используемым ценным активом, который дает возмож-

ность осуществлять социальную коммуникацию, получить быстрый и удобный доступ к услугам, к необходимой информации и систематизировать ее. Высокие технологии активно используются и в сфере медицины. С их помощью, в том числе посредством искусственного интеллекта, в медицинских организациях обрабатываются и аккумулируются в электронные медкарты и электронные истории болезни персональные данные пациентов учреждений здравоохранения, ведутся цифровые архивы больных, медицинских полисов, проводятся дистанционные консультации пациентов или врачей, осуществляющих обследование или лечение [2, с. 23]. Вместе с тем развивающиеся интернет-технологии являются средством неправомерного завладения персональными данными, в том числе систематизированными в специальные информационные базы. С помощью скомпрометированных личных данных в отношении их обладателей совершаются корыстные преступления, похищаются средства с банковских счетов, нарушается неприкосновенность частной жизни, причиняется вред чести и достоинству человека и др. Различные преступные схемы с чужими персональными данными используются и в отношении граждан, получающих медицинскую помощь. Мошенники, имея базы с персональными данными пациентов, истории их заболеваний и лечения, выдают себя за сотрудников страховых компаний в системе обязательного медицинского страхования (ОМС). Они убеждают людей в истечении срока медицинского полиса и предлагают его замену без посещения страховой медицинской организации. Для этого необходимо установить на мобильный телефон приложение или перейти по ссылке, чтобы злоумышленники заполучили данные, открывающие доступ к банковским счетам жертвы. Обращаясь в медицинские учреждения за оказанием помощи, пациенты передают им свои персональные данные, в том числе составляющие врачебную тайну, персональные данные близких родственников (при стационарном лечении) для их обработки и использования исключительно в целях выполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. При этом судебная практика свидетельствует о возрастании проблемы охраны персональных данных лиц, которые обращались в медицинские учреждения за оказанием различных услуг. Как показывает контент-анализ средств массовой информации, в открытый доступ персональная информация о пациентах попадает не только в результате хакерских атак на единую сеть медицинского учреждения с общим сервером или злоупотреблений со стороны медицинского персонала, а в результате халатности руководителей и управленческого персонала медицинских организаций. Так, по сообщениям СМИ, в промышленной зоне г. Отрадного в строительном мусоре были найдены медицинские документы с полными персональными данными пациентов и сведениями, составляющими врачебную тайну (карты профилактических медицинских осмотров несовершеннолетних, журналы регистрации выдачи листков нетрудоспособности, талоны родовых сертификатов и иные медицинские документы). Главный врач больницы был оштрафован постановлением мирового судьи за непринятие правовых и организационных мер по защите персональных данных пациентов от неправомерного или случайного доступа к ним[1].

В связи с высокими рисками нарушения конфиденциальности чужих персональных данных [3, с. 90] и в целях обеспечения их безопасности отече-

[1] Главный врач Отрадненской городской больницы, допустивший утрату медицинских документов и разглашение персональных данных пациентов, наказан в административном порядке // Прокуратура Самарской области: сайт. URL: https://epp.gen-proc.gov.ru/web/proc_63/mass-media/news?item=88185565 (дата обращения: 16.04.2024).

ственными специалистами разрабатываются вопросы ответственности за незаконное собирание и (или) распространение персональных данных пациента, в том числе гражданско-правовой и уголовной [4, с. 50; 5, с. 218], обеспечения режима врачебной тайны с целью ограничения доступа неуполномоченных лиц к информации о пациенте [6, с. 66; 7, с. 113], сохранения конфиденциальной информации при производстве судебно-медицинской экспертизы [8, с. 4], анализируются гарантии их защиты [9, с. 59; 10, с. 19], вопросы допустимости предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, в публичных интересах [11, с. 15; 12, с. 28], а также методы обезличивания персональных данных в информационных системах в здравоохранении [13, с. 27]. В то же время следует констатировать, что в теории гражданского права малочисленны работы, специально посвященные вопросам защиты персональных данных лиц, получивших медицинскую помощь, ответственности за их незаконный оборот, допущенный в том числе по вине руководителей медицинских учреждений и медицинских работников. Выбор темы настоящего исследования и предопределился указанными обстоятельствами.

Методология

Работа над настоящим исследованием потребовала применения общенаучных и частнонаучных методов юридической науки. Они выбирались с учетом поставленной цели и намеченных задач исследования. Особое значение в методологии придавалось общенаучным методам (диалектический, анализ и синтез, дедукция и индукция), которые обеспечили обстоятельность исследования правовой модели охраны персональных данных пациента, включающих и сведения, связанные с оказанием медицинской помощи. С помощью формально-юридического и формально-логического методов изучались положения гражданского и гражданско-процессуального законодательства, касающиеся ответственности медицинских организаций за причинение вреда, нарушения нематериальных благ, выразившиеся в утечке персональных данных пациентов. Эти методы и метод обобщения судебной практики были задействованы и при анализе научной литературы, постановлений Конституционного Суда РФ, решений Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции, рассматривающих по существу иски о защите деанонимизированных по вине медицинских учреждений персональных данных пациентов. На основе системно-аналитического и формально-логического методов проведена систематизация эмпирического материала, описаны полученные результаты, сформулированы законодательные предложения по совершенствованию охраны персональных данных пациентов медицинских учреждений. Совокупность указанных методов позволила выявить и описать подходы, апробированные судебной практикой, к разрешению рассматриваемой категории дел.

Результаты и их обсуждение

Персональные данные граждан, обращавшихся за оказанием медицинской помощи, являются конфиденциальной информацией, охраняемой в соответствии с Федеральным законом 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ от «О персональных данных»[1] (далее – ФЗ № 152, Закон о персональных данных). Согласно ст. 3 ФЗ № 152, персональными данными является любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определённому или определяемому физическому лицу. Согласно п. 1 ст. 150 ГК РФ, персональные данные пациента и сведения, составляющие врачебную тайну, являются нематериальными благами, которые связа-

[1] О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_61801/ (дата обращения: 16.04.2024).

ны с личностью их носителя [14, с. 34]. Они подлежат защите в качестве разновидности объектов гражданских прав гражданским законодательством и ФЗ № 152 в случае, когда медицинские работники и медицинские организации придают их огласке без согласия пациента и (или) его близких. При этом пациент имеет право на защиту любой информации о нем, ставшей известной медицинской организации при его обращении. Право на врачебную тайну и неприкосновенность персональных данных является личным неимущественным правом и производно от закрепленного в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ права гражданина на частную жизнь, личную и семейную тайну [15, с. 65].

Применительно к оказанию медицинской помощи сведения о пациентах медицинских организаций включают не только номинативные персональные данные (фамилия, имя, отчество), но и биометрические данные, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека (например, рентгенологические данные), а также информацию, характеризующую их состояние здоровья. В медицинских организациях подлежат обработке фамилия, имя и отчество, дата рождения; расовая принадлежность; семейное положение; антропометрические данные; анамнез заболевания и состояние здоровья. В абз. 15 п. 16 приказа Минздрава России от 18 мая 2021 г. № 464н «Об утверждении Правил проведения лабораторных исследований» говорится, что объем обрабатываемых персональных данных о пациенте зависит от фазы, цели и методов клинического исследования[1].

Согласно ст. 13 «Соблюдение врачебной тайны» Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2] (далее – ФЗ № 323, Закон об основах охраны здоровья граждан), врачебной тайной являются сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении. Данные о субъекте исследования могут включать в себя: физиологические показатели; результаты анализов биологических жидкостей; данные инструментальных методов исследования и т. д. К врачебной тайне относятся не только сведения о состоянии здоровья пациента, но и другие, немедицинские сведения (факт местонахождения, обращения за медицинской помощью, госпитализация) и т. п. Такая информация находится в особом режиме ограниченного доступа. Соблюдение врачебной тайны, в соответствии со ст. 4 ФЗ № 323, закрепляется в качестве одного из основных принципов охраны здоровья[2]. Регламентируется ведомственными приказами и порядок доступа к таким сведениям заинтересованных лиц[3]. Если говорить о соотношении персональных данных и сведений, составляющих врачебную тайну, то врачебная тайна как вид профессиональной тайны является более узким понятием, включает в себя меньший объем сведений. Институт персональных данных более универсален, поскольку

[1] Об утверждении Правил проведения лабораторных исследований : приказ Минздрава России от 18 мая 2021 г. № 464н // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385548/ (дата обращения: 16.04.2024).

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 16.04.2024).

[3] Об утверждении Порядка ознакомления пациента либо его законного представителя с медицинской документацией, отражающей состояние здоровья пациента: приказ Минздрава России от 29 июня 2016 г. № 425н // Министерство юстиции Российской Федерации: сайт. URL: https://minjust. consultant.ru/documents/21375 (дата обращения: 16.04.2024).

регулирует общественные отношения в различных сферах, в отличие от врачебной тайны, имеющей ограниченную сферу действия. Иными словами, сведения, составляющие врачебную тайну, соотносятся с персональными данными как частное и общее и являются видом персональных данных, которые становятся известными медицинской организации при оказании медицинской помощи.

На медицинские учреждения как на операторов персональных данных возлагается обязанность соблюдать ФЗ № 152 при обработке персональных данных лиц, обратившихся за оказанием медицинской помощи и предоставивших сведения о себе, обеспечить надежную защиту личных данных пациентов[1]. Организации здравоохранения, получившие доступ к персональным данным пациента, обязаны сохранять их в режиме конфиденциальности, т. е. не предоставлять и не распространять их третьим лицам без согласия пациента, если иное не предусмотрено федеральным законом (ст. 7 ФЗ № 152). Предоставлением персональных данных пациента являются действия, состоящие в раскрытии его персональных данных конкретному лицу, а распространением – действия, раскрывающие персональные данные неопределенному кругу лиц. В соответствии со ст. 78 Закона об основах охраны здоровья граждан, для обработки персональных данных медицинские организации могут создавать медицинские информационные системы, содержащие данные о пациентах, об оказываемой им медицинской помощи с соблюдением требований ФЗ № 152 и врачебной тайны [16, с. 76]. Защита этих систем персональных данных регламентируется постановлением Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»[2].

При решении вопроса об ответственности медицинской организации за нарушение тайны персональных данных следует учитывать, *во-первых*, что право пациента на защиту его данных не нарушается, по мнению законодателя, если он или его законный представитель выразили письменное согласие на разглашение сведений другим гражданам, в том числе должностным, если указанные сведения необходимы для медицинского обследования и лечения, проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и в иных целях (ч. 2 ст. 13 ФЗ № 323). Согласие на разглашение таких сведений может быть выражено и в информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство. *Во-вторых*, из правила о соблюдении режима конфиденциальности сведений, составляющих персональные данные и врачебную тайну и его нарушении с согласия пациента или его близких родственников, законного представителя, имеются исключения. В соответствии с ч. 4 ст. 13 ФЗ № 323, согласия указанных лиц не требуется, в частности, для обследования и лечения гражданина, который в результате своего состояния не способен выразить свою волю; при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений; для информирования органов внутренних дел о поступлении пациента, вред здоровью которого причинен в результате противоправных действий; при поступлении пациента, который не может сообщить данные о своей личности; в случае смер-

[1] Врачебная тайна и цифровизация: как защитить информацию о пациенте // Гарант: сайт. URL: https://www.garant.ru/news/1465292/?ysclid=lvaul9u5sj613738046 (дата обращения: 24.03.2024).

[2] Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства РФ от 1 нояб. 2012 г. № 1119 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137356/ (дата обращения: 16.04.2024).

ти пациента, личность которого не установлена. *В-третьих*, не будет разглашения персональных данных и врачебной тайны, если пациент при неблагоприятном прогнозе развития его заболевания не запретил сообщать об этом супругу, одному из близких родственников и (или) не определил лицо, которому об этом надлежит сообщить (ч. 3 ст. 22 ФЗ № 323). *В-четвертых*, не считается разглашением врачебной тайны выдача заключения о причине смерти и диагнозе заболевания супругу, близкому родственнику, а если их нет, то иным родственникам либо законному представителю умершего (ч. 5 ст. 67 ФЗ № 323). *В-пятых*, в случае смерти пациента допускается разглашение сведений, составляющих персональные данные и врачебную тайну супругу, законному представителю и иным близким родственникам, если умерший это не запретил (ч. 3.1 ст. 13, ч. 7 ст. 20, ч. 4, 5 ст. 22 ФЗ № 323).

Наступление ответственности за неправомерное разглашение указанных сведений зависит от обстоятельств дела. Суды неоднократно признавали, что действия, состоящие в раскрытии персональных данных пациента, их обнародование или незаконное использование без его согласия являются нарушением права на неприкосновенность частной жизни как нематериального блага [17, с. 34; 18, с. 7]. Не случайно Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» определяет персональные данные как сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность[1]. Основным средством его защиты выступает компенсация морального вреда (ст. 151, 1099, 1101 ГК РФ) по итогам рассмотрения искового заявления судом. Согласно ст. 17 ФЗ № 152, субъект персональных данных имеет право на их защиту, включая возмещение убытков и (или) компенсацию морального вреда в судебном порядке. Позиция истца в зависимости от обстоятельств дела может быть основана и на положениях ст. 150 ГК РФ «Нематериальные блага», ст. ГК РФ 1064 «Общие основания ответственности за причинение вреда», ст. 1068 ГК РФ «Ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником». К тому же пациент в досудебном порядке может обратиться в медицинскую организацию, сотрудники которой допустили разглашение персональных данных при оказании медицинской помощи с требованием о возмещении вреда.

Каким же образом в судебной практике применяются указанные положения при рассмотрении исков о защите персональных данных человека, включающих сведения о нем как о пациенте, для признания вины медицинской организации? Изученные тексты решений по делам этой категории показали, что при рассмотрении исков о неправомерных действиях, связанных с персональными данными пациента:

1. *Суды дают оценку тому, было ли согласие на передачу медицинских документов, содержащих личные данные пациента и результаты клинических исследований через третьих лиц, а равно на их разглашение*. При этом при принятии решения суд руководствуется тем, какое содержание и объем личной информации подлежит обработке, не являются ли персональные данные о состоянии здоровья работника, полученные и обработанные, избыточными, соответствуют ли они заявленным целям обработки. Например, Дзержинский районный суд г. Ярославля, рассмотрев гражданское дело по иску шести сотрудников ПАО «Автодизель» к своему работодателю и Клинической больнице № 9 о признании нарушения

[1] Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 16.04.2024).

прав, связанных с разглашением персональных данных паспорта здоровья и врачебной тайны, взыскании компенсации морального вреда, признал, что имело место разглашение ответчиками указанных сведений. Истцы, прошедшие периодический медицинский осмотр, по его окончании не получили результаты, в том числе информацию о диагнозе и состоянии здоровья, включенные в паспорт здоровья. Паспорт здоровья медперсоналом больницы был передан через сотрудницу ПАО в незапечатанном виде, хотя согласия на его передачу неограниченному кругу лиц истцы не давали. В судебном заседании нашло подтверждение и то, что информация о состоянии здоровья, диагнозах и фактах обращения в лечебное учреждение истцов была разглашена по месту работы без согласия истцов. Разрешая гражданско-правовой спор в пользу истцов, суд обосновал свою позицию тем, что в соответствии с Порядком проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, медицинская организация должна выдавать паспорта здоровья исключительно на руки самому пациенту. Они же передавались таким образом, что информация о состоянии здоровья, диагнозах и фактах обращения в лечебное учреждение всех истцов стала известна третьим лицам. Ссылка представителей ПАО «Автодизель» на наличие согласия работников на обработку персональных данных суд признал необоснованной потому, что согласно ст. 88 ТК РФ при передаче персональных данных работника работодатель не может запрашивать информацию о состоянии здоровья работника, за исключением тех сведений, которые относятся к вопросу о возможности выполнения работником трудовой функции. Сославшись на ст. 5 ФЗ № 152, суд посчитал, что в паспортах здоровья, помимо сведений о состоянии здоровья, необходимых для принятия решения о допуске к работе, содержится и иная информация о состоянии здоровья, диагнозах работников. Таким образом, работодатель запросил и обработал избыточную информацию о состоянии здоровья истцов[1].

2. *Суды относят к нарушению права не только разглашение (обнародование) информации о пациенте или ее передачу третьим лицам, но и использование его личных данных в целях, не связанных с оказанием медицинской помощи*. Ответственность возлагается на медицинскую организацию в соответствии со ст. 1068 ГК РФ «Ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником». При этом речь идет не только о разглашении информации о пациенте, но и об использовании его личных данных в целях, не связанных с оказанием медицинской помощи. Так, согласно решению Ялуторовского районного суда Тюменской области, установлено, что сотрудница областной больницы П., имея доступ к медицинской карте амбулаторного больного с персональными данными истицы М., использовала их для подачи от ее имени заявления о переводе накопительной части пенсионных средств в негосударственный пенсионный фонд. При этом П. указала ее фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, адрес проживания и паспортные данные (серия, номер, дата, кем выдан), а также выполнила подписи от ее имени. Разрешая иск по существу, суд признал, что ответчик в лице областной больницы не обеспечил безопасность персональных данных истицы М. и допустил их использование работником П. против воли субъекта персональных данных. Действия работника ответчика являются противоправными, нарушающими охраняе-

[1] Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 25.05.2018 по делу № 2-1439/2018 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-76RS0016-2-1423-2018-m-858-2018-2018-03-29-0-0/ (дата обращения: 24.03.2024).

мые законом права истицы М., что причинило ей моральный вред. В соответствии с положениями ст. 1068 ГК РФ о возмещении юридическим лицом вреда, причиненного его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей, с ответчика в пользу истицы была взыскана денежная компенсация морального вреда и расходы, понесённые для восстановления нарушенного права[1].

3. *Бремя доказывания вины как условия наступления гражданско-правовой ответственности возлагается на истца*. Судами различно толкуются обстоятельства, доказывающие вину медицинской организации, а также причинно-следственные связи между допущенным нарушением в виде распространения личной информации пациента и наступившими последствиями в виде причинения ему или его близким нравственных страданий. В одних случаях суды устанавливают, что именно медицинское учреждение имело доступ к личным данным пациента и его близких, а значит, оно ответственно за неправомерное разглашение данных пациентов и причинение морального вреда, а в других – считают, что бремя доказывания вины медицинской организации в распространении персональных данных возлагается на истца. У истца, по понятным причинам, нет возможности доказать вину медицинского работника в передаче своих или близких ему лиц персональных данных, и потому суды отказывают в удовлетворении иска ввиду непричинения морального вреда. К примеру, Ленинский районный суд г. Магнитогорска, рассмотрев иск П. к МУЗ «Городская больница № 1 им. Г.И. Дробышева» и ООО «Долг» о признании незаконными обработки персональных данных и распространения врачебной тайны о смерти от ковида и компенсации морального вреда, отказал в удовлетворении иска. Суд установил, что после смерти родного брата истца по месту жительства его матери приехал представитель ООО «Долг» и предложил услуги по захоронению усопшего. Мать умершего пациента узнала о смерти сына позже, чем представители похоронного агентства. Работнику агентства был известен диагноз умершего, персональные данные близких родственников, место жительства матери. Истец считал, что сотрудники больницы без согласия законного представителя передали данную информацию в ООО, сообщив информацию частного характера, относящуюся к персональным данным и врачебной тайне, а сотрудник ООО сообщил жителям подъезда (соседке) о причине смерти брата истца от ковида. Суд пришел к выводу, что умерший пациент дал согласие больнице на обработку его персональных данных, а доказательств, подтверждающих распространение сотрудниками больницы и ООО «Долг» данных, составляющих врачебную тайну и иных персональных данных, истец не представил. В этой связи суд сослался на отсутствие причинно-следственной связи между действиями ответчиков и физическими и нравственными страданиями истца и, как следствие, основания для возмещения морального вреда[2]. Между тем в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ в части морального вреда говорится о презумпции вины ответчика: «Необходимыми условиями для возложения обязанности… по компенсации морального вреда, являются: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда,

[1] Решение Ялуторовского районного суда Тюменской области от 19.03.2013 по делу № 2-146/2013 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-72RS0028-2-146-2013-m-74-2013-2013-02-06-0-0/ (дата обращения: 24.03.2024).

[2] Решение Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 24.08.2018 по делу № 2-1479 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-74RS0029-2-1479-2018-m-1194-2018-2018-06-27 (дата обращения: 24.03.2024).

наличие причинной связи между наступлением вреда и противоправностью поведения причинителя вреда, вина причинителя вреда. При этом законом установлена *презумпция вины причинителя вреда, которая предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик*. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт наличия вреда (физических и нравственных страданий – если это вред моральный), а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред»[1].

Напротив, по аналогичному иску Ч., рассмотренному тем же Ленинским районным судом г. Магнитогорска Челябинской области к тем же ответчикам – МУЗ «Городская больница № 1 им. Г.И. Дробышева» и ООО «Долг», суд признал нарушение больницей и похоронным агентством правил обработки и распространения персональных данных умершего сына истицы. Как следует из иска, истице Ч. позвонила представитель агентства по оказанию ритуальных услуг ООО «Долг», сообщила о смерти ее сына в больнице и предложила воспользоваться услугами по погребению. Ч. об этом не знала и морально к этому была не готова, т. к. узнала трагическую новость не от врачей. Как пояснила истица, сотрудники больницы сообщили, а агентства – незаконно использовали ее персональные данные (имя, отчество, номер телефона), поскольку номер телефона она указала в медицинской карточке сына для оперативной связи по вопросу лечения сына, согласия на звонки с предложением каких-то услуг не давала. Узнать данную информацию из других источников было невозможно. Разрешая спор по существу, суд решил, что представитель агентства, предложившая услуги по организации похорон, не получала согласия на обработку персональных данных Ч., в связи с чем в действиях ответчиков имеется нарушение требований закона о персональных данных. Оно является основанием для взыскания с них денежной компенсации морального вреда. Делая вывод о передаче персональных данных истца больницей, суд принял во внимание время, прошедшее с момента смерти сына истицы, а именно смерти в утренний час, а также отсутствие у других лиц доступа к персональным данным истца, содержащимся в медицинской карте ее сына[2]. Эту позицию поддержала и вышестоящая инстанция, оставив решение районного суда в силе[3].

4. *Не сложилось единообразной практики в части получения-передачи персональных данных пациентов по запросу адвокатов и других заинтересованных лиц для их использования в целях правосудия.* При подаче искового заявления на досудебной стадии истцу необходимы, согласно требованиям ГПК РФ (ст. 131 «Форма и содержание искового заявления»), персональные данные ответчика, а по делам о возмещении вреда, причиненного при оказании медицинской помощи – и сведения, составляющие врачебную тайну. Имеются примеры разного толкования передачи адвокатам персональных данных человека, включающих сведения о нем как пациенте, для признания вины медицинской организации.

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.03.2022 по делу № 18-КГ21-165-К4 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2099306 (дата обращения: 16.04.2024).

[2] Решение Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 21.01.2019 по делу № 2-146 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6Ezz80TmdEmr/ (дата обращения: 24.03.2024).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 22.04.2019 по делу № 11-5014/2019 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-74OS0000-11-5014-2019-2019-03-26-0-1/ (дата обращения: 24.03.2024).

Так, истица Б. обратилась в Куйбышевский районный суд г. Санкт-Петербурга и заявила требования о взыскании компенсации морального вреда с клиники, в которой ей были оказаны платные медицинские услуги. Поскольку истица была недовольна их качеством, она обратилась с претензиями к медицинской организации о возмещении ей убытков. Клиника для ответа на ее претензию передала персональные данные адвокатскому бюро «Адвокатская группа». Решением Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга признана правомерной передача персональных данных истицы адвокатскому бюро для оказания в рамках договора с клиникой квалифицированной юридической помощи и ответа на претензию. Признание иного означало бы нарушение права на получение квалифицированной юридической помощи. Суд посчитал допустимым передачу персональных данных и сведений, составляющих врачебную тайну истца, поскольку адвокатское бюро их не разглашало, получило их от клиники и использовало исключительно для формирования правовой позиции. В связи с этим суд не нашел оснований для удовлетворения требований Б. о взыскании морального вреда[1]. Поддержала эту позицию и Судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда, указав, что «законодатель предусматривает возможность передачи сведений, составляющих врачебную тайну, лицам, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, в том числе и при осуществлении адвокатской деятельности, хотя и накладывает на таких лиц соответствующий запрет на разглашение указанных сведений»[2].

В другом решении Солнечный районный суд Хабаровского края, рассмотрев гражданское дело по иску Г. к районной больнице, удовлетворил иск. Он признал ответчика в лице больницы виновным в том, что он передал третьему лицу сведения, полученные при медицинском обследовании и лечении Г. Предоставление адвокату персональных данных Г. как стационарной больной и сведений, составляющих врачебную тайну, является незаконным распространением сведений ограниченного доступа. Суд пришел к выводу, что обработка персональных данных пациентки Г. не соответствовала целям их сбора и обязал больницу выплатить компенсацию морального вреда[3].

Очевидно, что в делах указанной категории возникает конкуренция права на конфиденциальность персональных данных пациента, включающих и сведения о его здоровье, и принципа состязательности. Получается, что лицо, собирающее доказательства для подачи иска самостоятельно или через адвоката, лишается возможности еще на досудебном этапе дать оценку нарушению своего права [19, с. 58]. Такая ситуация была предметом рассмотрения в Конституционном Суде России. В своем решении судьи признали приоритет персональных данных, выведенных из режима общего доступа, как информации о частной жизни, перед правом заявителя на судебную защиту, что соответствует положениям Конституции

[1] Решение Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14.05.2013 по делу № 2-1682/2013. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rItNyucFTbr1/?regular (дата обращения: 24.03.2024).

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 17.09.2013 по делу № 33-12992 // Актофакт: сайт. URL: https:// actofact.ru/case-78OS0000-33-12992-2013-2013-07-30-0-1/?ysclid=lvck9xvvsw264814229 (дата обращения: 24.03.2024).

[3] Решение Солнечного районного суда Хабаровского края от 22.07.2012 по делу № 2-145/2021 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-27RS0010-2-145-2021-m-69-2021-2021-02-01 (дата обращения: 26.03.2024).

РФ. Конституционный Суд РФ обратил внимание заявителя на то, что при рассмотрении судом дела он может ходатайствовать об истребовании сведений, составляющих конфиденциальную информацию[1]. В другом определении от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О Конституционный Суд РФ признал, что «…любая затрагивающая права и свободы гражданина информация должна быть ему доступна при условии, что законодателем не предусмотрен специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты». Такая трактовка пределов адвокатского запроса, по мнению судей, не лишает адвоката права заявлять в суде ходатайство об истребовании персональных данных[2]. Вместе с тем во вступивших в силу решениях судов общей юрисдикции содержится и иное толкование. В них указывается, что обработка персональных данных пациента без его согласия производится в целях обеспечения права на представление доказательств по гражданскому делу[3]. В юридической литературе отмечается, что правовой статус адвокатов в гражданском судопроизводстве является декларативным в случае сбора сведений для оказания юридической помощи и не подкреплен механизмом его обеспечения [20, с. 43], а потому действующие адвокаты предлагают дополнить перечень лиц с правом на получение данных, составляющих врачебную тайну, новым субъектом – адвокатом (ч. 4 ст. 13 ФЗ № 323) [21, с. 401]. Разрешить указанную проблему ученые предлагают и посредством нарушения тайны персональных данных, в том числе включающих и сведения об обращении за медицинской помощью, для целей правосудия, что заслуживает поддержки [19, с. 66].

Выводы

Правоприменительная практика по делам о защите персональных данных пациентов медицинских организаций, включающих личные данные и сведения о здоровье, не является единообразной. При рассмотрении исков о защите права на неприкосновенность персональных данных и врачебную тайну при одних и тех же обстоятельствах судами принимаются разные решения. В одних случаях в качестве основания о признании действий по обработке личных данных незаконными, компенсации морального вреда, уничтожении персональных данных избирается согласие пациента на любую обработку его персональных данных, в других – суды усматривают избыточность информации, подвергнутой обработке и распространенной третьим лицам. Неоднородна и практика в части оказания квалифицированной юридиче-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. П. Глушкова на нарушение его конституционных прав статьями 3, 5, 6 и 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьями 8 и 9 Федерального закона «О персональных данных»: определение Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2009 г. № 3-О-О // Гарант: сайт. URL: https://base.garant.ru/1790110/ (дата обращения: 16.04.2024).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М. М. Багадурова на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьей 10 Федерального закона «О персональных данных» и частью второй статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2011 г. № 1063-О-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120555/ (дата обращения: 16.04.2024).

[3] Апелляционное определение Московского городского суда от 24.12.2014 по делу № 33-41576/2014 // Гарант: сайт. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/132555664/ (дата обращения: 16.04.2024).

ской помощи, когда отказ в предоставлении сведений о медицинской помощи пациенту по адвокатскому запросу толкуется двояко. Суды в одних решениях полагают правомерной передачу личных сведений о пациентах адвокатским бюро, с которыми медицинская организация заключила договор, однако признают законным отказ медицинской организации в получении личных данных, включающих врачебную тайну, своего доверителя-пациента либо лица, которое будет выступать ответчиком по делу о разглашении врачебной тайны. Для приведения судебной практики к единообразию в Обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации требуется давать разъяснения в части права адвоката на получение личных данных пациента медицинской организации на досудебной стадии, когда пациент заключил договор на оказание юридической помощи. Для усиления эффективности охраны прав следует поддержать предложения теоретиков и практиков об изъятии из режима конфиденциальности персональных данных пациентов медицинских учреждений. Такое исключение может быть установлено в рамках оказания юридической помощи для отправления правосудия с запретом на разглашение полученной информации. Для обеспечения надлежащего восстановления прав истца по делам этой категории следует поддержать и предложение о дополнении ч. 4 ст. 13 ФЗ № 323 новым субъектом – адвокатом, имеющим право в рамках оказания юридической помощи получить персональные данные, а также сведения, составляющие врачебную тайну пациента медицинской организации, с его согласия.

Список литературы

1. Автоматизация, диспетчеризация и информатизация высокотехнологичных медучреждений как средство повышения эффективности их работы / А. С. Мальвина, Ю. М. Брумштейн, Е. В. Скляренко, А. Б. Кузьмина // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2014. № 1 (25). С. 122–139.

2. Галлезе-Нобиле К. Г.-Н. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в телемедицине // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 2. С. 23–29.

3. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13 (3). С. 90–101.

4. Диваева И. Р., Ермоленко Т. В. Ответственность медицинских работников за разглашение врачебной тайны // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2021. № 1 (5). С. 50–55.

5. Епифанова Е. В. Общественная опасность преступлений в сфере медицинского страхования // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4 (34). С. 218–225.

6. Шибаев Д. В. Правовой режим врачебной тайны как информационно-правового объекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 3. С. 66–77.

7. Скребнева Н. А. Особенности и противоречия правового регулирования врачебной тайны в Российской Федерации как объекта правонарушений медицинских работников и медицинских организаций // Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение. 2019. № 2 (29). С. 113–117.

8. Коротун В. Н., Неволин Н. И. О конфиденциальности информации в судебно-медицинской практике // Проблемы экспертизы в медицине. 2006. № 3. С. 4–6.

9. Шадрина А. С. Правовое регулирование обработки персональных данных граждан в медицинских организациях // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3(28). С. 59–61.

10. Хурматуллина А. М. Конституционные гарантии прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в условиях цифровизации // Образование и право. 2022. № 12. С. 19–23.

11. Гецманова И. В. О проблемах обеспечения доступа к информации о судебных решениях по искам о возмещении вреда, причиненного пациентам // Проблемы экспертизы в медицине. 2016. № 1-2(61-62). С. 15–16.

12. Серебряков А. А. Допустимость предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, в публичных интересах // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 1. С. 28–32.

13. Антошечкин А. В. Анализ возможностей применения биометрических технологий для реализации процедур обезличивания персональных данных // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. 2018. № 1. С. 27–36.

14. Гусалова А. Р. Нематериальные блага как объект гражданского права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 1 (15). С. 34–36.

15. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. 244 с.

16. Столбов А. П. Обезличивание персональных данных в здравоохранении // Врач и информационные технологии. 2017. № 3. С. 76–91.

17. Куранов В. Г. К вопросу о совершенствовании правового регулирования института врачебной тайны // Медицинское право. 2014. № 2. С. 34–38.

18. Чернякова С. А. Компенсация морального вреда при посягательствах на неприкосновенность частной жизни // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 1–2 (6). С. 7–9.

19. Колмыков И. П. Соотношение права на неприкосновенность частной жизни и права на судебную защиту в контексте доступа к персональным данным: поиск баланса интересов // Право и политика. 2020. № 5. С. 58–67.

20. Смирнова М. Г. Полномочия адвоката как особого участника гражданского судопроизводства на сбор доказательств посредством адвокатского запроса // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 4 (58). С. 43–61.

21. Давлетшин А. Р. Право на врачебную (медицинскую) тайну и квалифицированную юридическую помощь // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 401–409.

References

1. Mal'vina A.S., Brumshtejn Yu.M., Sklyarenko E.V., Kuz'mina A.B. Automation, dispatching and informatization of high-tech medical institutions as a means of increasing their efficiency. *Prikaspijskij zhurnal: upravlenie i vysokie tekhnologii = Caspian Journal: Management and High Technologies*. 2014;(1):122–139. (In Russ.)

2. Galleze-Nobile K. Legal aspects of the use of artificial intelligence in telemedicine. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;(2):23–29. (In Russ.)

3. Alikhadzhiyeva I.S. Criminological risks of personal data: main trends and forecasts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(3):90–101. (In Russ.)

4. Divaeva I.R., Ermolenko T.V. Responsibility of medical workers for disclosing medical secrets. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva = Society, law, statehood: retrospective and perspective*. 2021;(1):50–55. (In Russ.)

5. Epifanova E.V. Public danger of crimes in the field of medical insurance. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Legal Journal*. 2013;(4):218–225. (In Russ.)

6. Shibaev D.V. Legal regime of medical secrecy as an information and legal object. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2015;(3): 66–77. (In Russ.)

7. Skrebneva N.A. Features and contradictions of the legal regulation of medical secrecy in the Russian Federation as an object of offenses of medical workers and medical organizations. *Infekcionnye bolezni: Novosti. Mneniya. Obuchenie = Infectious diseases: News. Opinions. Training*. 2019;(2):113–117. (In Russ.)

8. Korotun V.N., Nevolin N.I. On confidentiality of information in forensic practice. *Problemy ekspertizy v medicine = Problems of expertise in medicine*. 2006;(3):4–6. (In Russ.)

9. Shadrina A.S. Legal regulation of the processing of personal data of citizens in medical organizations. *Otechestvennaya yurisprudenciya = Domestic jurisprudence*. 2018;(3):59–61. (In Russ.)

10. Khurmatullina A.M. Constitutional guarantees of citizens' rights to health protection and medical care in the context of digitalization. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2022;(12):19–23. (In Russ.)

11. Getsmanova I.V. On the problems of providing access to information on court decisions on claims for compensation for harm caused to patients. *Problemy ekspertizy v medicine = Problems of expertise in medicine*. 2016;(1-2):15–16. (In Russ.)

12. Serebryakov A.A. Admissibility of providing information constituting a medical secret in the public interest. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*. 2020;(1):28–32. (In Russ.)

13. Antoshechkin A.V. Analysis of the possibilities of using biometric technologies to implement procedures for depersonalizing personal data. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika i informatika = Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Management, Computing and Computer Science*. 2018;(1):27–36. (In Russ.)

14. Gusalova A.R. Intangible benefits as an object of civil law. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;(1):34–36. (In Russ.)

15. Maleina M.N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection. Moscow: MZ Press; 2001. 244 p. (In Russ.)

16. Stolbov A.P. Depersonalization of personal data in healthcare. *Vrach i informacionnye tekhnologii = Doctor and information technologies.* 2017;(3):76–91. (In Russ.)

17. Kuranov V.G. On the issue of improving legal regulation of medical privacy. *Meditsinskoye pravo = Medical law*. 2014;(2):34–38. (In Russ.)

18. Снernyakova S.A. Compensation for moral damage in infringements on privacy. *Nacional'naya associaciya uchenyh = National Association of Scientists.* 2015;(1-2):7–9. (In Russ.)

19. Kolmykov I.P. Correlation of the right to privacy and the right to judicial protection in the context of access to personal data: finding a balance of interests. *Pravo i politika = Law and policy*. 2020;(5):58–67. (In Russ.)

20. Smirnova M.G. The powers of a lawyer as a special participant in civil proceedings to collect evidence through a lawyer's request. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2019;(4):43–61. (In Russ.)

21. Davletshin A.R. The right to medical (medical) secrecy and qualified legal assistance. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Academic notes of Kazan University. Humanities series*. 2017;(2):401–409. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Агарков Богдан Владимирович, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0459-075X

Bogdan V. Agarkov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0459-075X

Сурков Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
Autor ID: 550219

Alexander N. Surkov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
Autor ID: 550219

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-95-107

(cc) BY 4.0

Право на охрану изображения несовершеннолетнего: способы реализации и специфика защиты

И. М. Григорьева[1] ✉

[1]Арбитражный суд города Москвы
ул. Большая Тульская, д. 17, г. Москва 115191, Российская Федерация

✉ e-mail: legim1@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье анализируются проблемы охраны изображения несовершеннолетних в соответствии со статьей 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, включающие судебные способы его защиты. Отмечается неединообразие судебной практики по применению положений о защите права на неприкосновенность изображения детей. Дается оценка рассматриваемой норме в контексте правоприменения и предлагаются законодательные решения по устранению недостатков ее редакции.*

Целью исследования *является дополнение и развитие теоретических положений, способствующих углублению научного знания о защите права на изображение детей и единообразному применению статьи 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.*

Задачи*: проанализировать постановления и решения Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции по делам о защите права на изображение несовершеннолетнего; выявить причины противоречивости судебных решений, препятствующие надлежащей охране этого права; уточнить имеющиеся пробелы в редакции статьи 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации; сформулировать предложения, направленные на совершенствование охраны фото- и видеоизображений несовершеннолетних.*

Методология*. При написании статьи автором использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также диалектико-материалистический, формально-юридический, формально-логический, системно-аналитический, документальный методы, а также метод обобщения судебной практики.*

Результаты исследования *носят прикладной характер и нашли отражение в полученных выводах и сформулированных предложениях по решению теоретических и практических проблем, связанных с защитой изображения несовершеннолетних.*

Вывод. *Норма об охране права на изображение требует модернизации в части устранения пробелов, требующих внимания законодателя. Для преодоления противоречивого толкования ее смысла и неединообразия судебной практики требуется закрепить понятие согласия как двусторонней гражданско-правовой сделки, ввести имущественную компенсацию, определить права второго родителя в случае его несогласия на использование изображения ребенка.*

Ключевые слова*: изображение; несовершеннолетний; родитель; право; нематериальные блага; внешний облик; согласие.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Григорьева И. М. Право на охрану изображения несовершеннолетнего: способы реализации и специфика защиты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 95–107. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-95-107

Поступила в редакцию 15.04.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Григорьева И. М., 2024

The right to protect the image of a minor: methods of implementation and specifics of protection

Irina M. Grigorieva[1] ✉

[1]Arbitration Court of Moscow
17 Bolshaya Tulskaya Str., Moscow 115191, Russian Federation

✉ e-mail: login8@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article analyzes the problems of protecting the image of minors in accordance with Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation, including judicial methods of its protection. The inconsistency of judicial practice on the application of provisions on the protection of the right to inviolability of the image of children is noted. An assessment of the norm under consideration in the context of law enforcement is given and legislative solutions are proposed to eliminate the shortcomings of its revision.*

The purpose *of the study is to supplement and develop theoretical provisions that contribute to the deepening of scientific knowledge on the protection of the right to image children and the uniform application of Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Objectives*: to analyze the decisions and decisions of the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction in cases of protecting the right to image a minor; identify the reasons for the inconsistency of court decisions that impede the proper protection of this right; clarify the existing gaps in the version of Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation; formulate proposals aimed at improving the protection of photographs and video images of minors.*

Methodology*. When writing the article, the author used methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as dialectical-materialistic, formal-legal, formal-logical, system-analytical, documentary methods, as well as a method for generalizing judicial practice.*

The results *of the study are applied and are reflected in the findings and formulated proposals for solving theoretical and practical problems related to the protection of the image of minors.*

Conclusion. *The norm on the protection of the right to image requires modernization in terms of eliminating gaps that require the attention of the legislator. To overcome the contradictory interpretation of its meaning and the disunity of judicial practice, it is necessary to consolidate the concept of consent as a bilateral civil law transaction, introduce property compensation, and determine the rights of the second parent in case of his disagreement with the use of the child's image.*

Keywords*: image; minor; parent; right to image; intangible goods; appearance; consent.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Grigorieva I.M. The right to protect the image of a minor: methods of implementation and specifics of protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):95–107. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-95-107

Received 15.04.2024 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Согласно отчету глобального ежегодного исследования статистики интернета «Global Digital 2023», на сегодняшний день мировая аудитория пользователей интернета в сравнении с прошлым годом выросла на 1,9% и составила 5,16 млрд человек. Эта цифра означает, что во всем мире 64,4% населения имеют доступ в Глобальную сеть. При этом пользователями социальных сетей являются 4,76 млрд человек, или чуть менее 60% от общего количества населения планеты. Их новыми пользователями за

прошлый год стали еще 137 млн человек. В количественном показателе этот прирост равен 3%. По результатам исследований GWI, среднестатистический пользователь трудоспособного возраста проводит в социальных сетях времени больше 2,5 часов ежедневно, что является самым большим показателем за все время наблюдений.

Значительные изменения в темпах роста аудитории онлайн наблюдаются и в России, где распространённость интернета находится на уровне 88,2%. Социальными сетями пользуются 106 млн человек, что составляет 73,3% от общей численности россиян. Из этого количества пользователей интернета в России 83% зарегистрированы хотя бы на одной платформе соцсетей[1].

Приведенная статистика, характеризующая уровень проникновения интернета и соцсетей, новые тренды в поведении их пользователей показывают, что глобальное внедрение цифровых технологий содержит информационные опасности для неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны. Одним из негативных проявлений вторжения в частную жизнь человека является использование изображения без его согласия [1, с. 62]. Наиболее проблемной здесь видится охрана изображения несовершеннолетних, прежде всего в социальных сетях и на других онлайн-ресурсах. Глобальная сеть перестала быть платформой для взрослых. Большую аудиторию набирают взрослые блогеры, контент которых демонстрирует подписчикам жизнь их малолетних детей и подростков. Пользуются популярностью и каналы самих несовершеннолетних и даже маленьких детей, зарегистрированные родителями в социальных сетях в целях монетизации. Многие детские аккаунты, на которых добровольно размещаются снятые родителями или профессиональными клипмейкерами фото и видеоролики, опережают по количеству просмотров многих известных совершеннолетних блогеров-миллионников. В таких блогах в свободном доступе не только контент, показывающий повседневную жизнь ребенка, но и содержащий его изображения, персональные (личные) данные (состояние здоровья, данные о месте проживания, учебы и др.).

Изображения детей используются в социальных сетях, в средствах массовой информации, на сайтах для рекламы игрушек, детского питания, одежды, декоративной косметики для самых маленьких. Не всегда изображение ребенка публикуется третьими лицами с согласия его родителей или законного представителя. Криминологи пишут и о высоких рисках использования фото- и видеоизображения несовершеннолетних из открытых источников для удовлетворения девиантных сексуальных потребностей. Так, В. С. Соловьев приходит к выводу о взаимной детерминации посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних с созданием детской порнографии и распространением порнографического контента с их изображениями [2, с. 52]. В этой связи особой актуальностью отличаются исследования, посвященные способам реализации права на охрану изображения несовершеннолетнего и специфике его защиты. К рассмотрению проблемы защиты изображения человека в своих трудах обращались такие ученые, как Н. А. Аблятипова [3, с. 107], И. Вишнепольская [4, с. 66], И. Ю. Волкова [5, с. 253], С. П. Гришаев, А. А. Николаева [6, с. 58], Д. А. Ильютович [7, с. 48], Д. С. Захаренко [8, с. 18], Д. В. Мазаев [9, с. 104], М. Н. Малеина [10, с. 164], И. А. Михайлова [11, с. 5], А. С. Мограбян [12, с. 55], В. А. Микрюков [13, с. 4; 14, с. 42; 15, с. 36], С. А. Слипченко [16, с. 42], Д. С. Цыганова и др. В то же время в научных публикациях не всегда разре-

[1] Статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России // WebCanape: сайт. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/?ysclid=lujniqc0ah698949249 (дата обращения: 02.04.2024).

шают вопросы, связанные с незаконным использованием изображения несовершеннолетних и его защитой, не исследуется судебная практика и основания, по которым суды признают право на охрану внешнего облика детей нарушенным.

Методология

Методологическая основа исследования представлена общенаучными методами, среди которых диалектико-материалистический метод, методы индукции, дедукции, анализа и синтеза. Их совокупность позволила провести теоретико-практическое исследование нормы, предусматривающей охрану изображения применительно к лицам, не достигшим совершеннолетия (ст. 152.1 ГК РФ). В качестве научного инструментария использовались и юридические методы. Свое применение в работе нашли формально-юридический, документальный методы и метод обобщения судебной практики, благодаря которым были изучены решения Верховного Суда РФ, изложенные в постановлениях Пленума, решения судов общей юрисдикции, рассматривающих иски о защите прав детей, чьи изображения обнародованы или используются без согласия родителей или законных представителей. С помощью системно-аналитического, формально-юридического и формально-логического методов выявлены законодательные пробелы рассматриваемой нормы, сформулированы предложения, направленные на совершенствование охраны права детей на изображение. Эти методы были востребованы и при осуществлении выборки научных трудов по теме и их изучении, систематизации эмпирического материала, а также при формулировании авторской аргументации новелл и описании итоговых результатов.

Результаты и их обсуждение

Гражданский кодекс РФ в главе 8 «Нематериальные блага и их защита» содержит соответствующую норму «Охрана изображения гражданина» (ст. 152.1). Судебная практика выработала единую позицию о том, что право на неприкосновенность изображения гражданина составляет право на неприкосновенность частной жизни, гарантируемое Конституцией РФ (ст. 23, 24). В своих решениях судьи неоднократно подтверждали, что «обнародование ответчиком изображения истца без его согласия, в нарушение требований статьи 152.1 ГК РФ, является нарушением нематериальных благ истца и его права на неприкосновенность частной жизни»[1]. Нарушением неприкосновенности частной жизни суды признают и опубликование изображения детей без согласия родителя или законного представителя. Как отметил Вологодский областной суд в апелляционном определении от 18 июня 2020 г. № 33-2506/2020, «истец представила суду доказательства, подтверждающие факт обнародования изображения её несовершеннолетней дочери в социальной сети “ВКонтакте”. Фотографии размещены ответчиком – заведующей частным детским садом в группе, созданной в социальной сети. Согласия на размещение в сети фотографий дочери истец не давала, что относится к нарушению неприкосновенности частной жизни ее ребенка»[2].

Как следует из текста ст. 152.1 ГК РФ, разграничение в способах защиты изображения ребенка и взрослого законом не проводится, что предполагает рассмотрение общих положений об охране изображения гражданина. Проблемой, на которые указывают правоведы при рассмотрении вопросов защиты

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 13.11.2019 по делу № 33-3928 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-30OS0000-33-3928 (дата обращения: 02.04.2024).

[2] Апелляционное определение Вологодского областного суда от 18.06.2020 № 33-2506/2020 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-35OS0000-33-2506 (дата обращения: 02.04.2024).

изображения гражданина, является отсутствие в законодательстве формально определенного понятия изображения, а следовательно, непонимание того, что именно считать изображением [17, с. 22]. В ст. 26 закона о рекламе вместо понятия «изображение гражданина» упоминается слово «образ», в том числе в отношении несовершеннолетних, а именно «образы людей», «образы несовершеннолетних»[1]. Перечень в ст. 152.1 ГК РФ того, что признается законодателем изображением (фотографии, видеозаписи и предметы изобразительного искусства, на которых гражданин изображен), не все юристы считают полным. В юридической науке предлагаются в этой связи авторские варианты дефиниции изображения [6, с. 59; 12, с. 57; 13, с. 4].

В части первой ст. 152.1 ГК РФ закреплены два способа самого нарушения права на изображение – обнародование и дальнейшее его использование без согласия изображенного. При этом обнародованием чужого изображения признается «осуществление действия, которое впервые делает данное изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом, включая размещение его в сети Интернет»[2]. При изучении решений судов, связанных с защитой права на изображение детей, находит свое подтверждение предложение ученых об уточнении терминов «обнародование» и «использование». Как пишет А. А. Николаева, это «два не связанных между собой юридических факта, наличие каждого из которых требует отдельного согласия гражданина, причем обнародование является частным случаем использования»[3]. В этой связи автор предлагает исключить из п. 1 ст. 152.1 ГК РФ слово «обнародование», сохранив в нем только «любое использование». Обнародовать и использовать в дальнейшем изображение ребенка можно только с согласия его родителя (законного представителя), выраженного в письменной или устной форме, либо совершением конклюдентных действий, подтверждающих такое согласие [18, с. 22]. Получать согласие у родителей как законных представителей следует на основании ст. 64 Семейного кодекса РФ «Права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей». На них возлагается обязанность выступать в защиту прав и интересов своих детей в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. Согласно п. 1 ст. 28 ГК РФ сделки от имени малолетних детей, не достигших 14 лет, могут совершать только их родители, опекуны или усыновители. Другими словами, только родители либо законные представители решают, можно ли публиковать фото- или видеоизображение их ребенка либо иным способом его использовать.

При рассмотрении исков о неправомерных действиях в отношении изображения чужого ребенка в отсутствие согласия родителя, законного представителя (опекуна или попечителя) суд в соответствии с п. 1 ст. 152.1 ГК РФ дает оценку законным основаниям для его обнародования или использования. Одним из случаев незаконных действий с изображением детей является реклама. Так, в решении Московского районного суда г. Рязани установлено, что для создания рекламы «Галерея пряников», размещен-

[1] О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 06.04.2024).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.04.2024).

[3] Николаева А. А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12.

ной на стендах в районной поликлинике, фотографии несовершеннолетних дочерей истицы были скопированы ответчиком со страницы их социальных сетей без получения согласия матери детей. На этом основании районный суд признал, что использование ответчиком чужого изображения без согласия истца является нарушением права детей на неприкосновенность частной жизни и их нематериальных благ. На ответчика была возложена обязанность по компенсации морального вреда[1]. Распространенной является и практика обнародования и использования фотографий детей для рекламы модельных агентств, когда они размещаются на ресурсах агентства в сети Интернет без согласия родителей и не удаляются вопреки их просьбе[2]. Суды и в этом случае принимают сторону истцов – родителей или законных представителей.

Вместе с тем судебная практика демонстрирует разные подходы к оценке отсутствия согласия родителей или законных представителей, когда они являются сотрудниками организаций, использующих изображение их детей в рекламе. Так, решением Мещанского районного суда г. Москвы ФИО1 было отказано в иске на том основании, что она находилась в трудовых отношениях с ООО «ХМ». Занимая должность руководителя отдела маркетинга, она передала изображение ее несовершеннолетнего сына для создания сувенирной продукции и рекламного стенда. Из текста судебного акта следует, что спорные фотографии несовершеннолетнего сына были переданы истицей для разработки дизайна проекта выставочного стенда, когда она выполняла должностные обязанности по организации рекламных акций. На этом основании суд признал правомерным использование ответчиком фотографий сына истицы, поскольку имела место их добровольная передача, хотя и без письменного согласия.

И другой пример толкования фактического согласия при тех же обстоятельствах. Кировский районный суд г. Астрахани удовлетворил иск З., действующей в интересах несовершеннолетнего сына, о компенсации морального вреда. При рассмотрении иска было установлено, что З., занимая должность начальника отдела организационно-контрольной работы и взаимодействия со средствами массовой информации в Управлении службы судебных приставов, осуществляла работу по изготовлению сторонними организациями макета баннера с социальной рекламой. На билборде с ее устного согласия было размещено изображение сына ФИО2. Суд обязал ответчика демонтировать баннер как рекламную конструкцию с изображением несовершеннолетнего сына истицы и взыскал в ее пользу компенсацию морального вреда[3].

Для устранения неединообразных судебных решений по существу таких споров в теории обсуждается вопрос о дополнении п. 1 ст. 152.1 ГК РФ новым подпунктом о форме согласия. Эта норма, как предлагают правоведы, должна быть снабжена положением о том, что согласие на использование изображения гражданина является двусторонней граж-

[1] Решение Московского районного суда г. Рязани от 03.10.2019 по делу № 3544 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-62OS0000-33-103 (дата обращения: 02.04.2024).

[2] Уполномоченный предупреждает об ответственности за незаконное обнародование и использование изображений несовершеннолетних // Уполномоченный по правам ребенка в Тульской области: сайт. URL: https://pravarebenka.tularegion.ru/press_center/news/upolnomochennyy-preduprezhdaet-ob-otvetstvennosti-za-nezakonnoe-obnarodovanie-i-ispolzovanie-izobrazheniy-nesovershennoletnikh/?ysclid=lujxm705b9807615275 (дата обращения: 02.04.2024).

[3] Решение Кировского районного суда г. Астрахани от 21.05.2021 по делу № 2-1372 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-30RS0001-2-1372 (дата обращения: 03.04.2024).

данско-правовой сделкой, совершаемой в простой письменной форме[1].

Анализ состоявшихся решений по делам этой категории показывает, что суд при разбирательстве гражданского иска в одних случаях оценивает и те обстоятельства, когда согласия не требуется, перечисленные в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ; в других – принимает решение в пользу родителей или законных представителей только по факту отсутствия самого их согласия. Например, Центральный районный суд г. Челябинска, установив, что родители не давали согласия на размещение и использование фотографии их несовершеннолетней дочери на сайте медицинского центра «Моя семья», на этом основании решил удовлетворить требования истцов. Он обязал ответчика удалить из открытого доступа на сайте организации изображение несовершеннолетней и запретил его дальнейшее использование[2]. Напротив, Кызылский городской суд Республики Тыва, удовлетворяя иск А. к ООО «ВКонтакте», отметил, что в соответствии с п. 3 ст. 152.1 ГК РФ ответчик не предоставил доказательств обнародования фотографий самим истцом, их размещения в социальной сети в общественных или иных публичных интересах. В материалах дела нет данных, что фотографии были сделаны на публичных мероприятиях или истец позировал за плату. Суд возложил на ответчика обязанность удалить фотографии истца и его несовершеннолетнего сына, размещенные без его согласия на персональной странице третьего лица в социальной сети, обязал не допускать дальнейшее их распространение и взыскал компенсацию морального вреда. Интересно, что суд принял решение в пользу истца вопреки возражению ответчика о том, что социальная сеть не инициирует размещение личных данных о пользователях, не модерирует контент и не решает, нарушает ли такое размещение охраняемые законом права и интересы третьих лиц. Суд признал, что ответчику стало известно о нарушении прав истца и его несовершеннолетнего ребенка, однако он не принял меры к устранению нарушения их права на охрану изображения[3].

Судебная практика по делам об опубликовании детских изображений без согласия родителей или законных представителей показывает, что во внимание принимается, было ли *спорное изображение* о*бщедоступным*. Получение согласия для использования изображения несовершеннолетнего не исключается, если оно было обнародовано родителями или им самим в сети Интернет. Как указал Пленум Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «…общедоступность такого изображения сами по себе не дают иным лицам права на свободное использование такого изображения без получения согласия изображенного лица»[4]. При этом и в отношении несовершеннолетнего действует разъяснение высшей судебной инстанции о том, что судам следует учитывать обстоятельства размещения своего изображения гражданином в сети Интернет, если это преду-

[1] Николаева А. А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 13.

[2] Решение Центрального районного суда г. Челябинска от 12.05.2022 по делу № 2-1072 // Актофакт: сайт. URL: https:// actofact. ru/case-74RS0002-2-1072 (дата обращения: 02.04.2024).

[3] Решение Кызылского городского суда Республики Тыва от 24.10.2018 по делу № 2-3161 // Актофакт: сайт. URL: https:// actofact. ru/case-17RS0017-2-3161 (дата обращения: 03.04.2024).

[4] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

смотрено условиями пользования сайтом. В этой связи теоретики ставят вопрос о том, следует ли учитывать судам факт размещения самим ребенком своего изображения в социальной сети либо согласие законных представителей несовершеннолетнего необходимо [19, с. 131]. Признавая безосновательными доводы ответчика о том, что ранее фотографии были размещены в сети Интернет, суды делают верный вывод: «Тот факт, что фотография была размещена в социальной сети, не дает ответчику права на свободное ее распространение в рекламных целях без получения предварительного согласия самой ФИО1 и ее законных представителей. …Изображение гражданина на фотографии в той или иной обстановке является частью частной жизни, распространение в той или иной форме сведений о которой он вправе запретить»[1].

В соответствии со ст. 152.1 ГК РФ суды исследуют вопрос и о том, было ли *мероприятие публичным, а место, где проводилась съемка детей, открытым для всех*. Примером может служить иск, рассмотренный Коминтерновским районным судом г. Воронежа. Из него следует, что в районной газете была опубликована фотография, на которой изображены несовершеннолетние дети четырех истцов – учащиеся хореографического училища. Она была сделана во время творческой встречи с примой Мариинского театра, народной артисткой России и ее мастер-класса. В судебном заседании ответчик настаивал на том, что мероприятие было публичным, а потому его съемка и распространение фотографий были законными. Суд, исследовав вопрос о публичности встречи, опроверг доводы ответчика. Он указал, что в материалах дела имеются доказательства того, что встреча была организована в выходной день только для учащихся и преподавателей училища. Посторонние лица не приглашались, они не имели доступа в училище и не могли посетить это мероприятие. Фотограф ответчика находился в помещении училища и осуществлял съемку мероприятия без согласования с руководством учебного заведения. Суд признал публикацию незаконной и взыскал в пользу всех истцов компенсацию морального вреда[2].

Суд дает оценку и наличию *общественного или иного публичного интереса* в обнародовании третьими лицами спорного изображения чужого ребенка. Так, в решении Советского районного суда г. Липецка по иску ФИО1 к гаражному кооперативу о принесении извинений, обязании разместить сведения об ошибочном размещении фотографии и взыскании компенсации морального вреда, суд исследовал все основания, при которых согласия родителей не требуется. Он пришел к выводу, что размещение фотографии ФИО3, несовершеннолетнего сына истца, в виде объявления на стенде информации гаражного кооператива и в группе кооператива в социальной сети было необходимым для защиты правопорядка и в общественных интересах для защиты прав собственников. Учитывая, что действия несовершеннолетнего ФИО3 не отвечают требованиям соблюдения правопорядка, социальных норм, включая нормы права, морали, нравственности, этикета и т. д., суд отказал в иске[3].

[1] Решение Центрального районного суда г. Читы от 05.04.2011 по делу № 2-1273 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-75RS0001-2-1273 (дата обращения: 03.04.2024).

[2] Решение Коминтерновского районного суда г. Воронежа от 26.09.2012 по делу № 2-2533 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact. ru/case-36RS0002-2-2533 (дата обращения: 03.04.2024).

[3] Решение Советского районного суда г. Липецка от 13.12.2018 по делу № 2-7120 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-48RS0001-2-7120 (дата обращения: 04.04.2024).

Для вынесения законного решения суд оценивает и *обстановку, в которой производилась съемка ребенка,* при отсутствии согласия родителей или законных представителей. Это дает основание установить, имелись ли конклюдентные действия, подтверждающие намерение истца заключить сделку устно. Например, Биробиджанский районный суд Еврейской автономной области признал, что требования о компенсации морального вреда за незаконное использование фотографий не подлежат удовлетворению, поскольку из самой обстановки следует воля истца совершить сделку. Истец не высказывал возражений и активно позировал с детьми фотографу. Из обстановки, в которой осуществлялась съемка, явствует и то, что изображения детей и самого истца использовались в рекламных целях для привлечения покупателей. В доказательство этого вывода суд указал: «…Дети действительно позировали для фотосессии. О съемке все знали заранее, подготовились к ней. В магазине взяли одежду, неоднократно переодевались. Все присутствующие знали, что фотографирование происходит в рекламных целях ООО «Виктория плюс» для последующего размещения данных фотографий на баннере и листовках»[1].

Если говорить о специальных способах защиты права детей на изображение, то по аналогии с защитой изображения взрослых суды принимали решение о возложении обязанности удалить изображение ребенка, в том числе размещенное в сети Интернет; о запрещении дальнейшего его распространения; об изъятии из оборота и уничтожении материальных носителей с изображением ребенка, полученного или используемого с нарушением п. 1 ст. 152.1 ГК РФ без какой-либо компенсации ответчику; о компенсации морального вреда. При этом далеко не всегда суды, удовлетворяя иск с возложением обязанности удалить спорное изображение, компенсируют моральный вред на том основании, что факт причинения нравственных страданий у несовершеннолетнего не доказан истцом. Мониторинг судебной практики по делам рассматриваемой категории показывает, что самым востребованным способом защиты права на изображение ребенка является взыскание компенсации морального вреда. Следует поддержать предложения теоретиков о закреплении в ст. 152.1 ГК РФ положения об имущественной компенсации за нарушение этого права в качестве альтернативы возмещению морального вреда, к примеру, за незаконное использование изображения детей в рекламе, на упаковке детских товаров и др.[2]

Материалы правоприменительной практики показывают, что по делам о защите права детей на изображение возникают споры и в части признания недействительным согласия на публикацию и дальнейшее использование изображения ребенка, выданное в письменном виде одним из родителей. Как показывают решения судов, в случае конфликтной ситуации между родителями они не признают недействительной сделку одного из них от имени своего несовершеннолетнего ребенка на использование его изображения (видео, фотографии). Как считают суды, обязательным согласие второго родителя на обнародование изображения его ребенка не является в связи с отсутствием соответствующих норм в ГК РФ. О том, что такая практика устоялась, говорят состоявшиеся решения судов, подтвержденных вышестоящими инстанциями[3]. При наличии к тому

[1] Решение Биробиджанского районного суда от 15.06.2017 по делу № 2-1285 // Актофакт: сайт. URL: https://actofact.ru/case-79RS0002-2-1285 (дата обращения: 03.04.2024).

[2] Николаева А. А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 13.

[3] См.: Определение Московского городского суда от 03.08.2010 по делу № 33-23190; определение Московского городского суда от

оснований, в соответствии со ст. 168 ГК РФ, сделка может быть оспорена другим родителем по его иску о признании недействительным согласия на обнародование и дальнейшее использование изображения ребенка. В этом случае принять такое решение суд может, если истец в обоснование своих доводов докажет, что его ребенку причинен материальный и моральный вред, нарушены его имущественные или личные неимущественные права и интересы. Это следует в том числе из п. 1 ст. 23 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», в котором закрепляется право представителей ребенка (родители, опекуны, попечители) обратиться в суд с иском о возмещении вреда, причиненного его здоровью, имуществу, а также морального вреда[1]. Родитель, не согласный с опубликованием изображения, может оспаривать неправомерность согласия второго родителя и тогда, когда внешность его ребенка используется в рекламе проституции, наркотиков, алкоголя или табака, а изображение содержит признаки эротики, насилия или жестокости. Во всех этих случаях суд может удовлетворить иск с возмещением причиненного ребенку вреда, включая компенсацию морального вреда, а также, согласно п. 3 ст. 167 ГК РФ, обязать правоприобретателя прекратить использование изображения. Иными словами, при согласии одного из родителей как законного представителя ребенка, выраженном в надлежащей форме, обращение к правоприобретателю второго родителя, возражающего против тиражирования изображения его ребенка, его надлежаще оформленный запрет на дальнейшую публикацию юридических последствий для правоприобретателя значения не имеет до вступления в силу судебного решения с таким предписанием [20, с. 52]. Для разрешения разногласий между родителями в части передачи прав третьим лицам на использование изображения ребенка они могут обратиться и в орган опеки и попечительства согласно п. 2 ст. 65 СК РФ.

Выводы

1. При рассмотрении споров о признании обнародования и дальнейшего использования изображения детей незаконным и разрешая его по существу, суды в соответствии со ст. 152.1 ГК РФ по аналогии с исками о защите изображений совершеннолетних граждан признают эти действия неправомерными при отсутствии согласия родителей или законных представителей. Вместе с тем само по себе формальное его отсутствие не означает однозначного удовлетворения судом заявленного иска. Суды, как и в других случаях, где предметом спора является чужое изображение, дают оценку тому, что служит иным доказательством согласия истцов или его отсутствия: обстановке, в которой производилась съемка, публичности мероприятия и места производства съемки с детьми, наличию государственных, общественных или иных публичных интересов в изображении детей; общедоступности их изображения, в том числе в сети Интернет и др.

2. Правоприменительная практика по делам о защите изображения детей не может быть признана единообразной. При тождественных обстоятельствах использования изображения ребенка суды принимают взаимоисключающие решения, по-разному толкуя предусмотренные законом основания, когда согласие не требуется, в том числе конклюдентные

14.07.2011 по делу № 33-21884; определение Московского областного суда от 08.11.2011 по делу № 33-22785/2011, кассационное определение суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24.01.2012 по делу № 33-283/2012 и др.

[1] Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 06.04.2024).

действия истцов. Для преодоления противоречивого толкования смысла нормы, предусмотренной ст. 152.1 ГК РФ, ее следует редактировать и отказаться от термина «обнародование». В тексте нормы следует закрепить само понимание согласия как двусторонней гражданско-правовой сделки на использование изображения гражданина, совершаемой в простой письменной форме. Для обеспечения надлежащего восстановления прав истца по делам этой категории следует поддержать предложения ученых о введении имущественной компенсации по таким делам как дополнительной меры ответственности. В целях усиления эффективности охраны прав несовершеннолетних следует определить права второго родителя для разрешения споров в части использования изображения ребенка на фото или видео, если наличествует согласие другого родителя. Для этих случаев следует оговорить условия, при которых требуется согласие на использование внешнего облика ребенка второго родителя.

Список литературы

1. Ступина С. А. Отдельные вопросы защиты права гражданина на изображение // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 62–67.

2. Соловьев В. С. Криминологические риски цифросексуализма // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 47–56.

3. Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С. Проблемы охраны изображения человека в гражданском законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2019. № 14. С. 107–116.

4. Вишнепольская И. Использование изображения гражданина: проблемы и риски // Хозяйство и право. 2013. № 9 (440). С. 65–73.

5. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Право гражданина на неприкосновенность изображения: анализ эффективности правоприменительной практики при определении критериев неправомерности использования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 1. С. 251–260.

6. Гришаев С. П., Николаева А. А. Проблемы правовой охраны права на изображение // Хозяйство и право. 2013. № 9 (440). С. 57–64.

7. Ильютович Д. А. Юридическое содержание права гражданина на изображение // Правовая информатика. 2015. № 3. С. 47–52.

8. Захаренко Д. С. Правовые проблемы использования изображения гражданина // Юрист. 2016. № 21. С. 17–21.

9. Мазаев Д. В. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 103–113.

10. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. 244 с.

11. Михайлова И. А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3–9.

12. Мограбян А. С. Актуальные проблемы защиты права физического лица на собственное изображение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 3 (24). С. 55–60.

13. Микрюков В. А. Субъектно-временные пределы охраны изображения гражданина // Юрист. 2013. № 4. С. 3–8.

14. Микрюков В. А. О форме согласия гражданина на обнародование и дальнейшее использование его изображения // Законодательство и экономика. 2013. № 2. С. 42–46.

15. Микрюков В. А. О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // Юрист. 2013. № 13. С. 36–39.

16. Слипченко С. А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 42–47.

17. Малеина М. Н. Использование в рекламе изображения гражданина: правовые основания и последствия // Закон. 2007. № 10. С. 21–26.

18. Боргояков Ф. В. Судебная защита прав ребенка при незаконном использовании его изображения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1. С. 41–45.

19. Матанцев Д. А., Фурсова Е. Б. Совершенствование содержания права на использование изображения гражданина // Юридическая наука. 2022. № 3. С. 129–133.

20. Фридман В. Э. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 45–56.

References

1. Stupina S.A. Certain issues of protecting the right of a citizen to image. *Epoha nauki = Epoch of science*. 2018;(16):62–67. (In Russ.)

2. Solov'ev V.S. Criminological risks of digital sexualism. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*. 2020;(3):47–56. (In Russ.)

3. Ablyatipova N.A., Tsyganova D. S. Problems of protecting the image of a person in the civil legislation of the Russian Federation. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU = Scientific notes of the Tambov branch of the Russian Union of Young Scientists*. 2019;(14):107–116. (In Russ.)

4. Vishnepolskaya I. Using the image of a citizen: problems and risks. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*. 2013;(9):65–73. (In Russ.)

5. Ablyatipova N.A., Volkova I.Y. Citizen's right to image inviolability: an analysis of the effectiveness of law enforcement practice in determining the criteria for illegality of use. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences*. 2021;(1):251–260. (In Russ.)

6. Grishaev S.P., Nikolaeva A.A. Problems of legal protection of the right to image. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*. 2013;(9):57–64. (In Russ.)

7. Ilyutovich D.A. Legal content of a citizen's right to image. *Pravovaya informatika = Legal informatic*. 2015;(3):47–52. (In Russ.)

8. Zakharenko D.S. Legal problems of using the image of a citizen. *Yurist = Lawyer*. 2016;(21):17–21. (In Russ.)

9. Mazaev D.V. Protection of the image of a citizen on the Internet. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2016;(6):103–113. (In Russ.)

10. Maleina M.N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection. Moscow: Mz Press; 2001. 244 p. (In Russ.)

11. Mikhailova I.A. Personal non-property rights and intangible goods: traditional understanding and new approaches. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2012;(4):3–9. (In Russ.)

12. Mograbyan A.S. Actual problems of protecting the right of an individual to his own image. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya = Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence.* 2014;(3):55–60. (In Russ.)

13. Mikryukov V.A. Subject-time limits for protecting the image of a citizen. *Yurist = Lawyer*. 2013;(4):3–8. (In Russ.)

14. Mikryukov V.A. On the form of consent of a citizen for the publication and further use of his image. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and economics*. 2013;(2):42–46. (In Russ.)

15. Mikryukov V.A. On the possibility of canceling the consent of a citizen to use his image. *Yurist = Lawyer*. 2013;(13):36–39. (In Russ.)

16. Slipchenko S.A. Some issues of the theory and practice of personal immaterial rights. *Civilist = Civilist.* 2011;(2):42–47. (In Russ.)

17. Maleina M.N. The use of the image of a citizen in advertising: legal grounds and consequences. *Zakon = Law*. 2007;(10):21–26. (In Russ.)

18. Borgoyakov F.V. Judicial protection of the rights of the child in the illegal use of his image. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(12-1):41–45. (In Russ.)

19. Matancev D.A., Fursova E.B. Improving the content of the right to use the image of a citizen. *Yuridicheskaya nauka =Legal science*. 2022;(3):129–133. (In Russ.)

20. Friedman V.E. Image rights: features of legal regulation and methods of protection. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Copyright and related rights*. 2019;(8):45–56. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Григорьева Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, судья, Арбитражный суд города Москвы, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: legim1@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9229-9198

Irina M. Grigorieva, Candidate of Sciences (Juridical), Judge, Arbitration Court of Moscow, Moscow, Russian Federation,
e-mail: legim1@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9229-9198

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-108-120

CC BY 4.0

Правовой режим персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве

М. Ю. Елизарова[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: marina-elizarova-2016@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В отличие от персональных данных человека личные данные участников гражданского судопроизводства размещаются без исключения в текстах решений на сайтах судов, озвучиваются в видеотрансляциях, публикуются в открытом доступе поисковыми сайтами-агрегаторами. В статье анализируется понятие и содержание правового режима персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, применительно к проблеме их охраны. Изучаются нормы законодательства о персональных данных и об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации, устанавливающие правовой режим персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, применительно к проблеме их охраны.*

Целью исследования *является углубление научного знания о сущности правового режима персональных данных участников гражданского судопроизводства, разработка теоретических понятий и законотворческих предложений для повышения эффективности их охраны.*

Задачи*: проанализировать законодательство, регулирующее правовой режим персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве; определить юридические средства, обеспечивающие их защиту; выявить пробелы законодательства, препятствующие их надлежащей охране.*

Методология *исследования представлена общенаучными (диалектический, анализ и синтез, дедукция, индукция) и частнонаучными методами (формально-юридический, формально-логический, системно-аналитический).*

Результаты исследования *нашли свое выражение в сформулированном понятии правового режима персональных данных участников гражданского судопроизводства, выявлении его соотношения с правовым режимом персональных данных физических лиц, а также в предложениях по совершенствованию действующих норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающих правила проведения видеотрансляций судебных заседаний, для защиты персональных данных рассматриваемой категории граждан.*

Вывод. *Правовой режим персональных данных участников судебных процессов по гражданским делам – это порядок регулирования общественных отношений, выраженный в комплексе юридических средств, направленных на обеспечение в интересах всего общества доступности информации о судебной деятельности, и защиты персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве. Правовой режим персональных данных участников гражданского судопроизводства соотносится с правовым режимом персональных данных физических лиц как частное и общее, а потому является специальным по виду.*

Ключевые слова*: персональные данные; правовой режим; гражданское судопроизводство; судебные акты; обезличивание; трансляция.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Елизарова М. Ю. Правовой режим персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 108–120. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-108-120

Поступила в редакцию 16.04.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Елизарова М. Ю., 2024

Legal regime of personal data of persons participating in civil proceedings

Marina Y. Elizarova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: marina-elizarova-2016@mail.ru

Abstract

Relevance. *Unlike personal data of a person, personal data of participants in civil proceedings are posted without exception in the texts of decisions on the websites of courts, voiced in video broadcasts, and published in the public domain by search aggregator sites. The article analyzes the concept and content of the legal regime of personal data of persons participating in civil proceedings in relation to the problem of their protection. The legislation on personal data and on ensuring access to information on the activities of courts in the Russian Federation are being studied, establishing the legal regime of personal data of persons participating in civil proceedings in relation to the problem of their protection.*

The purpose *of the study is to deepen scientific knowledge about the essence of the legal regime of personal data of participants in civil proceedings, to develop theoretical concepts and legislative proposals to increase the effectiveness of their protection.*

Objectives: *analyze the legislation governing the legal regime of personal data of persons participating in civil proceedings, identify legal means to ensure their protection, and identify legislative gaps that impede their proper protection.*

Methodology. *The research methodology is represented by general scientific (dialectical, analysis and synthesis of deduction, induction) and private scientific methods (formal-legal, formal-logical, system-analytical).*

The results *found expression in the formulated concept of the legal regime of personal data of participants in civil proceedings, identifying its correlation with the legal regime of personal data of individuals, as well as in proposals for improving the current norms of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, establishing the rules for conducting video broadcasts of court hearings, to protect personal data of the considered category of citizens.*

Conclusion. *The legal regime of personal data of participants in civil proceedings is a procedure for regulating public relations, expressed in a set of legal means aimed at ensuring, in the interests of the whole society, the availability of information about judicial activities, and the protection of personal data of persons participating in civil proceedings. The legal regime of personal data of participants in civil proceedings correlates with the legal regime of personal data of individuals as private and general, and therefore is special in type.*

Keywords*: personal data; legal regime; civil proceedings; judicial acts; depersonalization; broadcast.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Elizarova M.Y. Legal regime of personal data of persons participating in civil proceedings. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):108–120. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-108-120

Received 16.04.2024 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Современный цифровой мир, границы которого стремительно меняются с развитием высоких технологий, способствовал в том числе расширению «вынужденной публичности» человека. В процессе социальной онлайн-коммуникации, получения государственных услуг, решения бытовых вопросов в повседневной жизни посредством информационных ресурсов, онлайн-сервисов человек вынужден оставлять свои персональные данные [1, с. 12]. Доступ к информационным ресурсам в обмен на личную ин-

формацию о себе приводит к нарушению приватности частной жизни, личной и семейной тайны, неприкосновенность которых гарантирует Конституция России в ст. 23 и 24 [2, с. 10]. Глобальное информационное пространство используется для апробации новых мошеннических схем по незаконному получению и использованию персональных данных в криминальных целях [3, с. 35]. За 2023 г. объем скомпрометированных в результате утечки персональных данных составил 1,12 млрд записей, что на 60% больше, чем в 2022 г. Только за два с половиной месяца 2024 г. в Глобальной сети оказались личные данные в количестве 450 млн строк, включающих 27,7 млн данных электронной почты и 137 млн номеров мобильных телефонов[1].

В последние годы вопросы защиты персональных данных как одного из видов информации стали предметом публичных обсуждений и активных научных дискуссий на страницах юридической печати [4, с. 215]. Проблема нарушения конфиденциальности персональных данных граждан, в том числе участников судопроизводства, исследовалась представителями разных наук. Среди них труды специалистов по конституционному праву, изучающих конституционные основания защиты персональных данных [5, с. 83], соотношение права на неприкосновенность частной жизни и права на судебную защиту [6, с. 59]. В уголовном праве персональные данные исследуются с позиции уголовной ответственности за нарушение правил безопасности участников уголовного судопроизводства [7, с. 30] и разглашение их персональных данных [8, с. 93]. В публикациях по гражданскому праву рассматриваются вопросы соотношения категорий «частная жизнь» и «персональные данные» [9, с. 288]. Цивилисты поднимают и проблему защиты информации, относящейся к частной жизни граждан, включающей и персональные данные [10, с. 64]. Работы многих правоведов посвящены и уголовно-процессуальным способам обеспечения тайны персональных данных в судопроизводстве [11, с. 34], и правовому регулированию безопасности участников уголовного судопроизводства [12, с. 3]. Криминологами изучаются риски утечек чужих персональных данных [13, с. 90].

Вместе с тем следует отметить малочисленность работ, посвященных правовому режиму и защите персональных данных участников гражданского судопроизводства. Массовые инциденты с утечкой персональных данных, с одной стороны, способствовали тому, что обладатели деанонимизированных персональных данных, понимая их ценность, все чаще обращаются за защитой информации о себе. Об этом свидетельствует и увеличение в судах количества исков об удалении из общего доступа сведений о личности, составляющих персональные данные или частную жизнь [14, с. 1133]. С другой стороны, анонимность персональных данных граждан, самостоятельно заявляющих или в интересах которых заявляются иски о защите их персональных данных, либо являющихся иными участниками судопроизводства, нарушается с целью защиты личных, общественных или иных публичных интересов. И здесь возникает коллизия между охраной личных данных человека, пострадавшего от нарушения их конфиденциальности, и личных данных человека, которые используются для его идентификации как участника гражданского или иного судопроизводства, а равно с обеспечением доступности к информации о деятельности судов. В этой связи исследовательский интерес вызывают вопросы, связанные с правовым режимом персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве применительно к их охране.

[1] С начала года в сеть утекла почти половина прошлогоднего объема украденных данных // Ведомости: сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/03/22/1027186 (дата обращения: 05.04.2024).

Методология

При написании статьи ее методологическая основа избиралась исходя из поставленной цели и для решения задач исследования. Автором применялся комплексный подход к изучению понятия и сущности правового режима персональных данных физических лиц и правового режима персональных данных участников гражданского судопроизводства. Общенаучные методы (диалектический, анализ и синтез, дедукции и индукции) позволили изучить и проанализировать нормы, предусматривающие охрану персональных данных участников гражданского судопроизводства в рамках судебных заседаний, в текстах судебных актов и при рассмотрении дел по существу в режиме видеотрансляций. С их помощью получены объективные и достоверные результаты, позволяющие их использовать в теории и законотворчестве.

Формально-юридический и формально-логический методы позволили установить содержание и особенности правового регулирования отношений, связанных с обеспечением доступности судебной деятельности и охраны персональных данных лиц, участвующих в судебных заседаниях, выявить юридические средства, составляющие правовой режим персональных данных участников гражданского судопроизводства, отобрать и проработать научную литературу по рассматриваемой проблеме. На основе системно-аналитического и формально-логического методов осуществлена систематизация полученного материала, сформулированы выводы, теоретические положения и законодательные предложения по совершенствованию охраны персональных данных рассматриваемой категории граждан.

Результаты и их обсуждение

Персональные данные как информация формируют «информационный облик (образ) человека» [15, с. 31]. Будучи информацией о физическом лице, персональные данные в соответствии с п. 1 ст. 150 ГК РФ признаются наукой гражданского права и практикой нематериальным благом наряду с иными нематериальными объектами, как неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна. Из п. 2 ст. 2 ГК РФ следует, что нематериальные блага подлежат защите гражданским законодательством [16, с. 381]. Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152) закрепляют правовой режим охраны персональных данных в целях обеспечения их конфиденциальности и устанавливают ответственность за незаконные действия с ними[1].

Тема правового режима персональных данных многогранная и сложная. Правовым режимом персональных данных физических лиц, как пишут теоретики, выступает особый порядок правового регулирования, направленный на достижение его целей [17, с. 44]. Установленный в ст. 1 ФЗ № 152 правовой режим определяет поведение субъектов отношений, связанных с обработкой персональных данных с использованием средств автоматизации или без них. Другими словами, правовой режим персональных данных – это комплекс юридических средств, который характеризует его содержание, адресован участникам этих отношений и направлен на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Применительно к теме настоящего исследования отметим, что в его части 3 ст. 1 говорится о том, что вопросы, связанные с информацией о деятельности российских судов, содержащей персональные данные, регу-

[1] О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 16.04.2024).

лируются Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ № 262). Иными словами, в отношении публикаций, связанных с судебной информацией, ФЗ № 152 (ч. 3 ст. 1) не применим. Его действие, согласно п. 2 ч. 2 ст. 1, не распространяется и на использование персональных данных участников судопроизводства, содержащихся в архивах судов, что подтверждают практикующие юристы [18].

Сущность правового режима применительно к персональным данным участников судебных процессов определяется юридическими средствами, которые должны обеспечивать доступ пользователей информацией к информации о деятельности судов при соблюдении прав участников судебного процесса на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, их прав и законных интересов (ст. 4). Вместе с тем действие ФЗ № 262 о деятельности судов не распространяется на отношения, связанные с обеспечением доступа к персональным данным, обработка которых осуществляется судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества. Иными словами, правовой режим персональных данных физического лица является родовым (общим) понятием по отношению к правовому режиму персональных данных участника гражданского судопроизводства (частное). С этой позиции совокупность норм права, устанавливающих режим персональных данных физического лица, является идеальной основой для определения правового режима персональных данных участника гражданского судопроизводства. В то же время правовой режим персональных данных участника гражданского судопроизводства имеет самостоятельное содержание и отличен от правового режима персональных данных физического лица. В исследовательских целях для наиболее полной характеристики правовой режим персональных данных участника гражданского судопроизводства целесообразно раскрыть через анализ правового режима персональных данных любого гражданина.

Впервые правовой режим персональных данных был сформулирован Федеральным законом от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»[2]. Его положения утратили силу с принятием в 2006 г. нового закона с тем же названием, но именно в нем впервые появился сам термин «персональные данные». Согласно ст. 1, информация о гражданах (персональные данные) – сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. В одном из положений закон 1995 г. относил персональные данные к категории конфиденциальной информации. Понятие персональных данных связывалось с частной жизнью человека, а потому в ч. 1 ст. 11 «Информация о гражданах (персональные данные)» содержался запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни физического лица, о личной или семейной тайне без его согласия, кроме как на основании судебного решения. Запрещалось использовать чужие персональные данные для причинения имущественного и морального вреда, затруднения реализации прав и свобод и ограничивать их на основе ис-

[1] Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 16.04.2024).

[2] Об информации, информатизации и защите информации: федер. закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/ (дата обращения: 16.04.2024).

пользования персональных данных о социальном происхождении, о расовой, национальной, языковой, религиозной и партийной принадлежности.

Через два года был подписан Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера», действующий до настоящего времени[1]. В нем понятие персональных данных формулируется практически дословно с первой редакцией закона об информации. Персональные данные – это сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. Новым этапом в толковании этого понятия стал ФЗ № 152, в котором оно было существенно модернизировано. В ст. 3 ФЗ № 152 персональные данные атрибутируются не как сведения, а любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Именно ФЗ № 152 установил ограничения и запреты на оборот (распространение и использование) чужих персональных данных и ввел условие получения согласия субъекта персональных данных на любые действия с его личными данными.

Стремительное развитие информационных технологий, способствующее увеличению доступности большинства населения к интернету, а также запрос общества на прозрачность и публичность судебной власти привели к появлению у судов сайтов, размещающих в том числе тексты судебных актов по итогам рассмотрения конкретных дел [19, с. 290]. Все судебные акты в установочной и описательной части содержат персональные данные граждан, участвующих в деле, позволяющие их идентифицировать. Так называемый «базовый» закон о персональных данных не содержит их перечня, т. е. того, что именно считать личной информацией (сведениями) о человеке. В ст. 10 он лишь запретил обработку специальных категорий персональных данных (расовая, национальная принадлежность, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, состояние здоровья, интимная жизнь). При этом он разделил персональные данные на общедоступные или номинативные (фамилия, имя, отчество лица, место работы, уровень образования) и сведения с «презумпцией конфиденциальности» с изъятиями, предусмотренными специальными законами. Именно потому ФЗ № 262 о деятельности судов как специальный закрепил в п. 4 ст. 15 перечень того, что считать персональными данными участников гражданского судопроизводства применительно к судебным актам. Это фамилии, имена и отчества участников судебного процесса, дата и место рождения, место жительства или пребывания, номера телефонов, реквизиты паспорта или иного документа, удостоверяющего личность, ИНН физического лица, основной государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя, страховой номер индивидуального лицевого счета. Персональными данными признаются и сведения о месте нахождения земельного участка, здания, сооружения, жилого дома, квартиры, транспортного средства, иные сведения об имуществе и о находящихся в банках или иных кредитных организациях денежных средствах участников судебного процесса, если эти сведения относятся к существу дела.

Согласно п. 3 ст. 15 «Особенности размещения в сети Интернет» ФЗ № 262 о деятельности судов, из размещаемых в интернете текстов судебных актов судов общей юрисдикции и Верховного Суда Российской Федерации удаляются персональные данные их участников. Во избе-

[1] Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 16.04.2024).

жание идентификации участников судебного процесса их заменяют инициалы, псевдонимы и другие обозначения. При этом из текстов судебных актов не исключаются фамилии, имена и отчества истца, ответчика, третьего лица, гражданского истца, гражданского ответчика, административного истца, административного ответчика, заинтересованного лица, лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, секретаря судебного заседания, судьи (судей), рассматривавшего дело, а также прокурора, адвоката и представителя. Аналогичные положения содержатся в пп. 3.2, 3.3 ст. 15 Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2017 г.[1] (п. 3.2). Если в сети Интернет публикуется постановление или определение, принятое Конституционным Судом РФ, из них также исключаются персональные данные, кроме фамилий, имен и отчеств заявителей, представителей сторон, экспертов и специалистов, представителей государственных органов.

Между тем мониторинг поисковых сайтов-агрегаторов, публикующих тексты судебных актов, показывает, что во многих из них содержатся полные персональные данные участников гражданского процесса. Три крупнейших сервиса поиска информации с текстами судебных решений: «Sudact» (Судебные и нормативные акты РФ), «Судебные решения РФ» и «Актофакт» – посредством соответствующей формы через ключевые слова выдают решения с не обезличенными данными граждан, в том числе несовершеннолетних. К слову, портал «Судебные решения РФ» выступал в качестве ответчика по десяти искам о защите личных данных участников гражданского процесса в течение трех лет. Ни один иск по вынесенным судами решениям удовлетворен не был. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции оставила кассационную жалобу С. на решение Шебекинского районного суда Белгородской области и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда без удовлетворения. С. просила признать незаконной публикацию, распространяющую ее персональные данные как участницы гражданского процесса из судебного акта (фамилия, имя и отчество, место жительства, место работы, сведения о сумме налоговой задолженности) сайтом «Судебные решения РФ», и взыскать компенсацию морального вреда. В своем определении суд констатировал, что обработка персональных данных, подлежащих опубликованию в соответствии с Законом об обеспечении доступа к информации о деятельности судов, может осуществляться без получения согласия гражданина[2]. По мнению К. Г. Андреева, причиной оставления в судебных актах конфиденциальной персональной информации могут быть ошибки ответ-

[1] Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2017 г. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_280272/ (дата обращения: 16.04.2024).

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022 по делу 2-614/2022 // Первый кассационный суд общей юрисдикции: сайт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28124983&delo_id=2800001&new (дата обращения: 05.04.2024).

ственных за выгрузку документов работников, высокая нагрузка на судей и аппарат судов [14, с. 1137].

О той же проблеме автор пишет и применительно к трансляции судебных заседаний, когда требования об охране персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, вступают в конфликт с обязанностью обеспечить открытость работы судов. Статья 6 ФЗ № 262 среди способов обеспечения доступа к информации о ней называет трансляцию открытых судебных заседаний в сети Интернет и присутствие на открытых судебных заседаниях. Среди запретов, которые содержит ч. 5 ст. 15, есть и те, что касаются данных несовершеннолетних, если затрагиваются их права и интересы. Судебные акты не подлежат опубликованию по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, а также о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и по другим основаниям (ч. 5). В ст. 15.1 установлен порядок трансляции судебных заседаний, в том числе по радио, телевидению и в сети Интернет. Не транслируются закрытые судебные заседания, а также те, что перечислены в ч. 5 ст. 15 (дела о государственной тайне, о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании и др.). Решение о трансляции судебного заседания принимается в том числе с учетом обеспечения безопасности участников судопроизводства, предотвращения разглашения информации, составляющей охраняемую законом тайну. В нарушение требований ФЗ № 262 в Глобальной сети размещены и полные видеозаписи судебных заседаний по гражданским делам, в ходе которых оглашались персональные данные всех участников, доступные к свободному просмотру. Они включают в том числе оглашение решений, содержащих конфиденциальную информацию об участниках, которая по ФЗ № 262 должна удаляться из судебных актов перед размещением на сайтах судов и в поисковую систему ГАС «Правосудие». Судя по датам размещения и количеству просмотров, некоторые трансляции находятся в режиме открытого просмотра несколько лет. Между тем из находящихся на просторах Интернета трансляций можно узнать данные о месте жительства сторон, именах и датах рождения детей, наличии заболеваний, месте нахождения объектов недвижимости и др. Видеозаписи содержат и биометрические данные участников процесса, такие как изображение, голос и т.д.[1], что в условиях развития новых технологий содержит риски их использования в совершении преступлений, при создании дипфейков и т.д. Например, в открытом доступе в сети Интернет размещены видеозаписи судебных заседаний по иску о возмещении материального ущерба и взыскании морального вреда длительностью 60 минут. В ней председательствующий устанавливает личность всех свидетелей, называющих свои персональные данные, включая дату и место рождения, место работы и адреса проживания. В сети видеозапись судебного заседания находится больше двух лет, с 23.03.2021 года.

Думается, очевидна необходимость распространения требований об удалении персональных данных и в отношении трансляций судебных заседаний, в которых, помимо номинативных персональных данных (образование, место работы), содержатся и те, которые должны обязательно сохраняться в режиме конфиденциальности (место жительства, данные о банковских счетах, состояние здоровья, реквизиты паспорта, данные о транспортном средстве и др.). В противном случае следует говорить о существенном дисбалансе концепции открытости и пуб-

[1] Трансляция судебного заседания по гражданскому делу // Yandex.ru: сайт. URL: https://ya.ru/video/preview/13019243632605104504 (дата обращения: 05.04.2024).

личности судопроизводства и ущемлении права на неприкосновенность тайны частной жизни, личной информации, безопасности участников судебных процессов. Показательно, что неустранением этого пробела пользуются сервисы поиска судебной информации. На странице сайта «Судебные решения РФ» размещено такое предупреждение: «Все оглашенное в судебных заседаниях законом признается открытой информацией, ее можно свободно искать, получать, передавать и распространять».

Не случайно в научной литературе предлагаются способы защиты персональных данных лиц, участвующих в судебном заседании по видеоконференцсвязи. Так, Е. О. Закотянская полагает, что обезопасить личные данные может такая мера, как приобщение к материалам дела файлов, хранящих персональные данные, с доступом к нему только судьи, рассматривающего дело по существу [20, с. 25]. Аналогичные предложения содержатся и в работах других авторов [21, с. 14]. К. Г. Андреев, считая энерго- и ресурсозатратным удаление из свободного доступа судебных актов, содержащих персональные данные участников судебных процессов, выход из создавшегося положения видит в использовании в программном обеспечении искусственного интеллекта для обнаружения персональных данных лиц, участвующих в судебных процессах, для их автоматического обезличивания [14, с. 1137–1138].

По нашему мнению, следует поддержать указанные предложения ученых, за тем исключением, что, несмотря на временную затратность процесса внесения правок, следует либо удалить, либо исправить текст размещенных судебных актов, где содержатся персональные данные участников судебных заседаний, и опубликовать их корректные версии. В противном случае размещенные судебные решения с существенными нарушениями положений ФЗ № 262 снижают авторитет судебных органов, не соблюдающих российское законодательство, однако призванных осуществлять защиту персональных данных граждан в соответствии с действующими законами.

Тот же подход должен быть и в отношении частичных или полных трансляций судебных заседаний, зрителем которых могут быть посторонние лица. В сохраненных трансляциях перед выкладкой в открытый доступ следует удалять персональные данные, как это предписывает ФЗ № 262, иначе существует двоякий подход к охране персональных данных участников гражданского судопроизводства в судебных актах и в трансляциях. Сложнее обстоит дело с прямой трансляцией судебных заседаний, где в «прямом» эфире подлежат установлению персональные данные участника судебного процесса. Согласно ст. 155.1, 155.2 ГПК РФ личность участников судебных заседаний через систему видеоконференцсвязи и веб-конференции устанавливается судом. При веб-конференции личность участника гражданского судопроизводства устанавливается с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих его идентификацию без личного присутствия через единые системы идентификации и аутентификации, информационные системы персональных данных, биометрических персональных данных. Для случаев трансляции проведения судебного процесса в режиме реального времени законодателю следует урегулировать вопросы, связанные с порядком демонстрации судебного заседания, в котором оглашаются персональные (биометрические) данные человека, а потому следует внести изменения в ГПК РФ, регламентирующие вопросы видеотрансляций в режиме реального времени с определением этапов для публичного доступа либо содержания информации, которая может

быть транслирована для неопределенного круга лиц.

Выводы

В заключение сформулируем основные выводы исследования:

1. Правовой режим персональных данных участников судебных процессов по гражданским делам представляет собой порядок регулирования общественных отношений, выраженный в комплексе юридических средств, направленных на обеспечение в интересах всего общества доступности судебной деятельности, и защиты персональных данных лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве. Он включает сочетание запретов, дозволений и обязываний, обеспечивающих охрану конфиденциальных данных граждан как участников общественных отношений в сфере судопроизводства, и функционирование судебной системы. Правовой режим персональных данных участников гражданского судопроизводства соотносится с правовым режимом персональных данных физических лиц как частное и общее, что позволяет выделить общий правовой режим (правовой режим персональных данных физического лица) и специального правового режима по виду (правовой режим персональных данных участников судебных процессов).

2. Нормативной основой правового режима персональных данных участников судебных процессов выступают нормы гражданского законодательства в части, регламентирующей нематериальные блага, в том числе охрану частной жизни, а также положения российского законодательства, регулирующие вопросы охраны персональных данных физического лица и обеспечения доступа к информации о деятельности судов. Правовой режим, установленный новым нормативным правовым актом в отношении персональных данных отдельной категории лиц, будет считаться специальным по отношению к ФЗ № 152.

3. Проведенное исследование позволяет предложить изменения в ГПК РФ, закрепляющие требования в отношении публикации персональных данных, раскрываемых (оглашаемых) в ходе видеотрансляций судебных заседаний (прямых или частичных). Законодателю следует предусмотреть в ст. 155.1, 155.2 ГПК РФ этапы судебного заседания и (или) вид личной информации, которые будут ограничены к публичному доступу неопределенного круга лиц. Думается, что без изменения положений законодательства можно включить в подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность судов, правило об обязательном обезличивании персональных данных из судебных заседаний, проходящих по видеоконференцсвязи или по вебконференции. Для реализации этого предложения могут использоваться технические возможности (информационные технологии), специальные программы, позволяющие приостанавливать прямую трансляцию судебного заседания для посторонних лиц на время оглашения персональных данных.

Список литературы

1. Проскурякова М. И. Конституционно-правовые рамки защиты персональных данных в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 2. С. 12–27.

2. Капинус О. С. Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 10–15.

3. Филатова М. А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11. С. 35–43.

4. Алтынникова Л. И. Обеспечение личной безопасности судей: состояние и перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. С. 215–217.

5. Кильдеев Р. Р. Право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту данных: проблемы соотношения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 83–88.

6. Колмыков И. П. Соотношение права на неприкосновенность частной жизни и права на судебную защиту в контексте доступа к персональным данным: поиск баланса интересов // Право и политика. 2020. № 5. С. 58–67.

7. Мартыненко Н. Э. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса: проблемы законодательной регламентации // Российский следователь. 2022. № 2. С. 27–30.

8. Игнатьев А. А. Об ответственности за разглашение персональных данных участников уголовного судопроизводства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-2. С. 93–96.

9. Санников Д. В. Перечень сведений, относящихся к тайне частной жизни, и их классификации в гражданском праве // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 288–303.

10. Новиков Р. В. Правовое регулирование защиты информации, относящейся к сфере частной жизни граждан, в гражданском законодательстве и законодательстве о персональных данных // Ex jure. 2020. № 2. С. 64–71.

11. Карапетян А. О частной, личной и семейной тайне в уголовном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 3. С. 34–37.

12. Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Правовое регулирование безопасности участников уголовного судопроизводства // Администратор суда. 2023. № 4. С. 2–6.

13. Алихаджиева И. С. Судимость как персональные данные и основание общеправовых ограничений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 65–79.

14. Андреев К. Охрана персональных данных участников судопроизводства в условиях обеспечения доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации // Право и политика. 2022. № 2. С. 1133–1138.

15. Богданов Е. В. Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. 2018. № 5. С. 29–33.

16. Судакова О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1(30). С. 381–384.

17. Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Правовой режим персональных данных // Журнал российского права. 2014. № 12(216). С. 42–49.

18. Нетупский П. Судебное «антизабвение» // Адвокатская газета. 2023. 21 марта.

19. Федосеева Н. Н. Доступ общественности к информации о деятельности судов в Российской Федерации // Труды НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2010. № 4. С. 290–296.

20. Закотянская Е. О. Проблемы законодательного регулирования участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции // Научный форум Гаранта: право, бухгалтерский учет и аудит. 2023. № 1. С. 25–29.

21. Петрова А. Р., Холодная М. А. Использование видеоконференцсвязи в гражданском процессе: потенциальные преимущества и недостатки // Научный форум Гаранта: право, бухгалтерский учет и аудит. 2023. № 1. С. 12–19.

References

1. Proskuryakova M.I. Constitutional and legal framework for the protection of personal data in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2016;(2):12–27. (In Russ.)

2. Kapinus O.S. Personal data security as one of the most important objects of constitutional and legal protection. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2018;(6):10–15. (In Russ.)

3. Filatova M.A. Personal data as a subject of criminal encroachment magazine. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2021;(11):35–43. (In Russ.)

4. Altynnikova L.I. Ensuring the personal safety of judges: state and prospects. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2010;(10):215–217. (In Russ.)

5. Kil'deev R.R. Right to privacy and the right to data protection: problems of ratio. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(2):83–88. (In Russ.)

6. Kolmykov I.P. Correlation of the right to privacy and the right to judicial protection in the context of access to personal data: finding a balance of interests. *Pravo i politika = Law and policy*. 2020;(5):58–67. (In Russ.)

7. Martynenko N.E. Criminal liability for disclosing information on security measures applied to judges and participants in criminal proceedings: problems of legislative regulation. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*. 2022;(2):27–30. (In Russ.)

8. Ignat'ev A.A. On responsibility for disclosing personal data of participants in criminal proceedings. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(1-2):93–96. (In Russ.)

9. Sannikov D.V. List of information related to privacy and their classification in civil law. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*. 2023;(6):288–303. (In Russ.)

10. Novikov R.V. Legal regulation of the protection of information related to the sphere of private life of citizens in civil and personal data legislation. *Ex jure*. 2020;(2):64–71. (In Russ.)

11. Karapetyan A. On private, personal and family secrets in criminal proceedings. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki = Problems of economics and legal practice*. 2013;(3):34–37. (In Russ.)

12. Bikmiev R.G., Burganov R.S. Legal regulation of the safety of participants in criminal proceedings. *Administrator suda = Court administrator*. 2023;(4):2–6. (In Russ.)

13. Alikhadzhiyeva I.S. Criminal record as personal data and the basis of general legal restrictions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(1):65–79. (In Russ.)

14. Andreev K.G. Protection of personal data of participants in legal proceedings in conditions of providing access to information on the activities of courts in the Russian Federation. *Pravo i politika = Law and policy*. 2022;(2):1133–1138. (In Russ.)

15. Bogdanov E.V. Information as an object of civil legal relations. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*. 2018;(5):29–33. (In Russ.)

16. Sudakova O.V. Personal non-property rights aimed at ensuring the inviolability and secrecy of the personal life of citizens. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2020;1(30):381–384. (In Russ.)

17. Tereshchenko L.K., Tiunov O. I. Legal regime of personal data. *Zhurnal rossijskogo prava =Journal of Russian Law*. 2014;(12):42–49. (In Russ.)

18. Netupsky P. Judicial “anti-forgetting”. *Advokatskaya gazeta = Lawyer newspaper*. 2023, March 21. (In Russ.)

19. Fedoseeva N.N. Public access to information on the activities of courts in the Russian Federation. *Trudy NGTU im. R. E. Alekseeva = Proceedings of NSTU named after R.E. Alekseev*. 2010;(4):290–296. (In Russ.)

20. Zakotyanskaya E.O. Problems of legislative regulation of participation in the court session by using the web conference system. *Nauchnyj forum Garanta: pravo, buhgalterskij uchet i audit = Scientific forum of the Guarantor: law, accounting and audi*. 2023;(5):25–29. (In Russ.)

21. Petrova A.R., Holodnaya M.A. Use of video conferencing in civil proceedings: potential advantages and disadvantages. *Nauchnyj forum Garanta: pravo, buhgalterskij uchet i audit = Scientific forum of the Guarantor: law, accounting and audit*. 2023;(1):12–19. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Елизарова Марина Юрьевна, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: marina-elizarova-2016@mail.ru

Marina Y. Elizarova, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: marina-elizarova-2016@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-121-129

CC BY 4.0

Нематериальные блага как объекты гражданско-правовой защиты

И. Ю. Попова[1] ✉

[1] Московская коллегия адвокатов «Традиции адвокатуры»
ул. Литвина-Седого, д. 5/1, г. Москва 123317, Российская Федерация

✉ e-mail: popova@finrez.ru

Резюме

***Актуальность**. В статье анализируются законодательные положения и взгляды российских ученых по вопросам защиты нематериальных благ, определения их признаков, критериев классификации, усиления защиты, установления соотношения между нематериальными благами и личными неимущественными правами. Рассматриваются особенности защиты нематериальных благ в тех областях, в которых такая защита является наиболее востребованной в настоящее время, включая защиту чести, достоинства и деловой репутации граждан, их изображений, прав потребителей, компенсацию морального вреда, связанного с посягательствами на жизнь и здоровье, и в иных случаях.*

Делаются выводы о необходимости дальнейшего развития системы гражданско-правовой защиты нематериальных благ, находящейся в настоящее время в стадии становления, на основании обобщения и систематизации существующих подходов, а также разработки в рамках цивилистической доктрины определения понятия нематериальных благ, их научно обоснованной классификации, разделения по видам, в том числе с учетом особенностей их защиты.

***Целью исследования** является разработка теоретических положений, направленных на совершенствование гражданско-правовой защиты нематериальных благ.*

***Задачи**: проанализировать особенности правоотношений, возникающих в связи с нарушениями нематериальных благ и посягательствами на такие блага; выявить проблемы, возникающие при защите нематериальных благ гражданско-правовыми средствами; предложить решения, обеспечивающие устранение пробелов и противоречий в законодательстве, связанном с защитой нематериальных благ.*

***Методология**. При проведении исследования были использованы общенаучные методы, включая диалектико-материалистический метод, методы анализа и синтеза, а также системный и формально-юридический методы.*

***Результаты** исследования имеют теоретико-прикладной характер и направлены на совершенствование правового регулирования отношений, связанных с защитой нематериальных благ.*

***Выводы**. Для дальнейшего развития законодательства и судебной практики требуется разработать научно обоснованную классификацию нематериальных благ, основанную на выявлении их признаков и особенностей, а также определить особенности способов защиты, применимых при посягательствах на нематериальные блага, что позволит распространить такую защиту на все случаи нарушений и посягательств на нематериальные блага.*

***Ключевые слова:** объекты гражданских прав; нематериальные блага; личные неимущественные права; компенсация морального вреда; деловая репутация.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Попова И. Ю. Нематериальные блага как объекты гражданско-правовой защиты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 121–129. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-121-129

Поступила в редакцию 01.05.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Попова И. Ю., 2024

Intangible benefits as objects of civil law protection

Irina Y. Popova[1] ✉

[1]Moscow Collegium of Advocates "Traditions of the Bar"
5/1 litvina-Sedogo Str., Moscow 123317, Russian Federation

✉ e-mail: popova@finrez.ru

Abstract

Relevance. *The article analyzes legislative provisions and views of Russian scientists on the issues of protection of intangible benefits, definition of their signs, classification criteria, strengthening of protection, establishment of correlation between intangible benefits and personal non-property rights. The peculiarities of protection of intangible benefits in those areas in which such protection is most in demand at present, including the protection of honor, dignity and business reputation of citizens, their images, consumer rights, compensation for moral harm associated with encroachments on life and health, and in other cases are considered.*

The conclusions *are made about the need for further development of the system of civil legal protection of intangible benefits, which is currently in the stage of formation, based on the generalization and systematization of existing approaches, as well as the development of the definition of the concept of intangible benefits, their scientifically justified classification, division by types, including taking into account the features of their protection.*

The purpose *of the study is to develop theoretical provisions aimed at improving the civil legal protection of intangible benefits.*

Objectives*: to analyze the peculiarities of legal relations arising in connection with violations of intangible benefits and encroachments on such intangible benefits; to identify problems arising in the protection of intangible benefits by civil law means; to propose solutions that ensure the elimination of gaps and contradictions in the legislation related to the protection of intangible benefits.*

Methodology*. In the research we used general scientific methods, including dialectical-materialistic method, methods of analysis and synthesis, etc., as well as systematic and formal-legal methods.*

The results *of the research have a theoretical and applied nature and are aimed at improving the legal regulation of relations related to the protection of intangible benefits.*

Conclusions*. For further development of the legislation and judicial practice it is required to develop a scientifically grounded classification of intangible benefits, based on the identification of their signs and features, as well as to determine the features of protection methods applicable to encroachments on intangible benefits, which will allow to extend such protection to all cases of violations and encroachments on intangible benefits.*

Keywords: *objects of civil rights; intangible benefits; personal non-property rights; compensation for moral damage; business reputation.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Popova I.Y. Intangible benefits as objects of civil law protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):121–129. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-121-129

Received 01.05.2024 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Действующее законодательство не содержит определения нематериальных благ [1] как особой категории объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) [2], оговаривая только возможность защиты таких благ, если иное не вытекает из их существа (п. 2 ст. 2 ГК РФ), и приводя неисчерпывающий, открытый [3] перечень нематериальных благ (п. 1 ст. 150 ГК РФ).

Среди признаков, характеризующих нематериальные блага, традиционно выделяют: «идеальную природу», связь с

духовной сферой, отсутствие имущественного содержания, неотчуждаемость и непередаваемость каким-либо способом [1; 4, с. 6–7]. Однако сами по себе указанные признаки, за исключением неотчуждаемости и непередаваемости иным образом, не позволяют отграничивать однозначным образом нематериальные блага от иных объектов гражданских прав, тем более что само понимание вышеприведенных признаков нуждается в уточнении.

Например, отсутствие имущественного содержания нематериального блага не означает, что оно не может быть нарушено в результате причинения вреда имуществу гражданина. Право на неприкосновенность жилища очевидным образом связано с «жилищем» как материальным объектом. Возможность возмещения морального вреда при нарушении прав потребителя подразумевает, что при этом наряду с имущественными интересами нарушается некое связанное с такими интересами нематериальное благо, которое не всегда может быть связано именно с «духовной сферой».

Деловая репутация также в значительной части связана с материальными аспектами, в том числе с экономической, хозяйственной деятельностью. Отдельные исследователи отмечают, что в целом возрождение охраны нематериальных благ обусловлено развитием охраны имущественного оборота, который также требует усиления охраны «неимущественных интересов» [15, с. 125–126].

В условиях существующих противоречий представляется особенно важным не только проведение анализа законодательных положений, связанных с защитой нематериальных благ, но и выявление их признаков, особенностей, возможностей их классификации и усиления защиты.

Методология

В качестве методологической основы при проведении исследования были использованы общенаучные методы, включая диалектико-материалистический метод, методы анализа и синтеза, позволившие провести для решения поставленных задач исследование теоретических основ гражданско-правовой защиты нематериальных благ, законодательства и судебной практики. Системный метод позволил осуществить систематизацию взглядов специалистов по рассматриваемым в исследовании вопросам, обосновать необходимость дальнейшего развития правовой доктрины и возможные направления для такого развития. Формально-юридический метод позволил сопоставить положения нормативных правовых актов, практику их применения и сформулировать предложения, направленные на их совершенствование.

Результаты и их обсуждение

В научных исследованиях и комментариях основания правовой охраны нематериальных благ возводят к конституционно гарантированным правам и свободам человека [6, с. 17; 7; 8, с. 13–15]. При этом источник возникновения нематериальных благ не определяется законодательством однозначным образом, поскольку в указанном п. 1 ст. 150 ГК РФ говорится о том, что такие блага могут принадлежать гражданину «от рождения или в силу закона», без отчетливого разграничения соответствующих категорий нематериальных благ. Например, «жизнь» и «здоровье» как нематериальные блага принадлежат каждому от рождения, в силу самого существования человеческой личности и в любой период ее существования, «имя гражданина» появляется только после его присвоения, что может быть сделано по воле родителей или других лиц, а «авторство» как нематериальное благо возникнет только в случае создания гражданином произведения – охраняемого в соответствии с законом результата творческой деятельности.

Сложным и не до конца проясненным остается соотношение между нема-

териальными благами и личными неимущественными правами [9]. В ряде комментариев к ст. 150 ГК РФ выражалось мнение о том, что нематериальные блага представляют собой объекты личных неимущественных прав, однако объектами таких прав могут выступать также обладающие нематериальной природой результаты интеллектуальной деятельности [7; 10, с. 13–14]. Представляются недостаточно обоснованными попытки выделения нематериальных благ и принадлежащих гражданину личных неимущественных прав в качестве связанных каким-либо универсальным образом правовых явлений [11; 12, с. 45].

В целом характерное для цивилистической доктрины рассмотрение проблем защиты нематериальных благ через защиту связанных с ними личных неимущественных прав [13, с. 723–727] вызывало критику, связанную с тем, что подобный подход не способствует выявлению сущности нематериальных благ как самостоятельных объектов гражданского права [14]. В определенной мере с этим связано отсутствие устойчивой классификации нематериальных благ. Предложенная М. Н. Малеиной классификация, основанная на учете «целевой направленности» [10, с. 21–22], не нашла поддержки за прошедшие почти четверть века, как и двухуровневое деление нематериальных благ по признаку обеспечения физического и социального существования[1].

Вопросы охраны и защиты личных неимущественных прав вызывали научные дискуссии на протяжении длительного времени, в том числе в советский период развития российского гражданского права. Так, по мнению О. С. Иоффе, гражданское право не регулирует личные неимущественные права и связанные с ними нематериальные блага, а только обеспечивает их защиту [15, с. 53]. Другие исследователи полагали, что гражданское право может также регулировать особые личные неимущественные отношения, возникающие по поводу нематериальных благ [16, с. 18], либо предлагали рассматривать защиту нематериальных благ в качестве особой формы их регулирования [17, с. 205].

В п. 2 ст. 150 ГК РФ говорится именно о защите нематериальных благ, указывается на то, что такие блага могут защищаться любыми способами, которые специально предусмотрены ГК РФ или другими законами, а также любыми способами защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ, если применение таких способов соответствует существу нарушенного блага и характеру наступивших в результате такого нарушения последствий.

В абзаце втором п. 2 ст. 150 ГК РФ законодатель посчитал нужным привести, тем не менее, краткий перечень возможных способов защиты принадлежащих гражданину нематериальных благ, включив в него признание факта нарушения судом, опубликование судебного решения, пресечения или запрещения нарушающих или создающих угрозу нарушения действий или посягательств.

Особые положения предусмотрены ст. 151 ГК РФ для компенсации морального вреда, причиненного нарушениями личных неимущественных прав гражданина или посягательствами на принадлежащие ему нематериальные блага.

Денежная компенсация, присуждаемая в зависимости от степени вины нарушителя, иных обстоятельств, заслуживающих внимания, по мнению суда, и с учетом степени физических и нравственных страданий, обусловленных индивидуальными особенностями гражданина, призвана в какой-то мере возместить последствия причинения вреда.

[1] Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве РФ: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 97-100.

Наступление морального вреда может быть связано с самыми различными обстоятельствами, которые могли причинить гражданину переживания или физическую боль или вызвать иные негативные для гражданина последствия, причем привести исчерпывающий перечень таких оснований невозможно [18].

Для защиты чести, достоинства и деловой репутации, рассматриваемых в качестве особых нематериальных благ, установлены специальные положения ст. 152 ГК РФ. Основными способами защиты таких благ, согласно указанной статье, выступает опровержение порочащих сведений (п. 1, 2 и 6 ст. 152 ГК РФ), а также удаление порочащей информации, замена и отзыв содержащих ее документов (п. 3–5 ст. 152 ГК РФ), признание сведений не соответствующими действительности (п. 8 ст. 152 ГК РФ), а также компенсация морального вреда (п. 9 ст. 152 ГК РФ). При этом вызывает вопросы объединение деловой репутации, которая, как было отмечено выше, во многом связана с материальными аспектами, в том числе с предпринимательской деятельностью, с такими «идеальными» по своей сути нематериальными благами, как честь и достоинство.

В целом законодательные подходы, относящиеся к деловой репутации, существенным образом отличаются от подходов, закрепляемых в отношении остальных нематериальных благ [19, с. 143–147], в частности положениями о договоре коммерческой концессии (п. 2 ст. 1027 ГК РФ) допускается возможность предоставления деловой репутации для использования третьими лицами, тем самым ставится под сомнение абсолютность такого признака нематериальных благ, как их «непередаваемость» каким-либо образом другим лицам, неразрывная связь с личностью конкретного гражданина.

Кроме того, вопросы защиты деловой репутации имеют большое значение не только для граждан, но и для юридических лиц, которые формально не могут испытывать «физические и нравственные страдания», но распространение порочащих сведений, в отношении которых способно причинять им значительные убытки, подрывать их деятельность. В отношении граждан уместнее было бы говорить просто о «репутации», поскольку для гражданина имеет принципиальное значение мнение о нем не только профессионального сообщества, но и иных лиц, причем мнение, не ограниченное только оценкой его профессиональных качеств. Для юридических лиц, как было отмечено А. Эрделевским, репутация всегда является именно «деловой репутацией» [20], поскольку само по себе создание юридического лица подразумевает возникновение определенной деловой цели его существования, участие его в гражданско-правовых отношениях. При таких условиях невозможно отрицать существование нематериальных благ, которые могут принадлежать юридическим лицам [21] и, следовательно, нуждаются в специальной защите, соответствующей особенностям их правовой природы.

Как представляется, существующий подход, предполагающий, что при распространении таких сведений отдельные связанные с юридическими лицами граждане могут требовать возмещения морального вреда, причиненного им таким распространением, представляется недостаточно обоснованным. В случае если нарушение затрагивает деловую репутацию юридического лица, такое юридическое лицо в качестве самостоятельного субъекта гражданского права должно иметь возможность самостоятельно защищать свои права и добиваться полного устранения негативных последствий совершенного посягательства.

С учетом отмеченных особенностей представляется необходимым выделить деловую репутацию в качестве особого объекта гражданско-правовой защиты с разработкой для ее восстановления и

возмещения причиняемых убытков, которые не всегда могут быть доказаны с достаточной степенью надежности, специальных мер информирования и компенсационных правовых подходов.

Отдельными статьями регулируются вопросы охраны изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ) и охрана его частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ), причем если последняя непосредственным образом связана с нематериальным благом, указанным в п. 1 ст. 150 ГК РФ, то охрана изображения гражданина может быть связана с защитой различных категорий нематериальных благ, но вопрос о признании «изображения гражданина» самостоятельным нематериальным благом представляется дискуссионным, несмотря на то, что такие подходы встречаются в ряде публикаций и комментариев [1]. Закрепление в отношении изображения гражданина особого порядка использования связано, как представляется, с необходимостью защиты ряда принадлежащих такому гражданину нематериальных благ.

Обращаться за защитой нематериальных благ уполномочен прежде всего сам гражданин, которому такие блага принадлежат, предусмотрев вместе с тем возможность защиты другими лицами нематериальных благ, принадлежавших умершему (абз. третий п. 2 ст. 150 ГК РФ). При этом в законодательстве не раскрыто, какие именно нематериальные блага и какие связанные с ними личные неимущественные права продолжают защищаться после смерти обладателя таких благ и носителя таких прав.

Выводы

Проведенное рассмотрение показывает, что в настоящее время система гражданско-правовой защиты нематериальных благ находится в стадии становления, продолжает развиваться за счет включения в законодательства отдельных новых положений и модификации ранее существовавших.

При этом в решении вопросов защиты нематериальных благ отсутствует системность, ни законодательство, ни цивилистическая доктрина до настоящего времени не выработали общепризнанных подходов к определению понятия нематериальных благ, их классификации, разделения по видам, в том числе с учетом особенностей их защиты и защиты связанных с ними личных неимущественных прав.

Вместе с тем постепенное совершенствование существующих законодательных положений и связанной с ними судебной практики, а также разработка новых подходов позволили наладить защиту нематериальных благ и личных неимущественных прав в тех областях, в которых такая защита является наиболее востребованной в настоящее время, включая защиту чести, достоинства и деловой репутации граждан, их изображений, прав потребителей, компенсацию морального вреда, связанного с посягательствами на жизнь и здоровье, и во многих иных случаях.

Для дальнейшего развития законодательства и судебной практики потребуется разработать научно обоснованную классификацию нематериальных благ и определить особенности применимых при посягательствах на них способов защиты, что позволит распространить такую защиту на все случаи нарушений и посягательств на нематериальные блага.

Список литературы

1. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 03.04.2024).

2. Объекты гражданских прав: постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2019. 645 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. Ч. I / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2017. 800 с.

4. Файлясова В. Р. Нематериальные блага: понятие и признаки // Юридический факт. 2021. № 126. С. 6–7.

5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001. 353 с.

6. Алексеев С.С. Гражданское право в современную эпоху. М.: Юрайт, 1999. 39 с.

7. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. 1326 с.

8. Славинская Е. В. Место и значение нематериальных благ в гражданском праве // Проблемы экономики и права в Российской Федерации: сборник статей студенческой научно-практической конференции. Клин: Рос. гос. социальный ун-т, филиал в Г. Клин, 2022. С. 13–15.

9. Вешкурцева З. В. Структурные подходы к определению понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права» // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 225–234.

10. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 242 с.

11. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. М.: НОРМА, 2004. 848 с.

12. Малеина М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.

13. Гражданское право. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. 2-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2004. 720 с.

14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. 912 с.

15. Иоффе О. С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 51–59.

16. Красавчиков О. А. Структура предмета гражданско-правового регулирования социалистических общественных отношений // Межвузовский сборник ученых трудов. Вып. 13: Теоретические проблемы гражданского права / науч. ред.: С. С. Алексеев, О. А. Красавчиков. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1970. С. 5–21.

17. Развитие советского гражданского права на современном этапе / отв. ред. В. П. Мозолин М.: Наука, 1986. 268 с.

18. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) / Н. А. Агешкина, Н. А. Баринов, Е. А. Бевзюк [и др.] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 03.04.2024).

19. Парыгина Н. Н. Деловая репутация в системе нематериальных благ // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. С. 143–147.

20. Эрделевский А. О правовой природе деловой репутации // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/ online.cgi (дата обращения: 03.04.2024).

21. Борычева Т. А. Понятие и правовая природа нематериальных благ юридических лиц // Юридический мир. 2012. № 9. С. 30–32.

References

1. Grishaev S.P., Bogacheva T.V., Svit Yu.P. An article-by-article commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One. Pt. 1. Konsul'tant Plyus [Internet]. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (accessed 03.04.2024)

2. Krasheninnikova P.V. (ed.). Objects of civil rights: article-by-article commentary on Chapters 6, 7 and 8 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Statut; 2019. 645 p. (In Russ.)

3. Bespalov Yu.F. (ed.). The Civil Code of the Russian Federation. A detailed article-by-article commentary with a guide to legislation and judicial practice. Pt. I. Moscow: Prospekt; 2017. 800 p. (In Russ.)

4. Fajlyasova V.R. Intangible benefits: the concept and signs. *Yuridicheskij fakt = Legal fact*. 2021;(126):6–7. (In Russ.)

5. Pokrovskij I.A. The main problems of civil law. 3rd ed. Moscow: Statut; 2001. 353 p. (In Russ.)

6. Alekseev S.S. Civil law in the modern era. Moscow: Yurajt; 1999. 39 p. (In Russ.)

7. Krasheninnikov P. V. (ed.). Article-by-article commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part one. Moscow: Statut; 2011. 1326 p. (In Russ.)

8. Slavinskaya E.V. The place and importance of intangible benefits in civil law. *Problemy ekonomiki i prava v Rossijskoj Federacii: sbornik statej studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Problems of economics and law in the Russian Federation: collection of articles of the student scientific and practical conference*. Klin: Ros. gos. social′nyj un-t, filial v G. Klin; 2022. P. 13–15. (In Russ.)

9. Veshkurceva Z.V. Structural approaches to the definition of the concepts of "intangible benefits" and "personal non-property rights". *Aktual′nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2014;(2):225–234. (In Russ.)

10. Maleina M.N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection. Moscow: MZ Press; 2000. 242 p. (In Russ.)

11. Mozolin V.P., Maleina M.N. (eds.). Scientific and practical commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One (article-by-article). Moscow: NORMA; 2004. 848 p. (In Russ.)

12. Maleina M.N. The concept and types of intangible benefits as objects of personal non-property rights. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2014;(7):40–47. (In Russ.)

13. Sukhanov E.A. (ed.). Civil law. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Volters Kluver; 2004. 720 p. (In Russ.)

14. Sergeev A.P. (ed.). Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One. Moscow: Prospekt; 2010. 912 p. (In Russ.)

15. Ioffe O.S. Personal non-property rights and their place in the system of Soviet civil law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*. 1966;(7):51–59. (In Russ.)

16. Krasavchikov O.A. The structure of the subject of civil law regulation of socialist public relations. In: Alekseev S.S., Krasavchikov O.A. (eds.) Mezhvuzovskij sbornik uchenykh trudov. Vyp. 13: *Teoreticheskie problem grazhdanskogo prava = Interuniversity collection of scientific*

works. Issue 13: Theoretical problems of civil law. Sverdlovsk: Sverdl. yurid. in-t; 1970. P. 5–21. (In Russ.)

17. Mozolin V.P. (ed.). The development of Soviet civil law at the present stage. Moscow: Nauka; 1986. 268 p. (In Russ.)

18. Ageshkina N.A., Barinov N.A., Bevzyuk E.A. (eds.). Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One of November 30, 1994 No. 51-FZ (article-by-article). Konsul'tant Plyus [Internet] (In Russ.). Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (accessed 03.04.2024)

19. Parygina N.N. Business reputation in the system of intangible benefits. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2017;(1):143–147. (In Russ.)

20. Erdelevskij A. About the legal nature of business reputation. Konsul'tant Plyus [Internet]. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (accessed 03.04.2024)

21. Borycheva T.A. The concept and legal nature of intangible benefits of legal entities. *Yuridicheskij mir = Legal World*. 2012;(9):30–32. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Попова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, председатель, Московская коллегия адвокатов «Традиции Адвокатуры», г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: popova@finrez.ru,
ORCID: 0000-0001-7645-5341

Irina Y. Popova, Candidate of Sciences (Juridical), Chairman, Moscow Collegium of Advocates "Traditions of the Bar", Moscow, Russian Federation,
e-mail: popova@finrez.ru,
ORCID: 0000-0001-7645-5341

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.447.92

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-130-146

(cc) BY 4.0

Предоставление заверений об обстоятельствах третьими лицами

А. А. Тишкевич[1] ✉

[1] Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, д. 79, г. Красноярск 660041, Российская Федерация

✉ e-mail: tishkevich_a_a@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Исследование посвящено определению существа заверений, данных третьим лицом, и их месту среди общих моделей участия третьего лица в чужом договорном обязательстве (статьи 312, 313 и 430 Гражданского кодекса Российской Федерации). Анализируются возможности применения действующих норм позитивного права об участии третьего лица в чужом договорном обязательстве на заверения, предоставленные третьим лицом. В связи с наличием только разъяснений Верховного Суда Российской Федерации о таких заверениях существует потребность в научной разработке на этот счет.*

Целью статьи *является разработка теоретических положений о заверениях, предоставленных третьим лицом, и их соотношении с уже имеющимися моделями участия третьих лиц в чужом договорном обязательстве.*

Задачи*: определить наиболее подходящие для применения к заверениям, которые даны третьим лицом, правила о конкретной модели участия третьего лица в чужом договорном обязательстве.*

Методология*. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, методы анализа и синтеза, системный метод, а также методы описания, формально-юридический.*

Результаты. *По итогу проведенного исследования было признано допустимым применять правила о договоре в пользу третьего лица (статья 430 Гражданского кодекса Российской Федерации) к конструкции заверений, предоставленных третьим лицом.*

Выводы*. Предложенная Верховным Судом Российской Федерации конструкция заверений, данных третьим лицом, надлежащим образом встраивается в существующую отечественную систему договорного права. Однако выявлено, что правовое существо заверений, которые предоставлены третьим лицом, являются приемлемыми не для всех общих моделей участия третьих лиц в чужом договорном обязательстве. Наиболее близкой моделью участия третьего лица в чужом договорном обязательстве к конструкции заверений, предоставленных третьим лицом, следует считать договор в пользу третьего лица.*

Ключевые слова: *заверения об обстоятельствах; добросовестность; третье лицо; ответственность третьего лица; договор; гарантия качества; заверения о качестве.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Тишкевич А. А. Предоставление заверений об обстоятельствах третьими лицами // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 130–146. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-130-146

Поступила в редакцию 11.04.2024 Принята к публикации 27.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Тишкевич А. А., 2024

Provision representation by third parties

Anton A. Tishkevich[1] ✉

[1] Siberian Federal University
79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk 660041, Russian Federation

✉ e-mail: tishkevich_a_a@mail.ru

Abstract

Relevance. *The study is devoted to determining the substance of representation given by a third party and their place among the general models of third party participation in another contractual obligation (Articles 312, 313 and 430 of the Civil Code of the Russian Federation). The possibilities of applying the current rules of positive law on the participation of a third party in another contractual obligation to representation provided by a third party are analyzed. Due to the presence of only explanations of the Supreme Court of the Russian Federation on such representations, there is a need for scientific formulization in this regard.*

The purpose *of the article is to formulization theoretical provisions on representation provided by a third party and their relationship to existing models of third party participation in another contractual obligation.*

Objectives. *to determine the most appropriate rules for applying to representationы given by a third party on a specific model of a third party's participation in another contractual obligation.*

Methodology*. The author used dialectical-materialistic method, methods of analysis and synthesis, a systematic method, as well as methods of description and formal-legal method.*

Results*. Based on the results of the study, it was found acceptable to apply the rules on contract in favor of a third party (Article 430 of the Civil Code of the Russian Federation) to the construction of representation provided by a third party.*

Conclusion*. The structure of representation given by a third party proposed by the Supreme Court of the Russian Federation should be properly integrated into the existing domestic system of contract law. However, it has been revealed that the legal substance of the representation provided by a third party is not acceptable for all general models of third party participation in another contractual obligation. The closest model of a third party's participation in another contractual obligation to the construction of representation provided by a third party should be considered a contract in favor of a third party.*

Keywords: *representation; good faith; third party; responsibility of a third party; contract; guarantee of quality; representation of quality.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tishkevich A.A. Provision representation by third parties. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):130–146. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-130-146

Received 11.04.2024 Accepted 27.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

По общему правилу заверения предоставляются и принимаются непосредственно сторонами договора (п. 1 ст. 431.2 ГК РФ[1]). О возможности предоставления заверений со стороны третьего лица ГК РФ умалчивает. Это упущение было восполнено Пленумом Верховного суда Российской Федерации в Постановлении от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Россий-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : [ред. от 11.03.2024] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.04.2024).

ской Федерации о заключении и толковании договора»[1] (далее – Постановление ВС РФ № 49). Верховный Суд разъяснил, что заверения могут быть даны третьим лицом при наличии у него правомерного интереса, который презюмируется. В случае недостоверности заверений такое лицо несет ответственность перед стороной договора, которой предоставлено заверение, в соответствии со ст. 431.2 ГК РФ и положениями об ответственности за нарушение обязательств (гл. 25 ГК РФ, абз. 4 п. 34).

Следовательно, предоставление заверений третьим лицом является допустимым. Однако использование заверений об обстоятельствах в целом и их предоставление третьим лицом в частности мало изучено в литературе. Авторами работ по исследуемой теме явились: М. И. Лухманов [1, с. 166], И. И. Папилин [2, с. 80–83], А. А. Копяков [3, с. 187–194], Е. В. Глухов [4, с. 460–462], а судебную практику о предоставлении заверений третьими лицами нам обнаружить не удалось.

Предоставление заверений имеет значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (п. 1 ст. 431.2 ГК РФ). По общему правилу правоотношения, возникающие из договора, характеризуются принципом относительности, а именно в рамках такого правоотношения управомоченному лицу противостоит конкретное обязанное лицо [5, с. 609, 625]. На это также указывают М. М. Агарков [6, с. 190], А. Г. Карапетов [7, с. 242] и М. И. Брагинский [8, с. 278]. А для лиц, не участвующих в договоре в качестве его сторон (для третьих лиц) *обязанности* из него не возникают, но в случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, третьи лица могут наделяться *правами* в отношении одной или обеих сторон обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ). В качестве исключения из данного принципа ГК РФ называет следующие общие модели участия третьего лица в чужом договорном обязательстве: «исполнение обязательства третьему лицу» (ст. 312 ГК РФ), «исполнение обязательства третьим лицом» (ст. 313 ГК РФ) и «договор в пользу третьего лица» (ст. 430 ГК РФ).

Однако действие принципа относительности касается не только регулятивной, но и охранительной стадии отношений (п. 3 ст. 308 ГК РФ и ст. 403 ГК РФ), т. е. перед одной стороной договора, как правило, отвечает другая сторона договора, а не третье лицо. Данный подход не только отражен в ГК РФ и поддерживается в отечественных работах таких ученых, как М. И. Брагинский [8, с. 377–383], И. З. Аюшеева [9, с. 204, 218] и А. М. Кухарев [10, с. 25], но и действует за рубежом. Например, в Китае (ст. 523 ГК КНР[2]), в штате Луизиана (ст. 1977 ГК штата Луизианы, США[3]), в провинции Квебек (ст. 1443 ГК Квебека[4]).

Разница в характере участия третьего лица в чужом договорном обязательстве (правоотношении) в названных правовых моделях выражается в следующем. Во-первых, в одних случаях третье лицо наделяется правом требования (ст. 430 ГК РФ), что подчеркивается И. З. Аюшеевой [9, с. 208], М. И. Брагинским [8, с. 364], А. М. Кухаревым [10, с. 26], Е. В. Бибиковой [11, с. 112], Н. А. Зори-

[1] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 2.

[2] Civil Code of the People's Republic of China // WIPO Lex: site. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/586681 (дата обращения: 08.04.2024).

[3] Louisiana Civil Code. URL: https://lcco.law.lsu.edu/ (дата обращения: 08.04.2024).

[4] Civil Code of Québec // Publication Quebec: site. URL: https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/en/document/cs/ccq-1991 (дата обращения: 08.04.2024).

ным [12, с. 82], Б. Л. Хаскельбергом [13, с. 33] и А. Г. Карапетовым, Е. В. Суховольской [14, с. 458]. Во-вторых, в других случаях на третье лицо возлагается исполнение чужой обязанности (ст. 312, 313 ГК РФ). В-третьих, такое лицо вправе проявлять инициативу в совершении действий (ст. 430 ГК РФ) либо оно этого лишено (ст. 312 ГК РФ). В-четвертых, совершая действия или бездействие, третье лицо учитывает свои интересы, которые, как правило, находятся за пределами договорного обязательства кредитора и должника [15]. Однако последствия таких действий выражаются в создании такого правового эффекта [15], который влияет на динамику чужого договорного обязательства[1]. И наконец, в-пятых, участие третьего лица в чужом договорном обязательстве, как правило, не может происходить без связанности последнего с одной из сторон договора (ст. 312, 313 и 430 ГК РФ). На это обстоятельство обращают внимание Е. В. Бибикова [11, с. 113], Б. Л. Хаскельберг [13, с. 36], А. Г. Карапетов, Е. В. Суховольская [14, с. 460–462]. При этом такое участие третьего лица следует рассматривать как наглядное проявление принципа автономии воли (ст. 1 ГК РФ). В связи с чем третье лицо, участвуя в чужих договорных обязательствах, стремится соблюдать, как правило, свои интересы, но реализует их с помощью разных механизмов, закрепленных в том числе ст. 312, 313, 430 ГК РФ.

Предоставляя заверения стороне договора, третье лицо также надеется удовлетворить свои интересы, и для этого взаимодействует в той или иной степени с непосредственными участниками сделки. В связи с этим возникают следующие вопросы. Какими характеристиками обладает конструкция заверений, которые предоставлены третьим лицом? Как заверения, предоставленные третьим лицом, соотносятся с уже имеющимися договорными моделями участия третьих лиц в договорных обязательствах (ст. 312, 313, 430 ГК РФ)? Обладает ли конструкция заверений об обстоятельствах, которые даны третьими лицами, самостоятельным значением или является частью уже существующих правовых механизмов участия третьих лиц в договорных обязательствах (ст. 312, 313, 430 ГК РФ)?

Ответы на эти вопросы в законодательстве и в судебной практике нам обнаружить не удалось, что также обусловливает актуальность проведения настоящего исследования.

Методология

Для достижения поставленной цели и разрешения имеющихся задач при написании статьи использовались общенаучные и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил установить противоречия между заверениями, предоставленными третьими лицами, и общими моделями участия третьего лица в чужом договорном обязательстве. Методы анализа и синтеза позволили осуществить сопоставление правовых норм, посвященных участию третьего лица в чужом договорном обязательстве, с теоретическими положениями о заверениях, данных третьим лицом. Использование системного метода предоставило возможность оценить, как можно сочетать конструкцию заверений, которые даны третьим лицом, с уже существующими моделями участия третьего лица в чужом договорном обязательстве. При помощи описания была дана характеристика заверений, предоставленных третьим лицом, которая послужила основой для проведения исследования. Использование формально-юридического метода заключалось в изучении позитивного права, посвященного общим моделям участия третьего лица в чужом договорном обязательстве, научной доктрины о них и о заверениях, предоставленных третьим ли-

[1] Мухаметгалиев Д. М. Правовые возможности влияния третьих лиц на договорные обязательства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 194 с.

цом, что позволило сформулировать итоги проведенного исследования.

Результаты и их обсуждение

Заверения и их предоставление третьим лицом

Так, законодатель в ст. 431.2 ГК РФ не раскрывает признаки заверений об обстоятельствах, а лишь рассматривает вопросы ответственности лица (далее – заверитель), предоставившего своему контрагенту (далее – адресат) недостоверные заверения (путем возмещения убытков, взыскания неустойки и др.).

Если обобщить определения заверений об обстоятельствах, которые даются в доктрине, то под ними обычно понимают утверждение (констатацию) о фактах (обстоятельствах) [16, с. 57]. Сходным образом рассматривают заверения как утверждения о фактах такие ученые, как Е. В. Глухов [4, с. 451], А. Чумаков [17, с. 105], А. В. Морозов [18, с. 118], А. В. Томсинов [19, с. 95], В. В. Байбак, А. Г. Карапетов [20, с. 1218]. В доктрине обращают внимание на то, что с их помощью стороны фиксируют некий первоначальный объем информации, получаемый контрагентом при заключении договора, а также связанные с этой информацией ожидания другой стороны по сделке [21, с. 76]. Дополнительно к этому А. Чумаков отмечает, что по существу заверения – это просто констатация того или иного обстоятельства (факта) по состоянию на определенный момент времени. Все, что происходит после, уже не имеет отношения к достоверности заверения [17, с. 105–106].

Другими словами, используя заверения, участники гражданского оборота имеют дело с предоставлением друг другу информации. Однако не любую информацию о фактах автоматически следует причислять к заверениям об обстоятельствах. В литературе отмечается, что информация может быть отнесена к заверениям только тогда, когда она прямо и ясно обозначена в таком качестве [22, с. 74–75], данный подход был воспринят в судебной практике[1]. И использование заверений позволяет выделять и отражать ту информацию, которая значима и ценна именно для конкретного лица, позволяя обеспечить его интересы.

Обеспечение интересов участников отношений осуществляется путем достижения целей предоставления заверений об обстоятельствах. В качестве таковых в юридической литературе называют: побуждение [23, p. 336] адресата к совершению сделки [24, p. 124], распределение рисков между сторонами договора [25, с. 122] и сокращение трансакционных издержек контрагентов за счет освобождения адресата от необходимости проверять заверения на соответствие действительности [16, с. 61]. Эти же цели предоставления заверений также приводятся в практике Верховного Суда РФ[2]. Достижение перечисленных целей при использовании заверений влияет на формирование отдельных условий договора и не только ценовых, что по итогу приводит к более выгодному положению участников, связанных со сделкой.

Сказанное присуще для всех заверений, независимо от того, стороной договора или третьим лицом они предоставлены.

Предоставление заверений третьим лицом в чужом договорном правоотношении обусловлено или наличием у него специальных знаний относительно предмета договора и связанных с ним обстоятельств, или оно ближе к источнику информации об этом по сравнению с непосредственной стороной договора, у кото-

[1] См., например: п. 34 Постановления ВС РФ № 49.

[2] См., например: п. 35 Постановления ВС РФ № 49; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021 // Верховный Суд Рос. Федерации: сайт. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2225292 (дата обращения: 08.04.2024).

рой подобные сведения отсутствуют. И поэтому один участник сделки обращается к третьему лицу, с которым они объединены, например, общими интересами в исполнении других своих договорных (или иных) обязательств, с предложением предоставить заверения другому участнику первоначальной сделки. А третье лицо, предоставляя заверения, может быть заинтересовано в возникновении и надлежащем исполнении договорного обязательства, поскольку рассчитывает получить выгоду от исполнения такой сделки. В случае же выявления недостоверности заверений третье лицо (заверитель) готово напрямую отвечать перед той стороной договора, которая положилась на них.

Другими словами, предоставление заверений именно третьим лицом обусловлено его качественными свойствами личности, а также особенностями структуры и содержания сделки, которая отражает подобные заверения. При других же обстоятельствах использование таких заверений может не иметь должного эффекта.

Интерес должника (лица, которое просит предоставить заверения своему контрагенту) в возникновении и исполнении договорного обязательства, где третье лицо (заверитель) напрямую не участвует, может заключаться как минимум в том, что риск выявления материальных и (или) юридических недостатков в предмете сделки и вероятность возмещения убытков (взыскания неустойки) в связи с этим переносится на другое лицо, более осведомленное о реальном состоянии тех обстоятельств, в отношении которых будут даны заверения. И значит, имущественное положение должника по основному договору не пострадает, а информационная асимметрия не помешает совершить и исполнить сделку с контрагентом, поскольку за счет заверений третьего лица такая асимметрия нивелируется и у адресата появляется стимул заключить договор.

Заинтересованность адресата обеспечивается тем, что при помощи заверений он получает именно то, на что он рассчитывал (предмет договора обладает необходимыми для адресата качественными характеристиками, т. е. заверения оказались достоверными). В случае выявления недостоверности заверений имущественное положение адресата будет восстановлено за счет имущественной массы третьего лица, давшего заверения.

Таким образом, использование заверений, предоставленных третьими лицами, позволяет не только достигать общих целей, присущих заверениям об обстоятельствах в целом, но, в частности, их применение обеспечивает реализацию имущественных интересов более широкого круга участников отношений, не ограничиваясь лишь непосредственно сторонами договора. И значит, подход Верховного Суда о возможности предоставления третьими лицами заверений участникам чужих договорных обязательств следует поддержать.

Применимость к заверениям третьих лиц правил статей 312, 313, 430 ГК РФ

Однако применение к заверениям третьих лиц лишь разъяснений Верховного Суда РФ и общих положений о заверениях об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) выглядит явно недостаточно. Поэтому следует рассмотреть возможность экстраполяции общих правил об основных моделях участия третьего лица в чужих договорных обязательствах (ст. 312, 313, 430 ГК РФ) к правоотношениям, в рамках которых даются заверения третьим лицом.

Применение правил об «исполнении обязательства третьему лицу», предусмотренных ст. 312 ГК РФ, к заверениям третьих лиц выглядит сомнительным, поскольку такая конструкция заверений не соответствует основным признакам указанной модели участия третьего лица в чужом договорном обязательстве. Исследуем данное направление в контексте до-

говора купли-продажи. Так, третье лицо, связанное с продавцом, выступая в роли заверителя, дает самостоятельно или по просьбе одной из сторон договора покупателю (адресату) заверения о товаре. И в случае выявления недостоверности заверений покупатель (адресат) праве требовать от третьего лица (заверителя) возмещения убытков, уплаты неустойки и т. д.

В такой ситуации третье лицо (заверитель) выступает не в роли фактического получателя товара для кредитора, в отличие от того, как это имеет место при исполнении обязательства третьему лицу [27, с. 98,103] (ст. 312 ГК РФ), а действует на стороне продавца (должника) и лишь характеризует материальное и (или) юридическое состояние товара. Другими словами, исполнение со стороны третьего лица (заверителя) выражается не в «классическом» предоставлении в виде передачи товара в собственность покупателю (в литературе предоставление характеризуется «как любое действие, направленное на увеличение имущества другого лица» [27, с. 330]; подробнее про категорию «представление» см. [28]), а в сообщении сведений о таком товаре, которые должны быть достоверны на определенный промежуток времени.

И «по-настоящему» участие такого третьего лица (заверителя) происходит тогда, когда выявлена недостоверность заверений, т. е. на охранительной стадии правоотношений, поскольку это третье лицо, как правило, самостоятельно несет ответственность за данные им недостоверные заверения, тогда как в конструкции исполнения обязательства третьему лицу (ст. 312 ГК РФ) ответственность несет должник, поскольку именно он является стороной договора. В отличие от этого ответственность заверителя (третьего лица) обусловлена тем, что для адресата имеют значение не только определенные свойства товара, но личность заверителя (третьего лица), поскольку последний лучше осведомлен о реальном состоянии товара по сравнению с непосредственным контрагентом адресата по сделке.

И несмотря на отсутствие у заверителя (третьего лица), дающего заверения, и у третьего лица, принимающего исполнение [7, с. 553], самостоятельного права требования к должнику, первое все же обладает своим интересом в заключении и исполнении договорного обязательства, как презюмируется Верховным Судом РФ. Отсутствие интереса у принимающего исполнение третьего лица[1], как отмечается в литературе, обусловлено тем, что оно действует от имени и в интересах кредитора [9, с. 204].

Из этого можно заключить, что правила ст. 312 ГК РФ (принятие исполнения третьим лицом для кредитора) не подлежат применению к отношениям, которые касаются заверений, данных третьим лицом, поскольку в этом случае заверитель (третье лицо) не участвует в принятии исполнения за и для покупателя (адресата), а выступает на стороне продавца (должника) и преследует свой интерес. И значит, использование заверений со стороны третьего лица отражает иной механизм взаимодействия участников отношений, чем тот, который присущ правовой модели ст. 312 ГК РФ. К тому же существо заверений не предполагает совершение третьим лицом каких-либо действий с целью исполнения договорного обязательства.

Возможное применение норм ст. 313 ГК РФ к заверениям, которые даны третьими лицами, будет выглядеть следующим образом.

По смыслу ст. 313 ГК РФ исполнение обязательства третьим лицом возможно в двух формах: при возложении должником исполнения на третье лицо или третье лицо совершает исполнение по собственной инициативе (т. е. без возложения со стороны должника). И при

[1] Мухаметгалиев Д. М. Правовые возможности влияния третьих лиц на договорные обязательства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 47.

этом законодатель ограничил последнюю форму исполнения обязательства третьим лицом лишь двумя случаями: исполнение просроченного должником денежного обязательства и третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество (п. 2 ст. 313 ГК РФ).

Конструкция возложения должником на третье лицо исполнения его обязательства перед кредитором противоречит существу заверений об обстоятельствах.

Во-первых, предполагается, что исполнение третьим лицом (ст. 313 ГК РФ) выражается в совершении, как правило, основных (главных, существенных) обязанностей должника: передать товар по договору купли-продажи, выполнить полностью или частично работы по договору подряда. Тогда как предоставление заверений, в том числе третьим лицом, в чистом виде не является выполнением какой-либо обязанности, поскольку заверения не выражаются в совершении действий (бездействия), а характеризуют состояние передаваемого товара или выполненной работы. И в таком качестве заверение носит не столько основной или дополнительный характер, а является лишь вспомогательным и необязательным инструментом для сторон договора.

Во-вторых, п. 1 ст. 313 ГК РФ указывает, что если было возложение должника на третье лицо, то кредитор обязан принять такое исполнение. Эту особенность данной конструкции выделяют А. Ю. Чурилова [15], М. А. Мильков [26, с. 145]. Однако и это противоречит существу заверений, поскольку для них характерно добровольное их предоставление и принятие. Другими словами, без наличия согласия адресата и заверителя на заверения правовой эффект последних не возникнет (на это обращается внимание в литературе [29, с. 203]), иначе будут ущемлены интересы кредитора (адресата) и нарушены принципы автономии воли и осуществления права в своём интересе (п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 2 ГК РФ). К тому же выражение согласия на предоставление и принятие заверений обусловлено не только определенными свойствами личности заверителя, но и адресата. Ведь формирование конкретного содержания заверений ориентировано, как правило, на определенного адресата, иначе он на них не согласится.

В-третьих, при исполнении возложенного третье лицо фактически действует в интересах должника[1], а интерес третьего лица в такой ситуации удовлетворяется уже в рамках исполнения существующего обязательства между ним (третьим лицом) и должником [15] (кредитором третьего лица). В ситуации же с заверениями правомерный интерес третьего лица проявляется в том, чтобы именно договор между кредитором и должником был заключен, исполнен или прекращен. Другими словами, удовлетворение интересов кредитора, должника и заверителя (третьего лица) происходит в рамках одного договора, иначе такое третье лицо лишается стимула в таком участии. Соответственно, реализация интереса третьего лица в сопоставляемых правовых явлениях происходит поразному.

Применение ограниченных случаев исполнения третьим лицом без возложения со стороны должника (п. 2 ст. 313 ГК РФ) к конструкции заверений третьих лиц также выглядит сомнительно.

Заверения могут выражаться в виде утверждений о любых существующих или свершившихся фактах (numerus apertus) без необходимости в дальнейшем совершении действий (бездействия) со стороны адресата или заверителя. Напротив, правила п. 2 ст. 313 ГК РФ называют только два случая участия третьего лица в чужом договорном обязательстве по собственной инициативе, которое выра-

[1] Мухаметгалиев Д.М. Правовые возможности влияния третьих лиц на договорные обязательства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 80.

жается как раз в совершении некоторых действий (погашение просроченного денежного долга и устранение опасности утраты своего права на имущество должника), в связи с чем природа заверений, предоставленных третьим лицом, и характер участия третьего лица в чужом договорном обязательстве, в соответствии с п. 2 ст. 313 ГК РФ, не совместимы между собой.

Представляет также интерес соотношение ответственности третьего лица тогда, когда им были даны недостоверные заверения об объекте договора, с одной стороны, и предоставление им неденежного исполнения с недостатками (п. 6 ст. 313 ГК РФ) – с другой стороны. В последнем случае, как разъяснил Верховный Суд РФ в своем постановлении (2016 г.), третье лицо будет отвечать перед кредитором за недостатки неденежного исполнения, если такое исполнение третье лицо совершило без возложения должника (п. 22)[1]. Иначе, как отмечается в доктрине [15], правило п. 6 ст. 313 ГК РФ противоречило бы ст. 403 ГК РФ («Ответственность должника за действия третьих лиц»).

В случае же с заверениями, которые даны третьим лицом, последнее будет отвечать лишь за недостатки в части тех характеристик о неденежном исполнении, которые охватывались предоставленными им заверениями. В остальном же следует применять разъяснения Верховного Суда РФ. Соответственно, в определенных ситуациях перед кредитором (адресатом) будет отвечать не одно лицо, а два. Но каждый в своей части. Заверитель (третье лицо) всегда за недостоверные заверения, а должник – в зависимости от того, было ли возложение с его стороны на третье лицо или нет.

Таким образом, правовая конструкция участия третьего лица, предусмотренная ст. 313 ГК РФ, не может быть применена к заверениям третьего лица. Это обусловлено не совпадающим механизмом взаимодействия между должником, кредитором и третьим лицом в конструкции, предусмотренной ст. 313 ГК РФ, и предоставлением заверений третьим лицом. Так, использование заверений третьих лиц становится своего рода дополнительным инструментом для обеспечения интересов участников отношений за счет привлечения третьих лиц к участию в чужом договорном обязательстве. Другими словами, использование заверений третьих лиц позволяет глубже и шире реализовать принцип автономии воли (п. 1 ст. 1 ГК РФ), тогда как модель участия третьего лица в чужом договорном обязательстве, предусмотренная в ст. 313 ГК РФ, выглядит как границы вынужденного или допускаемого исключения из общего принципа относительности договорных обязательств.

Теперь обратимся к возможному варианту применения правил ст. 430 ГК РФ («Договор в пользу третьего лица») к заверениям, которые предоставлены третьим лицом. Конструкция договора в пользу третьего лица характеризуется тем, что третьему лицу предоставляется самостоятельное требование [11, с. 112], которое оно заявляет от своего имени [9, с. 208]. Соответственно, оно обладает, как отмечают М. А. Мильков [30, с. 27] и А. Н. Бутовский [31, с. 2], своим интересом, который стремится удовлетворить в виде получения выгоды [32, с. 79]. И этому предшествует наличие правоотношения [33, с. 303] между третьим лицом и кредитором. И последний также обладает своим интересом [34, с. 152], иначе бы он не заключил подобный договор. Однако исследование в заданном направлении будет осуществлено в контексте тех слу-

[1] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 нояб. 2016 г. № 54 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207545/ (дата обращения: 08.04.2024).

чаев предоставления заверений третьим лицом, которые имеют место в:

1) договорах генерального подряда и субподряда, когда субподрядчик дает заверения напрямую заказчику, минуя генерального подрядчика;

2) сделках купли-продажи, в рамках которых заверения даются изготовителем товара в адрес конечного покупателя (вне отношений с потребителями);

3) сделках купли-продажи акций или долей участия, где заверения предоставлены со стороны акционера компании, акции или доли участия которой продаются (т. е. третье лицо связано с продавцом).

Если экстраполировать правовую модель, предусмотренную ст. 430 ГК РФ о договоре в пользу третьего лица, к конструкции предоставления заверений со стороны третьего лица, то можно прийти к следующему. Так, например, использование конструкции заверений со стороны третьего лица возможно в договоре подряда, когда субподрядчик (заверитель) дает заверения заказчику (адресату), минуя генерального подрядчика или по просьбе последнего. Прямые взаимоотношения субподрядчика и заказчика по умолчанию не предусмотрены главой 37 ГК РФ («Подряд»). Однако положения п. 3 ст. 706 ГК РФ дозволяют сторонам в рамках договора субподряда и договора генерального подряда[1] (подробнее о самостоятельном значении договора генерального подряда см. [36, с. 64–73]) предусмотреть прямое взаимодействие заказчика и субподрядчика (например, в части оплаты выполненных работ). И в таком случае у заказчика (адресата) после принятия заверений появляется право требование, но не в рамках регулятивной стадии отношений, а в связи с нарушением договора (т. е. на охранительной стадии отношений) в виде выявления недостоверности заверений. Следовательно, в такой ситуации право требование возникает не у того, кто дал заверения (субподрядчика, заверителя), а у их получателя (адресата, заказчика). И момент возникновения такого права требования совпадает с моментом выявления недостоверности заверений. И на наш взгляд, такое действие заверений выглядит возможным, поскольку субподрядчик (заверитель) лучше осведомлен о состоянии результата выполненных работ по сравнению с генеральным подрядчиком. К тому же заказчик (адресат) чаще всего не обладает специальными знаниями о качественных свойствах результата работ. Поэтому заказчику (адресату) проще и эффективнее положиться на заверения об обстоятельствах, которые предоставлены непосредственным исполнителем (субподрядчиком) выполненных работ.

Таким образом, предоставление заверений третьим лицом гармонично сочетается со специальным положением ст. 706 ГК РФ и обладает ключевым элементом конструкции договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ), а именно наделяет заказчика (адресата) самостоятельным правом требования к заверителю (третьему лицу). И не противоречит существу заверений об обстоятельствах. При этом действие заверений третьего лица начинается тогда, когда адресат принял заверения и уведомил об этом заверителя. Только в этом случае можно говорить о связанности лиц действием правового эффекта от заверений. Подтверждением этого может быть условие в договоре или отдельный документ заверителя, выданный адресату, в котором есть отсылка на договор подряда.

Несколько иначе можно посмотреть на конструкцию предоставления заверений третьим лицом на следующем при-

[1] На самостоятельное значение договора генерального подряда как отдельной договорной конструкцией обращается внимание в судебной практике. См., например: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2012 г. № 1456/12 по делу № А41-44375/10 // Федеральные арбитражные суды: сайт. URL: https://arbitr.ru/materials/65568 (дата обращения: 08.04.2024).

мере. Первоначальный продавец (изготовитель товара) дает заверения о товаре конечному покупателю по просьбе своего контрагента (первого покупателя; посредника), занимающегося перепродажей такого товара. Возможность предоставления заверений закрепляется в условиях договора между первым продавцом и посредником. Такое взаимодействие между первым продавцом и посредником может быть обусловлено долгосрочными договорными правоотношениями между ними. Ведь посредник может быть незнаком со спецификацией (характеристиками) товара, а осуществляет лишь его сбыт на рынке. И в такой ситуации предоставление заверений со стороны третьего лица (изготовителя товара) может служить поводом или мотивом для конечного покупателя совершить последнюю по времени сделку купли-продажи товара. После чего, как и в случае с договором генерального подряда, конечный покупатель при выявлении недостоверности заверений вправе обратиться с требованием к первоначальному продавцу (заверителю), а не к своему контрагенту (посреднику) по договору. Однако это не исключает того, что участники таких отношений (первоначальный продавец, посредник и конечный покупатель) могут согласовать в соглашениях между собой порядок обращения конечного покупателя с требованием о защите своих прав и интересов или к своему контрагенту, или к первоначальному продавцу, или к обоим сразу как к солидарным должникам (ст. 322 ГК РФ).

Приведенный пример является прекрасной иллюстрацией одной из разновидностей договора в пользу третьего лица, которая излагалась И. С. Перетерским, где получение предоставления для третьего лица служило мотивом (поводом) [36, с. 69–70] для совершения сделки, связанного с ним лица со своим контрагентом [37, с. 39]. Только в случае с заверениями предоставление выражается в получении адресатом сведений о конкретном состоянии товара. И при таком положении дел каждый удовлетворяет свой интерес в виде получения выгоды. А при недостоверности заверений адресат наделяется правом требования, но не к своему контрагенту, а к третьему для себя лицу. Поэтому позицию данного автора следует использовать и воспринимать с определенной корректировкой, учитывающей специфику заверений.

Дополнительно можно отметить, что взаимоотношения первоначального продавца, посредника и конечного покупателя в связи с заверениями выглядят похожими на отношения участников договора купли-продажи там и тогда, где и когда используется гарантия качества товара, которая предоставлена третьим лицом (например, заводом-изготовителем). Так, отмечается, что «только в процессе эксплуатации… покупатель может определить достоверность гарантии качества и реализовать права по этому обязательству» [38, с. 73]. Это является актуальным и для заверений третьих лиц, поскольку их достоверность покупатель также сможет определить лишь после получения и использования товара. А при выявлении недостоверности заверений или нарушения гарантии качества товара, которые были даны третьим лицом, покупатель вправе обратиться по своему выбору с требованием или к продавцу, или к третьему лицу (заверителю или изготовителю) о восстановлении своих прав. В случае с нарушением гарантии качества такая возможность прямо предусмотрена Законом о защите прав потребителей[1]. Однако аналогичного правила о гарантии качества в ГК РФ для непотребительских правоотношений нет.

[1] См., например, ст. 12, 13, 18 Закон РФ о защите прав потребителей. См.: О защите прав потребителей: закон РФ от 7 фев. 1992 г. № 2300-1: [ред. от 04.08.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 08.04.2024).

Поэтому следует при участии третьего лица в непотребительских правоотношениях применять модель заверений третьих лиц.

В качестве последнего примера предоставления заверений со стороны третьего лица как варианта реализации правовой модели договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) можно привести сделку купли-продажи акций (или доли участия в уставном капитале ООО). В рамках такой сделки заверения покупателю предоставляет не его контрагент, а другой акционер (участник ООО), например, мажоритарий. Инициатива предоставления заверений может исходить от любого лица, в том числе и от мажоритарного акционера (участника ООО). Заинтересованность последнего может быть обусловлена появлением нового инвестора в составе акционеров (участников ООО), что позволит, например, диверсифицировать производство. В такой ситуации предоставлению заверений со стороны мажоритарного акционера (участника ООО) в адрес покупателя может предшествовать заключение корпоративного договора (ст. 67.2 ГК РФ) между акционерами (участниками ООО), в котором, помимо прочего, указывается на предоставление заверений покупателю акций (доли участия в уставном капитале ООО).

В целом к сказанному можно добавить, что применение ст. 430 ГК РФ к конструкции заверений третьих лиц даст адресату возможность воспользоваться преимуществами её правил, а именно п. 2 этой статьи, который предусматривает, что с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица. И, как представляется, названное является проявлением принципа pacta sund servanta, которое расширяет палитру возможностей для адресата обеспечить свои интересы.

Таким образом, следует, что правовая модель, предусмотренная ст. 430 ГК РФ, лучше остальных подходит для применения к случаям предоставления заверений третьим лицом. Здесь и наличие ключевого элемента конструкции ст. 430 ГК РФ в виде предоставления третьему лицу самостоятельного права требования, и наличие побуждающих обстоятельств для заключения сторонами договора, и распределение рисков путем переложения их на заверителя, и универсальность применения и той и другой конструкции к различным типам договоров, имеющих разные механизмы исполнения обязательств, и обеспечение имущественных интересов участников отношений в виде соблюдения баланса распределения выгоды от исполнения сделок. При этом применение правил ст. 430 ГК РФ к заверениям третьих лиц следует применять, если иное не противоречит существу конструкции заверения об обстоятельствах.

Выводы

По итогам исследования можно заключить, что начинание Верховного Суда РФ в постановлении № 49 по встраиванию (монтированию) конструкции заверений об обстоятельствах, которые даны третьим лицом, в отечественную систему договорного права, теоретически выглядит успешно. Конструкции заверения, предоставленные третьим лицом, и договор в пользу третьего лица, с учетом изложенных в исследовании обстоятельств имеют точки соприкосновения. Следовательно, правила ст. 430 ГК РФ подлежат применению заверениям, которые предоставлены третьим лицом, если это не противоречит их существу и соответствует разъяснениям Верховного Суда РФ, а насколько такая правовая конструкция актуальна для практических целей, покажет время.

Список литературы

1. Лухманов М. И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // Закон. 2019. № 7. С. 153–168.

2. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (часть 3) / Е. Д. Автонова, П. А. Астапенко, Д. В. Борейшо, М. Ю. До, А. А. Мальшаков, В. А. Мымрин, А. С. Никулушкина, И. И. Папилин, О. И. Романова, Л. С. Ходасевич // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 71–125.

3. Копяков А. А. Заверения об обстоятельствах: теоретическая конструкция и проблемы правоприменения // Корпоративное право: проблемы и решения / под ред. И. С. Чупрунова. Вып. 2. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2023. С. 147–196.

4. Глухов Е. В. Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация. М.: М-Логос, 2019. 1208 с.

5. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. М.: Статут, 2009. С. 512–652.

6. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 490 с.

7. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1494 с.

8. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.

9. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы: монография / Л. Ю. Василевская, Е. Е. Богданова, Д. Е. Богданов, И. З. Аюшеева [и др.]; под ред. Е. Е. Богданова. М.: Проспект, 2018. 416 с.

10. Кухарев А. М. Договор в пользу третьего лица // Юрист. 2005. № 3. С. 25–28.

11. Бибикова Е. В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 12. С. 95–157.

12. Зорин Н. А. Договор в пользу третьего лица в английском гражданском праве // Законодательство и экономика. 2008. № 10. С. 73–83.

13. Хаскельберг Б. Л. К вопросу о сущности договора в пользу третьего лица // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов (декабрь 1971 г.). Томск: Томск. гос. ун-т, 1973. С. 32–36.

14. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.

15. Чурилов А. Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография. М.: Юстицинформ, 2019. 200 с.

16. Милохова А. В. Заверения об обстоятельствах и последствия их недостоверности в сделках по продаже бизнеса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 56–62.

17. Чумаков А. К вопросу о юридической природе заверения об обстоятельствах // Хозяйство и право. 2016. № 5. С. 102–107.

18. Морозов А. В. Заверения об обстоятельствах как «правовой трансплант» в современном праве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 115–121. https://doi.org/10.12737/art.2018.6.12

19. Томсинов А. В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 91–111.

20. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.

21. Руднев А. П. Оформление гарантий и заверений по российскому праву: реалии и ожидание // Петербургский юрист. 2015. № 4. С. 74–81.

22. Архипова А. Г. Обязанность предоставить информацию по п. 3 ст. 307 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 60–94.

23. Treitel G. H. The law of contract. London: Sweet & Maxwell, 2003. 1280 p.

24. Mulcahy L. Contract Law in Perspective. London: Routledge-Cavendish, 2008. 260 p.

25. Новак Д. В. Институт заверений об обстоятельствах в ст. 431.2 ГК РФ // О договорах: сборник статей к юбилею В. В. Витрянского / сост. С. В. Сарбаш. М.: Статут, 2017. С. 120–125.

26. Мильков М. А. Обязательства с участием третьих лиц в российском гражданском праве: монография. М.: Учебная литература, 2010. 167 с.

27. Третьяков С. В. О проблеме догматической квалификации «правомочия распоряжения» // Основные проблемы частного права: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 317–345.

28. Крашенинников Е. А. Общая характеристика представлений // Очерки по торговому праву: сборник научных трудов / под ред. Е.А. Крашенинникова. Вып. 13. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 23–28.

29. Церковников М. А. О гарантийном обязательстве из заверения о будущем обстоятельстве: комментарий к Определению Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 // Вестник гражданского права. 2023. № 6. С. 198–213. https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-6-198-213

30. Мильков М. А. К вопросу о третьем лице по договору, заключенному в его пользу // Российский судья. 2008. № 12. С. 26–28.

31. Бутовский А. Н. Договоры в пользу третьих лиц // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 10. С. 1–33.

32. Фогельсон Ю. Б., Ефремова М.Д. Договоры в пользу третьего лица. Опыт недогматического исследования: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 192 с.

33. Тарасенко Ю. А. Договор в пользу третьих лиц: особенности правовой конструкции // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2008. С. 298–309.

34. Егоров А. В. Платеж третьего лица кредитору помимо его воли // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 150–160.

35. Комментарий к § 1, 3 и 4 главы 37 «Подряд» Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. Н. Б. Щербакова. М.: Статут, 2019. 550 с.

36. Перетерский И. С. Сделки, договоры // Научный комментарий / под ред. С. М. Прушицкого, С. И. Раевича. Вып. V. М.: Юридическое издание НКЮ РСФСР, 1929. 84 с.

37. Варул П. А. Участие третьих лиц в исполнении договорных обязательств // Очерки по торговому праву: сборник научных трудов / под ред. Е. А. Крашенинникова. Вып. 11. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 35–42.

38. Гальперин Л. Б., Деревянко Г. Ф. Качество товаров в обязательствах купли-продажи. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 141 с.

References

1. Lukhmanov M.I. Representations and warranties: theoretical and practical issues in light of a new interpretation from the supreme court of the Russian Federation. *Zakon = Statut.* 2019;(7):153–168. (In Russ.)

2. Avtonova E.D., Astapenko P.A., Boreysho D.V., Do M.Yu., Malshakov A.A., Mymrin V.A., Nikulushkina A.S., Papilin I.I., Romanova O.I., Khodasevich L.S. Comment on resolution of the plenum of supreme court of the russian federation no. 49 dated 25 december 2018 on some issues of the application of the general provisions of the civil code of the russian federation on contract execution and interpretation (part 3). *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii = Herald of Economic Justice*. 2019;(11):71–125. (In Russ.)

3. Kopyakov A.A. Representation: theoretical construction and problems of law enforcement. In: Chuprunova I.S. (ed.) *Korporativnoe pravo: problemy i resheniya = Corporate law: problems and solutions*. Is. 2. Moscow: Associaciya vypusknikov RShChP; 2023. P. 147–196. (In Russ.)

4. Glukhov E.V. Transactions of purchase and sale of shares and participation interests in the authorized capital of business companies: preparation and implementation. Moscow: M-Logos; 2019. 1208 p. (In Russ.)

5. Ioffe O.S. Legal relations under Soviet civil law. In: *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: iz istorii tsivilisticheskoy mysli*. *Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii "khozyaystvennogo prava" = Selected works on civil law: from the history of civil thought. Civil legal relations. Criticism of the theory of "economic law"*. 3th ed. Moscow: Statut; 2009. P. 512–652. (In Russ.)

6. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law. In: *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu = Selected works on civil law*. Vol. 1. Moscow: Centr YurInfoR; 2002. 490 p.

7. Karapetov A.G. (ed.) Performance and termination of an obligation: commentary on articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos; 2022. 1494 p. (In Russ.)

8. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Contract law. Book 1. General provisions. Moscow: Statut; 2011. 847 p. (In Russ.)

9. Bogdanova E.E. (ed.) Reform of the law of obligations of Russia: problems and prospects. Moscow: Prospekt; 2018. 416 p. (In Russ.)

10. Kukharev A.M. A contract in favor of a third party. *Yurist = Jurist*. 2005;(3):25–28. (In Russ.)

11. Bibikova E.V. Contract in favour of a third party in russian and european private law: a comparative account. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii = Herald of Economic Justice*. 2017;(12):95–157. (In Russ.)

12. Zorin N.A. A contract in favor of a third party in English civil law. *Zakonodatel′stvo i ekonomika = Legislation and economics*. 2008;(10):73–83. (In Russ.)

13. Khaskelberg B.L. On the issue of the essence of the contract in favor of a third party. *Doklady itogovoy nauchnoy konferentsii yuridicheskikh fakultetov (dekabr′ 1971 g.) = Reports of the final scientific conference of Law faculties (December 1971)*. Tomsk: Tomsk gos. un-t; 1973. P. 32–36. (In Russ.)

14. Karapetov A. G. (ed.) Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2020. 1425 p. (In Russ.)

15. Churilov A.Y. Involvement of third parties in the performance of civil obligations. Moscow: Yusticinform; 2019. 200 p. (In Russ.)

16. Milokhova A.V. Representations and warranties about circumstances and consequences of their unauthenticity in transactions on business sale. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018;(4):56–62. (In Russ.)

17. Chumakov A. On the issue of the legal nature of assurance about circumstances. *Hozyajstvo i pravo = Business and Law*. 2016;(5):102–107. (In Russ.)

18. Morozov A.V. The institute of representation as a "legal transplant" in modern Russian law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel′stva i sravnitel′nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018;(6):115–121. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/art. 2018.6.12

19. Tomsinov A.V. Assurance of facts and reimbursement of losses under Russian law in comparison with representations, warranties and indemnity under English and American law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii = Herald of Economic Justice.* 2015:(11):91–111. (In Russ.)

20. Karapetov A. G. (ed.) General provisions of Civil Law: Article-by-article commentary on articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos; 2020. 1469 p. (In Russ.)

21. Rudnev A.P. Formalization of guarantees and representations under Russian law: realities and expectations. *Peterburgskiy yurist = St. Petersburg lawyer*. 2015;(4):74–81. (In Russ.)

22. Arkhipova A.G. Duty to provide information under article 307 (3) of the Russian Civil code. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii = Herald of Economic Justice.* 2017;(2):60–94. (In Russ.)

23. Treitel G.H. The Law of Contract. London: Sweet & Maxwell; 2003. 1280 p.

24. Mulcahy L. Contract law in perspective. London: Routledge-Cavendish; 2008. 260 p.

25. Novak D.V. Institute of represention in art. 431.2 Civil code of the Russian Federation. In: Sonbash S. V. (ed.). About contracts: collection of articles for the anniversary of V.V. Vitryansky. Moscow: Statut; 2017. P. 120–125. (In Russ.)

26. Milkov M.A. Obligations involving third parties in Russian civil law. Moscow: Uchebnaya literatura; 2010. 167 p. (In Russ.)

27. Tretyakov S.V. On the problem of dogmatic qualification of “power of arrangement”. In: Vitryansky V.V., Sukhanov E.A. (eds.). General problems of private law: collection of articles for the jubilee of A.L. Makovsky. Moscow: Statut; 2010. P. 317–345. (In Russ.)

28. Krasheninnikov E.A. General characteristics of consideration. In: Krasheninnikov E.A. (ed.) Essays on commercial law. Collection of scientific papers. Is. 13. Yaroslavl': Yaroslav. gos. un-t; 2006. P. 23–28. (In Russ.)

29. Tserkovnikov M.A. On the guarantee obligation from the assurance on a future circumstance: commentary to the ruling of the supreme court of the russian federation of 21 march 2023 no. 305-es22-17862. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Rewiew.* 2023;(6):198–213. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-6-198-213

30. Milkov M.A. On the issue of a third party under an agreement concluded in his favor. *Rossiyskiy sudya = Russian Judge*. 2008;(12):26–28. (In Russ.)

31. Butovskiy A.N. Contracts in favor of third parties. *Zhurnal Ministerstva yustitsii = Journal of the Ministry of Justice*. 1910;(10):1–33. (In Russ.)

32. Fogelson Y.B., Efremova M.D. Contracts in favour of a third party: undogmatic research. Moscow: Norma; 2014. 192 p. (In Russ.)

33. Tarasenko Y.A. Contract in favor of third parties: features of the legal structure. In: Rozhkova M.A. (ed.). *Sdelki: problemy teorii i praktiki: sbornik statey = Transactions: problems of theory and practice: collection of articles*. Moscow: Statut; 2008. P. 298–309. (In Russ.)

34. Egorov A.V. Third party payment to the lender against his will. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii = Herald of Economic Justice*. 2016;(8):150–160. (In Russ.)

35. Shcherbakov N.B. (ed.). Commentary on § 1, 3 and 4 of Chapter 37 “Construction” of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Statut; 2019. 550 p. (In Russ.)

36. Pereterskiy I.S. Transactions, contracts. In: Prushiczkii S. M., Raevich S. I. (eds.). Issue V (1929) of the scientific commentary on the Civil Code of the RSFSR. Moscow: Yurid. izd-vo NKYU RSFSR; 1927. 84 p. (In Russ.)

37. Varul P.A. Involvement of third parties in the performance of contractual obligations. In: Krasheninnikov E.A. (ed.). Essays on commercial law: collection of scientific papers. Is. 11. Yaroslavl': Yaroslav. gos. un-t; 2004. P. 35–42. (In Russ.)

38. Galperin L.B., Derevyanko G.F. Quality of goods in purchase and sale obligations. Tomsk: Tomsk un-t; 1982. 141 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Тишкевич Антон Александрович, аспирант кафедры гражданского права, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: tishkevich_a_a@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-0861-4211,
SPIN-код: 4165-2314,
AuthorID: 1221785

Anton A. Tishkevich, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: tishkevich_a_a@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-0861-4211,
SPIN-код: 4165-2314,
AuthorID: 1221785

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.51

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-147-160

(cc) BY 4.0

Гражданско-правовая защита частной жизни гражданина после его смерти

В. Д. Устинов[1], О.А. Коротких [1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: korotkixol@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В статье рассмотрены особенности гражданско-правовой защиты частной жизни человека после его смерти другими лицами в соответствии со статьей 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Анализируются позиции правоведов относительно неоднозначного феномена «переживания права» при неотчуждаемости нематериальных благ, когда посмертной защите подлежит информация о частной жизни умершего гражданина. Изучена сложившаяся судебная практика по разрешению таких исков на предмет гражданско-правовых средств защиты права на частную жизнь умершего человека, решения Конституционного и разъяснения Верховного судов Российской Федерации по вопросам, связанным с охраной рассматриваемого личного неимущественного права в гражданском судопроизводстве.*

Цель исследования *– дополнение теоретических положений, углубляющих гражданско-правовую теорию о посмертной защите частной жизни, и разработка предложений для устранения существующих пробелов в гражданско-правовом регулировании в данной сфере.*

Задачи*: проанализировать решения судов по искам о посмертной защите частной жизни, постановления Конституционного и решения Верховного судов Российской Федерации, выявить недостатки в редакции статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также актуализировать с учетом научных дискуссий предложения, касающиеся реализации нематериальных благ после смерти.*

Методология*. Для достижения теоретического и практического результата автором использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и частнонаучные методы (формально-юридический, системно-аналитический и формально-логический, метод анализа и обобщения судебной практики).*

Результаты исследования *определяются его теоретико-прикладным характером и содержат авторское видение совершенствования норм Гражданского кодекса Российской Федерации в части посмертной охраны права на частную жизнь (изменение перечня лиц, имеющих право защитить интересы умершего, легализация понятия «добрая память об умершем гражданине»).*

Вывод*. Посмертная защита частной жизни делегируется государством близким родственникам умершего человека в силу общественного и личного интереса. В связи со смертью прекращается правосубъектность человека, а субъектами правоотношений становятся те, кто осуществляет защиту частной жизни покойного.*

Ключевые слова*: частная жизнь; нематериальные блага; личные неимущественные права; «феномен переживания»; судебная практика.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Устинов В. Д., Коротких О. А. Гражданско-правовая защита частной жизни гражданина после его смерти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 147–160. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-147-160

Поступила в редакцию 30.04.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Устинов В. Д., Коротких О. А., 2024

Civil protection of a citizen's privacy after his death

Vadim D. Ustinov, Olga A. Korotkich[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: korotkixol@gmail.com

Abstract

Relevance. *The article considers the peculiarities of civil protection of a person's private life after his death by other persons in accordance with Art. 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation. The positions of legal scholars regarding the ambiguous phenomenon of «experience of law» with the inalienability of intangible benefits, when information about the private life of a deceased citizen is subject to posthumous protection, are analyzed. The established judicial practice was studied to resolve such claims for civil law remedies for the right to privacy of a deceased person, decisions of the Constitutional Court and clarifications of the Supreme Courts of the Russian Federation on issues related to the protection of the personal non-property law in question in civil proceedings.*

The purpose *of the study is to supplement theoretical provisions deepening the civil law theory of posthumous protection of privacy, and to develop proposals to eliminate existing gaps in civil ¬ legal regulation in this area.*

Objectives: *to analyze court decisions on claims for posthumous protection of private life, decisions of the Constitutional Court and decisions of the Supreme Courts of the Russian Federation, to identify shortcomings in the wording of Art. 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to update, taking into account scientific discussions, proposals regarding the sale of intangible benefits after death.*

Methodology. *To achieve a theoretical and practical result, the author used scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and private scientific methods (formal-legal, system-analytical and formal-logical, method of analysis and generalization of judicial practice).*

The results *of the study are determined by its theoretical and applied nature and contain the author's vision of improving the norms of the Civil Code of the Russian Federation in terms of posthumous protection of the right to privacy (changing the list of persons entitled to protect the interests of the deceased, legalizing the concept of «good memory of a deceased citizen»).*

Conclusion*. Posthumous protection of privacy is delegated by the state to close relatives of the deceased person by virtue of public and personal interest. In connection with death, the legal personality of a person ceases, and those who protect the privacy of the deceased become the subjects of legal relations.*

Keywords*: private life; intangible goods; personal non-property rights; "the phenomenon of experience"; judicial practice.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ustinov V.D., Korotkich O.A. Civil protection of a citizen's privacy after his death. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):147–160. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-147-160

Received 30.04.2024 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Наступившая эпоха цифровизации в развитии человечества ознаменовалась не только стремительным переходом к информационному обществу, но, помимо неоспоримых преимуществ (в социальной коммуникации, в маркетинге, получении услуг, реализации прав), породила проблему вмешательства в частную жизнь. Многие IT-технологии кардинальным образом изменили доступ к информации о личной жизни человека, его сокровенным тайнам, многократно облегчили поиск конфиденциальных персональных данных [1, с. 5]. Из социальных сетей можно получить информацию об образе жизни человека, изучить его привычки, увлечения, личные качества, узнать уровень благосостояния и др. Новые программы для нахождения личных

данных с большей эффективностью, чем поисковые сервисы, позволяют обнаружить в открытых источниках на просторах Глобальной сети любую информацию о человеке. К примеру, с помощью уникальной технологии osint, pentest и нетсталкинг можно провести анализ всех ресурсов, находящихся в интернет-пространстве. Как отмечают исследователи, такие программы используются для сбора с сайтов, из социальных сетей и прочих онлайн-платформ чужих персональных данных, многие из которых составляют сведения о частной жизни, личную или семейную тайну (e-mail, номер телефона, сведения о семейном положении, образовании, месте работы, должности, фотографии и др.) [2, с. 6]. Технологии искусственного интеллекта, к примеру, применяют правоохранители для анализа персональных данных (видеозаписей, фотографий), размещенных в социальных медиа, как источников информации о подозреваемых и идентифицированных преступниках.

В то же время активное внедрение новейших IT-технологий связано и с высоким риском нарушения неприкосновенности частной жизни людей. Как показывают судебные решения, такие технологии незаконно используют кредитные организации для оценки кредитоспособности потенциальных клиентов (скоринг), исходя из их персональных данных и сведений о частной жизни[1]. С их помощью похищаются персональные данные для криминальных целей с использованием методов социальной инженерии, что требует обеспечения гарантий надежной защиты частной жизни в условиях цифрового общества [3, с. 92]. Крайней формой нарушения конституционного права на неприкосновенность частной жизни человека является вторжение в нее посторонних лиц после его смерти. Правоприменительная практика свидетельствует, что наследники обращаются в суды за защитой права умершего на неприкосновенность частной жизни в случае неправомерного сбора, распространения или использования информации, содержащей его персональные данные, личную, семейную тайну. Конституционный Суд РФ применительно к уголовному судопроизводству в постановлении от 14 июля 2011 г. № 16П объяснил необходимость защищать заинтересованными лицами добрую память об умершем: «При законодательном закреплении гарантий защиты памяти об умерших и сохранения достойного к ним отношения, которые не могут быть исключены из сферы общего (публичного) интереса в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), нельзя не принимать во внимание наличие у заинтересованных лиц, прежде всего близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого), настаивающих на продолжении производства по уголовному делу, законного интереса, оправдывающего дальнейшее рассмотрение дела, который во всяком случае может заключаться в желании защитить как честь и достоинство умершего и добрую память о нем, так и собственные честь и достоинство, страдающие ввиду сохранения известной неопределенности в правовом статусе умершего в случае прекращения в отношении него уголовного дела по не реабилитирующему основанию»[2].

Масштаб проблемы, усугубляемой внедрением информационных техноло-

[1] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 05.05.2017 по делу № А40-5250/17 // Судебные и нормативные и акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/YLVZ7F3cAwU0 (дата обращения: 25.03.2024).

[2] По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 5.

гий, доступностью конфиденциальной информации, анонимностью пользователей интернет-платформ, делает актуальной и тему гражданско-правовой защиты частной жизни гражданина после его смерти. В теории российского права решением проблемы юридической охраны частной жизни человека в своих работах занимались представители различных наук (Н. Г. Гавилиди [4, с. 17]; М. А. Гаврилов [5, с. 49], А. П. Пинчук [6, с. 119]; А. М. Нурбалаева [7, с. 89]; Н. Ш. Гаджиалиева [8, с. 105]; Р. В. Новиков [9, с. 64]). Вместе с тем малочисленны научные публикации, в которых рассматриваются вопросы, связанные с неправомерными действиями с информацией, составляющей частную жизнь умершего человека. Авторы избрали для исследования указанную тему для восполнения пробелов в научных изысканиях.

Методология

Методологическая основа настоящей работы определялась избранной тематикой. Она включает общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы – формально-юридический, формально-логический, системно-аналитический и метод анализа и обобщения судебной практики. При помощи формально-юридического, формально-логического и системно-аналитического методов осуществлялось толкование нормы об охране частной жизни гражданина, в том числе умершего, исследовались особенности института материальных благ и личных неимущественных прав в их неразрывном единстве со ст. 152.2 «Охрана частной жизни гражданина» Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Посредством формально-юридического метода и метода анализа и обобщения судебной практики авторы изучили научные труды, позиции теоретиков, произвели выборку решений судов по искам о защите частной жизни умершего гражданина в соответствии со ст. 152.2 ГК РФ. Указанные методы были использованы и при ознакомлении с практикой Конституционного и Верховного судов РФ по делам о защите частной жизни человека после его смерти. Все названные методы в их совокупности применялись при формулировании выводов по предмету доказывания по делам этой категории, для разработки теоретических положений и законодательных предложений, направленных на совершенствование посмертной защиты человека от незаконного вмешательства в его частную жизнь.

Результаты и их обсуждение

Право на неприкосновенность частной жизни, а также личную и семейную тайну гарантируется Конституцией РФ в ст. 23. В ст. 24 Основной закон России провозглашает запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Эти положения становились предметом рассмотрения судьями Конституционного Суда Российской Федерации, разрешающими жалобы граждан о нарушениях их права на неприкосновенность частной жизни[1]. Непосредственная защита частной жизни осуществляется нормами отраслевого законодательства –

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/ (дата обращения: 16.04.2024); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Д. Н. Усенко на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 158-О-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.04.2024).

уголовным, гражданским и административным. Как и в Конституции РФ, в п. 1 ст. 152.2 «Охрана частной жизни гражданина» ГК РФ законодатель назвал те же действия, которые нельзя совершать без согласия гражданина в отношении любой информации о его частной жизни. Это правило распространяется и на сведения о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни, если иное прямо не предусмотрено законом. После дополнения в 2013 г. ГК РФ ст. 152.2 на эту специальную норму законодатель возложил защиту конституционного права на неприкосновенность частной жизни человека[1]. Своим местоположением в главе 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита» подчеркнута суть этого блага как личного неимущественного, в отношении которого действуют законоположения, касающиеся других нематериальных объектов (право на защиту персональных данных, чести и достоинства, доброго имени и др.). Право на неприкосновенность частной жизни и его защиту не прекращается и после смерти человека, несмотря на то, что законодатель в п. 1 ст. 150 ГК РФ говорит о неотчуждаемости и непередаваемости иным способом нематериальных благ от их владельца другим лицам. Иными словами, ГК РФ осуществляет посмертную защиту отдельных благ, уже несуществующих и безразличных для умершего человека. И это притом, что правоспособность, а с ней и право иметь личные неимущественные права, после смерти человека прекращается [10, с. 40].

Расходится такой подход и с положением о том, что сами блага принадлежат гражданину от рождения либо в силу закона [11, с. 205]. В абз. 3 п. 2 ст. 150 ГК РФ содержится общая формулировка, которой разрешается применить правило о защите нематериальных благ и личных неимущественных прав после смерти человека другими лицами. Это предписание конкретизируется уже в п. 5 ст. 152.2 ГК РФ о том, что «другими лицами» в случае смерти гражданина являются его дети, родители и переживший его супруг. Они имеют право требовать защиты нарушенной частной жизни покойного.

Способы гражданско-правовой защиты частной жизни умершего человека перечислены в п. 2 ст. 150 ГК РФ. Закон, как следует из текста ст. 152.2 ГК РФ, их не разграничивает в зависимости от того, чья частная жизнь нарушена – живого или умершего человека. Тем самым ГК РФ, защищая частную жизнь умершего, допускает существование его права на ее неприкосновенность и после смерти при отсутствии самого субъекта [12, с. 142]. Этот вывод подтверждается практикой Конституционного Суда РФ по рассмотрению жалоб, которыми оспаривались нормативные положения, связанные с правами граждан после их смерти. Судьи неоднократно подтверждали свою позицию о том, что «законодатель обязан обеспечить уважительное отношение со стороны любых третьих лиц к волеизъявлению лица по вопросам, касающимся частной жизни, гарантируя его учет в том числе после смерти данного лица»[2].

Оправданно ли осуществление защиты нематериальных благ умершего и заинтересованными лицами, по сути принимающими на себя статус субъекта пра-

[1] О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/ (дата обращения: 16.04.2024).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Т. М. Бирюковой, Е. В. Саблиной и Н. С. Саблиной на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда РФ от 10 февр. 2016 г. № 224-О // Гарант: сайт. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/primo/doc/71246368/ (дата обращения: 16.04.2024).

ва, принадлежащего умершему, его утратившему? В теории гражданского права тема бессубъектности до настоящего времени вызывает активную и неоднозначную дискуссию правоведов. По мнению одних ученых, охранять право ушедшего человека на неприкосновенность частной жизни абсурдно, ведь физическая жизнь человека уже прекратилась. И поскольку со смертью человек перестает быть личностью, от которой неотделимы права, то покойный утрачивает статус субъекта права [13, с. 92]. Эту позицию четко сформулировал Н. Д. Егоров, считая, что «личное неимущественное право не переходит по наследству и прекращает свое существование в момент смерти гражданина. Поэтому оно в принципе не может осуществляться или защищаться другими лицами» [14, с. 42]. Е. В. Гаврилов также категоричен в своих рассуждениях и считает, что мертвый человек (труп) не может быть субъектом правоотношений, а «феномен переживания» нематериальных благ связан с другой категорией – «добрая память об умершем человеке», а потому, полагает ученый, после смерти носителя прав речь может идти о защите личных интересов близких умершего или интересов общества в целом [10, с. 44]. Среди первых юристов, кто высказал эту мысль на страницах печати, был Р. Е. Гукасян [15, с. 62]. В. С. Толстой, как сторонник такого подхода к нематериальным благам после смерти, так описывает суть феномена «добрая память об умершем»: «…Живущий и умерший имели при жизни настолько тесное общение (например, кровные родственники, супруги, компаньоны по совместному творчеству), что некоторые сегменты их автономной жизни были для них общими. Тем самым покушение на личные права умершего – нарушение прав оставшихся в живых. Последние могут защищать не только честь и достоинство умершего, но и другие права, например его персональные данные, дневники и т. д.» [16, с. 110].

С точки зрения других авторов, и после смерти отдельные личные неимущественные блага существуют «в отрыве от человека в усеченном объеме (составе)» [17, с. 12]. Так, по мнению К. Б. Ярошенко, умершие могут быть признаны субъектами некоторых правоотношений через «правило интереса» [18, с. 73]. М. Н. Малеина считает, что некоторые блага отделимы от умершего человека, не сливаются с его личностью и «живут самостоятельно», подвергаясь ущемлению или присвоению. Среди них индивидуальный облик, тайна частной жизни, имя [17, с. 23]. Эту позицию разделяет В. А. Белов, аргументируя сохранение личных неимущественных прав за умершим их привязкой не к покойному человеку, а к юридическому факту его смерти [19, с. 634–639]. Соглашается с позицией «переживания» прав умершего человека и Е. В. Богданов. Он пишет, что как раз общество, интерес которого состоит в реализации права на личные неимущественные права умершего, передает их защиту определенному кругу живых лиц. Он же обосновывает позицию о признании субъектного характера общества, а народа – субъектом права [20, с. 29].

Представленный анализ имеющихся в специальной литературе мнений юристов в отношении сохранения личных неимущественных прав за умершим человеком позволяет определиться с авторской позицией. Признавая, что бессубъектных прав быть не может, а для покойного все они прекращаются после смерти, полагаем, что не умершие нуждаются в защите их нематериальных прав, а живые, «вторичные» субъекты права («это нужно – не мертвым! Это надо – живым». Р. Рождественский «Реквием (Вечная слава героям)»). В этом смысле должен учитываться публичный и частный, коллективный (близких и родных) интерес, выраженный в сохранении доброй памяти и доброго имени, чести и достоинства умерших (погибших на фронтах отече-

ственных войн, кинозвезд, музыкантов, других известных людей и обычных граждан).

Предложенная в теории права идея о «доброй памяти об умершем человеке» может быть реализована в ГК РФ в отдельных действующих нормах о защите нематериальных благ, в том числе в ст. 152.2 об охране частной жизни. В них может быть произведена замена терминологии в части права умерших на добрую память, тем более что в п. 5 ст. 152.2 ГК РФ об охране частной жизни в качестве объектов гражданско-правовой защиты выделяется субъективное право детей, родителей и пережившего супруга умершего гражданина защищать его интересы. И если отсутствует публичный интерес в придании гласности каких-то обстоятельств частной жизни умершего, следует признавать нарушением права на добрую память о нем любое распространение даже достоверной информации личного характера без получения на то согласия близких родственников.

В отличие от иных благ из перечня ст. 150 ГК РФ защита частной жизни умершего физического лица может быть осуществлена и посмертно. Ведь в отсутствие человека в случае его ухода из жизни незащитоспособными сами по себе становятся его жизнь или здоровье, личная неприкосновенность, а информация о нем или сведения о его личной жизни могут защищаться заинтересованными истцами для сохранения доброй памяти. Подлежать защите могут и честь, достоинство, изображение (образ), принадлежавшие умершему. Мониторинг вступивших в законную силу решений по делам этой категории подтверждает такой подход. Полагаем, что круг заинтересованных лиц, которые могут осуществлять защиту «вечных» прав по примеру зарубежного правотворца, может быть законодательно расширен за счет других близких родственников – братьев и сестер, бабушек и дедушек, если они живы (эти родственники указаны, к примеру, в законе Испании от 5.05.1982 (Ley Organica 1/1982)).

Анализ судебных решений по гражданским делам о защите неприкосновенности частной жизни умершего человека показывает, что при подаче иска заявители как заинтересованные лица доказывают следующие обстоятельства: факт распространения информации о частной жизни покойного; ее относимость именно к его частной жизни, а не к порочащим сведениям; были ли опубликованы сведения о частной жизни ранее самим умершим лицом либо стали общедоступными иным образом; отсутствие согласия заинтересованных лиц на опубликование подробностей частной жизни умершего родственника; степень и характер нравственных и физических страданий истца как следствие обнародования конфиденциальной информации о покойном родственнике; осуществлялось ли распространение сведений о частной жизни умершего гражданина, исходя из государственного, общественного или иного публичного интереса; получение широкой огласки конфиденциальной информации, если заявлено требование о ее удалении из открытого доступа. По решению судов, кроме компенсации морального вреда, возмещаются материальные убытки, которые истец должен доказать (по нашим данным, это, как правило, возмещение расходов на психолога) [20, с. 39]. Авторская выборка дел показала и еще одну особенность судебных процессов по таким делам: истец, заявляя свои требования, как правило, осуществляет защиту сведений, относящихся к его частной жизни, включая разглашение сведений о его близком покойном родственнике, которые субъективно, по мнению истца, нарушают право покойного на защиту его частной жизни после смерти.

Рассмотрим некоторые примеры гражданских дел о защите права покойного гражданина на сохранность тайны его частной жизни с установлением фактов, доказывающих ее нарушение

и принимаемых судом. Исследования, выполненные на рассматриваемую тему, подтверждают, что особую категорию дел составляют иски против интернет-ресурсов [21, с. 103]. Изучая тексты состоявшихся судебных решений, отметим, что истцами осуществляется защита частной жизни умершего, когда информация о ней сохранилась в аккаунтах социальных сетей после смерти пользователя либо размещалась в сети Интернет третьими лицами. В этом случае суды при разбирательстве гражданского иска возлагают обязанность на виновного в нарушении частной жизни умершего удалить информацию о нем и компенсировать моральный вред близким родственникам.

Так, решением Обнинского городского суда Калужской области деятельность интернет-страницы в социальной сети была признана незаконной, нарушающей право истца и его умершего отца на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Судом было установлено, что ответчик разместил на сайте, администратором которого он является, персональные данные истца и его покойного отца и сведения, касающиеся их частной жизни. Из протоколов оценки содержания интернет-страниц и их скриншотов, заверенных нотариусом, следует, что они включали в том числе персональные данные покойного (его фамилию, имя, отчество, дату рождения и смерти, место захоронения, фотографию, род деятельности, личные данные о близких родственниках). Доступ к указанной информации является открытым, а на ее распространение посредством сети Интернет ответчиком не было получено согласия у родственников. Суд возложил на него обязанность удалить все данные истца и его покойного отца, размещенные без его согласия в социальной сети, обязал не допускать дальнейшее их распространение и взыскал компенсацию морального вреда[1].

Как показывает практика, в зависимости от обстоятельств нарушения тайны частной жизни покойного посредством информационных ресурсов истцами избираются разные способы защиты рассматриваемого нематериального блага. Это может быть только компенсация морального вреда, взыскиваемого с виновного лица, а в других случаях – уничтожение чужих данных, возложение обязанности удалить информацию о частной жизни умершего и его близких в Глобальной Сети или СМИ. Малораспространенной, но применяемой судами, является и практика предписаний опубликовать на спорных страницах сайтов в сети Интернет, где разглашались сведения, касающиеся частной жизни умершего, резолютивную часть решения суда о незаконности размещения чужих данных. Это разрешает абз. 2 п. 2 ст. 150 ГК РФ. К примеру, так поступил Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области. Он признал ответчиков Л. и О. виновными в распространении сведений, которые составляют тайну частной жизни, личную и семейную тайну истцов и их умерших родственников. Суд, исследовав вопрос о правомерности размещения ответчиками на страницах многочисленных сайтов в сети Интернет личных данных, касающихся чужой частной жизни, решил: «Размещение по адресам …фотографий свидетельств о смерти близких родственников всех истцов, видеоматериалов, показывающих с разных точек надгробия умерших членов семьи, без согласия истцов, является нарушением частной жизни самих истцов и их покойных родственников». Сославшись в тексте решения на п. 5 ст. 152.2

[1] Решение Обнинского городского суда Калужской области от 24.12.2020 по делу № 2-1238/20 // N-ПДН: сайт. URL: https://n-pdn.ru/judical/content/razmeschenie-na-sayte-personalnih-dannih-umershego-i-ego-rodstvennikov/ (дата обращения: 22.04.2024).

ГК РФ о праве требовать защиты частной жизни умершего детьми, родителями и пережившим супругом, суд, признав нарушающими порядок распространения и использования информации о частной жизни истцов и их умерших родственников, взыскал в пользу всех истцов моральный вред, обязал удалить в 10-дневный срок с момента вступления в законную силу решения суда свидетельства о смерти, видеоматериалы могил и надгробий и опубликовать резолютивную часть решения суда в 10-дневный срок с момента вступления в законную силу решения суда[1]. Иными словами, для применения такого способа защиты, как удаление информации, составляющей частную жизнь умершего гражданина, запрещая ее распространение в сети Интернет, суд принимает во внимание, что эта информация массово распространена на многих интернет-платформах, стала широко известной, а единственным способом прекратить ее дальнейшее распространение является публикация на тех же ресурсах выдержки из судебного решения.

При рассмотрении исков о неправомерных действиях в отношении информации о частной жизни умершего, его личной или семейной тайны в отсутствие согласия близких родственников, суд в соответствии с п. 1 ст. 152.2 ГК РФ дает оценку законным основаниям для ее обнародования и обстоятельствам, которые послужили причиной нарушения ее конфиденциальности. Например, разрешая по существу иск ФИО2 к ФИО3 и АО «Медстекло», Заводской районный суд г. Орла установил обстоятельства, при которых сведения о частной жизни покойного супруга истицы – ФИО6, директора АО «Медстекло», стали достоянием коллектива АО. Истица считала, что разглашение сведений о ее личной жизни и мужа ФИО6, содержащихся в документах, хранившихся в рабочем сейфе ФИО6, является нарушением ее права и права ее покойного мужа на неприкосновенность частной жизни. В судебном заседании она убеждала суд в том, что личные документы умершего не должны были подлежать аудиозаписи, произведенной работниками АО «Медстекло» при составлении акта осмотра кабинета мужа в АО «Медстекло». ФИО3 распространила сведения о частной жизни ФИО6 и его семье, содержащиеся в изъятых документах, предоставив их членам комиссии. Признавая безосновательными доводы истца о нарушении права на неприкосновенность частной жизни, разглашении личной тайны покойного работниками АО «Медстекло» и ФИО3, суд привел следующие доказательства. Истица ФИО2 не проживала совместно с ФИО6 11 лет, а ее муж жил в служебном кабинете. Открытие служебного сейфа после смерти покойного супруга являлось необходимостью и не свидетельствует о нарушении нематериального блага истицы и ее покойного мужа, поскольку разделение осматриваемых документов на личные и служебные было невозможным. Сам покойный передал ключи от сейфа ФИО3, что говорит его желании предоставить доступ к документам, хранившимся в сейфе. В отношении сведений, которые распространяла ответчица ФИО3 о неприязненных отношениях между истицей и ее покойным мужем, то суд оценил такое поведение выражением личного мнения, а его нельзя считать вмешательством в частную жизнь покойного супруга. Он проживал отдельно от истицы в жилой комнате в помещении АО «Медстекло», что было очевидным для его работников, не скрывал этого факта, а значит и не считал семейной тайной. На этих основаниях суд отказал в иске о

[1] Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 19.04.2016 по делу № 2-2342 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XVI5pqgCFXxa/?page=2&regular-court (дата обращения: 21.04.2024).

взыскании денежной компенсации морального вреда[1].

Совершенно обоснованно суды принимают сторону истцов, если публикация о частной жизни умершего в средствах массовой информации не вызывалась государственным, общественным или публичным интересом. Суды ссылаются в этом случае на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"»[2]. Так, К. (истец), обратилась в суд в интересах несовершеннолетней дочери А. и покойного мужа к газете «Хронометр» в защиту их частной жизни. После публикации газетой обстоятельств самоубийства мужа и отца А. с фотографией дочери она перестала посещать школу, поскольку посторонние люди задавали ей вопросы о трагедии. Дочь скрывала произошедшее с родным отцом, однако по ее фотографии историю гибели отца люди связали с ней. Ее эмоциональное здоровье ухудшилось, в связи с чем К. пришлось обратиться за помощью к психологу. Истец полагает, что ответчик нарушил право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну ее несовершеннолетней дочери и покойного супруга, разместив их фотографии. Обстоятельства смерти умершего и его причины следствием до настоящего времени не установлены. В своем решении в качестве обоснования для удовлетворения иска суд привел разъяснение Пленума Верховного Суда РФ. Он указал следующее: «В пункте 8 постановления от 24 февраля 2005 г. № 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц"[3] говорится, что при разрешении споров, возникших в связи с распространением сведений о частной жизни гражданина, не имеет значения их соответствие действительности. Учитывается их обнародование без согласия истца или его законных представителей. Исключением являются случаи, когда информация о частной жизни СМИ была распространена для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц. При рассмотрении настоящего искового заявления данные обстоятельства в ходе судебного заседания установлены не были». Суд по этим основаниям признал факт публикации материала, разгласившего сведения о частной жизни умершего супруга истицы, семейную тайну ее несовершеннолетней дочери А. нарушением их права на неприкосновенность частной жизни. Он взыскал в пользу истца К., действовавшей в интересах дочери А. и умершего гражданина Б., компенсацию морального вреда и убытки, понесенные истицей при оплате услуг психолога, обязал опубликовать в очередном выпуске газеты опровержение обстоятельств смерти Б. и удалить фотографию несовершеннолетней А.[4]

По аналогичному делу суд удовлетворил иск ФИО3 о взыскании компенса-

[1] Решение Заводского районного суда г. Орла от 02.03.2021 по делу № 2-237/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XfjlgR2DHlYe/?regular (дата обращения: 21.04.2024).

[2] О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/ (дата обращения: 16.04.2024).

[3] О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 16.04.2024).

[4] Решение Фрунзенского районного суда г. Иваново от 10.07.2019 по делу № 2-2137 // // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FNNLsE2CEMxm/?regular (дата обращения: 21.04.2024).

ции морального вреда вопреки тому, что согласие на расследование обстоятельств гибели близкого родственника редакцией СМИ дала родная сестра. Как следует из текста иска, ответчик на сайте в сети Интернет в сетевом издании «НГС.Новости» разместил статью, в которой содержатся сведения о личности истца и обстоятельствах убийства ее мужа. В обоснование исковых требований ФИО3 указала, что в данной статье не были удалены ее персональные данные и разглашены обстоятельства смерти ее супруга, что является нарушением ее частной жизни и погибшего мужа. Незаконные действия ответчика, который без ее согласия огласил личную, семейную трагедию, привели к идентификации личности ее несовершеннолетнего сына. Читатели статьи поняли о том, что речь идет об истице и ее несовершеннолетнем сыне, тяжело переживавшем произошедшее с родным отцом. Одноклассники и друзья сына задают вопросы, напоминая ему о трагедии, в связи с чем он постоянно находится в стрессовом состоянии. Опровергая доводы ответчика о том, что родная сестра погибшего ФИО6 позвонила в редакцию с просьбой провести журналистское расследование, дав согласие на публикацию статьи с подробностями гибели брата, суд решил, что согласие ФИО6 не означает согласия его жены – истицы ФИО3, представляющей интересы несовершеннолетнего сына и ее умершего супруга. Суд руководствовался положениями п. 5 ст. 152.2 ГК РФ и указал, что истица как пережившая супруга умершего вправе требовать защиты его частной жизни. ФИО3 не обращалась к ответчику, согласия на публикацию сведений о ней и членах ее семьи не давала, публикация содержит подробности частной жизни истицы и умершего, их несовершеннолетнего сына[1].

Выводы

1. Исходя из положений ст. 152.2 ГК РФ и иных норм ГК РФ о защите нематериальных благ и личных неимущественных интересов, можно сделать вывод о том, что посмертная защита частной жизни определяется не только личным (родственники умершего), но в ряде случаев и общественным интересом. Речь идет о защите блага, имеющего особое значение для общества или какой-то социальной группы, а потому субъектами правоотношений становятся те, кто осуществляет защиту интересов покойного.

2. Суды при рассмотрении гражданских дел о защите такого нематериального блага, как частная жизнь умершего человека, принимают те же доказательства нарушения, что и по делам о защите частной жизни граждан, лично ее осуществляющих.

Состав фактов, входящих в предмет доказывания по делам о защите частной жизни умершего человека, в мотивировочной части решения суд определяет самостоятельно, давая оценку не всей совокупности возможных доказательств незаконности действий ответчика, а только отдельным из них. Как следует из судебных решений, в обязательном порядке оценивается наличие или отсутствие согласия близких родственников умершего на распространение либо использование информации о нем, составляющей частную жизнь, его личную или семейную тайну. В отсутствие такого согласия судами учитывается и наличие государственного, общественного или иного публичного интереса в действиях ответчика. Иные факты, свидетельствующие в пользу позиции истца, судами не приводятся в качестве доказательства ущемления рассматриваемого права его близкого родственника.

3. Предлагается поддержать мнение ученых об изменении п. 5 ст. 152.2 ГК РФ

[1] Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 21.07.2020 по делу № 2-1412 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/91EPLUrImVQu (дата обращения: 21.04.2024).

и дополнении перечня лиц, имеющих право защитить интересы умершего после смерти, другими близкими родственниками – братья, сестры, бабушки и дедушки, как это сделал зарубежный законодатель. Российскому правотворцу следует учесть и предложение теоретиков о легализации в нормах ГК РФ понятия «добрая память об умершем гражданине» для защиты личных интересов близких умершему лиц и интересов общества.

Список литературы

1. Гаджиев Х. И. Защита частной жизни в цифровую эпоху // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 5–20.

2. Дворянкин О. А. Osint, pentest и нетсталкинг // Информационные технологии интернета. 2022. Т. 2, № 84. С. 6–13.

3. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 90–101.

4. Гаврилиди Н. Г. Право на судебную защиту чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого), подсудимого как элемент конституционного права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 3 (13). С. 17–22.

5. Гаврилов М. А. Институт процессуального правопреемства в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 49–52.

6. Пинчук А. П., Решетников Г. Е. Некоторые аспекты охраны права частной жизни гражданина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12–4. С. 119–122.

7. Нурбалаева А. М. Особенности доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 2. С. 86–92.

8. Гаджиалиева Н. Ш. Предмет доказывания по гражданским делам о защите неприкосновенности частной жизни // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 1. С. 104–108.

9. Новиков Р. В. Правовое регулирование защиты информации, относящейся к сфере частной жизни граждан, в гражданском законодательстве и законодательстве о персональных данных // Ex jure. 2020. № 2. С. 64–71.

10. Гаврилов Е. В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 9. С. 39–47.

11. Ломовцева Я. Р. Особенности защиты личных неимущественных прав после смерти гражданина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3-2 (78). С. 203–206.

12. Патрушева А. А. Уголовно-процессуальное преемство прав умершего участника уголовного судопроизводства // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 1. С. 140–147.

13. Парыгина Н. Н. О проблеме правопреемства в отношении деловой репутации и иных нематериальных благ // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 8. С. 91–94.

14. Егоров Н. Д. Понятие гражданского права // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 42–65.

15. Гукасян Р. Е. Правовая охрана памяти об умерших и предмет судебной защиты // Правоведение. 1973. № 1. С. 61–66.

16. Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. М.: Элит, 2006. 209 с.

17. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. 244 с.

18. Ярошенко К. Б. Гражданско-правовая защита чести и достоинства // Проблемы совершенствования советского законодательства. 1989. № 3. С. 72–84.

19. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2009. С. 634–639.

20. Богданов Е. В. Проблема сохранения («переживания») прав и обязанностей умершего гражданина // Адвокат. 2015. № 8. С. 27–31.

21. Попова И. Ю. Об определении предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 37–49.

22. Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 103–118.

References

1. Gadzhiev Kh.I. Protection of privacy in the digital age. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*. 2019;(6):5–20. (In Russ.)

2. Dvoryankin O.A. Osint, pentest and netstalking. *Informacionnye tekhnologii internet = Information technologies of the Internet*. 2022;2(84):6–13. (In Russ.)

3. Alikhadzhiyeva I.S. Criminological risks of personal data: main trends and forecasts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(3):90–101. (In Russ.)

4. Gavrilidi N.G. The right to judicial protection of the honor, dignity and good name of the deceased suspect (accused), defendant as an element of the constitutional right to a fair trial. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2011;(3):17–22. (In Russ.)

5. Gavrilov M.A. Institute of procedural succession in criminal proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*. 2018;(11):49–52. (In Russ.)

6. Pinchuk A P., Reshetnikov G. E. Some aspects of protecting the right to privacy of a citizen. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2019;12(4):119–122. (In Russ.)

7. Nurbalaeva A.M. Peculiarities of evidence in cases on the protection of privacy. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2021;(2):86–92. (In Russ.)

8. Gadzhialieva N.Sh. Subject of evidence in civil cases on the protection of privacy. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2022;(1):104–108. (In Russ.)

9. Novikov R.V. Legal regulation of the protection of information related to the private life of citizens in civil and personal data legislation. *Ex jure.* 2020;(2):64–71. (In Russ.)

10. Gavrilov E.V. The good memory of a deceased person as an intangible good in the Civil law of the Russian Federation and foreign countries. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2014;(9):39–47. (In Russ.)

11. Lomovceva Ya.R. Features of the protection of personal non-property rights after the death of a citizen. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Science.* 2023;(3-2):203–206. (In Russ.)

12. Patrusheva A.A. Criminal procedural succession of the rights of the deceased participant in criminal proceedings. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*. 2020;(1):140–147. (In Russ.)

13. Parygina N.N. On the problem of succession in relation to business reputation and other intangible benefits. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2016;(8):91–94. (In Russ.)

14. Egorov N.D. The concept of civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of civil law*. 2012;(4):42–65. (In Russ.)

15. Gukasyan R.E. Legal protection of the memory of the dead and the subject of judicial Protection. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 1973;(1):61–66. (In Russ.)

16. Tolstoy V.S. Personal non-property legal relations. Moscow: Elite; 2006. 209 p. (In Russ.)

17. Maleina M.N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection. Moscow: MZ Press; 2001. 244 p. (In Russ.)

18. Yaroshenko K.B. Civil law protection of honor and dignity. *Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva = Problems of improving Soviet legislation*. 1989;(3):72–84. (In Russ.)

19. Belov V.A. (ed.). Civil law: actual problems of theory and practice. Moscow: Yurajt; 2009. P. 634–639. (In Russ.)

20. Bogdanov E.V. Problem of preservation ("leaving after life") of rights and obligations of the deceased citizen. *Advokat = Advocate*. 2015;(8):27–31. (In Russ.)

21. Popova I.Y. On the definition of the subject of evidence in cases on the protection of the privacy of a citizen. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya*: *Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;12(6):37–49. (In Russ.)

22. Romashov P.A. On the issue of the right to privacy in the digital age. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac.* 2019;(2):103–118. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Устинов Вадим Дмитриевич, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vadim4697@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-5958-768X

Vadim D. Ustinov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vadim4697@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-5958-768X

Коротких Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773

Olga A. Korotkih, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.3/7

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-161-176

(cc) BY 4.0

Некоторые проблемы адаптации мигрантов в контексте криминологического анализа предупреждения преступлений (на примере Курской области)

В. Е. Новичков[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье представлены современные данные, указывающие на те условия адаптации мигрантов, которые могут побуждать их к совершению правонарушений, а также на те факторы, которые влияют на эффективность предупреждения преступлений в сфере миграции. Установлено, что уровень доверия общественности к качеству адаптации иностранцев в современное социально-культурное пространство падает, а отдельные факторы резко повышают как уровень мигрантофобии со стороны населения, так и дестабилизируют криминогенную обстановку страны.*

Целью *исследования является дополнение научного знания в части определения факторов, влияющих на: эффективную адаптацию мигрантов, уровень их криминогенности и оперативность предупреждения преступности в сфере миграции.*

Задачи*: провести криминологический анализ процессов социальной адаптации мигрантов и оценить уровень их интеграции в российское общество; определить отношение российского населения к мигрантам и уровень мигрантофобии, а также преступности в сфере миграции на примере Курской области.*

Методология. *При написании научной статьи применялись универсальные методы познания социальных процессов (диалектический, системно-структурный, обобщения и др.) и частные методы (анализ, синтез, статистический метод, методы включенного наблюдения, опроса и компьютерного обобщения платформой IBM SPSS Statistics).*

Результаты *исследования позволили идентифицировать ранее не учитываемые факторы риска, а также определить факторы адаптации мигрантов в России, которые влияют на процессы интеграции, порождающие негативное отношение населения к мигрантам, в том числе в связи с совершением преступлений.*

Вывод. *Современное российское общество столкнулось с неготовностью в полной мере воспринимать мигрантов как равноправных себе социальных акторов. Данный феномен сигнализирует о возможном нарастании в ближайшем будущем мигрантофобии и включенности мигрантов в совершение деяний общественно опасного характера.*

Ключевые слова: *миграция; мигранты; иностранные граждане; лица без гражданства; мигрантофобия; адаптация; интеграция; предупреждение преступлений.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Новичков В. Е. Некоторые проблемы адаптации мигрантов в контексте криминологического анализа предупреждения преступлений (на примере Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 161–176. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-161-176

Поступила в редакцию 19.03.2024 Принята к публикации 03.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Новичков В. Е., 2024

Some problems of adaptation of migrants in the context of criminological analysis of prevention crimes (using the example of the Kursk region)

Valery E. Novichkov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article presents modern data indicating those conditions of adaptation of migrants that may encourage them to commit crimes, as well as those factors that influence the effectiveness of crime prevention in the field of migration. It has been established that the level of public confidence in the quality of adaptation of foreigners to the modern socio-cultural space is falling, and certain factors sharply increase both the level of migrant phobia on the part of the population and destabilize the crime situation in the country.*

The purpose *of the study is to complement scientific knowledge in terms of identifying factors influencing: the effective adaptation of migrants, their level of crime and the efficiency of crime prevention in the field of migration.*

Objectives: *conduct a criminological analysis of the processes of social adaptation of migrants and assess the level of their integration into Russian society; determine the attitude of the Russian population towards migrants, using the example of the Kursk region and the level of migrant phobia, as well as crime in the field of migration.*

Methodology. *When writing a scientific article, universal methods of cognition of social processes (dialectical, system-structural, generalizations, etc.) and specific methods (analysis, synthesis, statistical method, methods of participant observation, survey and computer generalization using the IBM SPSS Statistics platform) were used.*

The results *of the study made it possible to identify previously unaccounted for risk factors, as well as to determine factors of adaptation of migrants in Russia that influence integration processes that generate negative attitudes of the population towards migrants, including in connection with the commission of crimes.*

Conclusion. *Modern Russian society is faced with an unwillingness to fully perceive migration as equal social actors. This phenomenon signals a possible increase in the near future of migrant phobia and the involvement of migrants in committing acts of a socially dangerous nature.*

Keywords: *migration; migrants; foreign citizens and stateless persons; migrant phobia; adaptation; integration; crime prevention.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Novichkov V.E. Some problems of adaptation of migrants in the context of criminological analysis of prevention crimes (using the example of the Kursk region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):161–176. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-161-176

Received 19.03.2024 Accepted 03.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Нарастающая миграционная активность в Российской Федерации влечет с собой как позитивные, так и негативные взаимовлияния на различные аспекты жизнедеятельности людей, в том числе вызывая критические производные (эксцессы, правонарушения и преступления) [1, с. 8–10].

Изучение текущей криминологической конъюнктуры последних лет, связанной с проблемой разбалансировки коммуникаций между мигрантами и гражданами страны, показало, что данная тема стала чувствительной точкой напряжения, тревожащей современное

российское общество. Аббернантное и иное ненормативное поведение иностранных граждан и лиц без гражданства становится центральным предметом изучения и обсуждения политиками, учеными, правоприменителями и гражданами России [3, с. 327–337; 4, с. 193–199].

В одном случае миграция, характеризуясь с позитивной стороны, частично компенсирует убыль населения России, способствует культурному и образовательному обмену, экономическому развитию, а также укреплению международных отношений, повышает инновационный потенциал страны, содействует индустрии путешествий, росту туризма и укреплению социально-гуманитарных связей между странами.

В другом случае внутренние противоречия в миграционной среде и различное внешнее воздействие может оказывать негативное влияние на общество, в которое вливаются иностранные граждане и лица без гражданства [2, с. 217–225].

Качество миграции имеет решающее значение не только для демографической ситуации в стране, но и для социального фона преступности. К примеру, неконтролируемый и незаконный приток мигрантов (низкооплачиваемых) может привести к увеличению конкуренции на рынке труда и повышению уровня безработицы среди местного населения. Это может вызвать социальное и экономическое напряжение и в конечном итоге привести к увеличению числа конфликтов, а затем и к совершению преступлений. Тем не менее важно отметить, что миграционные факторы являются условными и не всегда действуют постоянно. Их влияние на криминогенную обстановку зависит от их величины и глубины проявления в обществе [3, с. 327–337].

Методология

При написании научной статьи системно использовались: всеобщие методы познания (диалектика и ее основополагающие принципы), с помощью которых изучалась миграция как общественный феномен и анализировались всеобщие процессы адаптации мигрантов; общенаучные методы (анализ литературы, прессы и иных сведений по теме исследования, изучение и обобщение данных, наблюдение и т. д.), которые позволили объединить факты о различиях адаптации мигрантов в одно целое (синтез) и рассуждать о них, переходя от частных факторов адаптации к наиболее общим (индукция), и, наоборот, делать вывод на основе исследования общих факторов адаптации людей в обществе к частным, – факторам адаптации мигрантов (дедукция); частнонаучные методы (анкетирование, интервьюирование (опрос), контент-анализ документов, статистический и экстраполирование, факторный метод, использование электронных методик (IBM SPSS Statistics и др.), опираясь на которые были опрошены (интервьюированы, анкетированы) 1500 граждан Курской области и 175 мигрантов, а также иностранных граждан, временно проживающих в регионе, проведен контент-анализ документов, прессы и иных сведений, расположенных в информационно-коммуникационных сетях и Интернет, обобщены собранные статистические и иные данные с помощью компьютерной программной платформы IBM SPSS Statistics.

Результаты и их обсуждение

Данные статистических наблюдений показывают, что население России последние годы неизменно сокращается в среднем на 0,30%. В 2023 г. население страны составило 146,2 млн человек и уменьшилось на 243,3 тыс. человек, или на 0,17%, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года.

В 2023 г. продолжал наблюдаться миграционный прирост населения России, который, однако, лишь на 44,5% восполнил демографические потери. Общие итоги миграции в Российской Феде-

рации в 2023 г. составили: число прибывших – 3 737 917 чел., убывших – 3 542 860 чел., прирост – 195 057 человек[1]. Согласно этим данным пропорция иностранных граждан и лиц без гражданства к общему населению России составляет примерно 11 мигрантов на каждые 100 млн жителей Российской Федерации.

По решению территориальных подразделений МВД РФ в 2022 г. временное убежище официально было предоставлено 92 988 человек, статус беженца получили 8 человек, статус вынужденного переселенца распространился на 14 человек. К концу 2023 г. 5401 человек на территории нашей страны получили временное убежище, 13 человек – статус беженца и 54 человека получили статус вынужденного переселенца. Больше всего беженцев из Афганистана – 161 чел. и Украины – 19 человек [2].

В 2023 г. наибольшее число иностранных граждан и лиц без гражданства прибыли в Россию из Таджикистана (156 930 тыс. чел.), Кыргызстана (49 582 тыс. чел.), Армении (44 851 тыс. чел.), Казахстана (44 177 тыс. чел.) и Узбекистана (40 549 тыс. чел.). Из общего количества мигрантов, прибывших с целью трудоустройства, 87% – представители вышеназванных государств. До недавнего времени главным миграционным донором России каждый год считалась Украина. После начала в 2022 г. специальной военной операции общее число прибывших в нашу страну из Украины граждан резко сократилось: с 6,6 млн чел. в 2019 г. до 47325 тыс. чел. в 2023 г.[2]

Оговорим, что в ходе проведения исследовательских работ определять количественно-качественный этнический состав мигрантов затруднительно, т. к. после 2007 г. такие данные государственными структурами России больше не собираются, а учитывается лишь гражданство мигрантов (например, гражданин Узбекистана или гражданин Таджикистана, но не русский гражданин Узбекистана или украинец гражданин Таджикистана).

В целом миграция как социальное явление имеет сложную, многоаспектную, многогранную и конфликтную природу, определенным образом влияющую на криминальную обстановку в принимающей стране, в том числе в Российской Федерации.

Исследования в области миграции и преступности показывают, что существует тесная связь между этими двумя явлениями. Это означает, что изменения в миграционном потоке могут оказывать влияние на уровень преступности в стране либо её определенном регионе [4, с. 197].

Одной из причин такой зависимости может быть социальная дезадаптация (дезорганизация), которая возникает в результате большого количества мигрантов, скопившихся на определенной территории, в определенном районе. Новые люди, приезжающие из других стран или регионов, могут столкнуться с трудностями в адаптации к новой среде, что может привести к повышенной напряженности и конфликтам. Однако следует отметить, что корреляционная зависимость не означает причинно-следственную связь, т. е. миграционный поток не является единственной причиной уменьшения или увеличения преступности. Для полного понимания этой проблемы необхо-

[1] Социально-экономическое положение России: 2023 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2023.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

[2] Социально-экономическое положение России: январь-октябрь 2023 года. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-10-2023.pdf (дата обращения: 28.02.2024).

[2] Социально-экономическое положение России: 2023 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2023.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

димо учитывать и другие факторы, такие как социально-экономический статус, менталитет, язык, образование, культура, и т. д. В любом случае важно учитывать влияние миграционного потока на уровень преступности при разработке политики и стратегий по борьбе с преступностью и её предупреждением [5, с. 173].

Из сказанного следует, что одним из проблемных вопросов в определении причинности преступности мигрантов являются факторы социальной адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства или, точнее, её ненадлежащее осуществление. Сочетание отсутствия официального статуса, низкого уровня образования, квалификации, языкового барьера и многого другого делает мигрантов особенно уязвимыми перед преступными элементами, которые часто выступают их нанимателями или посредниками либо представителями общин, землячеств, диаспор и т. п.

В январе 2024 г. Следственным комитетом Российской Федерации по г. Москве в отношении главы узбекского объединения земляков Усмана Баратова было возбуждено уголовное преследование. У. Баратов публично, в том числе и в интернете, нелицеприятно комментировал участие России в СВО и унижал человеческое достоинство её участников, высказывал своё ненавистническое отношение к русским как нации и др. Действия У. Баратова были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК как действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет[1].

Петр Толстой (вице-спикер Государственной думы РФ), комментируя этот инцидент и сходные случаи, вынужден был отметить, что подобные землячества мало чем отличаются от организованных преступных сообществ западных стран, когда «отмазывают» собственных боевиков, «крышуют» полулегальный бизнес и запугивают всех остальных. Во избежание подобных негативных проявлений в нашей стране все должны следовать нормам российского законодательства и поведения[2].

Несовпадение культурных ценностей, различия в языке, обычаях и манерах поведения предопределяют возможности возникновения социальной напряженности и конфликтов. В свою очередь, отсутствие понимания и терпимости со стороны российского общества лишает мигрантов возможности нормальной социализации и интеграции в российское общество, способствуя развитию криминальной среды. Этот фактор также усиливает проявления ксенофобии, мигрантофобии, национализма и шовинизма в современном российском обществе, что имеет крайне негативное влияние на межнациональные и межконфессиональные отношения.

Проведенные нами опросы жителей Курской области по проблемам коммуникабельности и адаптивности мигрантов[3]

[1] В Москве возбуждено уголовное дело в отношении Усмана Баратова // Главное Следственное управление Следственного комитета Рос. Федерации по городу Москва: сайт. 2024. 18 янв. URL: https://moscow.sledcom.ru/news/item/1854441/anti_corruption/Normativnie_pravovie_akti_i_inie_ak-ti_v (дата обращения: 04.03.2024).

[2] Петр Толстой // Telegram. 2024. January 17. URL: https://t.me/petr_tolstoy/1980 (дата обращения: 04.03.2024).

[3] В исследовании приняли участие 1675 респондентов: 1500 местных жителей, граждан различных социальных слоёв (рабочих различных специальностей, безработных, домохозяек, пенсионеров, учащихся в возрасте от 18 до 70 лет и др.) и 175 мигрантов – рабочих, служащих, студентов и учащихся. Выборка квотная, двухступенчатая (по полу

показали, что около 79% опрошенных, без всяких видимых оснований, негативно относятся к мигрантам. 77% опрошенных негативно и даже с осторожностью относятся к молодым иностранцам (от 18 до 35 лет), в том числе обучающимся в учебных заведениях Курской области, 64% респондентов отрицательно оценивают поведение женщин-мигрантов и их детей.

В то же время до 86% населения Курской области боятся мигрантов, полагая, что последние склонны к совершению преступлений против личности, общественного порядка и общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности. 58% жителей региона полагают, что иностранцы, имеющие автомобили, предрасположены не только к нарушению правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, но также к совершению имущественных, имущественно-корыстных и иных преступлений, т. к. они достаточно мобильны. До 89% респондентов полагают, что большая часть мужчин-мигрантов склонны к совершению общественно опасных деяний, связанных с незаконным применением холодного и огнестрельного оружия, наркотических средств и сильнодействующих веществ. Особое недовольство у респондентов вызывают: нарушение отдельных этических норм поведения в обществе, как правило, вызывающее (демонстративное) поведение мигрантов в общественных местах (91%), демонстрация уникальности собственной культуры и обычаев над российскими (85%), пренебрежительное поведение в общении с женщинами и сверстниками (82%), несдержанность и вспыльчивость (79%); слабая самокритичность (87%), недостаточные знания русского языка и истории России (67%), непривычный внешний облик «чужестранца» и небрежный неприглядный вид (41%).

В настоящее время (март 2024 г.) в Челябинске проводится судебное заседание над группой лиц – граждан Таджикистана по делу о групповом убийстве (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ) 17-летнего подростка, местного жителя. Год назад, вечером 9 апреля, до десятка несовершеннолетних и взрослых встретились у развлекательного комплекса города, чтобы обсудить переписку в Интернете, где звучали оскорбления в сторону друг друга. Молодые люди желали установить первоначальный факт оскорблений и того, кто эти оскорбления нанёс. В результате выяснения отношений завязалась драка и один из участников, мигрант, нанес удар ножом другому участнику, 17-летнему гражданину России, в результате чего последний скончался. Следователи выяснили, что в драке участвовало 7 граждан Таджикистана, один из которых после инцидента бежал из России, а остальные были задержаны и заключены под стражу.

В зале суда извинений и раскаяний от подсудимых не прозвучало, вину свою в убийстве обвиняемые не признали, напротив, подсудимые вели себя дерзко и грубо, угрожали журналистам и присутствующим в суде, а перед окончанием судебного заседания двое из них (в один голос) заявили: «Прошу меня депортировать или освободить!»[1].

При обсуждении «наплыва» новых мигрантов и возможных проблем их адаптации были выявлены потенциальные опасности, связанные с этим процессом и тревожащие население страны.

и возрасту), доверительная вероятность определялась компьютерной статистической программной платформой IBM SPSS Statistics (URL: https://www.ibm.com/products/spss-statistics) и составила 95%, доверительный интервал ±5%.

[1] Таджики убили школьника «во время разборок?». Отец бандитов плакал, а они смеялись в клетке // Царьград. 2024. 6 марта. URL: https://ug.tsargrad.tv/news/tadzhiki-ubili-shkolnika-vo-vremja-razborok-otec-banditov-plakal-a-oni-smejalis-v-kletke_969562 (дата обращения: 12.04.2024).

Среди обсуждаемых проблем наиболее часто выделяют: а) повышение цен на продукты питания и широкого потребления – 90%; б) незаслуженное выделение «компенсационных пакетов и пособий»[1], а именно: 1) предоставление услуг в области образования, здравоохранения, социального обслуживания и занятости (61%); 2) предоставление пособий на обустройство, в том числе ч. в связи с выбором «приоритетного региона, на семью мигранта (97%); 3) возмещение трат на оформление документов, оплата проездных документов (65%), приоритетное выделение временного жилья (89%); 4) конфликты, связанные с различиями в ментальности или ценностях (62%) [6, с. 13].

Эти факторы (замедляющие адаптацию и интеграцию мигрантов) не могут не оказывать негативного влияния на жизнь граждан России и не провоцировать деформации в общественных отношениях с мигрантами.

Более 70% опрошенных полагают, что стоит ограничить приезд (переезд) мигрантов (определенных национальностей) в Россию. Респонденты высказались против приезда в нашу страну иммигрантов: из Закавказья (Азербайджанская Республика, Республика Армения и Республика Грузия) – 34%; Украины – 32%, Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан) – 26% и других государств – 8%.

В то же время 22% опрошенных жителей Курского региона отметили, что очевидного разрыва и отчуждения в пассионарности между приезжими иностранцами и российскими гражданами нет. Как позитивные черты их характера и поведения респонденты подчеркнули: уважение младших к пожилым людям, к представителям органов власти – 43%, вариативность этнического образа жизни и быта – 37%, способность откликаться для оказания (и оказывать) помощь окружающим, попавшим в неблагоприятную бытовую ситуацию –13% и др.

В производственной деятельности 58% респондентов оценивают мигрантов как добросовестных исполнителей; 39% опрошенных характеризуют иностранцев как хороших специалистов; 27% интервьюированных определяют мигрантов как достойных коллег по работе.

Современная дискуссия, развернувшаяся в России по проблеме адаптации мигрантов и их предрасположенности к совершению преступлений, показывает неоднозначность поступающей и анализируемой информации по поводу проживающих и работающих в России иностранных граждан и лиц без гражданства [7, с. 110]. В сообщениях информационно-телекоммуникационных сетей мигранты выступают источником многих трудностей и разногласий в обществе, хотя, в сущности, их воздействие на российскую действительность незаметно и незначительно. Впрочем, ученые полагают, что не следует и отрицать того, что «излишки» в реализации политики адаптации мигрантов в России определенным образом влияют на развитие криминогенной ситуации и создают достаточно «осязаемый» криминальный «фон» [8, с. 47].

[1] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 16.04.2024); О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666: [ред. от 15.01.2024] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата обращения: 16.04.2024); Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2019-2021 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2018 г. № 2985-р // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://lega-lacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-28122018-n-2985-r-o-plane/ (дата обращения: 01.03.2024).

В научных исследованиях последних лет, в социальных сетях и Интернете отмечают, что вместо квалифицированных кадров из-за границы в Россию приезжают всё менее образованные, квалифицированные и профессиональные кадры[1], «в лучшем случае курьеры и разнорабочие, а в худшем – бандиты»[2]. Например, в 2021 г. общественность взволновал тот факт, что в стране было принято распоряжение о привлечении граждан Узбекистана на строительные площадки инфраструктуры космодрома «Восточный»[3]. Однако известно, что в настоящее время большинство мигрантов не имеют высокой квалификации и специальностей, вследствие чего они заняты в сферах, где требуется низкоквалифицированный или неквалифицированный труд, который не пользуется спросом среди россиян. Строительство космодрома «Восточный» вполне могло бы быть реализовано за счет строителей – граждан России [9, с. 49].

Из этого случая следует, что мигранты скорее должны дополнять, чем замещать российских профессиональных рабочих. Считается также, что мигранты не стремятся форсировать события, связанные с адаптацией и интеграцией в российское общество. Напротив, они пытаются создать изолированные микрорайоны сосредоточения, со своими сообществами, своими квазиправилами, собственным контролем, национальными землячествами и другими объединениями, связанными круговой порукой и т. п. Иностранцы, проживающие в подобных сообществах, часто нарушают общественное спокойствие местных жителей, создают угрозу общественной безопасности, склонны к совершению правонарушений и преступлений. В силу названных и иных причин совершенные ими преступления, как правило, раскрываются и расследуются с трудом, а уровень их латентности (миграционных преступлений) достаточно высокий [10, с. 57]. Мигранты живут довольно келейно, а порой тотемно и закрыто. Они редко сообщают о преступных деяниях, совершаемых в отношении соотечественников, но привлеченные в уголовный процесс часто меняют свои показания, лжесвидетельствуют и в любое время могут покинуть Россию[1].

Ещё одним фактором, влияющим на процесс адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства, на который следует обратить внимание при профилактике преступлений, является «демографический», а именно возраст мигрантов. Речь идет о том, что современная миграция в России представлена молодыми людьми по большей части из стран ближнего зарубежья (СНГ). Прибывшие в нашу страну молодые мигранты, как правило, родились уже после распада единой для их ближайших предков страны – СССР, вследствие чего у них с россиянами отсутствуют общекультурные и идейные идентификаторы (в отличие от своих родителей, имевших в своё время тесную связь с нашей страной). Эти молодые лица до эмиграции (большей частью): 1) проживали в провинциальных, малона-

[1] Региональная экономика: комментарии ГУ. 2023. № 17. URL: http://www.cbr.ru/ Collection/Collection/File/43707/report_01022023.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

[2] Вместо специалистов – рабочие руки: России без мигрантов не прожить? // Царьград. 2024. 1 марта. URL: https://vk.com/wall-75679763_6676262?ysclid=lta1yzilnw843933869 (дата обращения: 02.03.2024).

[3] Миронова А. Если мигранты так опасны, что им нужны геномные паспорта, может, просто их не впускать? // Яндекс.Дзен: сайт. URL: https://dzen.ru/a/YX-0tB7rIk3hSMuL (дата обращения: 02.03.2024).

[1] Никитская А. «Мера направлена на обеспечение безопасности граждан»: экссотрудник МВД о геномной регистрации мигрантов // Радио «Комсомольская правда». 2021. 3 нояб. URL: https://radiokp.ru/obschestvo/mera-napravlena-na-obespechenie-bezopasnosti-grazhdan-eks-sotrudnik-mvd-o-genomnoyregistracii_nid499391_au51752au?ysclid=lta2loi8ft696149029 (дата обращения: 02.03.2024).

селенных городах и посёлках (со свойственным таким поселениям укладом жизни), в иных малых урбанистических пространствах; 2) слабо изучали или вовсе не изучали русский язык, литературу и русскую историю [11, с. 75]; 3) являются обладателями пассионарных (естественных) физио-психических, индивидуально-психологических свойств, характерных для конкретного этноса (слабокритичны, вспыльчивы и т. п.) [12, с. 48]; 4) относятся к иным социально-психологическим уровням, непонятным для многих россиян «конфессиональным и религиозным общностям»; 5) по иному понимали формирование адекватных межличностных взаимодействий и национально-этнической среды и т. д. [13, с. 77–78].

Следует обратить внимание на то, что разница между конфессиональными и религиозными верованиями у россиян и иностранных граждан-мигрантов может проявляться в различных аспектах, и эта разница может стать источником серьёзных конфликтов.

В некоторых случаях, конфликты могут быть вызваны непониманием и незнанием религиозных обычаев и традиций другой стороны. Недостаток толерантности и уважения к различным религиям и обычаям может привести к непониманию и конфронтации. Некорректное обращение друг к другу, основанное на предубеждениях или стереотипах, также может способствовать проявлениям разногласий. Конфликты могут возникнуть также из-за проблем с местом практики религиозных обрядов. Недостаток доступных святынь и молитвенных мест для мигрантов, а также ограничения или требования к определенным религиозным практикам, установленные властями или обществом, могут вызывать недовольство и споры. Политические конфликты и социальные напряжения также могут повлиять на конфессиональные и религиозные различия.

Из результатов исследования, проведенного Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН) среди мигрантов, вытекает, что 43,4% иностранных граждан и лиц без гражданства отдают предпочтение мусульманским законам жизни (шариат), чем светским установлениям принимаемой страны. 44% опрошенных мигрантов обосновывают это тем, что законы шариата наиболее идентичны светским законам, установленным на их родине, следовательно, они более комфортны для них и их исполнения. 24% интервьюированных считают возможным отстаивать право следовать законам шариата ненасильственными протестами: собраниями, объединениями, демонстрациями, лоббированием и др., но при определенных обстоятельствах 15,3% мигрантов могли бы принимать участие по этому поводу и в незаконных политических мероприятиях[1].

Ситуационный центр Федерального агентства по делам национальностей отмечает, что в России ежедневно регистрируют около 80 новостных материалов, которые искажают отношения между различными национальностями, народами, межконфессиональными и религиозными группами. При этом соответствующий Центр ежегодно мониторит около 300 тыс. информационных ресурсов и анализирует около 7 млн различных данных, выявляя в них так называемые «информационные поводы», крайне негативно воздействующие на межнациональные отношения в стране. Так, в конце 2023 г. по «информационным поводам», содержащим призывы к действиям, направленным на возбуждение ненависти либо вражды, к национальности, языку, религии, в отношении мигрантов и других категорий иностранных граждан, правоохранительными органами во взаимодей-

[1] Назван процент не желающих жить по российским законам мигрантов // Lenta.ru. 2023. 20 сент. URL: https://lenta.ru/news/2023/09/20/notwant/ (дата обращения: 05.03.2024).

ствии с межведомственными ФАДН было возбуждено 97 уголовных дел и 141 административных производств[1].

В публичных высказываниях Президент Российской Федерации Владимир Путин неоднократно подчеркивал необходимость обеспечения комфортной среды для граждан России путем контроля над притоком иностранных граждан. По его словам, необходимо, чтобы иностранные граждане, прибывающие в принимающую страну, были знакомы с традициями, обычаями и законами России и при этом национальные интересы российских граждан должны превалировать над желаниями мигрантов. Кроме того, президент считает, что в стране следует создавать адаптационные центры для мигрантов, а работу по их социокультурной адаптации нужно начинать еще на их родине[2].

Основной вывод из сказанного выше заключается в том, что граждане России, не без оснований, относятся с осторожностью к прибывающим в нашу страну иностранцам. При этом общественное мнение россиян выступает «лакмусовым» индикатором уровня общественного сознания, проявляющего общественное представление или суждение либо установку по отношению к мигрантам, которое может порождать как лояльность, так и мигрантофобию.

Мигрантофобия – это взаимозависимый процесс негативной адаптации иммигрировавших иностранных граждан и общества, принимающей страны, который представляет опасность как для местного населения, так и для мигрантов. Это проявление дезадаптации, при котором взаимная здоровая адаптация отсутствует или происходит вяло и с большим количеством социальных препятствий. В сою очередь, негативное воздействие факторов, влияющих на адаптацию иностранных граждан и лиц без гражданства, осложняют процессы интеграции мигрантов в российское общество и обусловливают ухудшение криминальной обстановки в стране[3].

В течение пяти лет (с 2018 по 2022 г.) количество преступлений в сфере миграции менялось по синусоидальной кривой: снижалось в течение трех лет, а затем росло в течение двух лет. В 2018 г. было зарегистрировано 38 598 тыс. преступлений (снижение на 6,0%, доля в общем количестве преступлений составляла 3,5%), в 2019 г. – 34 917 тыс. преступлений (снижение на 9,5%, доля 3,3%), в 2020 г. – 34 400 тыс. преступлений (снижение на 1,5%, доля 3,3%), в 2021 г. – 36 420 тыс. преступлений (рост на 5,9% и увеличение доли до 3,5%), в 2022 г. – 40 154 тыс. преступлений (рост на 10,3% и увеличение доли до 3,9%) [14, с. 18–32].

По официальным данным МВД РФ, в 2023 г. миграционная преступность продолжила снижаться и составила

[1] ФАДН ежедневно фиксирует в РФ 80 негативных для межнациональных отношений инфоповодов // ТАСС. 2023. 3 нояб. URL: https://tass.ru/obschestvo/19194475 (дата обращения: 05.03.2024).

[2] Путин ответил на вопрос о ввозе в Россию миллионов мигрантов // Lenta.Ru. 2023. 12. сент. URL: https://lenta.ru/news/2023/09/12/migr/; Президент услышал патриарха: мигрантов ждут серьёзные перемены // Первый русский. 2023. 5 дек. URL: https://ug.tsargrad.tv/articles/prezident-uslyshal-patriarha-migrantov-zhdut-serjoznye-peremeny_922347; Путин на расширенной коллегии МВД о миграции // Телеграмм. 2023. 20 марта. URL: https://t.me/nash_prezident_putin/ 86943 (дата обращения: 05.03.2024).

[3] Президент: Все мигранты должны уважать российские законы и традиции // Парламентская газета. 2023. 14 дек. URL: https://www.pnp.ru/social/detey-migrantov-budut-adaptirovat-dlya-ucheby-v-rossiyskikh-shkolakh.html (дата обращения: 02.03.2024); Круглый стол Комитета по делам национальностей на тему «Социальная и культурная адаптация и интеграция иностранных граждан в Российской Федерации» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: сайт. URL: http://duma.gov.ru/multimedia/photo/85974/ (дата обращения: 02.03.2024).

38 936 общественно опасных деяний, что на 3% преступлений меньше, чем за 2022 г. За этот же период гражданами государств-участников СНГ на территории Российской Федерации было зарегистрировано 32 508 преступления, что на 12,4% меньше, чем в 2022 г. Удельный вес при этом составил 0,7%[1].

В 2022 г. на территорию Курской области прибыло иностранных граждан в количестве 17 305 человек, что на 0,8% больше, чем в 2021 г. Количество уезжающих мигрантов в 2022 г. увеличилось на 23,0% и составило 19012 человек. Отток населения Курской области в 2022 г. составил 1707 человек. Миграционный баланс Курской области внутри Российской Федерации остается отрицательным на протяжении двух последних лет (1963 человека в 2021 г. и 2624 человека в 2022 г.) [15, с. 168].

Международная миграция является источником роста населения Курской области. Этот процесс характеризуется положительным балансом миграции: в 2021 г. он составил 3661 человек, а в 2022 г. – 917 человек. Наибольшее количество мигрантов приезжает из стран СНГ и к началу 2023 г. их число увеличилось на 17,3%. Основные страны-источники мигрантов – Украина (51,4%), Таджикистан (11,9%), Армения (10,2%) и Узбекистан (7,2%)[2].

Проведенное нами региональное исследование показателей правонарушений мигрантов показало, что в 2022 г. в Курской области было зарегистрировано 134 нарушения в сфере миграции, что на 28,7% меньше, чем в 2021 г. Среди них было 46 преступлений против личности, или на 19,3% меньше, чем за аналогичный период предшествовавшего года, и 53 случая кражи чужого имущества. Доля преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (в общем объеме всех совершенных преступлений), составила 1,8%.

Социальные, научные и другие исследования в области выявления проблем адаптации мигрантов в контексте криминологического анализа предупреждения преступлений также свидетельствуют о том, что: 1) процессы, связанные с урегулированием социальной адаптации мигрантов, представляют собой как прямые, так и косвенные интересы государства, общества и граждан России; 2) социальная адаптация мигрантов остается важным и непростым аспектом в процессе их интеграции из-за относительно низкого демографического уровня и нехватки рабочих рук в стране [16, с. 76]; 3) акцентуация на задаче переезда в страну высококвалифицированных и образованных кадров иностранных граждан и оказание в связи с этим для них максимальных социально-экономических благ и привилегий обусловили недовольство граждан страны, полагающих, что они несправедливо обделены социальным вниманием [17, с. 85–89]; 4) миграция, являясь, прежде всего, демографическим и социально-экономическим ресурсом, недооценена, с точки зрения всего имеющегося у неё потенциала и возможностей самостоятельного решения многих проблем, связанных с социальной адаптацией [18, с. 82]; 5) злоупотребления самостоятельностью в выборе форм и методов социальной адаптации, выражающейся в том числе в ненадлежащем поведении части мигрантов, породили высокий уровень «мигрантофобии» в обществе и усилили межэтническую дифференциацию [19, с. 114]; 6) медиателекоммуникационные сети, по сути, присвоили себе право формировать (дозировать) оперативную информацию о ситуациях с миграци-

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. М., 2024. 63 с.

[2] Миграция населения Курской области // Курскстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области: сайт. URL: https://46.rosstat. gov.ru/news/document/210150 (дата обращения: 01.03.2024).

ей и выражать общественную точку зрения по вопросам адаптации мигрантов; государство не вполне эффективно реагирует на складывающуюся криминогенную ситуацию, создаваемую иностранцами и лицами без гражданства, и не предупреждает правонарушения и преступления в миграционной сфере в полной мере; 7) предупреждение правонарушений, преступлений и иных эксцессов в миграционной сфере до настоящего времени не является приоритетным в государственном регулировании социальной адаптации иностранцев и лиц без гражданства [20, с. 130].

Названные выше аспекты оказывают сдерживающее влияние на плавный ход социальной адаптации мигрантов и детерминируют различные негативные последствия, связанные с адаптационными процессами, как то: криминологическую напряженность в обществе и преступность в миграционной сфере.

Выводы

Подводя итог, ещё раз подчеркнем то, что социальная адаптация мигрантов представляет собой сложный и многогранный процесс, который тесно связан с различными аспектами и факторами, включая экономические, социокультурные, правовые, криминологические и иные. В контексте преступности и её предупреждения в миграционной сфере существует несколько основных аспектов, определяющих степень их (факторов) влияния.

Первым фактором, влияющим на адаптацию, и следовательно, на который можно влиять при предупреждении преступлений в миграционной сфере, является недостаток равных экономических возможностей между иностранцами и гражданами принимающей страны (различия в предложении труда и спросе на него). Многие мигранты приезжают в поисках лучшей жизни, улучшения своего материального положения и получения ожидаемой выгоды от разницы в заработке. Однако не все из них имеют доступ к законным способам заработка и достаточному уровню заработной платы в стране, в которую они прибыли. Это может приводить к созданию ситуации экономической нестабильности для них и их семей, несправедливых условий труда и недостатку социального обеспечения. В таких условиях мигранты могут быть вынуждены вступать в нелегальные занятия с целью выживания, что способствует их включенности (участия) в ту или иную преступную деятельность.

Следовательно, мы можем утверждать, что одним из аспектов социальной адаптации, требующим вмешательства, является равный и свободный доступ мигрантов к трудовым рынкам, наличествующим в стране, их принимающей. В свою очередь, предоставление мигрантам возможностей для трудоустройства и профессионального развития позволяет им скорейшее интегрирование в общество, становление финансовой независимости и укрепление чувства собственного достоинства. По сути, заработок, получаемый мигрантами законным путем, одновременно является профилактической мерой возможного совершения ими общественно опасных деяний из-за финансовых трудностей или «безденежья».

Вторым важным аспектом является социокультурная дезадаптация иностранцев и лиц без гражданства. Приезжая в новую страну, мигранты сталкиваются с рядом сложностей, связанных с языковыми, культурными традиционными и иными различиями. Это может создавать чувство изоляции, непонимания и отчуждения, особенно в случае, когда мигранты оказываются в единокультурной общине или живут в закрытом эмигрантском сообществе. Такие условия могут стать потенциальным источником конфликтов, вовлечения в криминальные группировки или совершения насильственных преступлений.

Отметим также, что и образование является фундаментом для успешной

адаптации мигрантов в новой культуре и обществе. Предоставляя им доступ к качественному образованию, мы не только помогаем им освоить язык и культуру страны, но также предоставляем возможность изучить правила и законы, соблюдение которых является основой социального порядка. Образование также развивает критическое мышление, эмоциональную устойчивость, интеллектуальность и способность к разрешению конфликтов мирным путем.

Третий аспект, связанный с адаптацией и учитываемый в ходе предупреждения преступлений и борьбы с преступностью в миграционной сфере, – это неоправданное ограничение, дискриминация и препятствие иностранных граждан и лиц без гражданства в доступе имеющихся в государстве правовых, цифровых, социальных, образовательных, санитарно-медицинских, бытовых и других услуг. Подобное создает уязвимые условия для общей безопасности и обостряет социальные проблемы, способствующие возникновению социальных конфликтов. Чрезмерная изоляция и отсутствие социальной поддержки увеличивают риск не только преступной деятельности, но и возникновения психологических проблем. Поэтому важно заботиться о создании мигрантам безопасного пространства для коммуникаций, поддерживать существующие на правовой основе межкультурные организации и инициировать программы диалога между мигрантами и местным населением принимаемой страны.

Четвертым аспектом социальной адаптации мигрантов является пропаганда толерантности и уважения к разным культурам. Владение основами межкультурной коммуникации и понимание ценностей других культур помогают избегать серьёзных конфликтов и создавать атмосферу взаимного уважения. Государство и общество должны активно пропагандировать толерантность в данном направлении, добиваться того, чтобы мигранты чувствовали себя принятыми в общество. В ситуации, когда мигранты и местные жители испытывают негативные предрассудки, мигрантофобию, антиэмигрантские настроения, разногласия и иные недоразумения в отношении друг друга, вероятность их вовлечения в противоправные действия увеличивается.

Подчеркнём, с целью предупреждения и профилактики совершения преступлений со стороны мигрантов необходимо воздействовать на несколько аспектов и областей их социальной адаптации: доступ к труду, образование, социальная поддержка и уважение к различным культурам, возможность правовых и социальных услуг. В свою очередь, упрощение регулирования процессов социальной адаптации мигрантов являются ключевыми инструментами для успешной интеграции мигрантов и предотвращения потенциальной преступности в миграционной сфере.

Список литературы

1. Миграция, вынужденная миграция и безгражданство: пособие по вопросам беженцев / А. В. Селиванов, А. И. Федоренко, А. Е. Сытенко [и др.]. Минск: Четыре четверти, 2020. 200 с.

2. Корсаков К. В. Новая концепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 217–225.

3. Рыбаковский Л. Л. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 327–337.

4. Телегина Е. Г., Назаренко Е. В. Криминологическая характеристика миграционной преступности и её предупреждение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 193–199.

5. Бабаев М. М. Криминологические исследования проблем миграции населения // Избранные труды по криминологии. М.: Юрлитинформ, 2022. 600 с.

6. Военкова Е. А. Криминологическая характеристика преступника-мигранта // Диалог. 2017. № 1 (6). С. 11–15.

7. Катаева О. В. Проблемные вопросы адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество и некоторые пути их решения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1. С. 108–128.

8. Никитенко И. В. Изменения в структуре миграционных потоков и их влияние на криминогенный фон // Научный портал МВД России. 2013. № 2. С. 47–51.

9. Рязанцев С. В., Пискунов С. А. Организованная трудовая миграция вьетнамцев в Россию: история и современность // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7, № 3-2. С. 39–52.

10. Абызов Р. М., Ботвин И. В. Миграционная преступность в России: проблемы детерминации и предупреждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 56–62.

11. Завьялов А. В. Социальная адаптация мигрантов: социологический анализ теории и практики: монография. Иркутск: ИГМУ, 2019. 264 с.

12. Васильченко К. В. Преступность в среде мигрантов как объект криминологического исследования // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Махачкала: Ин-т развития образования и консалтинга, 2021. С. 46–51.

13. Гаджимурадов Ш. А. Современная оценка состояния миграционной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 73–79.

14. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова, В. И. Коваленко, В. И. Шиян, Г. Э. Бицадзе, А. В. Евсеев. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 86 с.

15. Новичков В. Е. Некоторые криминологические особенности преступности в миграционной сфере // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 159–174.

16. Караваев А. О. Реализация политики адаптации и интеграции мигрантов на примере Липецкой области // Теория государства и права. 2020. № 1. С. 72–78.

17. Дмитриева Т. Н. Перспективы участия национальных объединений Москвы в процессе интеграции мигрантов // Власть. 2015. Т. 23, № 8. С. 85–89.

18. Коваленко В. В. Противодействие незаконной миграции как мера профилактики преступности и виктимности мигрантов в России и зарубежных странах // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 80–83.

19. Рязанцев С. В., Леденева В. Ю., Мищук С. Н. Влияние миграции на трансформацию этнического состава населения России: тенденции и подходы к политике адаптации мигрантов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 104–116.

20. Леденёва В. Ю., Бегасилов Б. Т. Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118–130.

References

1. Selivanov A.V., Fedorenko A.I., Sytenko A.E., et al. Migration, forced migration and statelessness: a handbook on refugee issues. Minsk: Chetyre chetverti; 2020. 200 p. (In Russ.)

2. Korsakov K.V. A new concept of process management in the field of external labor migration in the system of ensuring criminological security of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*. 2023;(489):217–225. (In Russ.)

3. Rybakovskij L.L. The migration component and its contribution to the demographic development of modern Russia. *Uroven′ zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2023;19(3):327–337. (In Russ.)

4. Telegina E.G., Nazarenko E.V. Criminological characteristics of migration crime and its prevention. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo Bulletin of the = Nizhny Novgorod University named after N.I . Lobachevsk*y. 2020;(2):193–199. (In Russ.)

5. Babaev M.M. Criminological studies of population migration problems. *Izbrannye trudy po kriminologii = Selected works on criminology*. Moscow: Yurlitinform; 2022. 600 p. (In Russ.)

6. Voenkova E.A. Criminological characteristics of a migrant criminal. *Dialog = Dialogue*. 2017;1(6):11–15. (In Russ.)

7. Kataeva O.V. Problematic issues of adaptation and integration of foreign citizens into the Russian society and some ways to solve them. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings Voronezh State University. Series: Law*. 2022;(1):108–128. (In Russ.)

8. Nikitenko I.V. Changes in the structure of migration flows and their impact on the criminogenic background. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(2):47–51. (In Russ.)

9. Ryazancev S.V., Piskunov C.A. Organized labor migration of Vietnamese to Russia: History and modernity. *V′etnamskie issledovaniya = Vietnamese Studies*. 2023;7(3-2):39–52. (In Russ.)

10. Abyzov R.M., Botvin I.V. Migration crime in Russia: problems of determination and prevention. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):56–62. (In Russ.)

11. Zav′yalov A.V. Social adaptation of migrants: a sociological analysis of theory and practice. Irkutsk: IGMU; 2019. 264 p. (In Russ.)

12. Vasil′chenko K.V. Crime among migrants as an object of criminological research. *Razvitie nauki i praktiki v global′no menyayushhemsya mire v usloviyakh riskov: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = The development of science and practice in a globally changing world under conditions of risks: a collection of materials of the international scientific and practical conference*. Makhachkala: In-t razvitiya obrazovaniya i konsaltinga; 2021. P. 46–51. (In Russ.)

13. Gadzhimuradov Sh.A. Modern assessment of the state of migration crime. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):73–79. (In Russ.)

14. Antonyan Y.M., Brazhnikov D.A., Goncharova M.V., Kovalenko V.I., Shiyan V.I., Biczadze G.E., Evseev A.V. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and estimated options for its development: an analytical review. Moscow: FGKU VNII MVD Rossii; 2018. 86 p. (In Russ.)

15. Novichkov V.E. Some criminological features of crime in the migration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(6):159–174. (In Russ.)

16. Karavaev A.O. Implementation of the policy of adaptation and integration of migrants on the example of the Lipetsk region. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and law*. 2020;(1):72–78. (In Russ.)

17. Dmitrieva T.N. Prospects for the participation of national associations of Moscow in the process of integration of migrants. *Vlast' = Power*. 2015;23(8):85–89. (In Russ.)

18. Kovalenko V.V. Countering illegal migration as a measure of crime prevention and victimization-migrant news in Russia and abroad. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(1):80–83.

19. Ryazancev S.V., Ledeneva V.Y., Mishhuk S.N. The impact of migration on the transformation of the ethnic composition of the Russian population: trends and approaches to the policy of adaptation of migrants. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. 2023;16(1):104–116. (In Russ.)

20. Ledenyova V.Y., Begasilov B.T. The influence of the religious factor on the integration of Muslim migrants in Russia. *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2021;(1):118–130. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Новичков Валерий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valery.novichkov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Valery E. Novichkov, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valery.novichkov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.131.5

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-177-189

(cc) BY 4.0

Ситуация «двойной защиты» и ее влияние на доказывание в уголовном судопроизводстве: анализ явления и рекомендации адвокатам

В. В. Конин[1] ✉

[1]Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
Александровский парк, д. 5, г. Санкт-Петербург 197046, Российская Федерация

✉ e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Резюме

***Актуальность**. Адвокат, не являясь субъектом доказывания в уголовном судопроизводстве, тем не менее является активным участником процесса доказывания, которое он осуществляет на всем протяжении своей деятельности по защите своего доверителя от возникшего подозрения либо сформированного и выдвинутого обвинительного тезиса. Вместе с тем складывающаяся ситуация «двойной защиты» самым существенным образом мешает участию адвоката в доказывании невиновности либо меньшей виновности по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом и одновременно с этим устанавливает препятствие по реализации положений, закрепленных в статье 48 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Ситуация «двойной защиты» относится к числу наиболее негативных факторов в адвокатской деятельности. С целью избежать возникновения ситуации «двойной защиты» автором предлагается алгоритм действий при вступлении в качестве защитника в процесс.*

***Цель**: выработка алгоритма вступления в процесс, с тем чтобы избежать возникновения ситуации «двойной защиты».*

***Задача** исследования состоит в продолжении исследований адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве, опровержении доводов стороны обвинения и доказывания невиновности либо меньшей виновности подзащитного.*

***Методология**. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и другие). Кроме того, использовались частнонаучные методы познания – логико-формальный и системного анализа.*

***Результаты** исследования носят как теоретический, так и прикладной характер и обладают элементами научной новизны. Автором рассмотрены вопросы вступления адвоката по назначению в уголовный процесс, предложен алгоритм действий адвоката, с тем чтобы избежать возможных нарушений и возникновения ситуации «двойной защиты».*

***Выводы**. Обсуждение выявленных проблем позволит выработать решения по устранению выявленных пробелов при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве, защитит адвокатов от возможного нарушения внутрикорпоративных нормативно-правовых актов.*

***Ключевые слова**: уголовное судопроизводство; доказывание; адвокат; подзащитный; «двойная защита»; алгоритм.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Конин В. В. Ситуация «двойной защиты» и ее влияние на доказывание в уголовном судопроизводстве: анализ явления и рекомендации адвокатам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 177–189. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-177-189

Поступила в редакцию 24.04.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Конин В. В., 2024

The situation of "double protection" and its impact on evidence in criminal proceedings: appearance analysis and recommendations to lawyers

Vladimir V. Konin[1] ✉

[1]Northwestern branch of the Russian State University of Justice
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg 197046, Russian Federation

✉ e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Abstract

Relevance. *A lawyer, not being a subject of proof in criminal proceedings, nevertheless, is an active participant in the proof process, which he carries out throughout his activities to protect his client from suspicion or formed and put forward an accusatory thesis. At the same time, the current situation of "double protection" significantly hinders the participation of a lawyer in proving innocence or lesser guilt in comparison with the accusatory thesis put forward, and at the same time establishes an obstacle to the implementation of the provisions enshrined in Article 48 of the Constitution of the Russian Federation, which enshrines the right of everyone to receive qualified legal assistance. The situation of "double protection" is one of the most negative factors in advocacy. In order to avoid the occurrence of a "double protection" situation, the author proposes an algorithm of actions when entering the process as a defender.*

Objective: *to develop an algorithm for entering the process in order to avoid a situation of "double protection".*

The purpose *of the study is to continue the research of advocacy in criminal proceedings, refuting the arguments of the prosecution and proving the innocence or lesser guilt of the defendant.*

Methodology. *The methodological basis of the research was the universal dialectical method of cognition of socio-legal phenomena, general scientific research methods (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural and others). In addition, private scientific methods of cognition were used - logical-formal and system analysis.*

The results *of the study are both theoretical and applied in nature, and have elements of scientific novelty. The author considers the issues of the lawyer's entry into the criminal process by appointment, proposes an algorithm for the lawyer's actions in order to avoid possible violations and the emergence of a situation of "double protection".*

Conclusions. *The discussion of the identified problems will allow us to develop solutions to eliminate the identified gaps in the implementation of protection in criminal proceedings, protect lawyers from possible violations of internal corporate regulations.*

Keywords: *criminal proceedings; proof; lawyer; defendant; "double protection"; algorithm.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Konin V.V. The situation of "double protection" and its impact on evidence in criminal proceedings: appearance analysis and recommendations to lawyers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):177–189. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-177-189

Received 24.04.2024 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Уголовное судопроизводство отличается от иных видов судебно-процессуальных производств тем, что имеет более жесткие последствия в случае признания судом доводов стороны защиты несостоятельными в споре со стороной обвинения о виновности либо невиновности в совершении инкриминируемого преступления. Уголовный кодекс РФ предусматривает для лиц, признанных судом виновными в совершении преступления, достаточно широкий круг наказаний – от мягких до самых строгих.

Тактика защиты, избранная адвокатом и его подзащитным, в части опровержения выдвинутого обвинительного

тезиса и доказывании невиновности либо меньшей виновности по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом стороной обвинения, представлении доказательств в подтверждение занятой позиции, влияет на выводы следствия и суда в достаточно значимой степени. Правильно выбранная тактика защиты позволяет в достаточной мере поставить под сомнение доказательства стороны обвинения и тем самым минимизировать последствия признания судом доверителя виновным, как в полном объеме предъявленного обвинения, так и в части обвинения, нашедшего свое подтверждение в ходе судебного разбирательства.

Но зачастую, как показывает анализ практики адвокатской деятельности, в том числе и деятельности адвокатов в порядке ст. 50–51 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), возникающая ситуация «двойной защиты» не позволяет адвокатам выстроить стратегическую линию защиты от выдвинутого обвинительного тезиса, а разработанная тактика защиты в доказывании невиновности доверителя рушится и не приносит запланированного позитивного результата, но в то же время может значительно ухудшить положение подзащитного.

В рамках уголовно-процессуальных правоотношений право на защиту в уголовном судопроизводстве реализуется посредством заключения соглашения на осуществление защиты с выбранным адвокатом либо на вступление в дело адвоката по назначению дознавателя, следователя или суда, в порядке ст. 50–51 УПК РФ.

Уголовно-процессуальные отношения носят публичный характер и направлены на защиту интересов общества от преступных посягательств, защиту потерпевших от преступления, восстановление их прав и законных интересов и назначения виновным в совершении преступления справедливого наказания. Соответственно, адвокат, осуществляя защиту по уголовному делу, не выступает в качестве борца с правоохранительной системой, но, реализуя свои полномочия по защите лица, привлеченного к уголовной ответственности, должен помнить и об интересах иных участников процесса, в том числе потерпевшего, а также интересах общества. Отстаивание интересов доверителя не должно носить характер межличностного конфликта между адвокатом и следователем либо судьей. Адвокат, пытаясь добиться какого-либо положительного результата в интересах подзащитного, не вправе делать это с нарушением норм и правил, установленных УПК РФ и внутрикорпоративными нормативно-правовыми актами. Исходя из этого, можно утверждать, что злоупотребление правом со стороны адвоката при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве противоречит природе адвокатской деятельности как института гражданского общества.

Методология

Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и др.). Кроме того, использовались частнонаучные методы познания – логико-формальный и системного анализа. Посредством системного, а также формально-логического метода научного познания произведен анализ складывающихся на стадии предварительного расследования и стадии судебного разбирательства вопросов участия адвоката-защитника в деле, начиная с момента его вступления в процесс, а также исследованы конфликтные ситуации, возникающие при вступлении адвоката-защитника в дело. Также использование метода системного анализа позволило наиболее оптимально структурировать имеющийся исследовательский материал и разработать алгоритм вхождения адвоката в процесс без

нарушений УПК РФ и внутрикорпоративных НПА.

Применение методов анализа и синтеза позволило выявить один из факторов, влияющих на эффективность участия адвоката-защитника в доказывании в уголовном судопроизводстве, а также рассмотреть и классифицировать ситуацию «двойной защиты», периодически возникающей на практике.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время достаточно большое внимание в адвокатской среде уделяется такому явлению, как «двойная защита», или субсидиарная защита, как ее называют некоторые авторы (автору термин «двойная защита» представляется более правильным, в связи с чем в дальнейшем будет использоваться именно этот термин) [1, с. 68–80; 2, с. 95–104; 3, с. 46–48; 4, с. 50–54]. До сих пор нет единого понимания и толкования этого явления. Несмотря на то, что сама по себе «двойная защита» является достаточно сложным явлением, состоящим из различных элементов, все же ее нельзя отнести к институтам уголовно-процессуального права, как полагают некоторые авторы [5, с. 33–39]. Вместе с тем не вызывает сомнения, что ситуацию «двойной защиты» необходимо рассматривать как существенное нарушение права на защиту и одновременно с этим как нарушение внутрикорпоративных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность адвокатуры и обязательных для исполнения адвокатами.

К рассмотрению ситуации «двойной защиты», как крайне негативного для адвокатского сообщества явления, обратился Совет ФПА РФ, в результате чего 27 сентября 2013 г. было вынесено решение «О двойной защите»[1], указывающее на необходимость привлечения к строгой дисциплинарной ответственности виновных лиц (речь в указанном решении шла об адвокатах, вступивших в уголовный процесс по назначению следователя и участвовавших в расследовании и рассмотрении уголовного дела при наличии у лица, привлеченного к уголовной ответственности адвоката, с которым было заключено соглашение на защиту, без согласования возможности своего участия, без согласования ранее выбранной стратегии защитной деятельности). Но необходимо отметить, что рассматриваемое решение не содержало каких-либо рекомендаций для адвокатов, как правильно поступать в сложившейся ситуации, и несмотря на свою значимость фактически носило характер формального реагирования на существующую проблему в виде возрастающего объема дел с участием адвокатов-дублеров, назначенных органами предварительного расследования либо судами.

Понять причины, по которым следствие и суды использовали адвокатов-дублеров, создавая ситуацию «двойной защиты», достаточно несложно – на определенный день запланировано производство следственных действий либо судебное разбирательство, но адвокат, участвующий в деле по соглашению, в этот день может быть занят в проведении следственных действий в другом подразделении либо принимает участие в судебном заседании в других судах, в том числе и в вышестоящих судебных инстанциях. В результате этого срываются заранее запланированные следственные действия либо затягивается рассмотрение уголовного дела в суде по существу. Особенно это вызывало сложности, когда уголовное дело рассматривалось в судах, к ответственности привлекалось несколько подсудимых, которым инкриминировались совершение достаточно значительного количества преступных эпизо-

[1] Решение Совета ФПА РФ «О двойной защите» от 27 сентября 2013 г. (в действующей ред.) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: сайт. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-to-double-the-protection/ (дата обращения: 02.03.2024).

дов, в суд вызывались в большом количестве свидетели для допроса. Неоднократные срывы следственных действий, и в особенности судебных заседаний, на которые вызывались свидетели, достаточно жесткие требования УПК РФ в части соблюдения права на защиту, вынуждали суды и органы предварительного расследования реагировать на сложившуюся ситуацию посредством введения в дело адвоката-дублера, и тем самым создания ситуации «двойной защиты».

Ситуация «двойной защиты», или участие адвоката-дублера в уголовном процессе, вызывала постоянный конфликт в адвокатском сообществе. Но только после того, как вопросы «двойной защиты» стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, ситуация стала меняться в лучшую сторону. Так, например, правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой право на свободный выбор защитника исключает навязывание лицу, привлеченному к уголовной ответственности, адвоката, от которого он отказался, позволило прекратить введение адвокатов-дублеров судами при рассмотрении уголовных дел[1]. Но несмотря на то, что суды после озвучивания Конституционным Судом РФ своей правовой позиции по вопросу участия адвокатов-дублеров фактически отказались от этой практики, органы предварительного расследования продолжают периодически вводить в уголовный процесс адвокатов-дублеров, создавая ситуацию «двойной защиты».

Следует признать, что создание ситуации «двойной защиты» является следствием реагирования следователя и суда как на сложившуюся обстановку по делу, так и на факты злоупотребления правом адвокатами, участвующими в деле [6, с. 24–31; 7, с. 54–59].

Как правило, чаще всего в ситуации «двойной защиты» оказываются адвокаты, вступающие в уголовное дело по назначению следователя либо суда и не оценившие в должной мере сложившуюся ситуацию, не проявившие должной осмотрительности и не выполнившие все требования, предъявляемые к адвокату при вступлении в уголовное дело по назначению, о чем ранее отмечалось авторитетными авторами [8, с. 23–41; 9, с. 11]. В результате возникающая ситуация «двойной защиты» порождает конфликт между адвокатом, участвующим в деле по соглашению с его доверителем, и адвокатом, вступившим в дело по назначению, и нередко этот конфликт становится предметом рассмотрения квалификационных комиссий Адвокатских палат субъектов Федерации.

Чтобы избежать возникновения ситуации «двойной защиты» в случае вступления в дело адвоката по назначению, предлагается следующий алгоритм действий, позволяющий предотвратить нарушения требований Кодекса профессиональной этики адвоката, Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, в том числе и тех, которые подпадают под ситуацию «двойной защиты»:

– получив от распорядителя заявок поручение на осуществление защиты в уголовном судопроизводстве, адвокат должен не позднее двух часов с момента получения заявки связаться с инициатором заявки и прибыть в правоохранительный орган;

– выяснить данные лица, защиту которого планируется осуществлять, и све-

[1] Автор статьи представлял интересы Кавалерова Ю. Ю. в ЕСПЧ, в Президиуме Верховного Суда РФ, и выступил соавтором жалобы Ю. Ю. Кавалерова в Конституционный Суд РФ. См.: По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова: постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consul-tant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/ (дата обращения: 02.03.2024).

рить их с теми, которые были представлены в заявке. Обратить особое внимание на правильность написания персональных данных лица, защиту которого предполагается осуществлять (например: Т**е**мирбулатов – Т**и**мирбулатов, К**о**наныхин – К**а**наныхин, Б**а**сарджонов – Б**о**сарджонов, Акбаржон – Акбарджон и т. д.). Установив наличие ошибки в персональных данных, адвокат обязан предложить следователю подать новую заявку с уточненными персональными данными. Адвокат не вправе принимать на себя обязательства по осуществлению защиты до тех пор, пока не будут уточнены данные лица, защита которого планируется;

– ознакомиться с материалами дела. На этом этапе перечень материалов, доступных адвокату, является незначительным – постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания, объяснение (вполне возможно, что в материалах будет находиться явка с повинной и ходатайство на имя следователя об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде с полным изложением совершенного преступления и указанием на признание вины и раскаянии в содеянном; если в деле ранее участвовал адвокат, то протокол допроса с его участием);

– побеседовать с доверителем. Необходимо отметить, что беседа является одним из наиболее важных элементов коммуникации между доверителем и защитником, и в дальнейшем именно первая беседа может положить основу будущего взаимодействия и доверия. Беседа должна начаться с представления: адвокат представляется и кратко сообщает информацию о себе, которую посчитает нужным донести до доверителя. Затем, с целью избежать ситуации «двойной защиты» адвокат обязан выяснить у доверителя вопрос: есть ли у него защитник – адвокат по соглашению либо адвокат, вступивший ранее в дело по назначению? В случае, если у доверителя отсутствует защитник по соглашению либо по назначению, адвокат предлагает доверителю более подробно рассказать о себе, причинах и основаниях задержания, а также изложить свое видение сложившейся ситуации. После представления и рассказа адвокат должен выяснить, когда фактически задержан доверитель, применялись ли к нему незаконные методы воздействия. В случае наличия у доверителя следов физического насилия адвокат должен немедленно поставить об этом в известность следователя, при необходимости вызвать неотложную медицинскую помощь и предложить доверителю обратиться с заявлением в соответствующий правоохранительный орган. В случае отказа доверителя от вызова неотложной медицинской помощи и обращения в соответствующий правоохранительный орган – зафиксировать отказ письменно.

Затем адвокат должен предложить доверителю обсудить сложившуюся на момент вступления в дело ситуацию по делу и, основываясь на своем опыте, на своих знаниях, в том числе знании следственной и судебной практики, анализе имеющейся по делу информации, выстроить вероятную мысленную модель развития расследования по делу [10, с. 34–41]. Представляется, что ситуационный подход и метод криминалистического моделирования в данном случае будет являться наиболее оптимальным [11, с. 11–16; 12, с. 51–57].

Прогнозируя ход и результаты расследования, адвокат не должен усложнять ситуацию, тем самым запугивая доверителя, но также не должен и упрощать ее, вызывая у доверителя необоснованные надежды, в том числе намеками на разрешение сложившейся ситуации посредством противоправных действий.

После этого он должен рассмотреть с доверителем вероятные модели его поведения по отношению к уголовному преследованию: признание виновности в инкриминируемом преступлении в полном объеме (в том числе возможное заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве,

что может существенно облегчить в дальнейшем положение подзащитного), признание виновности в части возникшего подозрения, полное непризнание виновности. Также адвокат должен разъяснить вероятные последствия выбранной подзащитным модели поведения. Окончательное решение по выбору модели поведения должен принять доверитель.

В случае если запланированные следователем следственные действия приходятся на ночное время, то необходимо выяснить у доверителя его согласие на участие в следственных действиях, разъяснив ему, что это его право, а не обязанность, и вполне возможно, что этим правом в настоящее время лучше не пользоваться, поскольку необходимо пережить стрессовую ситуацию, вызванную задержанием, собраться с мыслями и выработать позицию защиты. Согласие на участие в следственных действиях в ночное время либо отказ от участия в следственных действиях в ночное время также необходимо оформить в письменном виде.

Если подзащитный согласен давать показания, адвокат должен выяснить объем информации, которую доверитель хочет представить следователю, и, возможно, порекомендовать не раскрывать всю информацию, поскольку раскрытие всей информации может существенно ухудшить положение доверителя, в том числе послужить основанием для отказа в будущем в заявленном ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

В процессе участия в производстве следственных действий адвокат должен в обязательном порядке руководствоваться положениями Кодекса профессиональной этики адвоката и Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [13, с. 110–114; 14, с. 42–46].

Иная ситуация возникает, когда у доверителя имеется защитник по соглашению либо ранее в дело вступал защитник по назначению.

Выяснив, что у доверителя, к которому приглашен адвокат в порядке заявки от следователя либо суда, заключено соглашение с адвокатом либо в деле уже участвует другой защитник по назначению, адвокат должен:

– выяснить у следователя либо суда, а также доверителя данные адвоката, осуществлявшего защиту доверителя по соглашению либо по назначению, и уточнить причину его отсутствия;

– при наличии возможности связаться с ним самостоятельно и выяснить причины его отсутствия (болезнь, командировка, неизвещение о задержании доверителя, недопуск в помещение СК РФ или полиции, участие в судебном разбирательстве в другом суде и т. д.). В случае невозможности незамедлительной явки в правоохранительный орган или суд адвоката по соглашению либо ранее участвовавшего в деле по назначению вновь вступивший в дело адвокат должен выяснить возможность своего участия в производстве следственных либо судебных действий и позицию, занятую адвокатом, ранее участвовавшим в деле, и его подзащитным. Если адвокат, ранее участвовавший в деле, имеет возможность прибыть в правоохранительный орган либо суд в короткое время, адвокат, вновь вступивший в дело по назначению, обязан заявить в письменном виде ходатайство о невозможности своего участия в защите с указанием причины, т. е. заявить о самоустранении от участия в деле (фактически взять самоотвод, и в дальнейшем будет использоваться этот термин в силу своей простоты). Также самоотвод должен быть заявлен, если адвокат, ранее участвовавший в деле, не может прибыть в достаточно незначительный промежуток времени в правоохранительный орган либо суд, но возражает против участия в деле вновь вступившего адвоката по назначению.

В случае если связаться с адвокатом, ранее участвовавшим в деле, не удается либо он по каким-либо причинам не может в ближайшее время прибыть для участия в следственных действиях либо судебном разбирательстве, принятие решения об участии либо неучастии в деле вновь вступившего адвоката по назначению возлагается на доверителя. Если он не возражает против его участия и его согласие оформлено в письменном виде, вновь вступивший в дело адвокат по назначению вправе принять участие в производстве следственных действий либо в судебном заседании. В этом случае ситуация «двойной защиты» не возникает. Если доверитель возражает против участия вновь вступившего в дело адвоката по назначению, то он должен в письменном виде заявить отвод, а адвокат, вновь вступивший в дело по назначению, в свою очередь должен заявить в письменном виде самоотвод, в котором должен указать на необоснованность его привлечения к участию в деле в связи с участием в деле другого адвоката. Если же, в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ, следователь либо суд отклонил отвод адвоката доверителем и самоотвод адвоката, вновь вступивший в дело адвокат обязан принять участие в производстве следственного действия, но он должен еще раз в протоколе следственного действия либо в протоколе судебного заседания отразить заявление доверителя об отводе и свою позицию о самоотводе. В этой ситуации также будет отсутствовать ситуация «двойной защиты».

Если адвокат по назначению приглашен для участия в следственных действиях, срок производства которых измеряется в часах (24 часа, 48 часов и т. д.) либо в незначительном количестве суток, а защитник, ранее участвовавший в деле, не может в силу различных причин принять участие в производстве данных следственных действий, участие в следственных действиях адвоката по назначению не будет содержать какие-либо элементы «двойной защиты», даже если ранее участвовавший в деле защитник высказал свое несогласие на вступление в дело адвоката по назначению и имеется отказ доверителя от защитника по назначению. Еще раз обратим внимание, что уголовный процесс носит публичный характер, и защите подлежат не только интересы лица, привлеченного к уголовной ответственности, но и интересы потерпевшего, интересы общества [15, с. 258–266].

В случае если адвокат, участвующий в деле, будучи заблаговременно уведомленным о производстве следственного действия, по каким-либо причинам не явился для участия в его производстве, а лицо, привлекаемое к уголовной ответственности в течение 5 суток, как это установлено ч. 3 ст. 50 УПК РФ, не пригласило другого адвоката для своей защиты, адвокат по назначению вправе по истечении 5-суточного срока принять участие в производстве следственных действий и судебных действий, в том числе и при отсутствии согласия защитника, ранее участвовавшего в деле, и отсутствии согласия доверителя. В этом случае также будет отсутствовать ситуация «двойной защиты».

«Двойная защита» будет отсутствовать, если следователем либо судом было вынесено постановление о злоупотреблении правом адвокатом, ранее участвовавшим в деле, и на этом основании в дело был введен защитник по назначению для участия в следственных действиях.

Злоупотребление адвокатом своими правами должно подтверждаться вынесением соответствующего постановления следователем либо судом, которое должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Вместе с тем адвокат, вступающий в дело по назначению на основании постановления о злоупотреблении правом адвокатом, ранее участвовавшим в деле, обязан связаться с адвокатом, ранее участвующим в деле с тем, чтобы проинформировать его о вступле-

нии в дело, а также о наличии постановления о злоупотреблении правом. В действиях адвоката по назначению будет отсутствовать ситуация «двойной защиты» до тех пор, пока постановление о злоупотреблении правом не будет отменено по тем или иным причинам, в том числе по причине незаконности и необоснованности. Схожую позицию занимает и Г. М. Резник [16].

Таким образом, право на защиту должно быть реальным, в должной мере обеспеченным, если лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, не может по ряду причин это право реализовать самостоятельно, но в то же время это право исключает возможность каких-либо злоупотреблений со стороны защиты, с тем чтобы усложнить процесс по расследованию и рассмотрению по существу уголовного дела и затруднить возможность реализации права потерпевшего на защиту и восстановление своих нарушенных преступлением прав, а также права на доступ к правосудию, и исключить возможность лиц, осуществляющих предварительное расследование и рассмотрение уголовного дела по существу, злоупотребления своими полномочиями путем введения в уголовное дело адвокатов-дублеров с целью облегчения и ускорения процесса расследования и рассмотрения уголовного дела по существу [17, с. 24–31; 18, с. 34–36; 19, с. 10–14; 20, с. 395–398].

Если адвокат по назначению вступает в дело в результате вынесения следователем либо судом постановления об отводе адвоката по соглашению либо по назначению, он также должен связаться с отведенным адвокатом и уведомить его о вступлении в дело и наличии отвода. В данном случае также будут отсутствовать признаки «двойной защиты» до тех пор, пока указанное постановление не будет отменено.

В обоих случаях адвокат по назначению, вступая в дело, обязан получить процессуальный акт, в котором устанавливается факт злоупотребления правом адвокатом, ранее участвующим в осуществлении защиты лица, привлеченного к уголовной ответственности, и его отвода от дальнейшего участия в деле.

В то же время обязанность по оцениванию доводов, изложенных в постановлении о злоупотреблении правом адвокатом и его отводе, а также по оспариванию законности и обоснованности указанных решений на адвоката, вступившего в дело по назначению, не возлагается.

Выводы

Возникающая периодически на практике ситуация «двойной защиты» не только оказывает самое негативное влияние на доказывание невиновности подзащитного в полном объеме либо в меньшем объеме по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом, но и самым негативным образом влияет на взаимоотношения внутри адвокатской корпорации, создает конфликтную ситуацию среди адвокатского сообщества и тем самым препятствует реализации гарантированного Конституцией РФ права на защиту в полном объеме.

В то же время достаточно часто ситуация «двойной защиты» возникает по вине адвокатов, осуществляющих защиту доверителя по соглашению, которые, пытаясь достичь изменения следственной ситуации в пользу своего подзащитного, идут по пути злоупотребления правом, что является недопустимым, поскольку, как указано в ст. 6 УПК РФ, уголовный процесс защищает не только права лица, привлеченного к уголовной ответственности, но и права и законные интересы лиц, как физических, так и юридических, потерпевших от преступления, а также интересы общества. В то же время адвокаты, вступающие в уголовной процесс

по назначению органов дознания, следствия и суда, не имеющие достаточных знаний и не в полной мере оценившие сложившуюся ситуацию, рискуют выступить в роли адвоката-дублера и попасть в ситуацию «двойной защиты».

Исходя из этого, можно сделать вывод, что, следуя предложенному автором алгоритму, адвокат, вступая в уголовный процесс по назначению, сможет на высоком профессиональном уровне не только защитить права и интересы доверителя, доказать его невиновность либо виновность в меньшем объеме по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом, но и избежать ситуации «двойной защиты».

Список литературы

1. Чистилина Д. О. Проблемы осуществления «двойной защиты» в уголовном процессе России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 68–80

2. Гладышева О. В. Двойная и субсидиарная защита в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 3. С. 95–104.

3. Барыгина А. А. К вопросу об участии субсидиарного защитника в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 46–48.

4. Берсенев Е. М. Категория субсидиарных защитников в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // История государства и права. 2014. № 10. С. 50–54.

5. Ревина И. В., Пашутина О. С., Чеботарева И. Н. Манипулирование правом на защиту с позиции обеспечения права обвиняемого на свободу выбора адвоката // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 33–39

6. Барбир И. П., Потапов В. Д. Обобщение практики рассмотрения Квалификационной комиссией Адвокатской палаты Республики Коми дисциплинарных производств по вопросам о наличии в действиях (бездействии) адвокатов нарушений действующего законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации за 2022 год // Вестник. Государство и право. 2023. № 1 (36). С. 23–41.

7. Баева К. М. Принципиальные начала противодействия и нейтрализации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве России // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 54–59.

8. Злоупотребление правом на защиту / Л. Головко, Г. Резник, А. Смирнов, Н. Колоколов, Е. Львова, Н. Кипнис, С. Голубок // Закон. 2015. № 7. С. 24–31.

9. Калиновский К. Б. Досрочное назначение защитника подозреваемому // Уголовный процесс. 2018. № 10 (166). С. 11.

10. Волчецкая Т. С., Осипова Е. В. Криминалистическое моделирование в уголовном судопроизводстве. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 126 с.

11. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: современное состояние и перспективы // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 11–16.

12. Ким Д. В. К вопросу о структуре криминалистической ситуации // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-

летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта 2017. С. 51–57.

13. Конин В. В. Принятие Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве как попытка преодолеть пассивность при осуществлении функции защиты // Современное право. 2018. № 1. С. 110–114.

14. Калинкина Л. Д. Нарушение адвокатами-защитниками права обвиняемого, подсудимого на защиту // Адвокатская практика. 2017. № 3. С. 42–46.

15. Рябинина Т. К., Петрова О. В. Нарушения права на защиту: о чем свидетельствует судебная практика (на примере судебных решений судов Курской области) // Процессуальные гарантии современного правосудия: сборник статей к 100-летию Судебной системы в Удмуртской Республике. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2023. С. 258–266.

16. Резник Г. Наши разногласия // Новая адвокатская газета. 2015. № 17 (202).

17. Марьина Е. В. Профессиональная этика юриста: традиции и новации в отечественном правовом образовании // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 4. С. 24–31.

18. Конин В. В. Право на защиту: некоторые теоретические вопросы // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 34–36.

19. Андреева О. И. Право на защиту должно быть реальным, практически осуществимым и не иллюзорным // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2016. № 4. С. 10–14.

20. Тишутина И. В. К вопросу об адвокатах как о субъектах противодействия расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы. М.: Академия управления МВД России, 2007. С. 395–398.

References

1. Chistilina D.O. The problems of implementing "double protection" in the criminal process of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2020;10(2):68–80. (In Russ.)

2. Gladysheva O.V. Double and subsidiary protection in criminal proceedings. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(3):95–104. (In Russ.)

3. Barygina A.A. On the issue of the participation of a subsidiary defender in criminal proceedings. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*. 2020;(8):46–48. (In Russ.)

4. Bersenev E.M. The category of subsidiary defenders in criminal proceedings of the Russian Federation. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and law*. 2014;(10):50–54. (In Russ.)

5. Revina I.V., Pashutina O.S., Chebotareva I.N. Manipulation of the right to defense from the position of ensuring the right of the accused to freedom of choice of a lawyer. *Advokatskaya praktika = Lawyer's practice*. 2021;(1):33–39. (In Russ.)

6. Barbir I.P., Potapov V.D. Generalization of the practice of consideration by the Qualification Commission of the Bar Chamber of the Komi Republic of disciplinary proceedings on the presence in the actions (inaction) of lawyers of violations of the current legislation on advocacy and advocacy in the Russian Federation for 2022. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo = Vestnik. State and law*. 2023;(1):23–41. (In Russ.)

7. Baeva K.M. The principal principles of countering and neutralizing the abuse of the right by the defense party in criminal proceedings in Russia. *Sudebnaya vlast′ i ugolovnyj process = Judicial power and criminal procedure*. 2019;(3):54–59. (In Russ.)

8. Golovko L., Reznik G., Smirnov A., Kolokolov N., Lvova E., Kipnis N., Golubok S. Abuse of the right to protection. *Zakon = Law*. 2015;(7):24–31. (In Russ.)

9. Kalinovskij K.B. Early appointment of a defender to a suspect. *Ugolovnyj process = Criminal proceedings*. 2018;(10):11. (In Russ.)

10. Volcheczkaya T.S., Osipova E.V. Forensic modeling in criminal proceedings. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta; 2020. 126 p. (In Russ.)

11. Volcheczkaya T.S. Criminalistic situalogy: current state and prospects. In: Volcheczkaya T.S. (ed.) *Situacionnyj podkhod v yuridicheskoj nauke i praktike: sovremennye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 15-letiyu nauchnoj shkoly kriminalisticheskoj situalogii BFU im. I. Kanta = Situational approach in legal science and practice: modern opportunities and prospects for development: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 15th anniversary of the Scientific School of Criminalistic Situalogy of the I. Kant BFU*. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta; 2017. P. 11–16. (In Russ.)

12. Kim D.V. On the issue of the structure of the criminalistic situation. In: T. S. Volcheczkaya (ed.) *Situacionnyj podkhod v yuridicheskoj nauke i praktike: sovremennye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 15-letiyu nauchnoj shkoly kriminalisticheskoj situalogii BFU im. I. Kanta = Situational approach in legal science and practice: modern opportunities and prospects for development: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 15th anniversary of the Scientific School of Criminalistic Situalogy of the I. Kant BFU*. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta; 2017. P. 51–57. (In Russ.)

13. Konin V.V. The adoption of the Standard of Defense by a lawyer in criminal proceedings as an attempt to overcome passivity in the exercise of the defense function. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2018;(1):110–114. (In Russ.)

14. Kalinkina L.D. Violation by defense lawyers of the right of the accused, the defendant to defense. *Advokatskaya praktika = Law practice*. 2017;(3):42–46. (In Russ.)

15. Ryabinina T.K., Petrova O.V. Violations of the right to protection: as evidenced by judicial practice (on the example of judicial decisions of the courts of the Kursk region). In: *Processualnye garantii sovremennogo pravosudiya: sbornik statej k 100-letiyu Sudebnoj sistemy v Udmurtskoj Respublike = Procedural guarantees of modern law: a collection of articles on the 100th anniversary of the Judicial system in the Udmurt Republic*. Izhevsk: Udmurtskij un-t; 2023. P. 258–266. (In Russ.)

16. Reznik G. Our differences. *Novaya advokatskaya gazeta* = The New Advocate Newspaper. 2015;(17). (In Russ.)

17. Mar′ina E.V. Professional ethics of a lawyer: traditions and innovations in domestic legal education. *Sudebnaya vlast′ i ugolovnyj process = Judicial power and criminal procedure*. 2021;(4):24–31. (In Russ.)

18. Konin V.V. The right to protection: some theoretical issues. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*. 2013;(4):34–36. (In Russ.)

19. Andreeva O.I. The right to protection must be real, practically feasible and not illusory. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika = Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice*. 2016;(4):10–14. (In Russ.)

20. Tishutina I.V. On the issue of lawyers as subjects of countering the investigation. Investigation and countering it in adversarial criminal proceedings: procedural and criminalistic issues. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii; 2007. P. 395–398. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Конин Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: vkonin.kld@yandex.ru,
SPIN-код: 8437-9459,
AuthorID: 349511

Vladimir V. Konin, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: vkonin.kld@yandex.ru,
SPIN-код: 8437-9459,
AuthorID: 349511

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.7

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-190-199

CC BY 4.0

Общественная опасность деяния в межотраслевом измерении

М. Н. Урда[1] ✉, А. О. Урда[2]

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2] ОГУ «Курскгражданпроект»
ул. Димитрова, д. 96/1, г. Курск 305004, Российская Федерация

✉ e-mail: urda.ru@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *В уголовно-правовой доктрине признак общественной опасности определяется как фундаментальный, позволяющий отграничить преступление от иных правонарушений. Усложнение существующих правоотношений и бессистемное развитие отраслевого нормотворчества ставят под сомнение это догматическое суждение. В таких условиях требует проверки целесообразность использования указанного признака как безусловного основания криминализации.*

Целью *исследования является оценка перспектив использования признака общественной опасности для криминализации деяния и отграничения преступления от иных правонарушений.*

Задачи: *изучение генезиса материального признака преступления с выявлением его уголовно-политической функции на этапе возникновения и в процессе эволюции.*

Методология. *Методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания явлений и процессов окружающей действительности. В ходе разработки теоретических положений работы также применялись историко-правовой, формально-логический, формально-юридический, семантический и другие методы.*

Результаты. *Изначально признак общественной опасности имел принципиально иное уголовно-политическое значение. Он открывал широкие возможности для применения закона по аналогии. Вопрос об отграничении преступного от непреступного посредством его использования не ставился. В последующем размежевание охранительного законодательства и попытки придать отраслевую уникальность уголовному праву путем использования материального признака общественной опасности деяния вопрос о границах криминализации и пределах наказательной власти государства не решили, напротив, ситуацию усугубили. На примерах из практики, опираясь на суждения исследователей о сущности общественной опасности деяния, авторы статьи ставят под сомнение целесообразность использования этого признака как безусловного основания криминализации деяния.*

Выводы. *По результатам исследования авторы приходят к выводу, что в процессе криминализации деяния фокус внимания должен быть смещен с идеализированного признака общественной опасности на принципы криминализации: экономии репрессии, формальной определенности, межотраслевой согласованности и соразмерности, а также целесообразности криминализации (объявления преступлением) с позиции возможностей уголовного права влиять на реальные отношения, качественно их преобразовывая.*

Ключевые слова*: общественная опасность деяния; материальный признак преступления; криминализация деяния; межотраслевые связи.*

Финансирование: *Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2024 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Урда М. Н., Урда А. О. Общественная опасность деяния в межотраслевом измерении // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 190–199. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-190-199

Поступила в редакцию 02.05.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Урда М. Н., Урда А. О., 2024

The public danger of an act in an intersectoral dimension

Margarita N. Urda[1], Artem O. Urda[2]

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2] Regional budgetary institution "Design Institute of Civil Engineering, Planning and Development of Cities and Villages "Kurskgrazhdanproekt"
96/1 Dimitrova Str., Kursk 305004, Russian Federation

✉ e-mail: urda.ru@rambler.ru

Abstract

Relevance. *In the criminal law doctrine, the sign of public danger is defined as fundamental, allowing one to distinguish a crime from other offenses. The increasing complexity of existing legal relations and the unsystematic development of sectoral rule-making call into question this dogmatic judgment. The feasibility of using this characteristic as an unconditional basis for criminalization requires verification.*

The purpose *of the study is to assess the prospects for using the sign of public danger to criminalize an act and distinguish a crime from other offenses.*

Objectives: *study the genesis of the material sign of a crime with the identification of its criminal-political function at the stage of its emergence and in the process of evolution.*

Methodology. *The methodological basis of the study was the universal dialectical method of cognition of phenomena and processes of the surrounding reality. In the course of developing the theoretical provisions of the work, historical-legal, formal-logical, formal-legal, semantic and other methods were also used.*

Results. *Initially, the sign of public danger had a fundamentally different criminal and political meaning. It opened up wide possibilities for applying the law by analogy. The question of distinguishing the criminal from the non-criminal through its use was not raised. Subsequently, the demarcation of protective legislation and attempts to give sectoral uniqueness to criminal law by using a material sign of the social danger of an act did not resolve the issue of the boundaries of criminalization and the limits of the state's punitive power; on the contrary, the situation worsened. Using examples from practice, based on the judgments of researchers about the essence of the social danger of an act, the authors of the article question the advisability of using this feature as an unconditional basis for the criminalization of an act.*

Conclusions. *Based on the results of the study, the authors come to the conclusion that in the process of criminalization of an act, the focus of attention should be shifted from an idealized sign of social danger to the principles of criminalization: economy of repression, formal certainty, intersectoral consistency and proportionality, as well as the expediency of criminalization (declaring a crime) from the perspective of the possibilities of criminal the right to influence real relationships, transforming them qualitatively.*

Keywords: *social danger of an act; material sign of a crime; criminalization of an act; intersectoral connections.*

Funding*: The work was prepared as part of the implementation of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in an evolving society and state" (No. 0851-2020-0033).*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Urda M.N., Urda A.O. The public danger of an act in an intersectoral dimension. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):190–199. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-190-199

Received 02.05.2024 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

В уголовно-правовой доктрине общественная опасность определяется как фундаментальный признак преступления [1, с. 391], раскрывающий его сущность [2, с. 102] и позволяющий отграничить от иных правонарушений [3, с. 30]. Основу для такого суждения заложил сам законодатель, снабдив только преступление (ч. 1 ст. 14 УК РФ) признаком обще-

ственной опасности. Ни одно другое нормативно закрепленное правонарушение его не содержит[1].

В теории уголовного права изучению базовой категории общественной опасности деяния посвящено множество трудов. Исследовались онтологическая сущность общественной опасности [4, с. 76–80], ее использование в качестве основания криминализации/декриминализации деяния [5, с. 67–75], дифференциации ответственности [6, с. 19–30], предпринимались попытки верифицировать общественную опасность деяния [7, с. 124–140], сформулировать критерии ее определения [8, с. 207–215] и пр. Однако значение этого признака преступления в контексте соотношения с иными правонарушениями изучено недостаточно.

Между тем интенсификация нормотворчества и бессистемное внесение изменений как в регулятивное, так и в охранительное законодательство требуют решения насущных вопросов о том, позволяет ли закрепленный в уголовном законе признак общественной опасности деяния отграничить преступление от иного правонарушающего поведения, является ли он надежным основанием криминализации деяния. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Методология

Методология исследования представлена следующими методами: диалектическим – при выявлении и разрешении противоречий толкования признака общественной опасности деяния; формально-логическим – при построении общей линии изложения материала и теоретической аргументации суждений; формально-юридическим – при осмыслении используемого нормативного материала; историко-правовом – при выявлении уголовно-политического значения материального признака преступления. В работе использовались и другие методы исследования.

Результаты и их обсуждение

Идея материального определения преступления через использование признака общественной опасности зародилась в нашей стране в начале прошлого столетия и была вызвана принципиально иными соображениями, не связанными с отграничением преступного от непреступного. Она пришла на смену классическому (буржуазному), чуждому советской идеологии пониманию преступного как nullum crimen sine lege.

Как писал А. А. Пионтковский (сын): «Такое формальное определение преступления не раскрывает его существа. Оно означает лишь утверждение, что преступлением является то, что законодатель считает таковым, но оно не способно ни в коей мере приблизить к пониманию того, почему именно это действие признается преступным. Ответ на этот вопрос может дать материальное определение преступления. Оно должно заключаться в указании на существенные общественные свойства того деяния, которое считается в уголовном законодательстве данного государства преступлением» [9, с. 21].

Материальный подход в определении преступления, противопоставленный формальному, имел фундаментальное значение для молодого строящегося государства новой формации не благодаря, а вопреки провозглашаемому сегодня его предназначению – отграничивать преступное от непреступного. Он открывал широкие возможности для применения закона по аналогии как «вспомогательного средства социалистического строительства».

Еще до первого нормативного закрепления материального определения преступления в ст. 6 Руководящих начал

[1] См., например, ст. 106 Налогового кодекса Российской Федерации, ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, ст. 281 Бюджетного кодекса Российской Федерации и др.

по уголовному праву РСФСР 1919 г. судебным органам власти предоставлялись широкие полномочия по применению закона по аналогии. Мерилом преступного и непреступного выступало «социалистическое правосознание»[1]. Логическим продолжением этих процессов стало включение в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не только материального определения преступления как всякого общественно опасного действия или бездействия, угрожающего основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени (ст. 6), но и положения о применении закона по аналогии (ст. 10).

В недрах советской уголовно-правовой науки зародился постулат: «Если с точки зрения буржуазного права противоправно только то действие, которое точно указано в законе, то с точки зрения социалистического права противоправно всякое действие, являющееся общественно опасным. Социалистическое уголовное право принципиально отрицает формальный принцип буржуазной демократии» [10, с. 13]. По этой причине применение закона по аналогии расценивалось как важное достижение советского уголовного права [11, с. 13].

Несколько позже, когда в целях «укрепления социалистической законности», как писал А. А. Пионтковский (сын) [9, с. 24], изменился подход к определению преступления, и он был заменен на формально-материальный, особой надобности в отграничении преступлений от иных правонарушений по-прежнему не было. Советское уголовное законодательство, кроме наказания, в разные годы содержало ссылки на меры социальной защиты и административные взыскания. Размежевания охранительного законодательства по отраслям не существовало вплоть до появления в 1984 г. КоАП РСФСР.

Как справедливо отмечает Т. Г. Понятовская, отмена аналогии уголовного закона при сохранении ее концептуального основания не означает отказа государства от расширения сферы своей наказательной власти. Материальный признак общественной опасности по-прежнему позволяет законодателю называть преступным практически любое деяние [12, с. 81]. Поэтому наряду с процессом гуманизации уголовного законодательства может наблюдаться одновременное расширение сферы уголовно-правового воздействия как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Достаточно вспомнить «резиновые» составы хулиганства (ст. 206 УК РСФСР 1960 г.) и мошенничества (ст. 159 УК РФ 1996 г.).

Размежевание охранительного законодательства и попытки придать отраслевую уникальность уголовному праву посредством использования материального признака общественной опасности деяния вопрос о границах криминализации и пределах наказательной власти государства не решили, напротив, ситуацию усугубили.

Если административные проступки не опасны для общества или государства, как объяснить, чем вызвано установление в ряде случаев довольно серьезных санкций за их совершение? Еще сложнее это сделать, когда за одно и то же правонарушение юридическое лицо привлекается к административной ответственности, а его работник или руководитель – к уголовной (часто практикуется в оценке экологических бедствий антропогенного характера).

Встречаются также случаи привлечения и к административной, и к уголовной ответственности лица за одно и то же деяние, когда правонарушения смешанной противоправности не имеют четких критериев разграничения. Примером могут служить уголовно-правовые запреты фиктивной постановки на миграционный учет (ст. 322^2 и 322^3 УК РФ), имеющие

[1] См., например, Положение о народном суде РСФРС 1918 г.

аналоги административных правонарушений об ответственности за представление ложных сведений в систему миграционного учета, аккумулированные в ст. 19.27 КоАП РФ[1].

Попытки «развести» проступки и преступления наблюдались еще в советской уголовно-правовой теории. Некоторые исследователи считали, что общественная опасность деяния – необходимое свойство преступления, при совершении дисциплинарного или административного оно отсутствует (Н. Д. Дурманов [13], М. А. Шнейдер [14] и др.). Другие, напротив, полагали, что каждое правонарушение именно потому таковым является, что представляет собой известную общественную опасность. В зависимости от степени этой опасности следует различать преступления и проступки (А. А. Пионтковский (сын) [15], А. Б. Сахаров [15], М. В. Турецкий [17] и др.).

В современной доктрине в попытке отграничить административное правонарушение от уголовно наказуемого деяния существует 3 основные точки зрения. Одни ученые исключают материальный признак из свойств административного правонарушения. В частности, Д. Н. Бахрах указывает на то, что «общественно опасным следует считать только такое деяние, которое причинило или реально способно причинить существенный ущерб общественным отношениям. Такие деяния в своей совокупности в определенной исторической обстановке нарушают условия существования данного общества. С этой точки зрения большинство административных правонарушений нельзя признать общественно опасными», допуская при этом некоторые исключения из общего правила, например, в отношении правонарушений, совершаемых юридическими лицами [18, с. 528–529].

Другие исследователи распространяют рассматриваемый признак как на преступления, так и на административные проступки. Так, по мнению Л. Л. Попова: «...для административных правонарушений присуща именно общественная опасность, как материальный признак любого правонарушения... единственная особенность такого признака – это степень общественной опасности, которая отличается по видам правонарушений...» [19, с. 153]. Схожей позиции придерживается Ю. М. Козлов [20, с. 87].

Третьи усматривают в административных правонарушениях только общественную вредность, в то время как материальным критерием (общественной опасностью) наделяют только преступление. Например, С. Д. Захарчук, Е. В. Матвеева полагают, что «действие (бездействие) лица, в результате которого не причиняется существенный вред функционирующим общественным отношениям, не обладает общественной опасностью и не может признаваться преступлением. Однако, если такое деяние все-таки причиняет вред общественным отношениям (не являющийся существенным), оно может быть отнесено к иным видам правонарушений. При этом данное деяние не обладает таким материальным признаком, как общественная опасность. Представляется, что оно должно обладать таким материальным признаком, как общественная вредность» [21, с. 36].

Думается, что попытки соотнести понятия «общественная вредность» и «общественная опасность» вряд ли явля-

[1] Показательным является дело Е., осужденного по ст. 322[3] УК РФ, несмотря на то, что ранее он был привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ за совершение того же правонарушения. См.: Апелляционное постановление № 10-2/2015 от 30 ноября 2015 г. Максатихинского районного суда Тверской области // Судебные и нормативные и акты РФ: сайт. URL: http://sudact.ru/ (дата обращения: 11.04.2024).

ются надежным способом отграничения преступлений от административных проступков, поскольку семантических отличий они не имеют. В современных словарях «вредоносный» определяется как «опасный» (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, Т. Ю. Ефремова, Д. Н. Ушаков).

Несмотря на отсутствие материального признака в нормативном определении административного правонарушения его «следы» присутствуют в КоАП РФ, например, при определении крайней необходимости (ст. 2.7 КоАП РФ), а также в формулировании некоторых составов административных правонарушений (ст. 6.1, 6.3, 9.1 КоАП и др.).

Н. А. Лопашенко считает невозможным использование признака общественной опасности в качестве критерия разграничения административного правонарушения и преступления. По ее мнению, доктринальный спор о роли признака общественной опасности в определении понятия преступления и административного правонарушения не имеет решения и является бесперспективным, поэтому «для разграничения административных правонарушений и преступлений следует искать иные критерии, более четкие и понятные» [22, с. 132].

Противоречия в разграничении уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений объясняются особым историческим развитием российского уголовного и административного (полицейского) права, их относительным обособлением (размежеванием), которое обусловлено не столько различием в общественной опасности деяния, сколько процедурой наложения взыскания (наказания): административной или судебной [23, с. 16–17].

Ситуацию еще больше усугубляет небезосновательные, на наш взгляд, суждения о том, что все правонарушения, включая гражданские деликты, в той или иной степени опасны [24, с. 72]. Д. А. Липинский и А. А. Мусаткина отмечают, что «если деяние не представляет опасности для общества, т.е. не причиняет вреда общественным отношениям и не ставит их под угрозу причинения вреда, его нельзя признать правонарушением. Ошибочно считать, что только преступления обладают общественной опасностью» [25, с. 24].

О беспрецедентной опасности гражданского деликта свидетельствует дело по иску прокурора, поданного в защиту публичных интересов о взыскании с Норильско-Таймырской энергетической компании компенсации за вред, причиненный природе разливом топлива из-за аварии на ТЭЦ-3 в г. Норильске 29 мая 2020 г. Причиной экологической катастрофы стало нарушение правил хранения топлива на объектах ТЭЦ-3. Согласившись с прокурором, суд взыскал крупнейшую в истории арбитражной практики сумму компенсации причиненного экологии вреда в размере более 146 млрд руб.[1]

Выводы

Категория «общественная опасность» не может служить надежным критерием отграничения преступного от непреступного. Этот признак не помогает, напротив, отвлекает от главного – решения вопроса о пределах криминализации и наказательной власти государства, не гарантирует от произвола властей. В вопросах определения преступного фокус внимания должен быть смещен с идеализированного признака общественной опасносности деяния на принципы криминализации: экономии репрессии и

[1] Суд обязал «Норникель» выплатить 146 млрд рублей за разлив топлива в Норильске. Компании удалось сократить претензии государства лишь на 1,3% // РБК: сайт. URL: https://www.rbc.ru/business/05/02/2021/601cfb6d9a7947666e740cda (дата обращения: 11.04.2024).

формальной определенности. С учётом современных реалий в один ряд с ними следует поставить принципы межотраслевой согласованности и соразмерности, поскольку имеется устойчивая тенденция к расширению уголовно-правовых запретов со смешанной противоправностью.

Сами по себе вред или угроза его причинения не могут быть безусловным основанием криминализации деяния, даже если речь идет о сверхопасном деянии, например, экологическом. Необходимо оценивать целесообразность криминализации (объявления преступлением) с позиции возможностей уголовного права влиять на реальные отношения, качественно преобразовывая их. В противном случае сохраняется риск превращения уголовного права в символическое. Это создает иллюзию решения проблем и приводит к прекращению поиска более эффективных инструментов и способов разрешения существующих противоречий.

Список литературы

1. Милюков С. Ф. Общественная опасность как фундаментальная категория уголовного права и криминологии // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 391–395.

2. Гогин А. А. Соотношение понятий общественной опасности и социальной вредности правонарушений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 102–107.

3. Герасимов А. М. Уголовное правонарушение и его элементы. М.: Юрлитинформ, 2020. 176 с.

4. Мирошниченко Д. В. Об общественной опасности как скандале (scandalum), или эмотивистская концепция преступления // Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 76–80.

5. Кузнецова Н. Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Государство и право. 2010. № 6. С. 67–75.

6. Сергеева Е. Ю. Общественная опасность как основной признак преступления и инструмент дифференциации уголовной ответственности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 19–30

7. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов // Правоприменение. 2020. № 4. С. 124–140.

8. Кобзева Е. В. Критерии общественной опасности деяния, учитываемые при дифференциации уголовной и иных видов юридической ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 6(137). С. 207–215.

9. Курс советского уголовного права. Часть общая: в 6 т. Т. 2: Преступление / [АН СССР, Ин-т государства и права ; ред. коллегия : заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А. А. Пионтковский и др.]. М.: Наука, 1970. 516 с.

10. Маньковский Б. Положение на фронте теории социалистического уголовного права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 36 с.

11. Пригов С. А. Преступление и наказание в рабоче-крестьянском государстве. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. 56 с.

12. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. М.: Проспект, 2022. 144 с.

13. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 315 с.

14. Шнейдер М. А. Советское уголовное право, часть Общая. М.: Госюриздат, 1955. 140 с.

15. Пионтковский А. А. Усиление роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы теории советского уголовного права // Советское государство и право. 1961. № 4. С. 60–70.

16. Сахаров А. Б. Должностные преступления и дисциплинарный проступок // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 60–67.

17. Турецкий М. В. Уголовная ответственность и ответственность дисциплинарная. М.: Изд-во МГУ, 1957. 24 с.

18. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.

19. Попов Л. Л., Козлов Ю. М., Овсянко Д. М. Административное право / под ред. Л. Л. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 703 с.

20. Козлов Ю. М. Административное право. М.: Юристъ, 1999. 320 с.

21. Захарчук С. Д., Матвеева Е. В. Административное правонарушение: общественно опасное или общественно вредное деяние // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3 (38). С. 29–38.

22. Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 4(29). С. 131–136.

23. Изюмова Е. С. Разграничение административного правонарушения и преступления в законодательстве советского периода (1917–1991 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3(30). С. 14–19.

24. Пусурманов Г. В. О составе гражданско-правового деликта // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 69–78.

25. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. 2015. № 3. С. 24–44. https://doi.org/10.21869/2409-7543.2015.3.15941

References

1. Milyukov S.F. Public danger as a fundamental category of criminal law and criminology. In: Public danger in criminal, penal enforcement Law and criminology: materials of the XIV Russian Congress of Criminal Law, held on May 30-31, 2024. Moscow: Yurlitinform; 2024. P. 391–395. (In Russ.)

2. Gogin A.A. Correlation of concepts of public danger and social harmfulness of offenses. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;1(45):102–107. (In Russ.)

3. Gerasimov A.M. Criminal offense and its elements. Moscow: Yurlitinform; 2020. 176 p. (In Russ.)

4. Miroshnichenko D.V. About public danger as a scandal (scandalum), or the emotivist concept of crime. *Evrazijskaya advokatura = Eurasian Advocacy*. 2023;(3):76–80. (In Russ.)

5. Kuzneczova N.F. Znachenie obshhestvennoj opasnosti deyanij dlya ikh kriminalizacii i dekriminalizacii. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2010;(6):67–75. (In Russ.)

6. Sergeeva E.Y. Public danger as the main sign of a crime and a tool for differentiating criminal liability. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021;11(1):19–30. (In Russ.)

7. Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Khutov K. M. (eds.) Public danger of crime: the concept and criteria of verification. *Pravoprimenenie = Law enforcement*. 2020;(4):124–140. (In Russ.)

8. Kobzeva E.V. Criteria of public danger of an act taken into account when differentiating criminal and other types of legal liability. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Juridical Academy*. 2020;(6):207–215. (In Russ.)

9. The course of Soviet criminal law. General part. Vol. 2. Crime. Moscow: Nauka; 1970. 516 p. (In Russ.)

10. Man'kovskij B. The situation on the front of the theory of socialist criminal law. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR; 1938. 36 p. (In Russ.)

11. Prigov S.A. Crime and punishment in the workers' and peasants' State. Kharkov: Yurid. izd-vo Narkomyusta USSR; 1925. 56 p.

12. Ponyatovskaya T.G. Conceptual foundations of Russian criminal law: history and modernity. Moscow: Prospekt; 2022. 144 p. (In Russ.)

13. Durmanov N.D. The concept of crime. Moscow: Izd-vo AN SSSR; 1948. 315 p. (In Russ.)

14. Shnejder M.A. Soviet criminal law, General part. Moscow: Gosyurizdat; 1955. 140 p. (In Russ.)

15. Piontkovskij A.A. Strengthening the role of the public in the fight against crime and some issues of the theory of Soviet criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*. 1961;(4):60–70. (In Russ.)

16. Sakharov A.B. Official crimes and disciplinary misconduct. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*. 1955;(2):60–67. (In Russ.)

17. Tureczkij M.V. Criminal and disciplinary liability. Moscow: Izd-vo MGU; 1957. 24 p. (In Russ.)

18. Bakhrakh D.N., Rossinskij B.V., Starilov Y.N. Administrative law. 3rd ed. Moscow: Norma; 2005. 800 p. (In Russ.)

19. Popov L.L., Kozlov Y.M., Ovsyanko D.M. Administrative law / pod red. L. L. Popova. 2nd ed. Moscow: Yurist; 2005. 703 p. (In Russ.)

20. Kozlov Y.M. Administrative law. Moscow: Yurist; 1999. 320 p. (In Russ.)

21. Zakharchuk S.D., Matveeva E.V. Administrative offense: socially dangerous or socially harmful act. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*. 2023;(3):29–38. (In Russ.)

22. Lopashenko N.A. Intersectoral differentiation: a model of criteria taken into account when criminalizing acts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2018;8(4):131–136. (In Russ.)

23. Izyumova E.S. Differentiation of an administrative offense and a crime in the legislation of the Soviet period (1917-1991). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*. 2021;(3):14–19. (In Russ.)

24. Pusurmanov G.V. On the composition of a civil tort. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovanij = Journal of Legal and Economic Research*. 2024;(1):69–78. (In Russ.)

25. Lipinskij D.A., Musatkina A.A. The public danger of an offense in scientific and legislative definitions of Russia and foreign countries. *Voprosy bezopasnosti = Security issues*. 2015;(3):24–44. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2409-7543.2015.3.15941

Информация об авторах / Information about the Authors

Урда Маргарита Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ «Цивилист» кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: urda.ru@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-1711-3031,
Researcher ID: AAD-3227-2021

Урда Артем Остапович, юрисконсульт, Областное бюджетное учреждение «Проектный институт гражданского строительства, планировки и застройки городов и поселков "Курскгражданпроект"», г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: urdaaa@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-7296-3784

Margarita N. Urda, Candidate of Sciences (Juridical), Senior Researcher of the Scientific of the Educational Center “Civilist” of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: urda.ru@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-1711-3031,
Researcher ID: AAD-3227-2021

Artem O. Urda, Legal Consultant, Regional budgetary institution “Design Institute of Civil Engineering, Planning and Development of Cities and Villages “«Kurskgrazhdanproekt»”, Kursk, Russian Federation,
e-mail: urdaaa@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-7296-3784

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-200-213

(cc) BY 4.0

Фонды государственного архива Курской области о состоянии промышленности в 1970-1980-х годах: отрасли и предприятия

Н. Н. Коротеева[1], Д. А. Ирмакова[2] ✉

[1]Российское общество историков-архивистов, Курское отделение
ул. Ленина, д. 57, г. Курск 305000, Российская Федерация

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: 46kursk464646@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В условиях структурных и количественных изменений в современной российской промышленности и, в частности, в региональной промышленности актуальным является обращение к истории развития промышленного производства в условиях развитого социализма. Это был период открытия новых предприятий, наращивания промышленного производства, повышения производительности труда.*

Цель. *Исследовать отрасли и предприятия промышленности Курской области, функционировавшие в 1970-1980-е годы, по фондам Государственного архива Курской области.*

Задачи: *проанализировать научно-справочный аппарат Государственного архива Курской области на предмет детального выявления промышленных предприятий области в исследуемый период.*

Методология. *Авторская методология основана на принципах объективности и всесторонности. При проведении исследования использовались научные методы: синтеза, анализа, обобщения, идеографический.*

Результаты. *В исследовании автор дал характеристику функционировавших в 1970-1980 годах промышленных предприятий Курской области и их отраслевой подчиненности.*

Вывод. *Курская область в период 1970-1980-х годов представляла собой развитый индустриальный регион. Здесь активно функционировало большое количество промышленных предприятий различных отраслей промышленности: от горнометаллургической, атомной, машиностроительной до пищевой. В области сохранились предприятия, действовавшие до Октября 1917 года и затем национализированные. Часть предприятий была открыта до Великой Отечественной войны. Но большинство предприятий области были построены и начали свою производственную деятельность в 1950-1960-е годы. Пройдя через многочисленную смену отраслевой подчиненности, региональная промышленность успешно развивалась в 1970-1980-е годы. Это свидетельство реализации государственной политики, направленной на подъем экономики путем развития промышленного производства.*

Ключевые слова: *промышленные предприятия; отрасли производства; архивные фонды.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Коротеева Н. Н., Ирмакова Д. А. Фонды государственного архива Курской области о состоянии промышленности в 1970-1980-х годах: отрасли и предприятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 200–213. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-200-213

Поступила в редакцию 24.03.2024 Принята к публикации 25.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Коротеева Н. Н., Ирмакова Д. А., 2024

Funds of the state archive of the Kursk region on the state of industry in 1970-1980: industries and enterprises

Natalia N. Koroteeva [1]✉, Darya A. Irmakova [2] ✉

[1]Russian Society of Historians and Archivists
57 Lenin Str., Kursk 305000, Russian Federation

[2]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: marina-elizarova-2016@mail.ru

Abstract

Relevance. *In the context of structural and quantitative changes in modern Russian industry and, in particular, in regional industry, it is relevant to turn to the history of the development of industrial production in the conditions of developed socialism. It was a period of opening new enterprises, increasing industrial production, and increasing labor productivity.*

Purpose. *To investigate the branches and industrial enterprises of the Kursk region, which operated in the 1970s and 1980s. according to the funds of the State Archive of the Kursk region.*

Objectives: *to analyze the scientific reference apparatus of the State Archive of the Kursk region for the detailed identification of industrial enterprises of the Kursk region in the period under study.*

Methodology. *The author's methodology is based on the principles of objectivity and comprehensiveness. During the research, scientific methods were used: synthesis, analysis, generalization, ideographic.*

Results. *In the study, the author gave a description of the industrial enterprises of the Kursk region operating in the 1970s and 1980s and their sectoral subordination.*

Conclusion. *The Kursk region in the 1970s and 1980s was a developed industrial region. A large number of industrial enterprises of various industries were actively operating here: from mining, nuclear, machine-building to food. Enterprises that operated until October 1917 and then nationalized have been preserved in the region. Some of the enterprises were opened before the Great Patriotic War. But most of the enterprises in the region were built and began their production activities in the 1950s and 1960s. Having gone through numerous changes of sectoral subordination, the regional industry successfully developed in the 1970s and 1980s. This is evidence of the implementation of state policy aimed at boosting the economy through the development of industrial production.*

Keywords: *industrial enterprises; industries; archival funds.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Koroteeva N.N., Irmakova D.A. Funds of the state archive of the Kursk region on the state of industry in 1970-1980: industries and enterprises. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):200–213. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-200-213

Received 24.03.2024 Accepted 25.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

История индустриального развития Курской области во второй половине XX века получила достойное отражение в региональной научной литературе. Причем современный период историографии проблемы представлен публикациями, основанными на использовании, прежде всего, архивного материала.

В числе курских ученых, подготовивших фундаментальные труды по социально-экономической истории региона, необходимо, в первую очередь, отметить доцента Н. Г. Кононова. Профессиональный опыт и исключительная работоспо-

собность в части выявления и анализа документальных источников позволили ему в достаточно короткие сроки подготовить к изданию монографии, посвященные восстановлению промышленного потенциала Курской области в 1943–1945 гг. Автор классифицировал предприятия региона по ведомственной принадлежности, отразив в одной из книг производственную деятельность заводов и фабрик союзного и республиканского подчинения [1], а в другой – областного и районного подчинения [2].

За последние 15 лет в Юго-Западном государственном университете сформировалось целое научное направление из числа учеников профессора В. В. Коровина, которые активно исследуют проблемы социально-экономического развития Курской области второй половины XX в. Так, раскрывая различные формы участия курской молодежи в Великой Отечественной войне, А. В. Величко обобщил формы трудовой активности молодых рабочих по восстановлению промышленных и транспортных предприятий [3]. С. С. Коптев исследовал становление и развитие химической промышленности региона. Значительное место в его публикациях отводится как истории запуска на курской земле производства химического волокна [4], так и резиновых технических изделий [5].

Особое внимание молодые исследователи ЮЗГУ уделяли проблемам функционирования такой традиционной для региона отрасли производства, как пищевая промышленность. Например, А. Р. Мирзаханян оценил роль органов планирования в организации восстановления предприятий пищевой промышленности Курской области в послевоенные годы [6]. Р. В. Воронцов исследовал тенденции развития отрасли в послевоенные годы [7], отметив в своих публикациях и специфику работы отдельных производств [8].

Отдельные отрасли производства стали предметом исследования и других аспирантов В. В. Коровина. Так, А. М. Лукин предпринял попытку показать взаимосвязь промышленности и строительства [9], А. В. Хмелевской изучал развитие индустрии моды через работу предприятий легкой промышленности региона [10]. Достаточно закрытая до недавнего времени тема истории отечественного авиаприборостроения нашла отражение в публикациях Д. С. Супорткина [11]. Н. К. Копылов вместе с научным руководителем смог подготовить историографический обзор научной литературы о промышленном развитии региона, изданной на современном этапе [12].

Необходимо отметить, что комплексный подход к разработке темы послевоенной индустриальной модернизации Курской области был предпринят Е. А. Головиным [13], но его исследования, основанные на широкой базе архивных источников, хронологически ограничиваются первой половиной 1960-х гг. [14]

Поэтому вопрос документального обеспечения комплексного исследования истории региональной промышленности в 1970–1980-е гг. не теряет своей актуальности и требует серьезной разработки.

Методология

Методология исследования базировалась на принципах объективности и всесторонности. Принцип объективности позволил отразить конкретные сведения, содержащиеся в научно-справочном аппарате Государственного архива Курской области. Принцип всесторонности применялся для оценки полноты и достоверности информации.

При проведении исследования использовались научные методы: синтеза, анализа, обобщения, идеографический. Метод синтеза позволил выявить определенный фактологический материал и объединить его в целостную картину. Метод анализа оказался полезным в аналитической оценке выявленной информации. Метод обобщения позволил на основе выявленных фактов составить целостную картину о промышленных пред-

приятиях Курской области и их отраслевой подчиненности. Применение идеографического метода позволило авторам максимально точно приблизиться к описанию промышленных предприятий Курской области.

Результаты и их обсуждение

Анализ статистических материалов показал, что в исследуемый период в Курской области функционировало 259 промышленных предприятий [15, с. 192]. Информацию о количестве заводов статсборники 2000-х гг. не предоставляют. Раздел «Промышленность» в них отсутствует. На сайте Fabricators нами найдена информация о 112 заводах Курской области[1]. Остальные курские предприятия пережили акционирование, смену хозяев, ряд искусственных банкротств и распродажу ликвидных активов. Не вписавшись в условия рыночной экономики, большая часть заводов и фабрик области с многолетней трудовой историей прекратила своё существование. Для того чтобы восстановить историческую память о славной промышленности Курского края, проведем полный обзор действовавших в 1970-1980-е гг. предприятий.

В исследуемый период Курская область являлась развитым промышленным регионом, о чем свидетельствуют документальные материалы Государственного архива Курской области. Здесь действовали предприятия различных отраслей: от горнометаллургических до пищевых.

Горнометаллургическая и тяжелая промышленность была представлена такими предприятиями, как Михайловский горнообогатительный комбинат и ПО «Геомаш». В состав Михайловского ГОКа входили: дробильно-сортировочная, дробильно-обогатительная, окомковательная фабрики. Строительство комбината было начато в октябре 1967 г., а первая очередь вступила в строй в декабре 1974 г. [16, л. 6–7]. Перед комбинатом стояли следующие задачи: увеличение объёмов производства, совершенствование технологических процессов, обеспечение высоких качественных показателей, повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции.

Производственное объединение бурового оборудования для геологоразведки «Геомаш» – старейшее предприятие области, основанное еще в 1886 г. как Щигровский чугунолитейный завод, в 20-е годы XX века был переименован в Щигровский механический завод бурового оборудования. С 1976 г. – производственное объединение «Геомаш» [17, л. 1, 26]. На предприятии производилось буровое оборудование: буровые станки, механизмы, средства для сооружения артезианских скважин, буровые установки для механизации строительства, гидравлические домкраты для извлечения обсадных труб из скважины.

Топливная и энергетическая промышленность была представлена образованным в 1958 г. Курским районным энергетическим управлением «Курскэнерго», на базе которого в 1988 г. было организовано Курское производственное объединение энергетики и электрификации «Курскэнерго». В его состав входили: ТЭЦ № 1, Курские тепловые сети, Центральные (Курская, Золотухинская, Бесединская, Октябрьская, Поныровская, Медвенская), Западные (Льговская, Рыльская, Глушковская, Конышевская, Кореневская, Курчатовская), Южные (Обоянская, Беловская, Суджанская, Пристенская, Солнцевская, Большесолдатская), Северные (Железногорская, Дмитриевская, Хомутовская, Фатежская) и Восточные (Щигровская, Черемисиновская, Тимская, Горшеченская, Касторенская, Советская, Мантуровская) электрические сети, Энергонадзор и Курсэнергоспецремонт [18, л. 1, 4, 24–25]. Задачи предприятия: производство, транспорти-

[1] Производственные предприятия Курска: сайт. URL: https:/fabricators (дата обращения 22.02.2024).

ровка и сбыт электрической и тепловой энергии.

Курская атомная электростанция вступила в строй в 1977 г. Ее строительство было начато на основании решения Совета Министров СССР от 29 сентября 1966 г. для удовлетворения энергией бурно развивавшегося в то время территориально-производственного комплекса Курской магнитной аномалии [19, л. 2].

Курское областное управление топливной промышленности с 1988 г. – Курское производственное объединение «Курсктоппром было образовано в 1934 г. как Курская областная контора по заготовкам топлива [20, л. 316]. Предприятие контролировало лесо- и торфозаготовки.

Электротехническая и приборостроительная промышленность была представлена следующими предприятиями:

– государственный союзный завод низковольтной электроаппаратуры для выпуска электротехнических изделий, низко- и высоковольтного оборудования, созданный в 1945 г. В 1970–1980 гг. он назывался Курским производственным объединением «Электроаппарат», в которое входили Кореневский завод «Рубильник», производивший изделия для железнодорожного транспорта (с 1965 г.) и Свободинский электромеханический завод, производивший также изделия для электровозов и подвесно-транспортное электрооборудование (с 1975 г.) [20, с. 319–320];

– завод «Электроагрегат», вступивший в строй в 1952 г., с 1975 г. – Курское производственное объединение «Электроагрегат», выпускавшее электроагрегаты, электростанции, дизель-генераторы [20, с. 321–322];

– курский завод «Аккумулятор». Его строительство началось еще в 1935 г., в 1944 г. проводились работы по его восстановлению. До 1954 г. назывался «Государственный союзный завод № 111». Производил аккумуляторы и аккумуляторные батареи [20, с. 322–323];

– курский завод «Прибор», начавший свою работу в 1959 г. как «Объект А-156» [21, л. 3] для производства авиационных приборов, с 1973 г. – Курское производственно-конструкторское объединение «Прибор», с 1978 г. – Курское производственное объединение «Прибор»;

– курский завод «Маяк» вступил в строй также в 1959 г. как «Курский радиозавод» [22, л. 3] для производства радиоизмерительной аппаратуры, с 1966 г. назывался Курский завод «Маяк», а с 1986 г. – завод «Маяк – п/я В-2703;

– курский завод «Счетмаш»; был организован в 1945 г. и назывался «Курский государственный союзный завод счетных машин», с 1973 г. – Курский завод «Счетмаш», с 1985 г. – Курское производственное объединение «Счетмаш». В этом же году в объединение был включен Рыльский завод чертежных принадлежностей. В этот период объединение выпускало арифмометры, кассовые аппараты, мини-компьютеры [23, с. 154–159].

Машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность, в первую очередь представлена Курским заводом «Спецэлеватормельмаш», который вступил в строй в 1946 г. как Курский литейно-механический завод, в 1972 г. был переименован в Курский опытный завод «Спецэлеватормельмаш» [24, л. 6]. На заводе выпускались и ремонтировались строительные машины, оборудование мельничных и элеваторных предприятий, строительно-монтажный инструмент, разрабатывались новые образцы мельничного и элеваторного оборудования.

Курский завод тракторных запасных частей (далее – КЗТЗ) был организован в 1949 г. как Курский подшипниковый завод № 12. КЗТЗ стал называться с 1953 г. из-за изменения профиля производства: запчасти из чугуна для тракторов, с 1987 г. – производственное объединение «Курский ордена Трудового Красного Знамени за-

вод тракторных запасных частей им. 50-летия СССР» [20, с. 334].

Курский станкостроительный завод – один из старейших в области. В 1915 г. он был вывезен из Латвии и использовался в качестве механических мастерских по обслуживанию железной дороги [20, с. 335]. С 1978 г. назывался Курский завод технологического оборудования, а с 1986 г. – Курский станкостроительный завод. В исследуемый период завод производил установки для авторемонтных заводов, расточные станки, подвесные конвейеры, запчасти для автомашин, тракторов, комбайнов [25, л. 22].

Льговский арматурный завод был организован как литейно-механический завод в 1939 г. на базе бывшего паровозного депо ст. Льгов. Завод занимался производством пароводяной арматуры из серого чугуна и цветных сплавов. С 1960 г. был переименован в Льговский арматурный завод [26].

Двадцатый государственный подшипниковый завод был основан в 1972 г., с 1978 г. – производственное объединение Первый государственный подшипниковый завод [27, л. 5, 10].

Курский завод кузнечно-прессового оборудования, бывший механический завод, основан в 1938 г. После Великой Отечественной войны завод выпускал детали для фабрик первичной обработки волокна [28, л. 12, 13]; с 1966 г. был переименован и осуществлял производство непосредственно кузнечно-прессового оборудования.

Курский ремонтно-механический завод был образован в 1934 г. и назывался Курский механический завод № 1. В 1981 г. был реорганизован в Курский опытно-экспериментальный механический завод [20, с. 340–341].

Следующая отрасль промышленности – химическая и химико-фармацевтическая – представлена следующими предприятиями:

– Курский завод резиновых технических изделий; вступил в строй в 1948 г. и назывался Курский резиновый завод, в 1957 г. был переименован в Курский завод резиновых технических изделий, а в 1985 г. – в производственное объединение «Курскрезинотехника» [20, с. 343];

– завод «Химволокно»; начал строиться в 1956 г., в 1960 г. стал называться Курский завод синтетических волокон, с 1966 г. – комбинат химического волокна, с 1975 г. – Курское производственное объединение «Химволокно» [29, с. 218–222];

– Щигровский завод по переработке пластмасс; вступил в строй в 1931 г. как Щигровский фосфоритный завод. В 1960–1970-е гг. являлся филиалом Охтинского химкомбината «Главпластмасс», затем научно-производственного объединения «Пластполимер» и научно-производственного объединения «Авангард». Фосфоритный рудник перешел в химическую промышленность пластмасс и их переработки. Филиал выпускал липкую полиэтиленовую ленту технического назначения, липкую полиэтиленовую ленту для детского технического творчества, трубы полиэтиленовые. В 1974 г. был переименован в Щигровский завод по переработке пластмасс ПО «Авангард» [30];

– Курский комбинат лекарственных средств; был основан в 1922 г. как фармацевтический завод, в 1956 г. был переименован в химико-фармацевтический, с 1986 г. – производственное химико-фармацевтическое объединение [31, л. 3–4];

– курская «Биофабрика»; была образована в 1931 г. и называлась «маллеино-туберкулиновая», с 1946 г. – Курская биофабрика; изготавливала биопрепараты для ветеринарии [20, с. 349–350].

– Курский завод медицинского стекла; был организован в 1944 г. из стекольного цеха Курского фармзавода и назывался «Государственный стекольный за-

вод № 17», с 1966 г. – Курский завод медицинского стекла [20, с. 351].

Промышленность строительных материалов была представлена двумя предприятиями. Завод «Стройдеталь» был организован в 1953 г., с сентября 1964 г. назывался производственным объединением строительных материалов «Курскстройдеталь». В него входило несколько предприятий: заводы ЖБИ-1 (в Курске), ЖБИ-2, ЖБИ-3 (в Железногорске), завод деревообработки в Курске [32].

Курское производственное объединение промышленных строительных материалов «Курскпромстройматериалы», организованное в 1958 г. как трест, объединяло заводы по производству стройматериалов и стройкомбинаты области. Из треста в объединение был переименован в 1973 г. [20, с. 354]

Лесная и деревообрабатывающая промышленность была представлена одним предприятием – Курской мебельной фабрикой, организованной в 1935 г. В 1970–1980-е гг. фабрика являлась самостоятельным предприятием, работавшим на хозрасчетных началах, и входила в состав Воронежского производственного мебельного объединения «Воронежмебель» Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР [33, л. 3, 19].

Текстильная, трикотажная и швейная промышленность была представлена несколькими предприятиями. Трикотажный комбинат был введен в строй в 1968 г. В 1988 г. на его базе было организовано промышленно-торговое трикотажное объединение, куда, помимо комбината, входили 13 районных филиалов, трикотажная фабрика и два фирменных магазина [34, л. 15]. Предприятие выпускало изделия из полушерстяной и объемной пряжи детского, женского, мужского и спортивного ассортимента.

Курская швейная фабрика была образована в 1922 г. в результате слияния всех швейных мастерских г. Курска. С 1963 г. была переименована в производственное объединение «Швея», в состав которого вошли: швейные фабрики № 2 и № 3, фабрика «Знамя коммунизма» и Курская трикотажная фабрика «Спорт» [35, л. 13, 30].

Трикотажная фабрика, организованная в 1930-е гг., производила бельевой трикотаж. В 1988 г. вошла в состав промышленно-торгового трикотажного объединения [36, л. 12].

Глушковская суконная фабрика – старейшее промышленное предприятие области, организованное в 1719 г. [37] В исследуемый период фабрика производила суконные ткани, в том числе школьное сукно.

Курская фабрика технических тканей была введена в строй в 1971 г. для производства особо прочных фильтровальных, тормозных и других технических тканей [38, л. 3].

Курское производственное объединение «Курскконопляагропром» было образовано как трест в 1934 г. и объединило все предприятия пеньковой промышленности на территории области. Ликвидировано в 1984 г. [20, с. 373]

Курская шпагатно-веревочная фабрика была организована в 1938 г., вырабатывала шпагат, веревку, полипропиленовый шпагат [39, л. 15, 19].

Перейдем к обзору предприятий кожевенной и обувной промышленности. Курский кожевенный завод был основан в середине XIX столетия. После национализации в 1920 г. назывался Третий государственный кожевенный завод, в 1924 г. был объединен со Вторым государственным кожевенным заводом «Комета» и с 1928 г. назывался: Курский кожевенный завод им. Серегина; с 1976 г. – головное предприятие Курского производственного кожевенного объединения [40, л. 6, 14].

Курский завод хромовых кож начал строиться в 1974 г., а в 1976 г. вошел в

состав Курского производственного кожевенного объединения [41, л. 3].

Курская обувная фабрика была организована в начале XX столетия, после национализации в 1920 г. называлась Первая государственная механическая обувная фабрика, с 1970 г. – Курское производственное обувное объединение, куда помимо Курской обувной фабрики вошла и Губкинская обувная фабрика, а с 1977 г. филиалы в с. Ивановском Рыльского района и в с. Будановка Золотухинского района. С 1986 г. – Курское научно-производственное кожевенно-обувное объединение, куда помимо вышеназванных предприятий вошел и Дмитриевский филиал [42, л. 3, 15, 28].

Курская кожгалантерейная фабрика пущена в строй в 1936 г., выпускала женские сумки, портфели, рукавицы, брючные ремни. В 1988 г. в состав фабрики вошла Курская галантерейная фабрика [43, л. 7].

Местная промышленность была представлена Курским учебным опытно-производственным комбинатом художественной росписи по дереву. Он был организован в 1975 г. и производил художественные изделия из древесины с хохломской росписью [20, с. 429–430].

Самая обширная отрасль – пищевая. Это производственное объединение спиртовой и ликероводочной промышленности, организованное в 1934 г. как Курский союзный производственный трест спиртовой и водочной промышленности для руководства всеми предприятиями спиртовой промышленности на территории области, с 1965 г. – Курский трест спиртовой и ликероводочной промышленности, объединивший 8 спиртовых заводов и Курский ликероводочный завод. В 1976 г. на базе Курского ликероводочного завода было образовано Курское областное производственное объединение спиртовой и ликероводочной продукции [20, с. 403]. Курский ликероводочный завод существовал до Октября 1917 г., был национализирован и в 1920-е гг. именовался как Курский ликероналивочный завод [20, с. 404].

Курский дрожжевой завод существовал еще до революции, был национализирован и назывался «Курский дрожже-винокуренный завод № 4», находился в подчинении спиртотреста. В исследуемый период подчинялся российскому промышленному объединению дрожжевой промышленности, был ликвидирован в 1984 г. [20, с. 406]

Курский пивобезалкогольный комбинат был организован в 1975 г. на базе Рышковского пивзавода, Курского завода безалкогольных напитков и построенного в 1972 г. солодовенного завода. Тогда он получил название Курский пивоваренный завод «Сейм». В 1976 г. был реорганизован в Курский пивобезалкогольный комбинат, в 1978 г. к нему был присоединен Белгородский пивоваренный завод [44, л. 4–11, 13].

Курский мясокомбинат, организованный еще до революции, был национализирован в 1920 г., в 1963 г. вошел в состав вновь образованного Курского областного мясоптицекомбината на правах головного предприятия [45, с. 181–190].

Курское производственное объединение молочной промышленности было организовано в 1963 г. как управление по заготовкам и переработке молока, в 1972 г. переименовано в производственное объединение молочной промышленности. В него входили: 27 маслодельных заводов, молочноконсервный завод, Курский городской молочный комбинат, Курский холодильник. В 1974 г. в составе объединения находились: Курский гормолкомбинат, Курский холодильник, 20 головных маслозаводов: Беловский, Глушковский, Горшеченский, Дмитриевский, Золотухинский, Кореневский, Медвенский, Михайловский, Обоянский, Поныровский, Пристенский, Солнцевский, Совет-

ский, Суджанский, Тимский, Фатежский, Хомутовский, Черемисиновский, Щигровский, Ястребовский, Кривецкий завод сухого обезжиренного молока, Рыльский и Краснодолинский головные маслосырзаводы. С 1976 г. в подчинении: Горшеченский, Золотухинский, Краснодолинский, Черемисиновский, Михайловский, Поныровский, Советский, Суджанский, Солнцевский, Щигровский маслозаводы, Кривецкий завод сухого обезжиренного молока, Рыльский сыродельный завод, Курский гормолкомбинат, Курский холодильник. При этом Тимский маслозавод вошел в состав Кривецкого завода сухого обезжиренного молока, Ястребовский – в состав Горшеченского маслозавода. В последующие годы происходили дальнейшие изменения в составе производственного объединения. В 1981 г. был организован Суджанский завод цельного молока, который вместе с Суджанским маслодельным заводом образовали Суджанский маслодельный комбинат, который вошел в состав объединения [46, л. 13–16].

Курский рыбный трест, организованный в 1937 г. для лучшего использования рыбных водоемов области, объединил все рыбхозы и рыбные базы. В 1963 г. назывался Курским рыбопромышленным трестом, в 1973 г. переименован в Курское производственное объединение рыбной промышленности «Курскрыбпром», ликвидирован в 1989 г. [20, с. 421]

Курское производственное объединение консервной промышленности «Курскконсервагропром» было организовано в 1972 г. и объединило Курский вино-консервный, Дмитриевский, Дьяконовский, Золотухинский, Обоянский консервные заводы. Было упразднено в 1986 г. [20, с. 422]

Курский кондитерский комбинат. В 1936 г. была построена Курская кондитерская фабрика № 1, на базе которой в 1977 г. образован Курский кондитерский комбинат, в состав которого еще вошли Курская кондитерская фабрика № 2, фабрика «20 лет Октября», бисквитная фабрика [20, с. 423–424].

Производственное объединение сахарной промышленности было создано в 1934 г. как Курский трест сахарной промышленности для руководства сахарными заводами области, с 1976 г. – производственное объединение. В исследуемый период в него входили: сахарный комбинат им. К. Либкнехта, сахарный завод им. Кирова, сахарный комбинат «Коммунар», сахарный завод им. Куйбышева, сахарный завод «Коллективист», Кшенский сахарный завод и Льговский сахарный комбинат [47, с. 113–115].

Курская табачная фабрика была организована до революции, в 1919 г. национализирована. Активно функционировала все годы, кроме периода немецко-фашистской оккупации: ноябрь 1941 – февраль 1943 г. Главной задачей являлось производство высококачественной продукции: сигарет с фильтром и без фильтра, всемерное удовлетворение потребителей взрослого населения в курительных изделиях с высокими потребительскими свойствами и качеством при минимальных затратах [48].

Курский картонажно-полиграфический комбинат был организован в 1967 г. для обеспечения тарой табачной и кондитерской промышленности. В 1971 г. было организовано Курское производственное объединение по производству тары и упаковки «Спутник», в состав которого вошли Колпнянский картонажно-полиграфический комбинат и Дерюгинская бумажная фабрика. В 1975 г. было переименовано в Курское производственное объединение по изготовлению тары и упаковочных материалов, а Курский и Колпнянский картонажно-полиграфические комбинаты переименованы в фабрики [20, с. 425–426].

Вывод

Проведенный анализ научно-справочного аппарата Государственного архива Курской области показал, что в 1970–1980-е гг. Курская область представляла собой развитый индустриальный регион. Здесь активно функционировало большое количество промышленных предприятий различных отраслей промышленности: от горнометаллургической, атомной, машиностроительной до пищевой. В области сохранились предприятия, действовавшие до Октября 1917 г. и затем национализированные. Часть предприятий была открыта до Великой Отечественной войны. Но большинство предприятий области были построены и начали свою производственную деятельность в 1950–1960-е гг. В исследуемый период происходило объединение предприятий общей отраслевой подчиненности под единым управлением. Пройдя через многочисленную смену отраслевой подчиненности, региональная промышленность успешно развивалась.

Список литературы

1. Кононов Н. Г. Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: первые шаги к возрождению. Кн. 1. Промышленность Курской области союзного и республиканского подчинения. Курск: [Б. и.], 2018. 463 с.

2. Кононов Н. Г. Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: первые шаги к возрождению. Кн. 2. Промышленность Курской области областного и районного подчинения. Курск: [Б. и.], 2020. 725 с.

3. Величко А. В., Кононов Н. Г. Участие молодежи Курской области в патриотических акциях и восстановлении социально-экономического потенциала региона (1943–1945 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 1. С. 133–142.

4. Коптев С. С., Коровин В. В. Становление производства химического волокна в Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2012. № 1, ч. 2. С. 245–247.

5. Коптев С. С., Коровин В. В. Зарождение производства резиновых технических изделий в Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 4. С. 148–151.

6. Коровин В. В., Мирзаханян А. Р. Роль органов планирования в организации восстановления предприятий пищевой промышленности Курской области в послевоенные годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 1. С. 100–106.

7. Воронцов Р. С. Роль научно-технических достижений в развитии отечественной пищевой промышленности в 1950-х – начале 1960-х годов (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 180–187.

8. Воронцов Р. С., Коровин В. В. Архивные документы о влиянии Великой Отечественной войны на состояние предприятий сахарной промышленности. По материалам Курской области // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 578–589.

9. Коровин В. В., Лукин А. М. Особенности развития отечественного индустриального строительства во второй половине XX века (на примере застройки Юго-Западного района города Курска) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 4. С. 153–159.

10. Хмелевской А. В. Проявление стахановского движения на предприятиях легкой промышленности г. Курска // События и люди в документах курских архивов: сборник

статей. Вып. XIII / под ред. В. Л. Богданова. Курск: Центр рекламы «Лоцман», 2015. С. 91–95.

11. Супорткин Д. С. Формирование авиаприборостроительной отрасли в регионе во второй половине XX века (по материалам Курской области) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 124–128. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_124

12. Копылов Н. К., Коровин В. В. История отечественной промышленности второй половины XX века в трудах современных исследователей (региональный аспект) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 106–119.

13. Головин Е. А. Архивные документы о тенденциях развития местной промышленности Курской области в 1950-е годы // События и люди в документах курских архивов: сборник статей. Вып. XIII / под ред. В. Л. Богданова. Курск: Центр рекламы «Лоцман», 2015. С. 53–60.

14. Коровин В. В., Головин Е. А. Архивные документы о развитии отечественной промышленности в 1950–1960-е гг. (по материалам Курской области) // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 87–99.

15. Сводный статежегодник Курской области: статистический сборник. Курск: Курский обл. ком. гос. статистики, 2001. 493 с.

16. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-707. Историческая справка.

17. ГАКО. Ф. Р-161. Историческая справка.

18. ГАКО. Ф. Р-863. Историческая справка.

19. ГАКО. Ф. Р-513. Историческая справка.

20. Государственный архив Курской области. Путеводитель / под ред. В. Л. Богданова. Курск: «Курск», 2005. 869 с.

21. ГАКО. Ф. Р-730. Историческая справка.

22. ГАКО. Ф. Р-812. Историческая справка.

23. Коровин В. В., Головин Е. А. Проблемы становления производства отечественной вычислительной техники (на примере Курского завода «Счетмаш») // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 2, ч. 2. С. 154–159.

24. ГАКО. Ф. Р-216. Историческая справка.

25. ГАКО. Ф. Р-869. Историческая справка.

26. ГАКО. Ф. Р-315. Предисловие к описи.

27. ГАКО. Ф. Р-624. Историческая справка.

28. ГАКО. Ф. Р-684. Предисловие к описи.

29. Головин Е. А. Роль Совета Министров РСФСР в организации строительства Курского завода синтетического волокна (1957–1960 гг.) // Столица и провинция: история взаимоотношений: материалы Шестой региональной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Глазьева. Воронеж: Истоки, 2012. С. 218–222.

30. ГАКО. Ф. Р-363. Предисловие к описи.

31. ГАКО. Ф. Р-851. Предисловие к описи.

32. ГАКО. Ф. Р-504. Историческая справка.

33. ГАКО. Ф. Р-23. Историческая справка.

34. ГАКО. Ф. Р-394. Историческая справка.

35. ГАКО. Ф. Р-410. Предисловие к описи.

36. ГАКО. Ф. Р-425. Историческая справка.

37. ГАКО. Ф. Р-804. Предисловие к описи.

38. ГАКО. Ф. Р-995. Историческая справка.

39. ГАКО. Ф. Р-562. Историческая справка.
40. ГАКО. Ф. Р-457. Историческая справка.
41. ГАКО. Ф. Р-461. Историческая справка.
42. ГАКО. Ф. Р-634. Предисловие к описи.
43. ГАКО. Ф. Р-940. Историческая справка.
44. ГАКО. Ф. Р-501. Историческая справка.
45. Воронцов Р. С., Головин Е. А. О некоторых проблемах развития предприятий отечественной пищевой промышленности в 1950-х – начале 1960-х годов (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 181–190.
46. ГАКО. Ф. Р-668. Историческая справка.
47. Коровин В. В., Головин Е. А. Проблемы развития сахарной промышленности Курской области во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. Т. 273, № 4. С. 113–115.
48. ГАКО. Ф. Р-182. Историческая справка.

References

1. Kononov N.G. The industry of the Kursk region in 1943-1945: the first steps towards revival. Book 1. Industry of the Kursk region of union and republican subordination. Kursk, 2018. 463 p. (In Russ.)
2. Kononov N.G. The industry of the Kursk region in 1943-1945: the first steps towards revival. Book 2. Industry of the Kursk region of union and republican subordination. Kursk, 2020. 725 p. (In Russ.)
3. Velichko A.V., Kononov N.G. Participation of the youth of the Kursk region in patriotic actions and restoration of the social and economic potential of the region (1943-1945). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2016;(1):133–142. (In Russ.)
4. Koptev S.S., Korovin V.V. The establishment of chemical fiber production in the Kursk region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2012;1(2):245–247. (In Russ.)
5. Koptev S.S., Korovin V.V. The origin of the production of rubber technical products in the Kursk region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University.* 2013;(4):148–151. (In Russ.)
6. Korovin V.V., Mirzakhanyan A.R. The role of planning authorities in organizing the restoration of food industry enterprises in the Kursk region in the post-war years. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2015;(1):100–106. (In Russ.)
7. Voronczov R.S. The role of scientific and technical achievements in the development of the domestic food industry in the 1950s - early 1960s (based on materials from the Kursk region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2018;8(1):180–187. (In Russ.)
8. Voronczov R.S., Korovin V.V. Archival documents on the impact of the Great Patriotic War on the state of sugar industry enterprises. Based on materials from the Kursk region. *Vestnik arkhivista = Archivist's Bulletin*. 2020;(2):578–589. (In Russ.)
9. Korovin V.V., Lukin A.M. Features of the development of domestic industrial construction in the second half of the twentieth century (on the example of the development of the

Southwestern district of the city of Kursk). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2014;(4):153–159. (In Russ.)

10. Khmelevskoj A.V. The manifestation of the Stakhanov movement in the light industry enterprises of Kursk. In: Bogdanova V. L. (ed.) *Sobytiya i lyudi v dokumentakh kurskikh arkhivov: cbornik statej = Events and people in the documents of the Kursk archives: a collection of articles*. Is. XIII. Kursk: Centr reklamy′ "Loczman"; 2015. P. 91–95. (In Russ.)

11. Suportkin D.S. The formation of the aviation equipment industry in the region in the second half of the twentieth century (based on materials from the Kursk region). *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University*. 2020;(3):124–128. (In Russ.) https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_124

12. Kopylov N.K., Korovin V.V. The history of domestic industry in the second half of the twentieth century in the works of modern researchers (regional aspect). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021;11(2):106–119. (In Russ.)

13. Golovin E.A. Archival documents on trends in the development of local industry in the Kursk region in the 1950s. In: Bogdanova V.L. (ed.) *Sobytiya i lyudi v dokumentax kurskikh arkhivov: sbornik statej = Events and people in the documents of the Kursk archives: a collection of articles*. Kursk: Centr reklamy "Loczman"; 2015. P. 53–60. (In Russ.)

14. Korovin V.V., Golovin E.A. Archival documents on the development of domestic industry in the 1950s and 1960s (based on materials from the Kursk region). *Vestnik arkhivista = Bulletin of the archivist*. 2016;(4):87–99. (In Russ.)

15. Summary stategodnik of the Kursk region: statistical collection. Kursk: Kurskij obl. kom. gos. statistiki, 2001. 493 p. (In Russ.)

16. GAKO (The State Archive of the Kursk region). F. R-707. Historical background. (In Russ.)

17. GAKO. F. R-161. Historical background. (In Russ.)

18. GAKO. F. R-863. Historical background. (In Russ.)

19. GAKO. F. R-513. Historical background. (In Russ.)

20. Bogdanova V.L. (ed.) The State archive of the Kursk region. Travel Guide. Kursk: Kursk, 2005. 869 p. (In Russ.)

21. GAKO. F. R-730. Historical background. (In Russ.)

22. GAKO. F. R-812. Historical background. (In Russ.)

23. Korovin V.V., Golovin E.A. Problems of the formation of the production of domestic computer technology (using the example of the Kursk plant "Schetmash"). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2012;2(2):154–159. (In Russ.)

24. GAKO. F. R-216. Historical background. (In Russ.)

25. GAKO. F. R-869. Historical background. (In Russ.)

26. GAKO. F. R-315. Historical background. (In Russ.)

27. GAKO. F. R-624. Historical background. (In Russ.)

28. GAKO. F. R-684. Historical background. (In Russ.)

29. Golovin E.A. The role of the Council of Ministers of the RSFSR in organizing the construction of the Kursk Synthetic Fiber Plant (1957–1960). In: Glaz′eva V. N. (ed.) *Stolicza i provinciya: istoriya vzaimootnoshenij: materialy Shestoj regionalnoj nauchnoj konferencii = Capital and Province: the history of relations: materials of the Sixth Regional Scientific Conference*. Voronezh: Istoki; 2012. P. 218–222. (In Russ.)

30. GAKO. F. R-363. Preface to the inventory. (In Russ.)

31. GAKO. F. R-851. Preface to the inventory. (In Russ.)
32. GAKO. F. R-504. Historical background. (In Russ.)
33. GAKO. F. R-23. Historical background. (In Russ.)
34. GAKO. F. R-394. Historical background. (In Russ.)
35. GAKO. F. R-410. Preface to the inventory. (In Russ.)
36. GAKO. F. R-425. Historical background. (In Russ.)
37. GAKO. F. R-804. Preface to the inventory. (In Russ.)
38. GAKO. F. R-995. Historical background. (In Russ.)
39. GAKO. F. R-562. Historical background. (In Russ.)
40. GAKO. F. R-457. Historical background. (In Russ.)
41. GAKO. F. R-461. Historical background. (In Russ.)
42. GAKO. F. R-634. Preface to the inventory. (In Russ.)
43. GAKO. F. R-940. Historical background. (In Russ.)
44. GAKO. F. R-501. Historical background. (In Russ.)
45. Voronczov R.S., Golovin E.A. About some problems of the development of enterprises of the domestic food industry in the 1950s - early 1960s (based on materials from the Kursk region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2017;7(4):181–190. (In Russ.)
46. GAKO. F. R-668. Historical background. (In Russ.)
47. Korovin V.V., Golovin E.A. Problems of the development of the sugar industry in the Kursk region in the second half of the 1950s - early 1960s. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestiya Voronezh State Pedagogical University*. 2016;273(4):113–115. (In Russ.)
48. GAKO. F. R-182. Historical background. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Коротеева Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Курское отделение Российского общества историков-архивистов, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: koronna.nat@mail.ru, ORCID: 0009-0000-8351-5613

Ирмакова Дарья Александровна, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: 46kursk464646@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3511-5046

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Sciences (Historical), Kursk Branch of the Russian Society of Historians and Archivists, Kursk, Russian Federation, e-mail: koronna.nat@mail.ru, ORCID: 0009-0000-8351-5613

Darya A. Irmakova, Post-Graduate Student, Departments of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: 46kursk464646@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3511-5046

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-214-222

CC BY 4.0

Опыт преподавания отечественной истории и основ конституционных знаний в конце 1930-х – начале 1940-х годов (на примере железнодорожных школ Курской области)

В. В. Коровин[1], Р. В. Коровин[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Резюме

Актуальность *заявленной темы определяется особой социальной значимостью школьного исторического образования. Тридцатилетняя жизнь российского общества и государства в условиях идеологического и политического многообразия, а также полная деградация западной шкалы либеральных ценностей привели к осознанию большей частью россиян необходимости ориентации на приверженность традиционным моральным устоям, основанным на идеях патриотизма и гуманизма. Их основным проводником и является отечественная система образования. Поэтому противоречивый опыт преподавания истории в школе вызывает профессиональный интерес исследователей и преподавателей-практиков.*

Цель исследования *– на основе архивных документов и опубликованных материалов раскрыть особенности преподавания истории в предвоенные годы на примере ведомственных учебных заведений железнодорожного транспорта.*

Задачи*: охарактеризовать противоречия процесса внедрения историко-обществоведческих дисциплин в школьное образование; отразить роль исторических знаний в патриотическом воспитании подрастающего поколения.*

Методология*. В основу исследования были положены принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач авторами использовались методы: историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, типологический, ретроспективный.*

Результаты*. Исследование опыта преподавания историко-обществоведческого цикла учебных дисциплин в предвоенные годы на примере ведомственных образовательных учреждений железнодорожного транспорта позволило объективно оценить влияние гуманитарной подготовки учащихся на становление их гражданской позиции и воспитание патриотических чувств, что оказало решающее значение на модель поведения выпускников железнодорожных школ в период военных испытаний и последующего восстановления народного хозяйства.*

Выводы*. Опыт преподавания истории и основ конституционных знаний, накопленный в предвоенный период, достоин применения в условиях современного реформирования исторического образования. Признание ведущей роли отечественной истории в формировании мировоззрения подрастающего поколения требует системного подхода в обучении и воспитании молодых людей на основе любви и уважения к своей Родине.*

Ключевые слова*: отечественная история; исторические кружки; гражданско-патриотическое воспитание; общественно-политическая активность; железнодорожная школа.*

Финансирование*: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Коровин В. В., Коровин Р. В. Опыт преподавания отечественной истории и основ конституционных знаний в конце 1930-х – начале 1940-х годов (на примере железнодорожных школ Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 214–222. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-214-222

Поступила в редакцию 19.04.2024 Принята к публикации 25.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Коровин В. В., Коровин Р. В., 2024

The experience of teaching national history and the foundations of constitutional knowledge in the late 1930s early 1940s (using the example of railway schools in the Kursk region)

Vladimir V. Korovin[1], Roman V. Korovin[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Abstract

*The **relevance** of the topic under discussion is determined by the significant social importance of school history education. Over thirty years of Russian society's and state's life in conditions of ideological and political diversity, as well as the complete erosion of the Western-scale liberal values, has led to most Russians realizing the need to adhere to traditional moral principles based on ideas of patriotism and humanism. The domestic education system is the main vehicle for this. Therefore, the controversial experience of teaching history in schools arouses professional interest among researchers and practicing teachers.*

*The **purpose** of the study is to reveal the peculiarities of teaching history in the pre–war years on the basis of archival documents and published materials on the example of departmental educational institutions of railway transport.*

***Objectives**: to characterize the contradictions of the process of introducing historical and social sciences disciplines into school education; to reflect the role of historical knowledge in the patriotic education of the younger generation.*

***Methodology**. The research was based on the principles of objectivity and historicism. To solve the tasks set by the author, the methods of historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative, typological, retrospective were used.*

***Results**. The study of the experience of teaching the historical and social sciences cycle of academic disciplines in the pre-war years on the example of departmental educational institutions of railway transport made it possible to objectively assess the impact of humanitarian training of students on the formation of their civic position and the education of patriotic feelings, which had a decisive impact on the behavior of graduates of railway schools during the period of military trials and subsequent restoration of the national economy.*

***Conclusions**. The experience of teaching history and the foundations of constitutional knowledge accumulated in the pre-war period is worthy of application in the context of modern reform of historical education. Recognition of the leading role of national history in shaping the worldview of the younger generation requires a systematic approach in teaching and educating young people based on love and respect for their Homeland.*

***Keywords**: national history; historical circles; civic and patriotic education; socio-political activity; railway school.*

***Funding**: The publication was carried out within the framework of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).*

***Conflict of interest:** The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Korovin V.V., Korovin R.V. The experience of teaching national history and the foundations of constitutional knowledge in the late 1930s early 1940s (using the example of railway schools in the Kursk region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):214–222. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-214-222

Received 19.04.2024 Accepted 25.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

В статье впервые в региональной исторической литературе анализируется ход преподавания истории и Конституции Советского Союза в начальных, неполных и средних школах. Перестройка

школьных программ по преподаванию истории и Конституции СССР проводилась с 15 мая 1934 г. после принятия Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах в СССР». В ходе внимательного анализа конспектов будущего учебного пособия и многочисленных замечаний, высказанных И. В. Сталиным, а также видными партийными деятелями А. А. Ждановым и С. М. Кировым, учёными Московского педагогического государственного института им. А. С. Бубнова под руководством проф. А. В. Шестакова был подготовлен для 3–4-х классов школы «Краткий курс истории СССР».

В статье анализируется внедрение в школы передовых методик преподавания истории и Конституции, по повышению квалификации педагогов общественных дисциплин.

В исследовании анализируется опыт коллективов школ системы Народного комиссариата путей сообщения СССР по перестройке исторического образования, по воспитанию учащихся на гражданско-патриотических традициях.

Методология

В основу исследования были положены принципы объективности и историзма, предполагающие беспристрастный анализ разностороннего комплекса источников, выявление как позитивных, так и негативных аспектов рассматриваемого в развитии явления. Для решения поставленных задач авторами использовались методы: историко-генетический, который позволил последовательно выявить изменения в подходах к школьному историческому образованию; историко-системный, представляющий исследуемую проблему преподавания истории в предвоенный период как составную часть истории образовательного процесса, взаимосвязанную с другими социальными явлениями и тенденциями; историко-сравнительный, способствующий сопоставлению различных аспектов гуманитарного образования во времени и в пространстве; типологический, позволяющий классифицировать характерные черты системы ведомственного образования; ретроспективный, предполагающий восстановление хода событий прошлого.

Результаты и их обсуждение

Одним из ключевых этапов внедрения новых государственных подходов в организацию образовательного процесса следует признать выступление Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина 28 ноября 1938 г. на Всесоюзном совещании «Учителей-отличников». «У нас создается новый человек социалистического общества. Этому человеку надо прививать самые лучшие человеческие качества. Ведь новый, социалистический человек, он не будет человеком, у которого отсутствуют человеческие чувства…», – так обозначил гуманитарную сущность системы образования глава высшего органа государственной власти [1, с. 324].

19 сентября 1940 г., выступая на собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической академии РККА, М. И. Калинин подчеркнул, что «...одно дело нести знания, учить, а другое дело – воспитывать. Причем воспитывать… гораздо труднее, чем учить, давать общее и специальное образование. Чтобы действительно воспитывать, для этого надо не только хорошо знать своё дело, но иметь еще чистую душу…» [2, с. 269]. Под понятием «души» М. И. Калинин понимал моральный облик воспитателя и его нравственность, именуемую совестью. В советских школах важнейшим инструментом воспитания у учащихся чувства любви и преданности своей Родине становилось принципиальное изменение изучения отечественной истории. У И. В. Сталина к середине 1930-х гг. сформировалось решительное несогласие с однозначно «очернительской» трактовкой до-

революционного прошлого России, преподносимое учащимся. И. В. Сталин с уверенностью считал, что было необходимо срочно вносить коренные изменения в обучение отечественной истории в школах [3, с. 282].

15 мая 1934 г. было принято Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»[1]. В соответствии с принятым постановлением из школьных программ была изъята «Русская история» известного марксиста М. Н. Покровского. Ведь она изображала прошлое страны только как период беспросветного мрака и дикости.

Приёмный сын И. В. Сталина А. Ф. Сергеев вспоминал, что «на даче в Сочи Сталин и Киров работали над указаниями по составлению учебника «История СССР», который вышел под редакцией профессора [А. В.] Шестакова. Сталин сам блестяще знал историю, в том числе историю войн, знал все великие сражения… Знал, каково в них было соотношение сил, чем завершились эти сражения… Сталин хорошо знал историю войн, потому что готовился к войне, специально уделяя этому вопросу внимание…» [4, с. 380]

Нескольким группам историков было дано задание подготовить новые школьные учебники по истории СССР и новой истории, в которых бы отсутствовала предшествующая русофобия. Большинство из конспектов будущих учебников внимательно проанализировали И. В. Сталин, а также видные деятели ВКП(б) А. А. Жданов и С. М. Киров. В начале августа 1934 г. ими были составлены «замечания», в которых И. В. Сталин предложил примерную периодизацию событий, происходивших в истории России, дал оценку историческим личностям, внесшим значительный вклад в развитие Отечества [5, с. 152].

Так, оценивая роль царя Ивана IV Грозного (1530–1584) в становлении Русского государства, И. В. Сталин подчеркивал, что «Царь Иван был великий и мудрый правитель... Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния» [4, с. 502].

Оценивая значение Петра I в возвеличивании Российской империи, И. В. Сталин отмечал: «Петр I – великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в стране, допустив онемечивание России...» [6, с. 326].

К 1937 г. для учащихся 3-4-х классов средней школы был подготовлен учебник под названием «Краткий курс истории СССР». Его авторами стали специалисты под руководством профессора МПГИ им. А. С. Бубнова доктора исторических наук А. В. Шестакова. Одобренный руководством партии и государства новый учебник признавался на тот момент «решающим условием в деле улучшения постановки преподавания истории СССР в школах» [7, л. 8].

После принятия указанного партийно-государственного постановления в школах страны повсеместно наметилась тенденция к совершенствованию содержания и методики преподавания истории. На уроках многие учителя общественных дисциплин использовали дополнительную историческую информацию, сопровождали свое повествование цитатами из художественных произведений, иллюстрировали изучаемый материал наглядными пособиями. На конкретном историческом материале учителя стремились активно воспитывать у своих учеников чувство патриотизма к советской Родине.

19 марта 1938 г. бюро Курского обкома ВКП(б) приняло постановление «О состоянии преподавания истории СССР в школах» [8, л. 44–45]. В нем был отмечен

[1] Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. 16 мая.

интерес молодежи к истории, который часто углублялся занятиями в исторических кружках. Обком партии в числе положительных примеров отмечал передовой педагогический опыт и в железнодорожных школах ст. Уразово Московско-Донбасской ж.д. и ст. Ржава Южной ж.д. Средняя успеваемость учащихся по истории в них составляла от 82 до 98% [9, л. 58].

Наряду с этим в постановлении бюро обкома партии подчеркивалось, что в деятельности ряда школьных коллективов преподавание истории Советского Союза оставалось явно неудовлетворительным. К числу основных причин такого положения были отнесены: недостаточная подготовка многих преподавателей, низкий методический уровень проводимых занятий. У некоторых учителей оставался низким теоретический уровень политико-государствоведческих знаний, в связи с чем они не могли эмоционально и доходчиво изложить исторический материал школьникам.

В ряде районов Курской области (Поныровском, Льговском, Иванинском, Кореневском, Суджанском и др.) семинары учителей-историков проводились нерегулярно. Поэтому учителя истории из железнодорожных школ, располагавшихся на ст. Поныри, Коренево, Льгов и Суджа, не всегда имели возможность повышать профессиональную квалификацию на этих семинарах.

Бюро Курского обкома партии обязало заведующего облоно М. Г. Макаровского в короткий срок «перестроить руководство органов народного образования в деле преподавания истории в школах и установить чёткий контроль за преподаванием истории СССР и Конституции» [8, л. 44]. В каждом районе предписывалось до 1 апреля 1938 г. возобновить работу семинаров с преподавателями истории, привлекая для их проведения сотрудников Курского педагогического института.

С целью повышения квалификации открывались курсы руководителей семинаров для учителей-историков, в школах создавались кабинеты истории, стимулировавшие участие учащихся в работе исторических кружков [8, л. 45].

В 1937 г. руководители железнодорожных школ, находившихся в структуре дорожных школьных отделов, получили методические рекомендации по проведению в школах уроков Конституции СССР. Они были утверждены начальником Центрального отдела школ НКПС М. Я. Эпштейном [10, л. 64–65].

По этим рекомендациям предусматривалось проведение шести уроков для учащихся 7–8-х классов. Их темы распределились следующим образом: 1-й – обсуждение документов VIII съезда Советов СССР, утвердившего 5 декабря 1936 г. Конституцию Советского Союза; 2-й – изменение экономики СССР в 1924–1936 гг.; 3-й – рабочий класс, крестьянство и интеллигенция СССР; 4-й – СССР – государство рабочих и крестьян; государственное руководство, диктатура рабочего класса; 5-й – социалистическая система хозяйствования, государственная собственность на средства производства; 6-й – колхозно-кооперативная собственность, состояние колхозов, право личной собственности граждан [10, л. 65–66].

Перестройка преподавания школьного курса истории оперативно приводила к позитивным изменениям в деле культурного, эстетического и политико-нравственного воспитания учеников. Так, в железнодорожной школе № 39, расположенной в Кировском районе г. Курска, историю и Конституцию СССР преподавал сам директор школы К. И. Анциферов [11, л. 287]. За активную педагогическую деятельность приказом Наркома путей сообщения СССР № 305 от 10 ноября 1938 г. он был отмечен именными часами [12, л. 121].

Как отмечалось на IV Курской городской комсомольской конференции, состоявшейся 21 сентября 1940 г., в кол-

лективе железнодорожной школы № 39, насчитывавшем 49 человек [13, л. 74], «все болеют за каждую полученную оценку, за всякий дисциплинарный проступок учащихся» [14, л. 28]. Выступая на VIII Курской городской партийной конференции (1940 г.), секретарь горкома партии П. И. Доронин указывал, что в 1939/1940 учебном году лучшую успеваемость и учебно-воспитательную работу продемонстрировал коллектив железнодорожной школы № 39 [15, л. 44].

В школе № 39 активно действовало 18 пионерских отрядов, было развернуто соревнование за отличную учебу. Из 713 пионеров школы 156 были отличниками по всем предметам. В школе работали драматический, хоровой, исторический, литературный и художественный кружки. В них из 925 учащихся школы занимались более 700 человек. 550 учеников старших классов школы № 39 успешно сдали нормы на значки ГТО, ГСО, ПВХО и ЮВС. В 1937–1940 гг. коллектив школы № 39 на ст. Курск занимал первое место среди школ железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского [16, л. 45, 48].

Весьма значимую роль в воспитании учащихся школы № 39 играли старшие пионервожатые В. Ф. Костин и Д. Ф. Горяинов [12, л. 440], классные вожатые К. Н. Калугина и З. С. Емельянова. Комсомолка К. Н. Калугина, с 1936 г. работавшая вожатой в школе № 39, сама была отмечена тремя оборонными значками [17, л. 19].

Активное участие 85 человек в работе оборонных кружков способствовало личностной ориентации и социализации молодежи. Многие выпускники после окончания железнодорожной школы № 39 по комсомольскому набору были направлены для службы на Военно-морском и Военно-воздушном флотах [18, с. 177]. Так, после окончания девяти классов школы № 39 сын машиниста паровоза Анатолий Кисов был направлен на учебу в Ленинградское военно-морское училище им. М. В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны командир отряда бригады торпедных катеров А. И. Кисов отличился в сражениях по освобождению Советского Заполярья [19, с. 119–120]. 5 ноября 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР капитан-лейтенанту А. И. Кисову было присвоено звание Героя Советского Союза [20, с. 54].

В июле 1941 г. более 50 учащихся старших классов школы № 39 добровольно вступили в состав Кировского полка народного ополчения, первым комиссаром которого был утвержден директор школы К. И. Анциферов [21, л. 132]. Некоторые из них погибли в ноябрьских боях 1941 г. при обороне гор. Курска.

В историческом и художественных кружках в школе № 39 занимался и сын самодеятельных музыкантов-железнодорожников В. Н. Людвиковский. После окончания Курского музыкального училища он в 1948 г. попал в джаз-оркестр под управлением почетного железнодорожника Л. О. Утесова. С 1966 по 1973 г. Вадим Людвиковский являлся художественным руководителем и дирижёром Концертного эстрадного ансамбля Гостелерадио СССР. Позднее, как композитор, он занимался в стиле джазовой лирики [22, с. 41].

В заключение отметим, что в настоящее время, как и 90 лет назад, руководство страны и лично Президент РФ В. В. Путин указывают на необходимость кардинального изменения подходов к изучению отечественной истории как в средней школе, так и в высших учебных заведениях. Следует признать, что за предшествующее тридцатилетие под влиянием либеральной интеллигенции, проповедовавшей глобалистские западные ценности, преподавание истории получило явно антипатриотическую направленность [23, с. 5–26]. Много лет школьникам, обучавшимся по таким учебникам,

написанным при финансовой поддержке «Открытого общества» Дж. Сороса, явно компрадорскими историками, навязывалось безапелляционно негативное отношение ко многим историческим событиям и явлениям, выдающимся историческим личностям, внесшим значимый вклад в развитие нашей страны в разные периоды [24, с. 148–163].

Не случайно Т. А. Хагуров и А. А. Остапенко подчеркивают: войну с историческим беспамятством молодежи, проявлениями экстремизма и индивидуализма должен выиграть учитель истории и литературы. Но эти же авторы с явным сомнением спрашивают: «Сможет ли?» [25, с. 112–127].

Выводы

Согласно рекомендациям В. В. Путина, с 2022 г. для старших классов средней школы подготовлен принципиально новый по содержанию и патриотической направленности учебник новейшей истории Российской Федерации. В связи с принципиальной реформацией подходов к преподаванию отечественной истории для учителей-предметников, организаторов внеклассной воспитательной работы крайне важен опыт, накопленный их предшественниками во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов.

Список литературы

1. Калинин М. И. Избранные произведения: в 4-х т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1962. 493 с.

2. Калинин М. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1975. 448 с.

3. Лобанов М. П. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М.: Алгоритм, 2008. 672 с.

4. Сталин: Pro et contra: [антология]. Т. 1 / сост., вступ. статья, коммент. А. А. Хлевов. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2015. 878 с.

5. Емельянов Ю. В. Сталин: на вершине власти. М.: Вече, 2002. 544 с.

6. Иосиф Виссарионович Сталин: энциклопедия / сост. В. В. Суходеев. М.: Алгоритм, 2006. 494 с.

7. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1590.

8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1250.

9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1251.

10. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1884. Оп. 75. Д. 92.

11. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 572.

12. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 40. Д. 905.

13. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 110.

14. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 194.

15. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 609.

16. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 46.

17. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 29.

18. Горяинов Д. Ф. Мужали в труде // В боях и в труде. Из истории Курской областной комсомольской организации: (Воспоминания, статьи, очерки, документы) / под ред. О. А. Клыкова. Курск: Курское кн. изд-во, 1959. 322 с.

19. Звезды славы боевой: [Герои Сов. Союза и кавалеры ордена Славы Курской обл.] / Администрация Курской обл.; [науч. ред. И. Г. Гришков]. Курск: Курскинформпечать, 1995. 463 с.

20. Золотые звезды курян. Краткий биографический справочник / под ред. Р. В. Старовойта. Курск: Планета+, 2019. 280 с.

21. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 156.

22. Большая Курская энциклопедия. Т. 1, кн. 2 / гл. ред. Ю. А. Бугров. Курск: Курская гор. тип., 2008. 239 с.

23. Вяземский Е. Е. Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. 2013. № 3. С. 5–26.

24. Кацва Л. А. Преподавание истории в современной российской средней школе: проблемы и перспективы // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 148–163.

25. Хагуров Т. А., Остапенко А. А. Войну с экстремизмом и индивидуализмом должен выиграть учитель истории и литературы, но сможет ли? // 1917–2017: уроки столетия. От культурно-нравственного распада к культурно-нравственному возрождению: материалы I Арсеньевских чтений – регионального этапа XXV международных рождественских образовательных чтений: 1917-2017: уроки столетия / науч. ред. и сост. К. В. Зелинский (протоиерей)]. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2018. С. 112–127.

Reference

1. Kalinin M.I. Selected works. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat; 1962. 493 p. (In Russ.)

2. Kalinin M I. Selected works. Moscow: Politizdat; 1975. 448 p. (In Russ.)

3. Lobanov M.P. Stalin in the memoirs of contemporaries and documents of the epoch. Moscow: Algoritm; 2008. 672 p. (In Russ.)

4. Khlevov A.A. (ed.) Stalin: Pro et contra [anthology]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd-vo Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akad.; 2015. 878 p. (In Russ.)

5. Emel′yanov Y.V. Stalin: at the top of power. Moscow: Veche; 2002. 544 p. (In Russ.)

6. Sukhodeev V.V. (ed.) Joseph Vissarionovich Stalin: an encyclopedia. Moscow: Algoritm; 2006. 494 p. (In Russ.)

7. GAOPIKO (The State Archive of the Socio-Political History of the Kursk region). F. P-1. Op. 1. D. 1590. (In Russ.)

8. GAOPIKO. F. P-1. Op. 1. D. 1250. (In Russ.)

9. GAOPIKO. F. P-1. Op. 1. D. 1251. (In Russ.)

10. RGAE (Russian State Archive of Economics). F. 1884. O. 75. D. 92. (In Russ.)

11. GAOPIKO. F. P-1. Op. 1. D. 572. (In Russ.)

12. RGAEё. F. 1884. Op. 40. D. 905. (In Russ.)

13. GAOPIKO. F. P-2160. Op. 1. D. 110. (In Russ.)

14. GAOPIKO. F. P-40. Op. 1. D. 194. (In Russ.)

15. GAOPIKO. F. P-2878. Op. 1. D. 609. (In Russ.)

16. GAOPIKO. F. P-174. Op. 1. D. 46. (In Russ.)

17. GAOPIKO. F. P-174. Op. 1. D. 29. (In Russ.)

18. Goryainov D.F. They took courage in labor. In: Klykova O.A. (ed.). In battles and in labor. From the history of the Kursk regional Komsomol organization: (Memoirs, articles, essays, documents). Kursk: Kurskoe kn. izd-vo; 1959. 322 p. (In Russ.)

19. Grishkovo I.G. (ed.) Stars of military glory: [Heroes of owls. The Union and the Knights of the Order of Glory of the Kursk region. Kursk: Kurskinformpechat′; 1995. 463 p. (In Russ.)

20. Starovojt R.V. (ed.) The golden stars of the Kuryans. A short biographical guide. Kursk: Planeta+; 2019. 280 p. (In Russ.)

21. GAOPIKO. F. P-2160. Op. 1. D. 156. (In Russ.)

22. Bugrov Y.A. (ed.) The Great Kursk Encyclopedia. Vol. 1, kn. 2. Kursk: Kurskaya gor. tip.; 2008. 239 p. (In Russ.)

23. Vyazemskij E.E. The educational policy of post-Soviet Russia and the reform of general historical education. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2013;(3):5–26. (In Russ.)

24. Kaczva L.A. Teaching history in a modern Russian secondary school: problems and prospects. *Voprosy obrazovaniya = Education issues*. 2005;(2)148–163. (In Russ.)

25. Khagurov T.A., Ostapenko A.A. A history and literature teacher should win the war against extremism and individualism, but will he be able to? In: K.V. Zelinskij *1917-2017: uroki stoletiya. Ot kul′turno-nravstvennogo raspada k kul′turno-nravstvennomu vozrozhdeniyu: materialy I Arsen′evskikh chtenij – regional′nogo e′tapa XXV mezhdunarodnykh rozhdestvenskikh obrazovatel′nykh chtenij: 1917-2017: uroki stoletiya = 1917-2017: lessons of the century. From cultural and moral disintegration to cultural and moral revival: materials of the I Arseniev Readings - the regional stage of the XXV International Christmas Educational readings: 1917-2017: lessons of the century*. Volgograd: PrinTerra-Dizajn; 2018. P. 112–127. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vlavikor@yandex.ru

Vladimir V. Korovin, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vlavikor@yandex.ru

Коровин Роман Валерьевич, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Roman V. Korovin, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: rvkorovin@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-223-232

(cc) BY 4.0

Отмена крепостного права и положение пореформенного крестьянства в России в оценках В. П. Мещерского

А. М. Ипатов[1], Р. В. Обоимова[1] ✉

[1] Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, д. 86, г. Воронеж 394043, Российская Федерация

✉ e-mail: molot.tora@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье предпринята попытка представить оценку влиятельным консервативным публицистом и издателем журнала «Гражданин» В. П. Мещерским событий отмены крепостного права и пореформенного положения российского крестьянства. Обращение к изучению данного вопроса позволяет расширить представление о существовавших мнениях относительно исследуемой проблемы.*

Цель исследования *заключается в анализе на основе современных достижений исторической науки оценок влиятельным отечественным публицистом В. П. Мещерским отмены крепостного права и пореформенного положения крестьянства.*

Задачи: *проанализировать источники и историографию по исследуемой теме; акцентировать внимание на общественно-политических взглядах князя В. П. Мещерского и их уникальности либо, напротив, типичности для среды отечественных консерваторов второй половины XIX века; попытаться реконструировать на основании высказанных им оценок восприятие влиятельным публицистом событий отмены крепостного права и сложившегося пореформенного положения крестьянства.*

Методология. *Представленное исследование базируется на принципах историзма, объективности, системности, находящихся в тесной взаимосвязи с диалектическим методом, а также на общенаучных методах анализа, синтеза и обобщения.*

Результаты. *Проведенное исследование позволило акцентировать внимание на значительном интересе князя В. П. Мещерского к крестьянскому вопросу, к отмене крепостного права и его практической реализации. В то же время, оставаясь представителем дворянского сословия, в значительной степени свои мысли относительно пореформенного положения крестьянства он высказывал с точки зрения интересов землевладельцев, подчеркивая, что в условиях политической незрелости широких масс населения и отсутствия опыта самостоятельной хозяйственной деятельности многих крестьян ждет разорение и обнищание.*

Вывод. *Взгляды В. П. Мещерского на отмену крепостного права и пореформенное положение крестьянства по большей части совпадали с мнениями других представителей консервативного лагеря, кроме редакции газеты «Весть». Они в значительной степени явились следствием его мировоззренческих установок на патерналистский характер отношений между помещиками и крепостными, поэтому князь, будучи убежденным сторонником освобождения крестьян, был недоволен реализацией его на практике.*

Ключевые слова: *Российская империя; крестьяне; крепостное право; положение; оценки.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ипатов А. М., Обоимова Р. В. Отмена крепостного права и положение пореформенного крестьянства в России в оценках В. П. Мещерского // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 223–232. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-223-232

Поступила в редакцию 22.04.2024 Принята к публикации 31.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Ипатов А. М., Обоимова Р. В., 2024

The abolition of serfdom and the situation of the post-Reform peasantry in Russia in the assessments of V. P. Meshchersky

Alexey M. Ipatov[1]✉, Raisa V. Oboimova[1]

[1] Voronezh State Pedagogical University
86 Lenin Str., Voronezh 394043 Russian Federation

✉ e-mail: molot.tora@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article attempts to present an assessment by the influential conservative publicist and publicsher of the magazine "Citizen" V. P. Meshchersky of the events of the abolition of serfdom and the post-reform situation of the Russian peasantry. Turning to the study of this question allows us to expand the understanding of existing opinions about the problem under study.*

The purpose *of the study is to analyze, on the basis of modern achievements of historical science, the assessments of the abolition of serfdom and the post-reform status of the peasantry by the influential Russian publicist V. P. Meshchersky.*

Objectives: *to analyze the sources and historiography on the topic under study; to focus on the socio-political views of Prince V. P. Meshchersky and their uniqueness, or, on the contrary, typical for the environment of domestic conservatives of the second half of the XIX century; to try to reconstruct, on the basis of his assessments, the perception by an influential publicist of the events of the abolition of serfdom and the prevailing post-reform situation of the peasantry.*

Methodology. *The presented research is based on the principles of historicism, objectivity, consistency, which are closely interrelated with the dialectical method, as well as on general scientific methods of analysis, synthesis and generalization.*

Results. *The conducted research allowed us to focus on the significant interest of Prince V. P. Meshchersky in the peasant issue, the abolition of serfdom and its practical implementation. At the same time, remaining a representative of the noble class, he largely expressed his thoughts on the post-reform situation of the peasantry from the point of view of the interests of landowners, emphasizing that in conditions of political immaturity of the broad masses of the population and lack of experience in independent economic activity, many peasants are waiting for ruin and impoverishment.*

Conclusion. *Vladimir Petrovich Meshchersky's views on the abolition of serfdom and the post-reform situation of the peasantry mostly coincided with the opinions of other representatives of the conservative camp, except for the editorial office of the newspaper "Vesti". They were largely the result of his worldview on the paternalistic nature of relations between landlords and serfs, so the prince, being a staunch supporter of the liberation of the peasants, was dissatisfied with its implementation in practice. He based his conclusions on what he saw during numerous trips around the country.*

Keywords: *Russian Empire; peasants; serfdom; position; estimates.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ipatov A.M., Oboimova R.V. The abolition of serfdom and the situation of the post-Reform peasantry in Russia in the assessments of V. P. Meshchersky. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):223–232. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-223-232

Received 22.04.2024 Accepted 31.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Отмена крепостного права и сопровождавшие ее другие изменения пореформенного положения российского крестьянства по праву представляются одними из наиболее значимых событий в отечественной истории. Действительно, в стране, где преобладающая часть населения находилась в крепостной зависимости от помещиков или государства, а на повестке дня стояло становление капиталистического хозяйства, подобные пере-

житки существенно влияли на низкую по сравнению с передовыми державами скорость прохождения экономических процессов. В историографии довольно подробно и скрупулезно проанализированы различные аспекты данной проблемы, авторы практически не оставили «белых пятен» и неисследованных лакун [1; 2]. Однако это не означает снижения научного интереса к обозначенной проблеме, ибо наблюдаемая в последние годы попытка пересмотра ряда устоявшихся в советской историографии клише и идеологем относительно затрагивает и отмену крепостного права [3]. Все чаще в научных изысканиях их авторы обращаются к точке зрения на происходившие события и их последствия лиц, на которых ранее, не всегда заслуженно, не обращали внимания.

Одним из тех, чьим мнением в данном контексте не особенно интересовались, являлся известный отечественный публицист, издатель журнала «Гражданин» князь В. П. Мещерский. В историографии встречаются порой диаметрально противоположные оценки его личности и деятельности, различные стороны которых были проанализированы в разные годы такими исследователями, как П. А. Зайончковский [4], Б. П. Балуев [5], И. Е. Дронов [6], М. М. Леонов [7; 8], А. Л. Мясников [9], Н. В. Черникова [10; 11] и др. Если в советской историографии Владимира Петровича по большей части воспринимали как второсортного публициста, не имевшего оригинальных мыслей и распространявшего интриги при дворе, в современных исследованиях оценки более сдержанны. Нередко анализируя восприятие князем Мещерским проводившихся либеральных реформ 1860–1870-х гг., ученые либо очень лаконично характеризовали его позицию и оценки, либо несколько упрощенно писали, что он разделял господствовавшие в дворянской среде взгляды. Таким образом, оценки публицистом отмены крепостного права и пореформенного положения крестьянства не являлись специальным предметом для исследования.

Между тем внук знаменитого автора «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в силу ряда обстоятельств оказался вхож в круг лиц, имевших возможность непосредственного общения с представителями царской династии Романовых. Более того, даже тот факт, что Владимир Петрович по степени своего влияния на умы современников значительно уступал другому консервативному публицисту и издателю М. Н. Каткову, не умаляет заслуг Мещерского, также имевшего свою аудиторию и, с одной стороны, выражавшего общественное мнение, с другой – пытавшегося в какой-то мере его сформировать [11; 12]. Привилегированное положение в обществе и близость к особе императора давала ему возможность делиться с монархом и наследниками своими размышлениями относительно различных сторон жизни. Особенно отчетливо это проявляется в письмах В. П. Мещерского сначала к наследнику престола Александру Александровичу [13; 14; 15], а затем уже к императору Александру III [16]. Впрочем, как справедливо подчеркивает А. С. Минаков, «данный источник требует крайне осторожного обращения, учитывая известную конъюнктурность и предвзятость автора писем, а также переменчивость его взглядов» [17, с. 220].

Будучи чиновником по особым поручениям при Министерстве внутренних дел, князь совершал поездки по стране, в которых имел возможность наблюдать за бытом и положением пореформенных крестьян, выяснить их настроения, отношение к отмене крепостного права и другие сюжеты. Немалым подспорьем в нашем исследовании служат воспоминания В. П. Мещерского, в которых несколько иначе, можно сказать, с позиции послезнания, расставлены акценты в оценке анализируемой проблемы [18]. Любопытно, что среди историков абсолютно разное отношение к данному источнику.

Так, выдающийся советский историк П. А. Зайонковский призывал относиться к ним сверхкритично [4, с. 23], в то время как современный исследователь И. Е. Дронов подчеркивает, что эти воспоминания пользуются «заслуженным уважением историков» [6, с. 126]. Наконец, нередко о крестьянском вопросе писал публицист на страницах своего журнала (субсидии на издание которого с огромным трудом удалось выпросить у Александра III) «Гражданин» [19; 20]. В совокупности имеющиеся материалы позволяют при критическом подходе и тщательном внимании к деталям составить себе представление о том, как В. П. Мещерский относился к отмене крепостного права и пореформенному положению крестьянства.

Методология

Методологической базой исследования выступили принципы историзма и объективности, позволившие критически подойти к анализу оценок князем В. П. Мещерским отмены крепостного права и пореформенного положения крестьян, их изменений со временем. Данные методы позволили также в совокупности с системным методом выявить и детально исследовать имеющиеся в историографии точки зрения относительно того, как князем Мещерским оценивались преобразования в крестьянском вопросе. Применение системного метода способствовало анализу взглядов Мещерского на решение крестьянского вопроса в совокупности с другими мировоззренческими установками, позволило осознать, какую роль и место эта проблема занимала в его деятельности. В совокупности с применением диалектического метода это позволило составить более детальное представление о различных аспектах обозначенной в заголовке статьи проблемы. Отбор, накопление и формирование материала для публикации в стройную систему проводились с помощью методов анализа, синтеза и обобщения.

Результаты и их обсуждение

Обращаясь в своих воспоминаниях к событиям 1861 г., Владимир Петрович спустя годы подчеркивал спокойную обстановку, предшествовавшую изданию манифеста об отмене крепостного права. По его мнению, немало данному обстоятельству способствовал запрет со стороны столичных чиновников провинциальным оппозиционно настроенным деятелям принимать участие в обсуждении этого насущного вопроса. Возмущение В. П. Мещерского вызвал именно тот факт, что крупные землевладельцы никоим образом не были привлечены к обсуждению готовящегося мероприятия государственного масштаба [18, с. 101]. При этом князь выступал несомненным противником крепостничества, в отличие от ряда помещиков, главным выразителем интересов которых являлась газета «Весть», неоднократно подвергаемая жесткой критике со стороны В. П. Мещерского. Их точку зрения можно представить хотя бы со слов входившего в Секретный комитет М. Н. Муравьева, считавшего, что вопрос об освобождении крестьянства «выдумали люди, не имеющие недвижимой собственности: ученые, теоретики, поповичи» [3, с. 9]. Точку зрения о том, что внук Н. М. Карамзина был противником крепостного права, но считал, что именно дворянство самостоятельно должно постепенно освободить своих крестьян, высказывает и одна из крупнейших специалистов по жизни и деятельности князя Н. В. Черникова [10, с. 131].

Особенно сильную критику со стороны В. П. Мещерского вызвала реализация крестьянской реформы на местах. Он справедливо задается вопросом, почему задумавшие проведение такой масштабной реформы чиновники не позаботились о механизмах сохранения порядка и создания структур, ответственных за проведение необходимых мероприятий. Автор мемуаров высказал дискуссионную

точку зрения, согласно которой реформаторы «все свое внимание сосредоточили над земельным вопросом, то есть над заботою как можно глубже поразить дворянство» [18, с. 103]. В посвященной событиям 19 февраля 1861 г. главе своих воспоминаний В. П. Мещерский основное внимание уделяет деталям, доказывая, что отмена крепостного права, безусловно, необходимый шаг, однако то, как она была реализована на практике, лишний раз доказывает некомпетентность чиновников и непонимание ими реалий. А они, по мнению князя, заключались в том, что крестьяне не способны без активной помощи дворян, т. е. их бывших помещиков, самостоятельно вести успешно хозяйственную деятельность.

Отстранение привилегированного сословия от этого мероприятия государственной важности нанесло огромный вред как самим крестьянам, так и дворянскому сословию. Однако к подобным выводам автор приходит уже через много лет после описываемых событий, когда обладал значительно большей информацией и имел возможность наблюдать за последствиями, что было недоступно в год проведения крестьянской реформы. Что касается его оценок по «горячим следам», то в одной из своих статей, носившей характерный заголовок «Великий и священный день», автор размышляет о том, что предсказываемые как в России, так и в Европе революционные события в связи с отменой крепостного права в России так и не произошли. Это, как отмечал В. П. Мещерский, было следствием понимания императором страны «и Русский народ ему на это понимание ответил таким порядком во время освобождения крестьян, что по всему миру прошел трепет удивления!» [20, с. 49].

Любопытны замечания и оценки, высказанные В. П. Мещерским относительно пореформенного положения крестьян после ряда служебных командировок по разным частям страны в качестве чиновника МВД по особым поручениям. Они представлены как в его публицистике, так и в письмах к великому князю Александру Александровичу. Возникает вопрос, насколько эти письма были полезны и информативны для наследника престола? По мнению крупного отечественного исследователя А. Л. Мясникова, Александр Александрович находил их весьма полезными для себя [9, с. 63]. В одном из писем в 1863 г. Владимир Петрович изложил свой оригинальный взгляд на крестьянский мир. Он дал ему следующую характеристику: «Во-первых, это общество, т. е. мужички одной деревни, которые управляются старостою и ими самими, когда они сбираются вместе и толкуют на сходе под председательством старосты. Тут частенько бывают неурядицы, ибо неизвестно, почему мужички не особенно уважают своего старосту, а смотрят на него как на приказчика старшины» [14, с. 71–72]. Далее автор письма развивал перед адресатом мысль о том, что чем выше чиновник по должности, тем больше у крестьян к нему почтения и уважения. Касаясь вопроса крестьянского самоуправления, князь стремился убедить великого князя в том, что многие крестьяне в разговоре с ним подчеркивали, что предпочли бы, чтобы ими кто-то управлял, нежели осуществляли самоуправление. Вероятно, тем самым В. П. Мещерский стремился доказать ошибочность введения крестьянского самоуправления, настаивая на необходимом контроле со стороны дворянства. Он в другом месте записывал спорный тезис, согласно которому «дворянин-помещик за немногими исключениями жил для крестьян столько же, сколько для себя, и жил с крестьянами духом даже тогда, когда он не жил между ними телом» [20, с. 80].

Налицо некая идеализация патерналистского взгляда на взаимоотношения между помещиками и их крепостными. Как отмечает Н. И. Биюшкина, основная претензия влиятельного консервативного публициста к проведенной крестьянской реформе заключалась в том, что она «подорвала исконные устои российской жизни, сложившиеся связи между основными сословиями – крестьянством и дворянством, в том числе исчезло столь необходимое патриархальное покровительство помещиков в отношении крестьян, носившее до преобразований всеобъемлющий характер» [21, с. 155].

В перерывах между своими командировками по стране в качестве чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел Владимир Петрович неоднократно обсуждал насущные проблемы реализации проводимых реформ в своем салоне, в который в разные годы входили такие люди, как С. Ю. Витте, В. И. Ковалевский, И. А. Вышнеградский, В. К. Плеве, П. Л. Барк, А. К. Кривошеин, Н. А. Маклаков и др. [7, с. 121] Подобный салон, по мнению одного из исследователей данной проблематики М. М. Леонова, служил для его хозяина одним из важных механизмов влияния на будущего царя Александра III в бытность его наследником престола [8, с. 90]. Наряду с личными письмами к великому князю они позволяли В. П. Мещерскому продвигать свою точку зрения, в том числе относительно крестьянской реформы и ее реализации, а также сложившегося для бывших крепостных положения.

Одним из негативных последствий реализации крестьянской реформы князю виделось распространившееся среди крестьян пьянство, ранее, по его мнению, не характерное для крестьян. В одном из писем наследнику престола за 1867 г. автор описывает печальную картину, наблюдаемую в Ржевском уезде Тверской губернии. «Начинается питье и длится до зари: к утру все мертво пьяно. …Крестьяне сами изнемогают от пьянства и молят Бога об избавлении их от этой губительной язвы! Тяжелый грех приняли на себя перед Богом те, которые посоветовали в одно время с волею утроить дешевую водку и усотерить число кабаков!» [14, с. 225]

Еще одним негативным последствием неверной реализации освобождения крестьян без какого-либо активного участия дворянства явилось, по мнению В. П. Мещерского, падение авторитета отеческой власти. Глава семьи, как прежде, уже не может контролировать все более развращающихся членов семейства. Ему виделся большим злом распад традиционной патриархальной семьи, в которой жили сразу несколько поколений, что приводило к резкому снижению доходов в силу уменьшения земельных наделов. Главным же аргументом крестьян в пользу подобных разделов автор письма называл ошибочное стремление избежать рекрутской повинности, «ибо так как рекрутов берут из многорабочих семейств, а он с женою после раздела оказывается малорабочим, то, думает он, его не возьмут…» [14, с. 227].

Однако не только негативные последствия выделяются В. П. Мещерским в реализации на практике положений крестьянской реформы 1861 г. Он отмечал и положительные моменты. Они в значительной мере определяются личностью старшины. Оценка деятельности последних представляется сдержанно-оптимистичной. То же самое Владимир Петрович писал и о рекрутстве, которое, по его мнению, перестало восприниматься крестьянами как наказание. Вообще, анализ описываемых впечатлений князя В. П. Мещерского позволяет прийти к умозаключению, что он неоднозначно оценивал решение крестьянского вопроса [22, с. 249–250]. Бывая по служебным или личным делам в разных губерниях страны (Центрально-Черноземный район, Се-

веро-Запад, Малороссия, Новороссия, Прибалтика, Северо-Восток европейской части страны), он отмечал, что везде имелись свои особенности проведения мероприятий, успешность или неудачи которых во многом зависели от фигуры губернатора и местного дворянства. Там, где оно сохраняло прежний патерналистский авторитет у крестьян, материальное положение последних было значительно выше, чем у тех, кто не доверял своим бывшим помещикам и вел хозяйство полностью самостоятельно.

Сложно судить, насколько описываемые князем мероприятия соответствовали действительности. Нельзя исключать и того, что, стремясь формировать у наследника престола мнение в определенном направлении, Владимир Петрович, являясь представителем дворянства, стремился защитить интересы своего сословия. Отметим, что подобные взгляды не являлись исключительно его прерогативой, а были характерны и для других консервативных мыслителей и деятелей [20, с. 218–219]. В целом сам он, посетив 18 губерний европейской России, был убежден в неготовности и неспособности общества к самоуправлению, по-прежнему считал государственную администрацию единственным способным двигать страну вперед органом, однако решения должны приниматься не коллегиально, а единолично[1]. Также, по его мнению, большие проблемы крестьянам доставляли колонисты, как правило, германского происхождения. В письме к наследнику престола в июле 1869 г. очень эмоционально описывал сложившуюся в юго-западных землях империи ситуацию: «…крестьянин ненавидит колониста; ненавидит и за то, что немец за малейшую потраву идет жаловаться мировому судье или волостному суду и требует штраф; ненавидит и за то, что он там, где колонист живет, нигде не может найти нанять дешево земли; ненавидит за то, что немец живет себе, живет уже 100 лет среди русских и знать себе русских не хочет, языку русскому учиться не хочет и т. д.» [15, с. 166–167].

Как отмечает известный специалист по истории России второй половины XIX столетия И. Е. Дронов, в последние годы царствования Александра II В. П. Мещерский окончательно разочаровался в реализации на практике инициированных царем реформ, в том числе и крестьянской реформы [6, с. 68].

Выводы

Точка зрения В. П. Мещерского относительно отмены крепостного права по большей части коррелировалась с теми оценками, которые господствовали в среде консервативно настроенного дворянства. Разве что позиция газеты «Весть» вызывала у него наряду со многими другими единомышленниками жесткую критику. Оценки со стороны влиятельного публициста определялись главным образом его мировоззренческими установками, согласно которым дворяне относились «по-отечески» к своим крестьянам, поэтому их «удаление» по итогам реформы из крестьянского мира воспринималось им однозначно негативно. Будучи чиновником по особым поручениям при МВД, он имел возможность на практике убедиться в противоречивости и непоследовательности решения крестьянского вопроса. Проведенное исследование позволяет расширить представление относительно тех позиций, что господствовали в среде дворянства по вопросу отмены крепостного права и пореформенного положения крестьян, а также об особенностях решения крестьянского вопроса в различных губерниях Российской империи в интерпретации князя В. П. Мещерского.

[1] Дронов И. Е. Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В. П. Мещерского (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис … канд. ист. наук. М., 2007. С. 13.

Список литературы

1. Иерусалимский Ю. Ю. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX в. о крестьянской реформе 1861 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 71–75.

2. Ковальченко И. Д. Консерватизм, либерализм и радикализм в России в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. // Отечественная история. 1994. № 2. С. 3–18.

3. Долгих А. Н., Суковицына Е. А. Российские консерваторы и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: к постановке проблемы // История: факты и символы. 2021. № 2. С. 117–126.

4. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.

5. Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. 313 с.

6. Дронов И. Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 57–84.

7. Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: неформальные связи и протежирование в чиновном мире России рубежа XIX–XX вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2008. № 4. С. 118–130.

8. Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2009. 386 с.

9. Мясников А. Л. Александр III. М.: Молодая гвардия, 2016. 566 с.

10. Черникова Н. В. Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 126–139.

11. Черникова Н. В. Этот невозможный князь… Мифологема Владимира Мещерского // Родина. 2014. № 6. С. 45–48.

12. Князь В. П. Мещерский. Гражданин консерватор / вступ. ст., сост., коммент. И. Е. Дронов. М.: Ихтиос: журнал «Новая книга России», 2005. 302 с.

13. Кочукова О. В. «Россия под пером замечательного человека»: письма В. П. Мещерского великому князю Александру Александровичу из служебных командировок по России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, № 3. С. 20–27.

14. Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 736 с.

15. Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878 / публ., предисл. и коммент. Н. В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

16. Мещерский В. П. Письма к императору Александру III, 1881–1894 / публ., предисл. и коммент. Н. В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 808 с.

17. Минаков А. С. «Вы знаете по почерку, кто Вам пишет…» (об издании писем В. П. Мещерского Александру III) // Российская история. 2020. № 2. С. 217–220.

18. Мещерский В. П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. 864 с.

19. Кайль А. В. «Гражданин» князя В. П. Мещерского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11, № 1. С. 8–15.

20. Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма / сост. и коммент. Ю. В. Климаков. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.

21. Биюшкина Н. И. Анализ политико-правовых и духовно-религиозных последствий реформаторского курса Александра II в трудах князя В. П. Мещерского // Современное право. 2011. № 2. С. 153–155.

22. Начапкин М. Н. Охранитель в эпоху модернизации: князь В. П. Мещерский о последствиях для России либеральных реформ Александра II // Научный диалог. 2019. № 1. С. 245–256.

23. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

References

1. Ierusalimskij Y.Y. Russian historiography of the second half of the XIX – early XX century about the peasant reform in 1861. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*. 2017;(415):71–75. (In Russ.)

2. Koval′chenko I.D. Conservatism, liberalism and radicalism in Russia during the preparation of the peasant reform of 1861. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 1994;(2):3–18. (In Russ.)

3. Dolgikh A.N., Sukovicyna E.A. Russian conservatives and the peasant question at the end of the XVIII – first quarter of the XIX centuries: towards the formulation of the problem. *Istoriya: fakty i simvoly = History: facts and symbols.* 2021;(2):117–126. (In Russ.)

4. Zajonchkovskij P.A. Russian autocracy at the end of the XIX century (Political reaction of the 80s – early 90s). Moscow: Mysl′; 1970. 444 p. (In Russ.)

5. Baluev B.P. Political reaction of the 80s of the XIX century and Russian journalism. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta; 1971. 313 p. (In Russ.)

6. Dronov I.E. Prince Vladimir Petrovich Meshchersky. *Voprosy istorii = History issues*. 2001;(10):57–84.

7. Leonov M.M. Salon V.P. Meshchersky: informal connections and protection in the official world of Russia at the turn of the XIX–XX centuries. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii = Bulletin of the RUDN. History of Russia series.* 2008;(4):118–130. (In Russ.)

8. Leonov M.M. Salon V.P. Meshherskogo: patronat i posrednichestvo v Rossii rubezha XIX-XX vv. Samara: Izd-vo Samarskogo nauch. centra RAN; 2009. 386 p. (In Russ.)

9. Myasnikov A.L. Alexander III. Moscow: Molodaya gvardiya; 2016. 566 p.

10. Chernikova N.V. Prince Vladimir Petrovich Meshchersky (to the portrait of a Russian conservative). *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 2001;(4):126–139. (In Russ.)

11. Chernikova N.V. This impossible prince... The mythologeme of Vladimir Meshchersky. *Rodina = Homeland*. 2014;(6):45–48. (In Russ.)

12. Dronov I.E. (ed.) Knyaz′ V.P. Meshchersky. A conservative citizen. Moscow: Ikhtios; zhurnal “Novaya kniga Rossii”; 2005. 302 p. (In Russ.)

13. Kochukova O.V. "Russia under the pen of a remarkable man": letters of V.P. Meshchersky to Grand Duke Alexander Alexandrovich from official business trips in Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: History. International relations*. 2013;13(3):20–27. (In Russ.)

14. Meshherskij V.P. Letters to Grand Duke Alexander Alexandrovich, 1863-1868. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2011. 736 p. (In Russ.)

15. Meshherskij V.P. Letters to Grand Duke Alexander Alexandrovich, 1869-187. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 664 p.

16. Meshherskij V.P. Letters to Emperor Alexander III, 1881-1894. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 808 p. (In Russ.)

17. Minakov A.S. "You know by handwriting who writes to you..." (about the publication of letters by V.P. Meshchersky to Alexander III). *Rossijskaya istoriya = Russian History*. 2020;(2):217–220. (In Russ.)

18. Meshherskij V.P. My memories. Moscow: Zakharov; 2003. 864 p. (In Russ.)

19. Kajl′ A.V. "Citizen" of Prince V.P. Meshchersky. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: History. International relations*. 2011;11(1):8–15. (In Russ.)

20. Klimakov Y.V. (ed.) Meshherskij V.P. For the great Russia. Against liberalism. Moscow: Institut russkoj civilizacii; 2010. 624 p. (In Russ.)

21. Biyushkina N.I. Analysis of the political-legal and spiritual-religious consequences of the reform course of Alexander II in the writings of Prince V. P. Meshchersky. *Sovremennoe pravo = Modern Law*. 2011;(2):153–155. (In Russ.)

22. Nachapkin M.N. The Guardian in the era of Modernization: Prince V.P. Meshchersky on the consequences for Russia of Alexander II's liberal reforms. *Nauchny'j dialog = Scientific dialogue*. 2019;(1):245–256. (In Russ.)

23. Grosul V.Ya., Itenberg G.S., Tvardovskaya V.A., Shacillo K.F., Ejmontova R.G. Russian conservatism of the XIX century. Ideology and practice. Moscow: Progress-Tradiciya; 2000. 440 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Ипатов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: molot.tora@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5320-140X

Alexey M. Ipatov, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: molot.tora@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5320-140X

Обоимова Раиса Викторовна, аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: raisaoboimova@yandex.ru,
ORCID: 0009-0005-2880-825X

Raisa V. Oboimova, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: raisaoboimova@yandex.ru,
ORCID: 0009-0005-2880-825X

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-233-244

(cc) BY 4.0

«Расширить ассортимент, повысить качество обслуживания…»: об организации торговли и общественного питания на Московско-Курско-Донбасской железной дороге в конце 1950-х годов

Е. А. Головин[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Резюме

Актуальность *заявленной темы определяется особой социальной значимостью торговли и общественного питания в повседневной жизни населения. Причем в современных условиях их роль не снижается, а только возрастает. Совершенствование механизмов функционирования сферы обслуживания может иметь успех не только при активном использовании достижений цифровой цивилизации, но и при рациональном использовании опыта предшествующих поколений. В научно-историческом плане тема организованного удовлетворения потребительского спроса на продукты питания и товары первой необходимости является мало исследованной, особенно в отношении недавнего советского прошлого. Вопросы истории ведомственной торговли и общепита также не получили должного освещения в научной литературе, что мотивирует на их разработку с позиций имеющегося сегодня в распоряжении ученых методологического аппарата.*

Цель исследования *– на основе архивных документов и опубликованных материалов обобщить опыт организации торговли и общественного питания на железнодорожном транспорте в конце 1950-х годов.*

Задачи*: раскрыть специфику транспортной торговли в рассматриваемый период; охарактеризовать проблемы организации питания железнодорожников.*

Методология*. В основу исследования были положены принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач автором использовались методы: историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, типологический, ретроспективный.*

Результаты*. Исследование опыта деятельности предприятий торговли и общественного питания железнодорожного транспорта позволило объективно оценить роль ведомственной социальной политики в создании благоприятных условий для выполнения профессиональных обязанностей работниками с особым режимом труда.*

Выводы*. Основной проблемой в организации транспортной торговли и питания на протяжении исследуемого периода следует признать неспособность организовать бесперебойное снабжение продуктами питания работников, трудившихся на отдаленных разъездах и линейных участках. Остальные традиционные изъяны советской торговли и общепита были также характерны железнодорожной сфере рабочего снабжения.*

Ключевые слова*: транспортная торговля; отдел рабочего снабжения; вагон-лавка; общественное питание; профсоюз железнодорожников.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Головин Е. А. «Расширить ассортимент, повысить качество обслуживания…»: об организации торговли и общественного питания на Московско-Курско-Донбасской железной дороге в конце 1950-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 233–244. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-233-244

Поступила в редакцию 02.05.2024 Принята к публикации 24.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Головин Е.А., 2024

"Expand the range, improve the quality of service...": about the organization of trade and public catering on the Moscow-Kursk-Donbass railway in the late 1950s

Evgeny A. Golovin[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Abstract

The relevance *of the stated topic is determined by the special social significance of trade and public catering in the daily life of the population. Moreover, in modern conditions, their role is not decreasing, but only increasing. Improving the mechanisms of functioning of the service sector can be successful not only with the active use of the achievements of digital civilization, but also with the rational use of the experience of previous generations. In scientific and historical terms, the topic of organized satisfaction of consumer demand for food and basic necessities is little studied, especially in relation to the recent Soviet past. The issues of the history of departmental trade and catering have also not received adequate coverage in the scientific literature, which motivates their development from the standpoint of the methodological apparatus available to scientists today.*

The purpose *of the study is to summarize the experience of organizing trade and catering in railway transport in the late 1950s on the basis of archival documents and published materials.*

The objectives: *to reveal the specifics of transport trade in the period under review; characterize the problems of organizing catering for railway workers.*

Methodology. *The research was based on the principles of objectivity and historicism. To solve the problems, the author used historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative, typological, and retrospective methods.*

Results. *The study of the experience of trade and catering enterprises of railway transport made it possible to objectively assess the role of departmental social policy in creating favorable conditions for the performance of professional duties by employees with a special working regime.*

Conclusions. *The main problem in the organization of transport trade and nutrition during the study period should be recognized as the inability to organize an uninterrupted supply of food to workers who worked on remote crossings and linear sections. The other traditional flaws of Soviet trade and catering were also characteristic of the railway sphere of labor supply.*

Keywords: *transport trade; department of labor supply; wagon shop; public catering; railway workers' union.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Golovin E.A. "Expand the range, improve the quality of service...": about the organization of trade and public catering on the Moscow-Kursk-Donbass railway in the late 1950s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):233–244. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-233-244

Received 02.05.2024 Accepted 24.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Феномен советской торговли остается недостаточно полно исследованным явлением в отечественной исторической науке. Даже в современной историографии труды по указанной теме охватывают лишь отдельные ее аспекты. Так, профессор Е. Д. Твердюкова обратила внимание на такие специфические черты послевоенной торговли, как карточное снабжение населения [1] и распределение товаров широкого потребления среди региональной партийно-хозяйственной номенклатуры [2], а также исследовала проблему изучения покупательского спроса в СССР [3]. В публикациях кандидата исторических наук И. А. Мороз дается современная оценка эффективности управления сферой общественного питания [4], основных тенденций удовлетворения запросов советской торговли в товарах сельскохозяйственного производства [5],

фактической результативности капиталовложений в торговлю [6]. Значительная часть тематических исследований отражает региональные особенности торговых отношений. Например, алтайские историки профессор Е. В. Демчик и Г. А. Гряникова раскрыли тенденции развития краевой торговли под влиянием экономической реформы середины 1960-х гг. [7], отметили местную специфику товарного «дефицита» в условиях плановой экономики [8]. С. К. Шемырева [9] раскрыла систему продовольственного обеспечения населения послевоенного Куйбышева. Н. В. Пашина и В. И. Федорченко [10] оценили трудности перехода к свободной торговле в Красноярском крае вследствие реформы 1947 г.

Гораздо в меньшей степени в поле зрения исследователей попадают проблемы организации торгово-бытового обслуживания работников по территориально-производственному принципу. Вопросы рабочего снабжения и быта железнодорожников на различных этапах восстановления и модернизации транспорта поднимались в публикациях А. С. Конова [11], И. А. Шепелева [12], С. Е. Мишенина [13], В. В. Коровина [14] с соавторами [15]. Роль Главного управления рабочего снабжения (Главурс) и Дорурс Юго-Восточной железной дороги в организации ведомственной торговли отражена в наших предыдущих статьях, опубликованных в журналах «Исторический архив» [16] и «Известия Воронежского государственного педагогического университета» [17]. Вместе с тем для полноты представления о проблеме товарно-бытового обслуживания работников транспорта представляют особый интерес впервые вводимые в научный оборот документальные материалы о рабочем снабжении на Московско-Курско-Донбасской железной дороге, являвшейся основным направлением перемещения грузов из юго-западных сырьевых в центральные районы страны. Выбор хронологических рамок обусловлен проведением летом 1959 г. реорганизации железнодорожной сети страны. Постановлением Совета Министров СССР № 748 от 13 июля 1959 г. и приказом министра путей сообщения СССР № 42/ц от 14 июля 1959 г. Московско-Курско-Донбасская, Московско-Рязанская, Московско-Окружная дороги и частично Северная были объединены в Московско-Курско-Донбасскую дорогу с общей эксплуатационной длиной 9281 километр [18, с. 238]. Ее участки пролегали по территории 12 областей РСФСР и УССР. 704 километра Московской дороги тогда относились к компетенции Курского отделения дороги. Приказом первого заместителя министра путей сообщения СССР Н. А. Гундобина № 161/ЦЗ от 21 августа 1959 г. объединенная Московско-Курско-Донбасская магистраль была переименована в Московскую железную дорогу [19, л. 111–112, 358].

Методология

В основу исследования были положены принципы объективности и историзма, предполагающие беспристрастный анализ разностороннего комплекса источников, выявление как позитивных, так и негативных аспектов рассматриваемого в развитии явления. Для решения поставленных задач авторами использовались методы: историко-генетический, который позволил последовательно выявить изменения в организации торгового и бытового обслуживания населения; историко-системный, представляющий исследуемую проблему рабочего снабжения на транспорте в послевоенный период как составную часть социальной политики отрасли, взаимосвязанную с другими отраслевыми явлениями и тенденциями; историко-сравнительный, способствующий сопоставлению различных аспектов производственно-бытовых отношений во времени и в пространстве; типологический, позволяющий классифицировать характерные черты системы ведомственного снабжения; ретроспективный, пред-

полагающий восстановление хода событий прошлого.

Результаты и их обсуждение

Особый характер труда железнодорожников, связанный с обеспечением движения поездов, предоставлял им возможность пользоваться услугами ведомственных торговых точек и пунктов приема пищи, режим работы и порядок снабжения которых отличался от традиционных предприятий торгового обслуживания и общественного питания. На каждой железной дороге системы МПС СССР действовало Управление рабочего снабжения (Дорурс). В 1958 г. торговая сеть Дорурс Московско-Курско-Донбасской железной дороги составляла 283 магазина, а также 166 ларьков и палаток. В течение календарного года за счет нового строительства, оборудования в первых этажах жилых домов и использования приспособленных помещений она пополнилась на 14 единиц (включая два магазина на ст. Черемисиново, по одному магазину на станциях Елец, Старый Оскол и Волоконовка) [20, л. 5]. Только в структуре ОРС-НОД-4 (Курское отделение дороги) трудилось 683 человека [21, л. 63].

План розничного товарооборота общепита за 1958 г. Дорурсом Московско-Курско-Донбасской ж.д. был выполнен на 101,6%, или перевыполнен в абсолютных показателях на 15 млн 57 тыс. рублей (относительно 1957 г. рост составил 69 млн 44 тыс. рублей, или 7,8%). Но не все отделы рабочего снабжения (ОРС) смогли успешно справиться с плановыми заданиями. Если ОРС Елецкого отделения выполнил план на 100%, ОРС Курского отделения – на 101,7%, то ОРС Сталиногорского отделения выполнил плановые показатели лишь на 94,4%, а ОРС Каширского отделения – на 99,5% [20, л. 6]. Одной из причин невыполнения планов стало отсутствие должного контроля со стороны ответственных работников ОРСов за работой подчиненной торговой сети.

В общем годовом товарообороте удельный вес продовольственных товаров составил 67,2%, а промышленных – 32,8% [20, л. 6]. В 1958 г. ОРСами Московско-Курско-Донбасской ж.д. выделенные им фонды продовольственных и промышленных товаров в основном выбирались полностью, за исключением рыбы, маргарина, кондитерских изделий и шелковых тканей. Недобор именно этих видов продовольственных товаров объяснялся отсутствием их в наличии у поставщиков в необходимом железнодорожникам ассортименте. Шелковые ткани, например, не были выбраны из-за отсутствия спроса у покупателей. В свою очередь, фонды по основным продовольственным и промышленным товарам (сахар, колбасные изделия, мясо, мясные консервы, растительное масло, шерстяные ткани, швейные и трикотажные изделия) в течение всего года выбирались с перевыполнением [20, л. 7].

Большую помощь в удовлетворении спроса железнодорожников отделам рабочего снабжения Московско-Курско-Донбасской ж.д. оказала торгово-закупочная база Дорурса. В 1958 г. она закупила и продала только ОРСам своей дороги товарной продукции на 87 млн 905 тыс. рублей. Из этой суммы доля продовольственных товаров составила 32 млн рублей, а непродовольственных товаров было закуплено более чем на 55 млн рублей (мебель, посуда, стройматериалы, радиотовары, трикотажные и швейные изделия, обувь). Помимо этого торгово-закупочная база оказывала помощь ОРСам своей железной дороги в реализации излишков товарной продукции [20, л. 8].

Принятые меры, обеспечившие выборку выделенных фондов, и произведенные торгово-закупочной базой закупки дали возможность в 1958 г. продать железнодорожникам товаров больше, чем годом ранее. Так, рост продаж молока и молочных продуктов составил 41,8%, сахара было продано больше на 16,4%,

фруктов и бахчевых – на 13,2%, стройматериалов – на 33,7%, обуви – на 4,4% [20, л. 9–10].

В 1958 г. торговое обслуживание железнодорожников Московско-Курско-Донбасской дороги, проживавших на линейных станциях, разъездах, казармах и будках, производилось через имевшуюся на линии стационарную торговую сеть, а также через вагоны-лавки, дрезины дистанций пути (ПЧ) и торговые поезда. Отчетные данные свидетельствуют, что торговое обслуживание линейных железнодорожников значительно улучшилось по сравнению с предыдущим 1957 г. Линейным железнодорожникам в течение отчетного 1958 г. было продано товаров на сумму 842 433 тыс. рублей, что на 65 778 тыс. рублей больше, чем годом ранее [20, л. 10–11].

В то же время, несмотря на неоднократные телеграфные распоряжения начальника дороги Н. И. Гнапа всем начальникам отделений упорядочить работу вагонов-лавок, были нередки случаи, когда железнодорожники на ряде линейных станций (по вине, главным образом, диспетчеров отделений) своевременно не получали необходимые продукты, что вызывало недовольство. Зачастую диспетчеры отделений нарушали утвержденные графики движения вагонов-лавок и вагонов-развозок, задерживая их продвижение от 3 до 6 дней. Фиксировались факты того, что вагоны-лавки и вагоны-развозки медленно продвигались на линии и простаивали на промежуточных станциях. Объяснялось это отсутствием контроля за соблюдением графиков их движения, а виновные в нарушении графика диспетчеры за все случаи задержки остались безнаказанными. К примеру, по вине диспетчеров Курского отделения вагоны-лавки и вагоны-развозки систематически простаивали по 3-4 суток на вспомогательных путях ст. Курск и других, а заявки ОРСа на их подачу не выполнялись [20, л. 11–12].

Для улучшения торгового обслуживания линейных железнодорожников в 1958 г. было организовано 22 торговых поезда, которые курсировали на всех отделениях Московско-Курско-Донбасской дороги, кроме Московского и Узловского [20, л. 13].

Для улучшения быта рабочих путевого хозяйства и их семей 14 мая 1958 г. по указанию МПС СССР начальник дороги обязал организовать в путевых казармах ларьки (шкафы) для торговли без продавцов. Во исполнение этих указаний в путейских казармах Московско-Курско-Донбасской ж.д. было открыто 19 ларьков (шкафов) без продавцов, из них 5 – на Курском отделении и 2 – на Елецком. Этот вид новой торговли оправдал свое назначение; при снятии остатков недостач не было обнаружено. Путейские рабочие очень хорошо отзывались о работе ларьков (шкафов) без продавцов, поэтому в 1959 г. планировалось дополнительно открыть не менее 8 таких торговых точек (из них 2 – на Елецком отделении). Необходимо отметить, что начальники дистанций пути неохотно шли на открытие таких ларьков (шкафов) и не всегда предоставляли дрезины для завоза в них продуктов, чем тормозили их работу [20, л. 14–15].

В соответствии с решением Коллегии МПС от 3 апреля 1958 г. и приказом начальника Московско-Курско-Донбасской железной дороги от 14 мая 1958 г. № 202/Н была организована продажа товаров по чекам-заказам и по предварительным заказам. В течение года линейным железнодорожникам Московско-Курско-Донбасской дороги по чекам-заказам было продано товаров на 611 тыс. рублей и по предварительным заказам (радиоприемники, швейные машины, велосипеды, мебель, холодильники, строительные материалы и др.) на сумму 5 716 тыс. рублей. В дальнейшем Дорурс эти виды торгового обслуживания линейных железнодорожников планировал расширять для полного удовле-

творения спроса тех работников железных дорог, которые проживали в местах, где отсутствовала стационарная торговая сеть [20, л. 15].

За 1958 г. ОРСы Московско-Курско-Донбасской железной дороги закупили незерновых сельхозпродуктов (молоко и молочные продукты, мясо, яйцо и пр.) на сумму 9725 тыс. рублей. План закупок был перевыполнен на 425 тыс. рублей (или на 4,6%), а относительно 1957 г. превышение плановых показателей составило 2443 тыс. рублей (или 33,5%). Заготовка всех видов продукции была увеличена по отношению к 1957 г., а план закупки мяса перевыполнен почти в полтора раза. Закупочная кампания, проведенная ОРСами Московско-Курско-Донбасской железной дороги, позволила улучшить снабжение железнодорожников [20, л. 16].

В 1958 г. ОРСы Московско-Курско-Донбасской железной дороги производили заготовку и закладку на зимнее хранение картофеля и других овощей (капуста свежая, капуста квашеная, лук репчатый, морковь, свекла, огурцы и помидоры соленые) для продажи железнодорожникам и нужд общественного питания. За сохранностью этой продукции был установлен постоянный контроль, а по мере надобности производилась переборка. Продажа картофеля и овощей была организована в основном на крупных железнодорожных узлах, где имелась приспособленная сеть для торговли ими [20, л. 16–17].

К концу 1958 г. на Московско-Курско-Донбасской железной дороге сеть предприятий общепита состояла из 81 столовой, 107 буфетов и закусочных, 14 палаток и ларьков. За 1958 г. план оборота общественного питания в целом по Дорурсу был выполнен на 101,8% или перевыполнен в абсолютных показателях на 1848 тыс. рублей. Рост относительно 1957 г. составил 3,2% (или 3266 тыс. рублей). ОРС Курского отделения за 1958 г. выполнил план оборота общественного питания на 96,8%, а ОРС Елецкого отделения – на 99,8% [20, л. 18].

Для улучшения обслуживания железнодорожников в 1958 г. на Московско-Курско-Донбасской железной дороге были оборудованы и сданы в эксплуатацию 4 новых столовых, одна из них появилась на ст. Елец (на 36 посадочных мест). Было организовано горячее питание рабочих ПМС, ПДМС и СМП на трех станциях, в том числе на ст. Охочевка. Произведено переоборудование и расширение столовых на 9 станциях, в том числе на станциях Курск, Касторная Курская, Лев Толстой [20, л. 19].

Столовые Московско-Курско-Донбасской железной дороги были оснащены технологическим и холодильным оборудованием. Только в 1958 г. в них было установлено 7 универсальных приводов, 5 механических мясорубок, 22 картофелечистки, 40 кипятильников, 10 холодильных шкафов, что позволило повысить качество приготовления пищи и обслуживания железнодорожников. Для железнодорожников, связанных с непрерывным движением поездов, действовал 131 пункт доставки горячей пищи, где ежедневно обслуживалось 1535 человек [20, л. 20].

При учебных заведениях Московско-Курско-Донбасской железной дороги работали 57 школьных буфетов, но горячее питание было организовано только в 30. В остальных школах не было возможности организовать горячее питание ввиду отсутствия соответствующих помещений. Горячим питанием в школьных буфетах пользовалось 4760 человек, из них 2150 чел. – по абонементам [20, л. 20].

В системе Дорурса Московско-Курско-Донбасской железной дороги работали 2 хлебозавода, 12 механизированных хлебопекарен и 14 кустарных хлебопекарен. План выпечки хлеба и хлебобулочных изделий за 1958 г. был выполнен на 106,9% с превышением фактической выпечки хлебобулочных изделий на 3160 тонн. Плановые показатели выпол-

нялись всеми ОРСами дороги, за исключением Тульского отделения [20, л. 21], поэтому хлебной продукцией работники дороги были обеспечены в полной мере.

Обязательства органов управления железнодорожным транспортом по обеспечению работников необходимыми товарами и услугами фиксировались в коллективных договорах, заключаемых с профсоюзами железнодорожников. Так, в соответствии с коллективным договором на 1958 г. Курского отделения Московско-Курской железной дороги, администрация взяла на себя обязательство для лучшего обслуживания железнодорожников, проживающих на линии, организовать регулярную доставку качественного в достаточном количестве и ассортименте хлеба и хлебобулочных изделий, регулярное курсирование вагонов-лавок по графику, согласованному с райпрофсожем, а также организовать снабжение работников, проживающих на линии, путем выездов с товарами на автомашинах и автодрезинах.

Отдел рабочего снабжения обязывался развернуть торговлю по предварительным заявкам, особенно для работников, проживающих на промежуточных станциях, разъездах, дистанциях пути, где отсутствует постоянная торговая сеть; расширить ассортимент, улучшить качество приготовляемой пищи и повысить культуру обслуживания потребителей в столовых и буфетах; организовать питание рабочих и служащих всех смен в установленное время обеденных перерывов, круглосуточное обслуживание локомотивных бригад в пунктах оборота. В столовой 5-го паровозного депо и в столовой № 6 Дома отдыха паровозных и кондукторских бригад в общем меню предполагалось иметь диетические блюда для желудочных больных [22, л. 9–10].

Работники Курского ОРС в основном справились с выполнением плана по торговле и хлебопечению, а также другим показателям. Однако в работе общественного питания сохранялись недостатки: слабое качество выпускаемой продукции, недостаточный ассортимент первых и вторых блюд; не изжиты случаи растрат и хищений; плохое снабжение продуктами питания линейных работников. Например, на станцию Колпны в течение 10 дней не приходил вагон-лавка. Отдел эксплуатации не обеспечивал выполнения графика движения вагонлавки. Вызывала нарекания работа столовых на станциях Касторная Курская и паровозного депо Курск. Нарушался график подвоза хлеба. В течение трех дней хлеб не завозился в отдаленные точки из-за отсутствия исправной автомашины [23, л. 98].

Для обслуживания бытовых нужд железнодорожников в ОРСах Московско-Курско-Донбасской железной дороги в 1958 г. имелось 7 пошивочных мастерских, 4 парикмахерских, 4 сапожных мастерских, 6 цехов по выработке безалкогольных напитков, 4 весоремонтных мастерских, 3 фотосалона. План оказания услуг и выпуска товарной продукции этими организациями был перевыполнен (фактическая выручка составила 5 486 тыс. рублей, вместо запланированных 5 126 тыс. рублей). Было выработано 100 642 декалитров безалкогольных напитков. Кроме того, из сырья заказчиков были пошиты: 2808 пальто, 1919 женских костюмов, 1757 детских платьев, 704 пары брюк, 161 ватная телогрейка. Неудовлетворительно работали сапожные мастерские. При наличии спроса на ремонт резиновой обуви ОРСы не имели микропористой резины, натурального резинового клея и вулканизационных аппаратов, что не позволяло оказать востребованные клиентами услуги [20, л. 22–23]. Бытовые потребности железнодорожников, кроме ведомственных структур, обслуживали 158 предприятий, подчиненных Роспромсовету и местным коммунальным органам, территориально связанным с участковыми линейными станциями [20, л. 23].

Потребности обслуживающих предприятий Московско-Курско-Донбасской железной дороги в сельскохозяйственной продукции обеспечивали совхозы «Вельяминово», имени 8 марта, «Суковкино». В 1958 г. они сдали на рабочее снабжение 6458 ц картофеля, 12564 ц овощей, 1025 ц мяса (в живом весе), 4987 ц молока, 13 тыс. штук яиц, 4 ц меда. Совхозы Дорурса работали вполне рентабельно и дали накоплений в размере 507 тыс. рублей [20, л. 23–24].

С целью расширения подсобного хозяйства и материально-технической базы на ст. Курск в 1958 г. было построено картофелехранилище на 500 т, в процессе строительства находился птичник на 3000 голов в совхозе «Суковкино». Одновременно удалось капитально отремонтировать магазины на станциях Старый Оскол, Кшень, Ефремов, Жданка, а также хлебопекарню на ст. Верховье [20, л. 24].

В соответствии с планом мероприятий по развитию общественного питания на Московско-Курско-Донбасской железной дороге в 1959–1965 гг., утвержденным начальником дороги Н. И. Гнапом, намечалось строительство новых столовых на 50 посадочных мест на станциях Касторная Курская (1960 г.), Старый Оскол (1962 г.), Охочевка (1963 г.), Лев Толстой (100 посадочных мест, 1963 г.). Планировалось оборудование и открытие столовых и буфетов при школах на станциях Старый Оскол (40 посадочных мест) и Щигры (16 посадочных мест) [20, л. 40–41]. В столовой на ст. Курск в 1959 г. предстояло оборудовать водяное отопление, а в столовой № 13 на ст. Старый Оскол намечалось расширение обеденного зала, кухни и подсобных цехов [20, л. 42–43]. Предполагалось также оборудование диетических залов при столовых; к примеру, в 1959 г. – в столовой № 5 на ст. Курск (на 12 посадочных мест) и в столовой № 1 на ст. Елец (на 24 посадочных места) [20, л. 44].

Согласно плану мероприятий по развитию общественного питания на Московско-Курско-Донбасской железной дороге за три года намечалось подготовить 60 поваров путем индивидуального обучения (в 1959 г. – 15 чел., в 1960 г. – 20 чел., и в 1961 г. – 25 чел.). Была запланирована подготовка 180 поваров в двухгодичных школах торгово-кулинарного ученичества (в 1959 г. – 60 чел., в 1960 г. – 60 чел., в 1961 г. – 60 чел.). Необходимо отметить, что в 1959–1961 гг. намечалось повышение квалификации с отрывом от производства начальников секторов и инспекторов общепита (10 чел.), заведующих столовыми (50 чел.) и заведующих производствами (50 чел.); а без отрыва от производства – поваров и помощников поваров (400 чел.) [20, л. 48]. Повышение квалификации кадров предприятий общественного питания являлось одним из ключевых условий качественного обслуживания железнодорожников.

Выводы

Представленные материалы свидетельствуют о целенаправленной работе органов рабочего снабжения Московско-Курско-Донбасской железной дороги по удовлетворению повседневных потребностей работников транспорта в продуктах питания, товарах первой необходимости и бытовых услугах. Несмотря на обеспеченность торговой сети дороги товарными фондами, в том числе за счет собственного производства, обеспечить своевременный подвоз продуктов питания к проживающим вне населенных пунктов потребителям в рассматриваемый период не удалось. Парадоксальным в этой ситуации представляется то обстоятельство, что срыв поставок происходил по вине самих транспортников. Забота об организации питания железнодорожников проявлялась в расширении площадей пунктов приема пищи, оснащении столовых современным технологическим оборудованием, подготовке поварских кадров. К сожалению, принимаемые меры не всегда позитивно влияли на качество рациона питания и культуру обслуживания,

что подтверждается многочисленными жалобами железнодорожников на работу предприятий транспортного общепита. Недостаток сырья и материалов оказывал негативное влияние на деятельность ведомственных предприятий сферы бытовых услуг. Вместе с тем система рабочего снабжения показала себя эффективным механизмом реализации социальной политики на железнодорожном транспорте в конце 1950-х гг.

Список литературы

1. Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения в СССР. 1941–1947 гг. // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2010. Вып. 2. С. 32–40.

2. Твердюкова Е. Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–1947 гг.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21. С. 254–271.

3. Твердюкова Е. Д. Изучение покупательского спроса в СССР (конец 1960-х гг.) // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 124–132.

4. Мороз И. А. Исторические аспекты управления сферой общественного питания в СССР в 50–60-е годы XX века // Мировая и российская наука: области развития и инноваций: сборник научных статей / науч. ред. Л. Г. Гачечиладзе. М.: Перо, 2021. С. 15–21.

5. Мороз И. А. Основные тенденции удовлетворения запросов советской торговли 50–60-х годов XX века в товарах сельскохозяйственного производства // Тенденции развития мировой торговли в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции. Пермь: Пермский ин-т (филиал) Российского экономического ун-та им. Г. В. Плеханова, 2021. С. 177–182.

6. Мороз И. А. Решение проблемы эффективности капиталовложений в торговлю в 1950-60-е гг. // Ресурсосбережение. Эффективность. Развитие: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Донецк: Донецкий национальный технический ун-т, 2023. С. 201–203.

7. Демчик Е. В., Гряникова Г. А. Торговое обслуживание жителей Алтайского края в контексте экономических преобразований второй половины 1960-х – начала 1990-х гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 6–11.

8. Демчик Е. В., Гряникова Г. А. Дефицит в «солнечное десятилетие» Алтайского края: продовольственная торговля в условиях плановой экономики 1960–1970-х гг. // Экономическая история: ежегодник. 2020. Т. 2019. С. 301–314.

9. Шемырева С. К. Система продовольственного обеспечения городского населения в послевоенные годы (на материалах города Куйбышева) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6. С. 171–174.

10. Пашина Н. В., Федорченко В. И. Экономическая реформа 1947 г.: трудности перехода к свободной торговле (на материалах Красноярского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 151–154.

11. Конов А. С. Социальная сфера железнодорожного транспорта Урала в 1956–1991 гг.: жилищная проблема // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (31). С. 95–110. https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.8

12. Шепелев И. А. Обеспечение питанием, жильём и врачебной помощью железнодорожников СССР в условиях коренной модернизации отрасли (1965–1985 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3(77), ч. 1. С. 197–201.

13. Мишенин С. Е. Организация питания пассажиров в полосе железных дорог Западной Сибири в 1965–1991 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3 (7). С. 36–40.

14. Коровин В. В., Коровин Р. В. Организация специализированного торгового обслуживания работников железнодорожного транспорта в 1930-е годы (по материалам Курского региона) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 166–176. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-1-166-176

15. Социально-политические факторы развития отечественного железнодорожного транспорта в 1940–1960-е годы (по материалам Курской области) / В. В. Коровин, Е. А. Масуфранова, А. В. Величко [и др.]. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2017. 300 с.

16. Головин Е. А. «Обеспечить бесперебойное снабжение качественными товарами в полном ассортименте...». Документы РГАЭ об организации ведомственной торговли на железнодорожном транспорте. 1950-1951 гг. // Исторический архив. 2024. № 1. С. 42–50.

17. Головин Е. А. О специализированном снабжении работников Юго-Восточной железной дороги в конце 1950-х – начале 1960-х годов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 1. С. 159–165. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2024_1_159

18. Железнодорожный транспорт: энциклопедия / гл. ред. Н. С. Конорев. М.: Большая Рос. энцикл., 1994. 559 с.

19. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 19.

20. ЦГАМ (Центральный государственный архив города Москвы). Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 3220.

21. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 74.

22. ГАОПИКО. Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 71.

23. ГАОПИКО. Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 55.

References

1. Tverdyukova E.D. Combating abuses in the field of card supply to the population in the USSR. 1941-1947. *Vestnik SPbGU. Seriya 2 = Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2.* 2010;(2):32–40. (In Russ.)

2. Tverdyukova E.D. “Immediately abolish all illegal forms of supply”: providing the Soviet regional nomenclature with consumer goods (1943-1947). *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta = Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University.* 2015;(21):254–271. (In Russ.)

3. Tverdyukova E.D. The study of consumer demand in the USSR (late 1960s). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2019;(8):124–132. (In Russ.)

4. Moroz I.A. Historical aspects of public catering management in the USSR in the 1950s-60s of the twentieth century. *Mirovaya i rossijskaya nauka: oblasti razvitiya i innovacij: sbornik nauchnyh statej = World and Russian science: areas of development and innovation: collection of scientific articles*. Moscow: Pero; 2021. P. 15–21. (In Russ.)

5. Moroz I.A. The main trends in meeting the demands of Soviet trade in the 50s – 60s of the twentieth century in agricultural products. *Tendencii razvitiya mirovoj torgovli v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Trends in the development of world trade in the XXI century: materials of the IX International scientific and practical conference*. Perm: Permskij in-t (filial) Rossijskogo ekonomicheskogo un-ta im. G. V. Plekhanova; 2021. P. 177–182. (In Russ.)

6. Moroz I.A. Solving the problem of the efficiency of investments in trade in the 1950s and 60s. *Resursosberezhenie. Effektivnost'. Razvitie: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Resource conservation. Effectiveness. Development: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Donetsk: Doneckij nacional'nyj tekhnicheskij un-t; 2023. P. 201–203. (In Russ.)

7. Demchik E.V., Gryanikova G.A. Trade services for residents of the Altai Territory in the context of economic transformations in the second half of the 1960s - early 1990s. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities.* 2022;(1):6–11. (In Russ.)

8. Demchik E.V., Gryanikova G.A. Scarcity in the "sunny Decade" of the Altai Territory: food trade in a planned economy of the 1960s and 1970s. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik = Economic History: Yearbook.* 2020;(2019):301–314. (In Russ.)

9. Shemyreva S.K. The food supply system for the urban population in the post-war years (based on the materials of the city of Kuibyshev). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2009;11(6):171–174. (In Russ.)

10. Pashina N.V., Fedorchenko V.I. Economic reform in 1947: difficulties of transition to free trade (based on the materials of the Krasnoyarsk territory). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2016;(6-1):151–154. (In Russ.)

11. Konov A.S. Social sphere of railway transport in the Urals in 1956-1991: housing problem. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*. 2019;(3):95–100. (In Russ.)

12. Shepelev I.A. Provision of food, housing and medical care to railway workers of the USSR in the context of radical modernization of the industry (1965–1985). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice.* 2017;(3-1):197–201. (In Russ.)

13. Mishenin S.E. Catering for passengers in the Western Siberian railway in 1965-1991. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*. 2015;(3):36–40. (In Russ.)

14. Korovin V.V., Korovin R.V. Organization of specialized trade services for railway transport workers in the 1930s (based on materials from the Kursk region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(1):166–176. (In Russ.)

15. Korovin V.V., Masufranova E.A., Velichko A.V., eds. Socio-political factors of the development of domestic railway transport in the 1940s–1960s (based on the materials of the Kursk region). Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2017. 300 p. (In Russ.)

16. Golovin E.A. "To ensure an uninterrupted supply of high-quality goods in a full range ...". The documents of the RGAE on the organization of departmental trade in railway transport. 1950-1951. *Istoricheskij arhiv = Historical Archive.* 2024;(1):42–50. (In Russ.)

17. Golovin E.A. On the specialized supply of workers of the Southeastern Railway in the late 1950s – early 1960s. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University*. 2024;(1):159–165. (In Russ.)

18. Konorev N. S. (ed.) Railway transport. Encyclopedia. Moscow: Bol′shaya Rossijskaya encikl; 1994. 559 p. (In Russ.)

19. GAKO (State Archive of the Kursk region). F. R-377. Op. 1. D. 19. (In Russ.)

20. CGAM (The Central State Archive of the city of Moscow). F. R-2759. Op. 1. D. 3220. (In Russ.)

21. GAOPIKO (State Archive of the Socio-Political History of the Kursk region). F. P-5399. Op. 1. D. 74. (In Russ.)

22. GAOPIKO. F. P-5399. Op. 1. D. 71. (In Russ.)

23. GAOPIKO. F. P-5399. Op. 1. D. 55. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Головин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: golovin007@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0199-7423

Evgeny A. Golovin, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: golovin007@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0199-7423

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-245-253

(cc) BY 4.0

Организация губернских органов контроля в 1920-1922 годах: по материалам Курского края

Д. С. Немкова[1]✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: evsiukova.daria@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В современных условиях основными направлениями реформирования контрольной (надзорной) деятельности являются: повышение её эффективности и результативности, снижение административной нагрузки на предприятия и предпринимателей. Совершенствование контрольной (надзорной) деятельности остается актуальным в условиях усиления внешнего санкционного давления. Вместе с тем история устройства контроля, распространявшегося на все виды и формы государственного управления и экономической деятельности, остается мало изученной в части имеющегося регионального опыта. Исследование становления органов контроля в Советском государстве приобретает особый практический интерес, поскольку позволяет аккумулировать достижения и ошибки прошлого, тем самым задавая ориентиры в настоящем.*

Цель – *изучение опыта организации органов социалистического контроля в 1920–1922 годы на примере Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции.*

Задачи *статьи вытекают из поставленной цели и состоят в том, чтобы исследовать условия и методы работы Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции в обозначенный период.*

Методология. *В ходе исследования обозначенной темы использовались как общенаучные методы познания, такие как: анализ, синтез, индукции, дедукции, так и специальные исторические методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический.*

Результаты. *Исследование условий работы Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции в обозначенный период позволило в исторической ретроспективе определить специфику использованных ею методов, а также установить причины последовавших реформ.*

Вывод. *Основанием объединения партийного и советского государственного контроля послужил анализ губернского опыта работы РКИ в 1920–1922 годы. Существенным препятствием для более широкого развития как организационной, так и ревизионной деятельности Курского губернского отделения РКИ в исследуемый период стали недостаточное количество сотрудников и низкий уровень их подготовки.*

Ключевые слова: *государственный контроль; рабоче-крестьянская инспекция; губернское отделение; ревизия; Советское государство.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Немкова Д. С. Организация губернских органов контроля в 1920–1922 годах: по материалам Курского края // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 245–253. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-245-253

Поступила в редакцию 28.04.2024 Принята к публикации 30.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Немкова Д. С., 2024

The organization of provincial control bodies in 1920-1922: based on the materials of the Kursk region

Daria S. Nemkova[1]✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: evsiukova.daria@yandex.ru

Abstract

Relevance. *In modern conditions, the main directions of reforming control (supervisory) activities are to increase its efficiency and effectiveness, reduce the administrative burden on enterprises and entrepreneurs. The improvement of control (supervisory) activities remains relevant in the context of increased external sanctions pressure. At the same time, the history of the control system, which extended to all types and forms of public administration and economic activity, remains poorly understood in terms of existing regional experience. The study of the formation of control bodies in the Soviet state is of particular practical interest, since it allows accumulating achievements and mistakes of the past, thereby setting benchmarks in the present.*

Purpose. *The study of the experience of organizing socialist control bodies in 1920-1922 on the example of the Kursk provincial branch of the Workers' and Peasants' Inspection.*

The objectives *of the article follow from the set goal and consist in investigating the conditions and methods of work of the Kursk provincial department of the Workers' and Peasants' Inspection during the designated period.*

Methodology. *During the research of the designated topic, the author used both general scientific methods of cognition, such as analysis, synthesis, induction, deduction, and special historical methods: problem-chronological, comparative historical.*

Results. *The study of the working conditions of the Kursk provincial department of the Workers' and Peasants' Inspection in the designated period allowed, in historical retrospect, to determine the specifics of the methods used by it, as well as to establish the reasons for the subsequent reforms.*

Conclusion. *The basis for the unification of party and Soviet state control was the analysis of the provincial experience of the RKI in 1920-1922. A significant obstacle to the broader development of both organizational and auditing activities of the Kursk Provincial Branch of the Russian Academy of Sciences in the period under study was the insufficient number and low level of their training.*

Keywords: *state control; workers' and peasants' inspection; provincial branch; audit; Soviet state.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nemkova D.S. The organization of provincial control bodies in 1920–1922: based on the materials of the Kursk Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):245–253. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-245-253

Received 28.04.2024 Accepted 30.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Переход от Гражданской войны к восстановлению народного хозяйства выдвинул целый ряд проблем в экономике, классовых отношениях, в партийной, государственной и общественной жизни. В этот период шел процесс становления и развития Советского государства, советских общественных организаций.

Особое место в системе советской государственности и общественности заняла организация всенародного учета и контроля, создание его органов. В. И. Ленин обосновал необходимость контроля для построения социализма и разработал основные принципы его организации и деятельности.

Контроль за производством и распределением, за фактическим исполнением дел и решением задач коммунистиче-

ского строительства должен быть не эпизодическим, а постоянным, систематическим, последовательным, всеобъемлющим, универсальным. В. И. Ленин считал, что контроль должен быть повсеместным, всеобщим, что эта задача всех советских общественных и государственных организаций, каждого завода и фабрики, каждой коммуны и кооператива.

На этой мысли сделан акцент в докладе В. И. Ленина на VII съезде РКП(б), где он предлагал отразить в программе партии ряд коренных задач по созданию нового общества, среди которых он указывал «на учет и контроль, проведенный самим населением, лежащий в основе дальнейших шагов социализма» [1, с. 54].

В то же время было очевидным, что трудящиеся нашей страны еще не способны осуществлять систематический, всеобъемлющий контроль и самоконтроль без партийного и государственного руководства, из чего следует необходимость побудить советский народ проводить контроль, взрастить в нем внутреннюю потребность в самоконтроле. В связи с чем В. И. Ленин полагал, что необходимо создание специальных органов контроля, которые смогли бы организовать трудящихся, привлечь их к участию в контроле. Таким органом, по мысли Владимира Ильича, должна была явиться Центральная контрольная комиссия и рабоче-крестьянская инспекция (далее – ЦКК-РКИ) – объединенный партийный и государственный контроль.

В условиях социализма органы контроля своеобразно соединили черты общественного и государственного. Партийно-государственный контроль – это орган, содействующий, помогающий партии и правительству организовать всенародный контроль. Образованию ЦКК-РКИ предшествовал большой путь поисков лучших форм организации, направления и методов работы социалистических органов контроля.

После Октябрьской революции в Советском государстве в ноябре 1917 г. вводится рабочий контроль, а в декабре 1917 г. уже была образована Коллегия государственного контроля. В мае 1918 г. был создан Народный комиссариат государственного контроля, а в конце 1918 г., параллельно с ним, были образованы рабочие инспекции – продовольственная, железнодорожная и московская.

После очередной реорганизации органов государственного контроля Наркомат государственного контроля РСФСР на основании декрета ВЦИК от 7 февраля 1920 г. был преобразован в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (далее – НК РКИ)[1]. Спустя несколько лет его функционирования станет ясно, что Наркомат РКИ явился наиболее целесообразной формой соединения государственного контроля и контроля масс. Одновременно с созданием центральных органов контроля шел процесс образования его местных органов в областях, краях, губерниях, уездах и волостях.

На сегодняшний день не существует фундаментальных работ, в которых всесторонне была бы исследована деятельность местных органов РКИ в Курской губернии, в том числе на начальном этапе их формирования. Имеющиеся работы посвящены указанной проблематике лишь фрагментарно, выборочно, поэтому статья написана с опорой на исторические источники, хранящие сведения о деятельности органов контроля в Курской губернии, извлеченных из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Курской области (ГАКО).

Вместе с тем для более глубокого понимания работы местных органов контроля – краевых, областных, губернских, автору потребовалось ознакомиться с теми исследованиями, в которых рассмат-

[1] Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Рабоче-крестьянской инспекции (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 123–125.

ривается деятельность органов контроля по совершенствованию госаппарата в других регионах страны. Из работ, характеризующих деятельность губернских РКИ в рассматриваемый нами период, представляют интерес статьи А. Г. Дианова [2–3], Е. А. Лепковой [4], С. А. Куликовой [5] и др.

Методология

Основополагающими методами, использованными в работе, стали историко-описательный, историко-сравнительный и историко-генетический методы. Историко-описательный метод применялся при обозначении механизмов формирования органов РКИ, использованных партийным руководством. С помощью историко-сравнительного метода проанализированы изменения условий и методов работы РКИ после совершенствования правовых основ социального государства. Историко-генетический метод помог указать на причины последовавших реформ по объединению партийного и советского государственного контроля.

Указанные ранее источники и методы в совокупности способствовали достижению поставленной цели.

Результаты и их обсуждение

Органами РКИ в Курской губернии общего назначения, т. е. входящими в состав отделов губернского и уездных исполнительных комитетов, стали Курское губернское отделение и 14 уездных отделений РКИ. Как губернское, так и уездные отделения (в большинстве) представляли собой законченные организации, сконструированные следующим образом: губернское отделение по типу центрального РКИ с подразделением на отделы по объектам ревизии и уездные отделения по видам ревизий [4, с. 3].

Общее руководство и направление деятельности РКИ в Курской губернии принадлежало губернскому отделению РКИ, которое возглавляла коллегия, состоявшая из четырех лиц: управляющего, заместителя управляющего, помощника и члена от Курского губернского совета профессиональных союзов [7, л. 5–9].

В состав коллегии входили девять отделов, которые по роду своей деятельности разделялись на распорядительные и ревизионные органы. К первому виду органов относилось управление делами, состоящее из подотделов: секретариата, информационно-инструкторского, учетно-распределительного, отчетно-статистического, юридического и завхоза. К другой группе относились: финансовый отдел, техническо-промышленный, продовольственный, сельскохозяйственный, просвещения и пропаганды, здравсобезтруда, военно-административной, бюро жалоб и летучих ревизий [8, л. 18].

В задачи управления делами с его подотделами входило объединение и общее направление деятельности по директивам Центра и коллегии губернской РКИ, деятельности органов инспекции, как губернских, так и уездных отделений, организация новых органов, а также инструктирование и инспектирование существующих.

Все уездные отделения РКИ были сконструированы по видам ревизий, т. е. состояли из отдела предварительных ревизий, последующих и фактических ревизий, отдела жалоб и канцелярии [9, л. 4–7]. В уездном масштабе эта конструкция представлялась наиболее правильной и целесообразной. Управление уездного отделения было единоличным, но решение ревизионных вопросов в большинстве отделений носило коллегиальный характер.

Волостные инспекции в Курской губернии не организовывались ввиду отсутствия подготовленных работников на местах и полной невозможности выделить для этой цели работников из губернского или уездного отделения РКИ, которые сами испытывали в них острую нужду.

Сложные условия работы после Гражданской войны порождали кадровый

дефицит специалистов и недостаток партийных работников, даже несмотря на предпринимаемые РКИ попытки улучшения материального положения части сотрудников (зачисления на паек, выдачи обуви и пр.). Кадровый дефицит являлся препятствием для более широкого развития как организационной, так и ревизионной деятельности.

Состояние личного состава Курского губернского отделения РКИ в декабре 1920 г. было следующим: из 185 утвержденных штатом человек укомплектованность составляла 96, из которых партийными сотрудниками являлись только 7.

В период с января по март 1921 г. происходило сокращение штата до 173 человек, однако удалось сократить неукомплектованность с 84 до 63 единиц. Вместе с тем к апрелю 1921 г. при увеличении штата до 207 человек кадровый дефицит начал расти и к 1 июня 1921 г. составлял 73 сотрудника. С ноября 1920 по май 1921 г. число фактически работающих в РКИ членов партии сократилось с 14 до 9.

В уездных отделениях наблюдалась более положительная динамика, по состоянию на 1 июня 1921 г. из 225 утвержденных штатом человек наличное число сотрудников – 196, из них 31 являлся членом партии.

Служебный стаж в РКИ свыше 1 года среди коммунистов имело 3 человека, свыше 9 месяцев – 2, свыше 5 – 1, а свыше 3 – 2 [6, с. 15].

Хотелось бы отметить, что к ноябрю 1921 г. количество работников возросло до 100 человек, к декабрю 1921 г. достигло 117.

Наркомат РКИ и его местные органы предпринимали попытки по улучшению условий работы за счет изменения структуры, уменьшения состава, небольшого увеличения платы [9, л. 20–23]. С января 1922 г. было проведено сокращение штатов и изменение структуры губернских РКИ. Так, к 1 апреля 1922 г. в составе отделения осталось 88 человек, недостаток по штату составлял 22 сотрудника [10, с. 36]. К концу июня 1922 г. из 73 штатных работников РКИ только 8 являлись коммунистами [11, л. 2].

Кроме того, губернское отделение РКИ вместо деления на 5 инспекций было разделено на 3 подотдела – общий, экономический и административно-хозяйственный. Упразднялись уездные РКИ и вместо них создавались контрольные ячейки РКИ. В августе 1922 г. Курское губернское отделение РКИ ликвидировала институт уездных уполномоченных [10, с. 38]. Сокращением штатов улучшить положение работников РКИ не удалось.

Проанализировав на этапе становления губернского отделения движение по инспекции партийных работников, их количество и время пребывания, можно сделать выводы об отношении местных партийных организаций к РКИ.

Внушительный объем работы и относительно низкая в сравнении с другими государственными органами оплата труда работников РКИ не предоставляли возможности обеспечить требуемое количество квалифицированных работников [12, л. 14].

Помимо незначительного количества руководящего элемента партийных товарищей, губернское отделение хронически в течение всего отчетного периода страдало общей болезнью – недостаточностью рядового технического кадра сотрудников [13, л. 5–9], и все это, вместе взятое, не давало развить до таких пределов возможности, какие настоятельно диктовались самой жизнью и условиями того времени.

В. И. Ленин в отчетном докладе ЦК на VIII съезде РКП(б), подчеркивая особые трудности создания нового строя в первом в мире социалистическом государстве, отмечал, что большевики, руководствуясь марксизмом, в конкретном претворении тех или иных его положений «должны были сплошь и рядом идти ощупью» [14, с. 138].

Создание контроля, организованного по-социалистически, было делом совершенно новым и неизведанным. В 1920–1921 гг. в области выработки форм взаимодействия государственного контроля и трудящихся масс были достигнуты определенные успехи. Вместе с тем нельзя с уверенностью утверждать, что в эти годы удалось четко определить главное направление в работе советских органов контроля. Далеко не совершенными оказались и методы работы Наркомата РКИ.

Хотя в работе Наркомата РКИ в сравнении с Наркоматом госконтроля и появилось новое – массовые обследования, летучие ревизии, но в целом основным методом работы осталась ревизия, унаследованная от «старого госконтроля» [15, с. 4–5].

Первостепенное значение Курское губернское отделение РКИ придавало производству фактических, летучих и плановых ревизий (обследований), и в этом отношении органам РКИ несмотря на тяжелые условия работы, связанные с недостатком работников и низким уровнем их знаний в деле, удалось достигнуть определённых результатов.

Количество произведённых ревизий и обследований за анализируемый период выражалось в следующих показателях: губернским отделением произведено ревизий в декабре 1920 г. – 37, уездными отделениями – 85; в январе 1921 г. – 12, уездными отделениями – 65 [16, л. 4]; в феврале 1921 г. – 31, уездными отделениями – 73 [17, л. 4]; в марте 1921 г. – 45, уездными отделениями – 96 [18, л. 3]; в апреле 1921 г. – 43, уездными отделениями – 102 [19, л. 11]; в мае 1921 г. – 28, уездными отделениями – 129 [20, л. 7].

Таким образом, за анализируемый период всего по Курской губернии удалось осуществить 746 ревизий, из которых 197 выполнено губернским отделением, а 549 – уездными отделениями. Несмотря на имеющиеся проблемы, нельзя не отметить прогрессивный рост числа фактических ревизий, дошедших до 157 в мае 1921 г.

В отчете Курской губернской РКИ за июль 1922 г. отмечается, что деятельность инспекции охватила почти все подконтрольные учреждения – за один месяц все учреждения. Данный факт позволяет сделать вывод о поверхностном проведении обследований. Проверявший работу губернского отделения за второе полугодие 1922 г. инспектор НК РКИ РСФСР акцентировал внимание на небольшом количестве полных и всесторонних ревизий – 5 за полугодие [21, л. 124].

Широкие инспекционные обследования, которые ставили бы своей целью изучение работы и помощь ревизуемым учреждениям, составляли сравнительно небольшой процент по отношению ко всей работе НК РКИ. Ревизионный метод, который требовал детальной фиксации во всяких справках, актах, выписках недостатков, приводил в основном к тому, что недостатки только констатировались и выявлялись отдельные виновные. Этот метод работы НК РКИ не давал возможности поставить вопрос об изучении широких проблем, выявлении типичных причин недостатков.

В конце 1922 г. Наркоматом РКИ проанализирована работа 30 местных отделений РКИ, в том числе и Курской. Проверка показала, что преобладание поверхностных и случайных ревизий в работе РКИ на местах обусловливалось низкой квалификацией её сотрудников, безавторитетностью органов контроля, которым давали беспрерывные задания местные органы власти. Большое количество заданий и обилие подконтрольных учреждений заставляло РКИ отказываться от широких плановых обследований, распылять свои силы на частичные и документальные ревизии [22, л. 15]. В этих условиях В. И. Ленин поднял вопрос о коренной реорганизации Наркомата РКИ [23, с. 395].

Вывод

Именно анализ работы РКИ в 1920–1922 гг., её методов и направлений дал возможность партийному руководству сделать вывод, что без преобразования НК РКИ сделать контроль основой государственного управления невозможно. Для воплощения данной идеи в жизнь необходим был неоспоримый авторитет контрольного органа, способность его работников организовать на научных основах рационализацию государственного аппарата. Решением обострившейся проблемы стало объединение партийного и советского государственного контроля.

Существенным препятствием для более широкого развития как организационной, так и ревизионной деятельности РКИ в исследуемый период явилось незначительное число партийных работников, их текучесть. Все усилия Коллегии РКИ забронировать за инспекцией на продолжительный срок партийных товарищей не имели успеха. Вместе с тем при неблагоприятных условиях работы Курское губернское отделение РКИ сделало максимально возможное для должной организации работы в имеющихся условиях.

Список литературы

1. Ленин В. И. Успехи и трудности советской власти // Полное собрание сочинений. Т. 36: март-июль 1918. М.: Изд-во полит. лит., 1974. 742 с.

2. Дианов А. Г. Рабоче-крестьянская инспекция и проблема контроля за деятельностью госаппарата в Сибири в 1920 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 64–68.

3. Дианов А. Г. Деятельность Сибирской рабоче-крестьянской инспекции по претворению в жизнь принципов НЭПа в 1922 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-2 (72). С. 94–99.

4. Лепкова Е. А. Деятельность губернской рабоче-крестьянской инспекции в Царицыне в 1920-1925 гг. // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы IV Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию начала контрнаступления советских войск под Сталинградом / ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Волгоград, 2022. С. 276–279.

5. Куликова С. А. Становление народного контроля в СССР, формы и методы его осуществления (на примере деятельности Саратовской рабоче-крестьянской инспекции первой половины 1920-х гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, № 4. С. 429–436.

6. Курская губ. рабоче-крестьянская инспекция. На страже революции: отчет Губ. отделения рабоче-крестьянской инспекции и Губ. чрезв. комис. 8-му Курскому губ. съезду советов. Курск: Ред.-изд. коллегия при Курском губ. отд. упр., 1921. 31 с.

7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 308.

8. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 630.

9. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 79.

10. Курское губернское экономическое совещание: отчет Совету труда и обороны за период 1 апреля по 1 октября 1922 года. Курск: Гос. изд-во, 1922. 123 с.

11. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 549.

12. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 729.

13. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 627.

14. Ленин В. И. Отчет Центрального Комитета 18 марта // Полное собрание сочинений. Т. 38: март-июль 1919. М.: Изд-во полит. лит., 1967. 580 с.

15. РСФСР. Народный ком. рабоче-крестьянской инспекции. Общая инструкция по рабоче-крестьянской инспекции: (Основные положения): [утв. зам. нар. ком. В. Аванесовым 20 февр. 1920 г.]. М.: [Б. и.], 1920. 23 с.

16. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 628.

17. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 631.

18. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 632.

19. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 633.

20. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 634.

21. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 1126.

22. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 939.

23. Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Полное собрание сочинений. Т. 45: Март 1922 – март 1923. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 730 с.

Reference

1. Lenin V.I. Successes and difficulties of the Soviet government. In: Complete Works. Vol. 36: March-July 1918. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1974. 742 p. (In Russ.)

2. Dianov A.G. Workers' and peasants' inspection and the problem of control over the activities of the state apparatus in Siberia in 1920. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2011;(346):64–68. (In Russ.)

3. Dianov A.G. The activities of the Siberian workers' and peasants' inspectorate for the implementation of the principles of the NEP in 1922. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*. 2011;(4-2):94–99. (In Russ.)

4. Lepkova E.A. Activity of the provincial workers' and peasants' inspection in Tsaritsyn in 1920-1925. *Voenno-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii XVII-XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeefikacii: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, priurochennoj k 80-letiyu nachala kontrnastupleniya sovetskikh vojsk pod Stalingradom = Military-historical aspects of life in the South of Russia of the XVII-XXI centuries: issues of study and modernization: materials of the IV International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the Soviet counteroffensive at Stalingrad*. Volgograd: Gosudarstvennyj istoriko-memorial′nyj muzej-zapovednik “Stalingradskaya bitva”; 2022. P. 276–279. (In Russ.)

5. Kulikova S.A. The formation of national control in the USSR, forms and methods of its implementation (on the example of the Saratov Workers' and Peasants' Inspection in the first half of the 1920s). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E'konomika. Upravlenie. Pravo = Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right*. 2021;21(4):429–436. (In Russ.)

6. Kursk province workers' and peasants' inspection. On Guard of the Revolution: report of the Gubernia Department of the Workers' and Peasants' Inspection and Gubernia. Committee of the 8th Kursk Gubernatorial Congress of Soviets. Kursk: Red.-izd. kollegiya pri Kurskom gub. otd. upr., 1921. 31 p. (In Russ.)

7. GARF (State Archive of the Russian Federation). F. R-4085. Op. 2. D. 308. (In Russ.)

8. GAKO (State Archive of the Kursk region). F. R-321. Op. 1. D. 630. (In Russ.)

9. GARF. F. R-4085. Op. 2. D. 79. (In Russ.)

10. Kursk provincial economic meeting: report to the Council of Labor and Defense for the period April 1 to October 1, 1922. Kursk: Gos. izd-vo; 1922. 123 p. (In Russ.)

11. GARF. F. R-4085. Op. 2. D. 549. (In Russ.)

12. GARF. F. R-4085. Op. 2. D. 729. (In Russ.)
13. GAKO. F. R-321. Op. 1. D. 627. (In Russ.)
14. Lenin V.I. The report of the Central Committee on March 18. In: Complete works. Vol. 38: March – July 1919. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1967. 580 p. (In Russ.)
15. The RSFSR. The People's com. the workers' and peasants' inspection. General instructions on the workers' and peasants' inspection: (Basic provisions). Moscow; 1920. 23 p. (In Russ.)
16. GAKO. F. R-321. Op. 1. D. 628. (In Russ.)
17. GAKO. F. R-321. Op. 1. D. 631. (In Russ.)
18. GAKO. F. R-321. Op. 1. D. 632. (In Russ.)
19. GAKO. F. R-321. Op. 1. D. 633. (In Russ.)
20. GAKO. F. R-321. Op. 1. D. 634. (In Russ.)
21. GARF. F. R-4085. Op. 2. D. 1126. (In Russ.)
22. GARF. F. R-4085. Op. 2. D. 939. (In Russ.)
23. Lenin V.I. Less is better, yes it is better. In: The complete works. Vol. 45: March 1922 – March 1923. Moscow: Izd-vo polit. lit.; 1970. 730 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Немкова Дарья Сергеевна, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: evsiukova.daria@yandex.ru,
ORCID: 0009-0002-9101-5680

Daria S. Nemkova, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: evsiukova.daria@yandex.ru,
ORCID: 0009-0002-9101-5680

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470)+911.6

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-254-263

(cc) BY 4.0

Административно-территориальные преобразования в Курской области в середине 1940-х – начале 1960-х годов: основные практики и результаты

О. Н. Аргунов[1] ✉, Д. М. Есипов[1], В. В. Коровин[2]

[1] Государственный архив Курской области
ул. Ленина, д. 57, г. Курск 305000, Российская Федерация

[3] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Вопросы внутрирегиональных административно-территориальных преобразований, в том числе и в Курской области, в настоящее время остаются практически неизученными. Обусловлено это, с одной стороны, спецификой источниковой базы проблемы, представляющей собой совокупность официальных актовых документов, статистики и нормативно-правовых актов, а с другой – недостаточным интересом со стороны исследователей. Между тем изучение специфики осуществления различных административно-территориальных преобразований в послевоенный период на примере конкретного региона имеет серьезное научное значение: оно позволяет детализировать особенности социально-экономического развития территорий, демографические и миграционные аспекты, что создает возможность несколько по-иному взглянуть на историю курского региона.*

Цель – *раскрыть особенности динамики административно-территориального устройства Курской области в середине 1940-х – начале 1960-х годов.*

Задачи: *на основе изучения комплекса исторических источников показать предпосылки, логику и ход внутрирегиональных административно-территориальных преобразований Курской области в обозначенный выше период.*

Методология. *При написании работы авторы опирались на основополагающие методы исторической науки (принципы историзма и объективности), а также на ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический, генетические и пр.).*

Результаты. *В настоящее время в местной историографии отсутствуют какие-либо научные работы по истории административно-территориального устройства курского региона. Имеющиеся в распоряжении историков справочные издания изобилуют неточностями и ошибками. Данная работа отчасти обозначает данные ошибки, а также показывает механизмы изменения административно-территориального устройства Курской области в середине 1940-х – начале 1960-х годов.*

Вывод. *Административно-территориальные преобразования, происходившие в Курской области в середине 1940-х – начале 1960-х годов, имели под собой преимущественно социально-экономическую основу. Опережающее развитие отдельных территорий требовало изменений в сети сельсоветов, районов, создания новых областей, а также упразднения малоэффективных административно-территориальных единиц. Партийно-государственное руководство области и страны в большинстве случаев достаточно оперативно реагировало на данные потребности, однако, как показала практика, не все из них закреплялись на практике.*

Ключевые слова: *Курская область; административно-территориальное устройство; сельсовет; район; решение; указ; районная сеть.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Аргунов О. Н., Есипов Д. М., Коровин В. В. Административно-территориальные преобразования в Курской области в середине 1940-х – начале 1960-х годов: основные практики и результаты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 254–263. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-254-263

Поступила в редакцию 03.05.2024 Принята к публикации 31.05.2024 Опубликована 28.06.2024

© Аргунов О. Н., Есипов Д. М., Коровин В. В., 2024

Administrative-territorial transformations in the Kursk region in the mid 1940s – early 1960s: main practices and results

Oleg N. Argunov[1] ✉, Dmitry M. Esipov[1], Vladimir V. Korovin[2]

[1] State Archive of the Kursk Region
57 Lenina Str., Kursk 305000, Russian Federation

[2] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Abstract

Relevance. *Issues of intraregional administrative and territorial transformations, including in the Kursk region, currently remain practically unstudied. This is due, on the one hand, to the specifics of the source base of the problem, which is a set of official legal documents, statistics and regulations, and, on the other hand, to insufficient interest on the part of researchers. Meanwhile, studying the specifics of the implementation of various administrative-territorial transformations in the post-war period using the example of a specific region has serious scientific significance: it allows us to detail the features of the socio-economic development of territories, demographic and migration aspects, etc., which creates the opportunity to take a slightly different look at history of the Kursk region.*

The purpose. *Reveal the features of the dynamics of the administrative-territorial structure of the Kursk region in the mid-1940s – early 1960s.*

Objectives: *based on the study of a complex of historical sources, show the prerequisites, logic and course of intraregional administrative and territorial transformations of the Kursk region in the period indicated above.*

Methodology. *When writing the work, the authors relied on the fundamental methods of historical science (the principles of historicism and objectivity), as well as on a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative historical, genetic, etc.).*

Results. *Currently, in local historiography there are no scientific works on the history of the administrative-territorial structure of the Kursk region. The reference publications available to historians are replete with inaccuracies and errors. This work partly identifies these errors, and also shows the mechanisms for changing the administrative-territorial structure of the Kursk region in the mid-1940s – early 1960s.*

Conclusion. *The administrative and territorial transformations that took place in the Kursk region in the mid-1940s – early 1960s had a predominantly socio-economic basis. The rapid development of individual territories required changes in the network of village councils, districts, the creation of new regions, as well as the abolition of ineffective administrative-territorial units. The party and state leadership of the region and the country in most cases responded quite quickly to these needs, however, as practice has shown, not all of them were consolidated in practice.*

Keywords: *Kursk region; administrative-territorial structure; village council; district; decision; decree; district network.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Argunov O.N., Esipov D.M., Korovin V.V. Administrative-territorial transformations in the Kursk region in the mid 1940s – early 1960s: main practices and results. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):254–263. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-254-263

Received 03.05.2024 Accepted 31.05.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Фактически непрерывная динамика региональных административно-территориальных преобразований, наблюдавшихся в нашей стране как в предвоенные, так и в послевоенные годы, была обусловлена поиском максимально комфортных условий для развития экономики. По мнению отечественного историка В. Н. Круглова, данный период можно

назвать «управленческим прагматизмом» [1, с. 141–169], т. е. создание новых территориальных образований на всех уровнях (от сельсоветов до регионов) обусловливалось, прежде всего, объективными хозяйственными причинами. Именно объективные, экономические потребности легли в основу создания в 1934 г. Курской области[1] и дальнейших изменений ее административного устройства в течение всего обозначенного в заглавии настоящей статьи периода, как показывают результаты настоящего исследования.

В этой связи необходимо отметить, что хронологические рамки настоящей статьи охватывают почти 19 лет истории региона. Отправной точкой нашего исследования является 13 июля 1944 г., когда Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ряд районов курского региона перешли в состав Орловской области, а верхней границей нашего исследования является 1 февраля 1963 г., когда вместо 33 сельских районов Курской области были образованы 12, что послужило началом нового этапа административно-территориальных преобразований в регионе. Но обо всем по порядку.

Методология

Настоящая статья базируется на совокупности общенаучных и специально-исторических методов исследования, которые позволяют, с одной стороны, проанализировать значительную источниковую базу работы, в основе которой лежат в большинстве своем неопубликованные архивные документы и материалы, а с другой – способствуют достижению поставленной перед исследованием цели: показать особенности динамики административно-территориального устройства Курской области в середине 1940-х – начале 1960-х гг.

Результаты и их обсуждение

Административно-территориальные преобразования, имевшие место быть в курском регионе в середине 1940-х – начале 1960-х гг., целесообразно условно разделить на следующие виды:

– изменения районной сети;

– изменения сети сельсоветов, в том числе передача из одного района в другой;

– переименования и изменение типа населенных пунктов и сельсоветов;

– образование, упразднение или слияние населенных пунктов.

Остановимся подробнее на каждом из них.

Итак, как уже было сказано выше, 13 июля 1944 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР, пять районов Курской области: Глазуновский, Малоархангельский, Троснянский, Дмитровский и Поныровский – отошли к Орловской области, однако уже 9 октября того же года Поныровский р-он вновь вернулся в состав курского региона [2, с. 828]. И если до середины 1944 г. в составе области значились 66 районов, то в дальнейшем, вплоть до 1954 г., их было 62.

В самом начале 1954 г., а именно 6 января, вышли два Указа Президиума Верховного СССР об образовании в составе РСФСР двух новых областей – Белгородской и Липецкой, в которые отошли соответственно 23 южных и юго-восточных и 3 северо-восточных районов Курской области[2]. Таким образом, в составе региона остались 36 районов. Отметим, что за исключением вхождения в состав Нижнеборковского сельсовета Ястребовского района дер. Нижней Ровенки Лапыгинского сельсовета Старооскольского района Белгородской области в июле 1955 г. [3, л. 7], больше существенных

[1] Курская правда. 1934. 14 июня.

[2] Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1954. № 1, ст. 2, 4.

изменений внешней границы Курской области не было.

Однако с вышеуказанной районной сетью регион просуществовал недолго: уже 24 мая 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР три района: Кривцовский, Октябрьский и Ясеновский – были упразднены[1]. На следующий день, 25 мая, Курский облисполком своим решением № 259 определил, что 8 сельсоветов бывшего Кривцовского района отходят Пристенскому району, еще два – Обоянскому, 6 сельсоветов Октябрьского района переходят в Касторенский, два – в Советский, а сельсоветы Ясеновского района в полном составе интегрируются в Горшеченский район [4, л. 12–13]. Упразднение данных районов было обусловлено их экономической слабостью и малочисленностью населения, что делало их хозяйственными аутсайдерами области, не способными выполнять возлагаемые на них поручения партии и правительства, о чем красноречиво говорят официальные статистические данные [5; 6].

Следующее изменение районной сети Курской области, как уже отмечалось выше, произошло в феврале 1963 г., когда 1 февраля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об упразднении 33-х прежних районов региона и создании на их основе 12 новых сельских: Горшеченского, Дмитриевского, Золотухинского, Курского, Льговского, Обоянского, Рыльского, Советского, Солнцевского, Суджанского, Фатежского и Щигровского[2]. Однако данные административно-территориальные преобразования носили уже совсем иной характер и были отчасти направлены на реализацию на практике Закона СССР от 10 мая 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», действие которого к началу 1960-х гг. было распространено практически на все отрасли экономики, в рамках так называемой «совнархозовской реформы» [1, с. 210–221].

Таким образом, мы можем увидеть, что в рамках изменений районной сети в исследуемый нами период мы можем наблюдать тенденцию к постоянному уменьшению количества районов в области, с одной стороны, из-за их передачи в составы других субъектов РСФСР, а с другой – в связи с ликвидацией экономически слабых районов.

Те же тенденции мы можем наблюдать и при изучении изменений в сети сельсоветов: их число регулярно изменяется в меньшую сторону. И если в период с 1944 по начало 1950 г. их число было относительно стабильным, то с началом кампании по укрупнению колхозов данный процесс существенно ускорился. Так, за май – июнь 1950 г. количество колхозов в регионе за счет их слияния уменьшилось с 4971 до 1686 [7, л. 236, 274], а первые решения об изменениях в сети сельсоветов начались уже в конце августа того же года. Так, 31 августа 1950 г. решением Курского облисполкома № 847 в связи с тем, что колхоз «Просвещение» Ясеновского сельсовета Ясеновского района объединился с колхозами Нижнегниловского сельсовета, дер. Сомовка, где располагалась вышеуказанная сельхозартель, была передана в состав Нижнегниловского сельсовета [8, л. 42]. И подобных решений облисполкомом за период с 1950 по 1953 г. было принято несколько десятков практически по всем районам региона.

Кроме того, в отдельных случаях объединялись колхозы разных районов, поэтому было необходимо передавать населенные пункты из одного района в другой. Однако данные решения должны были утверждаться Президиумом Верховного Совета РСФСР, и зачастую на это уходило несколько месяцев или лет.

[1] Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1956. № 16.

[2] Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1963. № 5, ст. 86.

Поэтому стоит отметить, подобных изменений с 1950 по 1954 г. было немного, всего четыре. Однако вскоре после отделения 23-х и 3-х районов к Белгородской и Липецкой областям соответственно 14 июня 1954 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, согласно которому число сельсоветов в регионе уменьшено на 177 во всех без исключения районах [9, л. 168–181]. В основном они были либо небольшие по населению, либо имели в своем составе всего один населенный пункт. В итоге на 1 июля 1954 г. в области осталось 467 сельсоветов [10, л. 1], и в дальнейшем их количество в течение оставшейся части исследуемого нами периода принципиально не изменялось.

Кроме того, Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 августа 1957 г. № 764 процедура изменения сети сельсоветов внутри региона существенно упростилась. Вопросы образования и упразднения, передачи из одного района в другой сельсоветов и дачных поселков, расширения черты городов, рабочих, курортных и дачных поселков передавались в ведение краевых и областных Советов депутатов трудящихся и Президиумам Верховных Советов автономных республик [11, л. 1]. С этого момента региональные власти стали самостоятельно принимать подобные решения. В то же время, как свидетельствуют архивные документы, фактически непрерывно менялся состав населенных пунктов, входящих в них. Опять же ключевыми аргументами перечисления населенного пункта из одного сельсовета в другой в подавляющем большинстве случаев выступали экономические: в основном они касались более рационального использования колхозных земель и хозяйственного тяготения одних населенных пунктов к другим.

Так, 11 февраля 1960 г. решением облисполкома дер. Любицкое и дер. Комякино из Колпаковского сельсовета переданы в Иванинский того же района [12, л. 89]. Обосновывалось перечисление вышеуказанных населенных пунктов более близким расположением к сельскому и районному центру Иванинского сельсовета и соответствующему тяготению к нему. Подобных передач в течение изучаемого нами периода было достаточно много, что отражают как официальные документы, так и картографические материалы того времени. Однако на практике далеко не все решения о передаче населенных пунктов внутри районов между сельсоветами выполнялись. Так, решением исполкома Курского облсовета от 5 октября 1950 г. № 980 «Об административно-территориальных изменениях сельских Советов Большетроицкого района в связи с проведенным укрупнением колхозов» помимо ликвидации ряда сельсоветов предполагалась также передача хут. Шемраевка Максимовского сельсовета и хут. Бессараб Борисовского сельсовета в Бершаковский; хут. Панков и хут. Мухин Косьмодемьяновского сельсовета – в Новоберезовский [13, л. 64–65]. Однако в имеющемся на хранении в Государственном архиве Курской области Списке населенных пунктов с указанием количества наличных хозяйств и наличного населения в них на 1-е января 1951 г. по Большетроицкому району Курской области ни одно из этих изменений не отражено [14, л. 11–12 об.], что подтверждается также данными справочника административно-территориального деления Белгородской области 1972 г. [15] Это говорит о том, что решение Курского облисполкома не было выполнено, и административно-территориальное деление Большетроицкого района вышеуказанным решением изменено не было. Аналогичной была ситуация с перечислением в начале 1961 г. дер. 1-я Екатериновка, хуторов Зеленый, Малая Ивица и Шлях Чермошнянского сельсовета Солнцевского района в Коровинский [16, л. 42]; несмотря на наличие соответствующего решения облисполкома фактически передача так и не состоялась.

В то же время необходимо отметить, что приведенные выше примеры скорее являются исключением, в абсолютном большинстве случаев населенные пункты реально перечислялись из одного сельсовета в другой. Таким образом, как мы можем констатировать, в изучаемые нами годы наблюдалась тенденция к сокращению числа сельсоветов путем их слияния или же перечисления населенных пунктов из одного в другой.

Говоря о переименовании и изменении типа населенных пунктов, стоит отметить, что данные решения в изучаемый период не были распространены. Связано это было с тем, что данная процедура должна была проходить обязательное утверждение в Президиуме Верховного Совета РСФСР и зачастую занимала достаточно продолжительное время. Так, 15 июля 1946 г. совместным постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета попросили выделить Президиум Верховного Совета РСФСР г. Старый Оскол в единицу областного подчинения, аргументируя это «более успешным и быстрейшим восстановлением города после разрушений немецкими оккупантами» [17, л. 107–108]. Однако соответствующее решение вышеуказанным высшим органом государственной власти было принято только 18 сентября 1953 г. [18, л. 4] Однако чаще всего подобные прошения и вовсе оставались без реакции не только республиканских, но и областных властей.

Так, в июне – июле 1950 г. партийно-государственные органы Борисовского, Волоконовского и Уразовского районов ходатайствовали об отнесении слобод Борисовка, Волоконовка и Уразово к категории городов [19, л. 18; 20, л. 43, 74]. Однако им было отказано ввиду слабого развития данных населенных пунктов, несмотря на то, что на их территориях располагалось большое количество промышленных предприятий.

В то же время присвоение статуса рабочего поселка находилось в ведении исполкома областного Совета депутатов трудящихся, поэтому получение данного статуса населенным пунктом стало более простым. Так, своим решением за № 463 от 17 октября 1957 г. с. Теткино Глушковского района получило статус рабочего поселка [21, л. 19]. При этом, что интересно, райцентру – с. Глушково – данный статус был присвоен только двумя годами позже 8 августа 1959 г. [22, л. 66–69] В этот же день статус рабочего поселка был присвоен и с. Касторному того же района.

Что же касается переименований, то в рассматриваемые годы чаще всего изменяли названия сельсоветы, в большинстве своем из-за изменений их центров. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 апреля 1956 г. 2-й Рождественский сельсовет Медвенского района был переименован в Китаевский [23, л. 7], а 23 ноября 1961 г. Жеденовский Хомутовского района – в Калиновский [24, л. 59].

Часть переименований была связана с начавшимся после XX съезда КПСС процессом десталинизации. Так, решением облисполкома от 23 ноября 1961 г. в Медвенском районе Сталинский сельсовет переименован в Паникинский [24, л. 58], а 30 марта 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР пос. Сталинский Касторенского района – в Заречный[1].

В то же время, как удалось установить, изучая архивные документы, помимо вышеуказанного пос. Сталинского в области за период с 1944 по 1963 г. был переименован только один населенный пункт; Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июля 1959 г. с. Самодуровка Поныровского района было

[1] Ведомости Верховного Совета. 1962. № 13, ст. 173.

переименовано в Игишево, в честь Героя Советского Союза Г. И. Игишева, погибшего в его окрестностях в ходе Курской битвы[1].

Однако были случаи, когда решения о переименовании населенных пунктов принимались районными исполкомами, при этом не проходили утверждения в облисполкоме и Президиуме Верховного Совета РСФСР, но по учетным данным населенный пункт уже проходил под новым наименованием. Подобный прецедент случился, например, в Конышевском районе, где райисполком своим решением от 18 марта 1961 г. переименовывает дер. Узник Ваблинского сельсовета в дер. Рассвет [25, л. 33]. Утверждение данного решения на областном и республиканском уровне отсутствует, однако в учетных данных в дальнейшем деревня фигурирует под новым названием [26].

Исходя из вышеуказанных сведений, можно констатировать, что переименования и изменения типа населенных пунктов и сельсоветов в изучаемые годы происходили гораздо реже, нежели изменения в сети сельсоветов. В то же время еще более редким явлением было образование новых населенных пунктов. Так, единственным официально созданным на территории региона в изучаемый нами период населенным пунктом был рабочий пос. Железногорск в Михайловском районе, зарегистрированный решением облисполкома от 24 июня 1958 г. № 290 [27, л. 66]. Уже в сентябре 1961 г. в него вошли дер. Черняково, пос. Горки Черняковский, пос. Ермолаевский Разветьевского сельсовета [28, л. 125]. Чуть больше чем через полгода, 28 мая 1962 г., Железногорск получил статус города[2].

Что же касается упразднения и слияния населенных пунктов, то, изучая архивные документы, можно увидеть, что в большинстве своем подобные изменения происходили в связи с расширением городской черты городов области. Так, к примеру, 2 декабря 1954 г. и 20 апреля 1956 г. в состав г. Льгова вошли соответственно пос. Льговский и пос. Карасевский Вышнедеревенского сельсовета [29, л. 13–14], а 8 августа 1955 г. к Курску отошли деревни 1-я и 2-я Ламоновы Рышковского сельсовета и деревни Дворецкая Поляна и 2-я Цветова Новопоселеновского сельсовета Стрелецкого района [23, л. 4]. 5 января 1961 г. поселок фосфоритного рудника и деревни 1-й Малый Щигорчик и Крюковка Пригородненского сельсовета вошли в г. Щигры [16, л. 42].

В ряде случаев слившиеся населенные пункты образовывали новые: так, решением Курского облисполкома от 17 июля 1958 г. № 293 в Советском районе были объединены пос. Советский и пос. Кшенского сахарного завода в один населенный пункт – рабочий пос. Кшенский [30, л. 1]. Как мы можем видеть, объединившиеся населенные пункты могли менять не только название, но и тип, и статус.

Выводы

Подводя итог данного исследования, констатируем, что административно-территориальные преобразования в Курской области в период с середины 1940-х по начало 1960-х гг. имели несколько вполне выраженных тенденций.

Во-первых, наблюдается процесс постоянного уменьшения административно-территориальных единиц, как на уровне отдельных населенных пунктов, так и районов. Связано это было не только с передачей территорий в состав других регионов, но и с перманентными административно-территориальными изменениями внутри региона, обусловленными в

[1] Ведомости Верховного Совета. 1959. № 27, ст. 456.

[2] Ведомости Верховного Совета. 1962. № 22.

большинстве своем хозяйственными процессами.

Во-вторых, процедура осуществления административно-территориальных изменений за изучаемые годы существенно упростилась: значительная часть подобного рода решения переместилась в сферу компетенций областных органов.

В-третьих, динамика административно-территориальных преобразований имеет прямую корреляцию с социально-экономическими реформами и кампаниями, проводившимися в изучаемые годы в нашей стране. Это отчетливо видно по архивным документам: решений об изменениях становится значительно больше в хрущевские годы, особенно начиная с периода, когда он добился единоличной власти.

Таким образом, изучение региональных административно-территориальных преобразований в обозначенные в заглавии статьи годы существенно дополняет и раскрывает сущность социально-экономических реформ и кампаний, проводимых в Советском Союзе в середине прошлого века, что делает данную тему перспективной в ракурсе осмысления исторического прошлого нашей страны.

Список литературы

1. Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практики, результаты / Ин-т российской истории РАН. М., 2020. 480 с.

2. Государственный архив Курской области. Путеводитель. Курск: [Б. и], 2005. 872 с.

3. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 176.

4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 825.

5. Экономические показатели хозяйственной деятельности колхозов Курской области за 1956 год. Курск: [Б. и], 1957. 22 с.

6. Народное хозяйство Курской области: стат. сборник. Орел: Госстатиздат, 1958. 199 с.

7. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 1.

8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 92.

9. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 568.

10. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 147.

11. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 238.

12. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1305.

13. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 102.

14. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 69.

15. Белгородская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1972. Белгород: [Б. и], 1972. 171 с.

16. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1400.

17. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 33.

18. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 112.

19. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 70.

20. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 72.

21. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 964.

22. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1219.

23. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 215.

24. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1448.

25. ГАКО. Ф. Р-3931. Оп. 4. Д. 85.

26. Курская область: Административно-территориальное деление по состоянию на 1 февраля 1968 года. Курск: [Б. и], 1968. 179 с.

27. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1082.

28. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1440.

29. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 145.

30. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1085.

References

1. Kruglov V.N. Organization of the territory of Russia in 1917-2007: ideas, practices, results. Moscow: In-t rossijskoj istorii RAN; 2020. 480 p. (In Russ.)

2. The State Archive of the Kursk region. Travel Guide. Kursk; 2005. 872 p. (In Russ.)

3. GAKO (State Archive of the Kursk region). F. R-5006. Op. 11. D. 176. (In Russ.)

4. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 825. (In Russ.)

5. Economic indicators of the economic activity of collective farms in the Kursk region in 1956. Kursk; 1957. 22 p. (In Russ.)

6. National economy of the Kursk region: stat. collection. Orel: Gosstatizdat; 1958. 199 p. (In Russ.)

7. GAKO. F. R-5006. Op. 17. D. 1. (In Russ.)

8. GAKO. F. R-3322. Op. 38. D. 92. (In Russ.)

9. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 568. (In Russ.)

10. GAKO. F. R-5006. Op. 11. D. 147. (In Russ.)

11. GAKO. F. R-5006. Op. 11. D. 238. (In Russ.)

12. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 1305. (In Russ.)

13. GAKO. F. R-3322. Op. 38. D. 102. (In Russ.)

14. GAKO. F. R-5006. Op. 11. D. 69. (In Russ.)

15. Belgorod region: Administrative division on January 1, 1972. Belgorod; 1972. 171 p. (In Russ.)

16. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 1400. (In Russ.)

17. GAOPIKO (The State Archive of the Socio-Political History of the Kursk region). F. P-1. Op. 2. D. 33. (In Russ.)

18. GAKO. F. R-5006. Op. 11. D. 112. (In Russ.)

19. GAKO. F. R-3322. Op. 38. D. 70. (In Russ.)

20. GAKO. F. R-3322. Op. 38. D. 72. (In Russ.)

21. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 964. (In Russ.)

22. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 1219. (In Russ.)

23. GAKO. F. R-5006. Op. 11. D. 215. (In Russ.)

24. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 1448. (In Russ.)

25. GAKO. F. R-3931. Op. 4. D. 85. (In Russ.)

26. Kursk region: Administrative division as of February 1, 1968. Kursk; 1968. 179 p. (In Russ.)

27. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 1082. (In Russ.)

28. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 1440. (In Russ.)

29. GAKO. F. R-5006. Op. 11. D. 145. (In Russ.)

30. GAKO. F. R-3322. Op. 44. D. 1085. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе, Государственный архив Курской области, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8593-6622

Oleg N. Argunov, Candidate of Sciences (Historical), Deputy Director for Research, State Archives of the Kursk Region, Kursk, Russian Federation,
e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8593-6622

Есипов Дмитрий Михайлович, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения, Государственный архив Курской области, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: dim.esipov2018@yandex.ru

Dmitry M. Esipov, Senior Researcher of the Department of Research Work and Information Support, State Archive of the Kursk Region, Kursk, Russian Federation,
e-mail: dim.esipov2018@yandex.ru

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Vladimir V. Korovin, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.8

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-264-275

(cc) BY 4.0

К западу от Тыргу-Фрумос: боевые будни 7-й гвардейской армии в Румынии (июнь–август 1944 года)

А. С. Гришина[1] ✉

[1]Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, д. 86, г. Воронеж, 394043, Российская Федерация

✉ e-mail: vspihist@rambler.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования определяется необходимостью противостоять участившимся попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны. Освобождение Европы Красной армией от фашизма началось в марте 1944 года в Румынии. К середине июня активные боевые действия сменились позиционной обороной, что продолжалось до начала Ясско-Кишиневской операции. Указанный период почти не освещен в исследовательской литературе, между тем именно в это время советские войска в ходе мелких и локальных, но частых и успешных боестолкновений изматывали противника и понижали его боевой дух, что сыграло свою роль в дальнейшем.*

Цель исследования *– установить содержание и определить характер боевых действий 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта в период с 11 июня по 19 августа 1944 года.*

Задачи: *выявить основные параметры, характеризующие оборону противника и 7-й гвардейской армии, сравнить ход и результаты боевых действий румынских и советских частей.*

Методология. *В основу исследования были положены принципы объективности, историзма и системности. Автор задействовал в работе комплекс общенаучных и специально-исторических методов: аналитический, критический, проблемно-хронологический, ретроспективный.*

Результаты. *Установлено, что оборона противника в районе западнее города Тыргу-Фрумос опиралась на мощный укрепленный район. Румынские войска в течение указанного периода вели себя пассивно, их редкие разведывательные акции обычно не достигали успеха и терпели поражение. В то же время войска 7-й гвардейской армии не только активно укрепляли свою оборону, но и вели эффективную разведку, нанося врагу существенный урон.*

Выводы. *Исследование документальных архивных материалов показывает, что не стоит недооценивать результаты боевых действий частей 7-й гвардейской армии в период позиционной обороны июня – августа 1944 года. Советские войска изматывали противника, нанося ему значимый материальный ущерб и моральный урон, что снижало боеспособность румынских частей в преддверии решительного наступления Красной армии.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Румыния; 7-я гвардейская армия; позиционная оборона.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Гришина А. С. К западу от Тыргу-Фрумос: боевые будни 7-й гвардейской армии в Румынии (июнь–август 1944 г.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 264–275. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-264-275

Поступила в редакцию 05.05.2024 Принята к публикации 03.06.2024 Опубликована 28.06.2024

© Гришина А. С., 2024

West of Tirgu-Frumos: combat routine of the 7th Guards Army in Romania (June-August 1944)

Anna S. Grishina[1] ✉

Voronezh State Pedagogical University
86 Lenina Str., Voronezh 394043, Russian Federation

✉ e-mail: vspihist@rambler.ru

Abstract

*The **relevance** of the research topic is determined by the need to resist the increasing attempts to falsify the history of the Great Patriotic War. The liberation of Europe by the Red Army from fascism began in March 1944 in Romania. By mid-June, active hostilities gave way to positional defense, which continued at the beginning of the Iasi-Kishinev operation. This period is almost not covered in the research literature, meanwhile, it was at this time that Soviet troops, in the course of small and local, but frequent and successful clashes, exhausted the enemy and lowered their morale, which played a role in the future.*

*The **purpose** of the study is to establish the content and determine the nature of the combat operations of the 7th Guards. armies of the 2nd Ukrainian Front in the period June 6 – August 19, 1944.*

***Objectives:** to identify the main parameters characterizing the defense of the enemy and the 7th Guards army, compare the progress and results of combat operations of Romanian and Soviet units.*

***Methodology.** The research was based on the principles of objectivity, historicism and consistency. The author used a complex of general scientific and special historical methods in his work: analytical, critical, problem-chronological, retrospective.*

***Results.** It was established that the enemy's defense in the area west of the city of Tirgu-Frumos relied on a powerful fortified area. Romanian troops during this period behaved passively, their rare reconnaissance actions usually did not achieve success and were defeated. At the same time, troops of the 7th Guards. The armies not only actively strengthened their defenses, but also conducted effective reconnaissance, inflicting significant damage on the enemy.*

***Conclusions.** A study of documentary archival materials shows that the results of combat operations of units of the 7th Guards should not be underestimated. army during the period of positional defense from June to August 1944. Soviet troops exhausted the enemy, causing him significant material and moral damage, which reduced the combat effectiveness of the Romanian units in anticipation of the decisive offensive of the Red Army.*

***Keywords:** Great Patriotic War; Romania; 7th Guards Army; positional defense.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Grishina A.S. West of Tirgu-Frumos: combat routine of the 7th Guards Army in Romania (June-August 1944). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):264–275. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-264-275

Received 05.05.2024 Accepted 03.06.2024 Published 28.06.2024

***

Введение

Красная армия начала свою освободительную миссию в Европе, перенеся в конце марта 1944 г. боевые действия на территорию Румынии [1, с. 662]. Наступательные бои велись до середины первой декады мая, после чего войска 2-го Украинского фронта (командующий до 21 мая 1944 г. – генерал армии И. С. Конев, затем генерал армии Р. Я. Малиновский) перешли к обороне на достигнутых рубежах [2, с. 624]. Достигнуто было немало: советские части продвинулись до 90 км в Запрутской Молдове, овладев территорией 9977 кв. км с 800 городами и селами и населением 400 тыс. чел. [3,

с. 91] В конце мая немецко-румынские войска предприняли попытку контрнаступления в районе севернее Ясс, но, не добившись больших успехов, к концу первой декады июня перешли к обороне [4, с. 183]. С 11 июня по 19 августа 1944 г. на советско-румынском фронте установилось затишье, однако позиционная оборона для советских войск не означала бездеятельности: все это время продолжалась разнообразная боевая работа.

Методология

Методология исследования основывается на научных принципах объективности, историзма и системности. Это позволяет избежать анахронизма, модернизации и архаизации в отношении изучаемых событий и процессов, не допустить политической и идеологической ангажированности в оценках и выводах, восстановить картину событий в их органической связи и обусловленности. Автор задействовал в работе комплекс общенаучных и специально-исторических методов: аналитический, критический, проблемно-хроноло-гический, ретроспективный и др. Аналитический метод дал возможность расчленить общую цель исследования на совокупность конкретных задач, последовательное решение которых обеспечило изучение проблемы в целом. Критический метод позволил выявить недостатки в историографии проблемы, в первую очередь относительно фактического отсутствия исследовательского внимания к реконструкции боевых действий на советско-румынском фронте в период 11 июня – 19 августа 1944 г. Применение проблемно-хронологического метода позволило установить временные рамки периода позиционной обороны 7-й гв. армии и характер происходивших в это время боевых действий. Ретроспективный (историко-генетический) метод позволил проследить генезис и определить существующее положение в исследовании обозначенной проблемы.

Результаты и их обсуждение

Противник и свои войска

Как отмечал П. Гостони, установившееся к середине июня 1944 г. в Румынии «обманчивое затишье побудило Гитлера перебрасывать из состава группы армий “Южная Украина” дивизию за дивизией, чтобы усиливать ими вооруженные силы на других участках фронта на Востоке» [5, с. 11]. Действительно, командование группы армий «Южная Украина» (до 25.07.1944 г. – генерал-полковник Ф. Шёрнер, затем генерал-полковник Г. Фриснер [6, с. 65]) было вынуждено уступить другим немецким группам армий 12 дивизий, в том числе 6 танковых и 1 моторизованную, но в его распоряжении оставались крупные силы и средства: 47 дивизий и 5 бригад, 643 тыс. чел. боевого состава (вместе с тылами – 919 тыс. чел.), 8200 орудий и минометов, 404 танка и штурмовых орудия, 810 самолетов (на начало августа 1944 г.) [7, с. 341–342]. Из этого количества в состав армейской группы «Вёллер» (8-я немецкая и 4-я румынская армии), противостоявшей войскам 2-го Украинского фронта, входили 25 дивизий и бригад [8, с. 469] (в том числе 18 румынских и 7 немецких [9, с. 289]). Командование противника, тасуя и перемешивая немецкие и румынские части, связывало надежды на укрепление обороны с передачей румынам немецкого вооружения, ускоренной подготовкой румынских офицеров и солдат (особенно танкистов, саперов и др.) силами немецких инструкторов и спешным возведением фортификационных сооружений [10, с. 271]. Немецкие генералы исходили из того, что советское командование надолго отложило планы наступления на Балканы; румынские части даже получили приказ о строительстве землянок и укрытий с печами для обороны в зимних условиях. В целом противник чувствовал себя достаточно уверенно и даже комфортабельно: в тылах румынских соединений создавались центры отдыха со спортивными площадками, полевыми библиоте-

ками, музыкальными инструментами, в немецких и румынских частях устраивались спортивные состязания, театральные постановки, концерты военных оркестров [11, с. 362–394].

Возможность предаваться досугу немецким и румынским фашистам обеспечивала мощная оборонительная система, включавшая четыре рубежа; общая глубина эшелонированной обороны достигала 80 км. Тактическая зона состояла из двух, местами трех полос глубиной от 6–8 до 15–19 км. Главная полоса глубиной до 8 км имела от двух до четырех линий траншей в 200–400 м друг от друга, соединенных ходами сообщения, со стрелковыми ячейками, пулеметными площадками, ДЗОТами, железобетонными колпаками, прикрываемых предпольем с проволочными заграждениями, противотанковыми рвами и минными полями. Высоты были превращены в опорные пункты, приспособленные к круговой обороне. Вторая полоса по р. Бахлуй имела от 1 до 3 траншей и включала в себя укрепленные районы с большим количеством ДЗОТов и ДОТов, а также противопехотных и противотанковых заграждений полевого типа. Третья полоса по горному хребту Маре, называвшаяся позицией «Траян», представляла собой цепь опорных пунктов, прикрывавших ущелья и проходы. Четвертый рубеж прикрывал Фокшанские ворота – коридор между отрогами Восточных Карпат от Фокшан до Браилова, ведущий во внутренние районы Румынии. Созданный здесь укрепрайон включал в себя множество артиллерийских, пулеметных и артиллерийско-пулеметных ДОТов, противотанковых рвов и надолбов, проволочных заграждений и минных полей. Между основными оборонительными рубежами располагались промежуточные, также имелись отсечные позиции; города Яссы, Тыргу-Фрумос, Роман, Бакэу и другие были укреплены и превращены в опорные пункты. Противник непрерывно совершенствовал свою оборону: работали немецкие и румынские военно-строительные части, к линии фронта потоком шли железнодорожные составы с железобетонными плитами, балками, колючей проволокой, минами и т. п. [12, с. 48–52]

Один из наиболее сильных укрепленных районов находился к западу от г. Тыргу-Фрумос. Основной рубеж предварялся передовой линией с полевыми сооружениями, проходившей в юго-восточном направлении по командным высотам южнее Блэжешть, Думбрэвице, севернее Васканий, Кукутений, южнее оз. Хырбу. Главный рубеж прикрывал основное операционное направление между реками Сирет и Прут на Тыргу-Фрумос. Он шел от Петриш по пойменной части левого берега р. Сирет и далее по северным и северо-западным скатам высот через де-Сус, Пробота, Мовилень, Гэуряна, Бэйле-Струнга, включая в себя боевое охранение, полевые позиции, отсечные позиции и позиции с долговременными укреплениями, ДОТами и ДЗОТами [13, л. 228–229]. Оборону здесь держали войска 4-й румынской армии под командованием генерала М. Раковицэ (до 01.08.1944 г., затем генерала Г. Аврамеску), входившей в состав армейской группы «Вёллер» под командованием генерала пехоты О. Вёллера, одновременно командовавшего 8-й немецкой армией. В первом эшелоне располагались соединения и части румынского 5-го армейского корпуса, во втором – немецкого 57-го танкового корпуса [14, л. 8]. Эти два соединения входили в состав корпусной группы «Кирхнер» под командованием командира 57-го танкового корпуса генерала танковых войск Ф. Кирхнера (с 01.07.1944 г.) [15, л. 5–6]. Состав и структура подчинения этих объединений и соединений были довольно запутанными: немецкие дивизии входили в состав румынских корпусов, румынские – в состав немецких (это делалось для повышения устойчивости румынских войск), румынские командующие без особого успеха отдавали приказы немецким командирам,

а немецкие командиры могли отдавать приказы румынским командующим, в связи с чем время от времени случались разного рода конфликтные ситуации. К тому же состав группировки на протяжении лета 1944 г. не оставался стабильным – с участка фронта в районе Тыргу-Фрумос были сняты сначала тд СС «Тотенкопф», затем мд «Гросссдойчланд», потом 23-я и 14-я тд. В ходе этих передвижений в первом эшелоне в июле-августе 1944 г. в первом эшелоне оставались румынские 1-я гв. пд, 4-я пд, 1-я пд, немецкая 46-я пд, во втором – румынские 13-я пд и 1-я тд.

Противником румынских и немецких соединений на этом участке фронта были войска 7-й гв. армии генерал-полковника М. С. Шумилова. Армия в составе 24-го (8-я, 72-я, 81-я гв. сд, 6-я сд) и 25-го (36-я, 6-я гв. сд, 53-я сд) гв. ск в начале мая 1944 г. вела наступление в южном направлении вдоль р. Сирет, к 07.05.1944 г. подошла к румынскому УР западнее Тыргу-Фрумос, где перешла к обороне. 6-я сд и 8-я гв. сд были выведены во второй эшелон, остальные соединения поставлены в первый. По приказу командующего 2-м Украинским фронтом № 00446 от 23.06.1944 г. 7-я гв. армия в ночь на 25 мая приняла участок соседа слева – 5-й гв. армии (армия генерал-лейтенанта А. С. Жадова выводилась в резерв Ставки); правым соседом оставалась 40-я армия генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко, левым соседом стала 27-я армия генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко. С этого момента 7-я гв. армия занимала рубеж: (иск.) роща юго-восточнее Петриш – (иск.) безымянное озеро западнее Мунтений. В соответствии с этим была проведена перегруппировка: первый эшелон составили 72-я гв. сд, 6-я сд, 36-я, 8-я и 6-я гв. сд с 15-м штрафным батальоном, 64-й, 194-й, 62-й, 63-й и 66-й штрафными ротами и средствами усиления, а 81-я гв. сд и 53-я сд были выведены во второй эшелон. Задача объединения оставалась прежней – не допустить прорыва танков и пехоты противника в северном направлении.

Можно заметить, что противник особого желания прорываться на север не испытывал. По крайней мере, об этом свидетельствовало морально-политическое состояние немецких и румынских солдат – военнопленных и перебежчиков – из соединений, которые в мае 1944 г. вели боевые действия против 7-й гв. армии. Так, солдат 2-й роты 1-го гренадерского полка мд «Великая Германия» на допросе показывал, что немцы сами опасались советского наступления, сомневаясь в том, что смогут сдержать русских, однако еще больше боялись советского плена и под воздействием нацистской пропаганды рассуждали в духе: «Если нас победят, то для Германии наступит ад на земле, поэтому лучше уж бороться, пока хватит сил» [16, л. 3]. Пленные румынские солдаты из состава 1-й гвардейской и 4-й пехотной дивизий были настроены более пессимистично и высказывались о своей ненависти к Германии, немецким солдатам и офицерам. Русского плена они тоже опасались, но не настолько, чтобы страх заставил их сражаться в безвыходном положении до последней возможности. Получая в день 700 г хлеба и 0,5 л супа, не видя целей и перспектив борьбы, третируемые немецкими «союзниками», румынские солдаты в большинстве не хотели воевать.

Но мнения рядовых никто не спрашивал: румынские и немецкие части в районе северо- и юго-западнее Тыргу-Фрумос в течение лета 1944 г. хотя и не наступали, но последовательно и упорно совершенствовали свою оборону. С мая по август противник на переднем крае и в тактической глубине продолжал усиленно совершенствовать и укреплять позиции в инженерном отношении, соединяя ДОТы, окопы и пулеметные гнезда ходами сообщения, строя отсечные позиции на тактически выгодных рубежах в глубине обороны и устанавливая противотанковые и противопехотные препят-

ствия. Захваченные в плен в июле 1944 г. румынские солдаты показывали, что район г. Роман превращался в сильный узел сопротивления, окруженный тремя сплошными траншеями. Подтверждалось наличие долговременных оборонительных сооружений по западному берегу р. Сирет в 7 км юго-западнее Роман. По высотам на участке Радиу, Быра была построена промежуточная позиция из сооружений полевого типа с развитой сетью траншей и ходов сообщения. На участке Тыргу-Фрумос – Яссы вдоль южного берега р. Бахлуештул строился промежуточный оборонительный рубеж. Оборонительные работы проводились силами румынского строительного батальона и частей 13-й пд. Одновременно железнодорожным и автомобильным транспортом подвозились боеприпасы, в первую очередь снаряды и патроны для долговременных огневых точек [17, л. 2–3].

Румынский укрепрайон

Наиболее сильной была оборона противника на 14-километровом участке Петриш – Мовилень – Гэуряна, где был создан укрепленный район, проходивший по пойменной части левого берега Сирета, северным скатам выс. 358,1, северным скатам безымянных высот севернее Марджиня, северо-западным и северным скатам безымянных высот западнее Мовилень, выс. 226,3, Гэуряна, выс. 276. Укрепрайон представлял собой систему ДОТов, расположенных в два ряда в шахматном порядке. Расстояние между первым и вторым рядом составляло от 200 до 600 м, интервалы между ДОТами в зависимости от рельефа местности колебались от 100 до 200 м. ДОТы были артиллерийскими и пулеметными; на участке Петриш – Мовилень – Гэуряна располагались 113 ДОТов, из них 18 артиллерийских; на 1 км фронта, таким образом, приходилось в среднем 8-9 долговременных огневых точек.

Артиллерийские ДОТы были двухтрехкамерные и капониры. Типовой артиллерийский ДОТ представлял собой в плане многогранник с железобетонными стенами и потолком толщиной 1-2 м, сверху земляное перекрытие до 80 см; внутренние камеры разделялись железобетонной стеной толщиной до 1 м. Первая (северная) камера имела ширину 1 м, длину 5 м, высоту 2 м. В ней было две амбразуры: первая для пулемета калибром 7,92 мм, вторая для наблюдения, из нее также можно было вести огонь из автомата. Железная дверь толщиной 8 см вела во вторую камеру шириной 2,30 м, длиной 3 м, высотой 2 м; здесь имелась амбразура для 47-мм или 75-мм орудия. Боекомплект для орудия достигал 250–400 снарядов (в капонире – 300 снарядов), для пулемета – 600 патронов. Если артиллерийский ДОТ, будучи врыт в землю на 1–2 м, выступал над уровнем земли на 2–2,5 м, то пулеметный – на 1-1,5 м; это было квадратное в плане сооружение 5×5 м с железобетонными стенами и потолком толщиной 1–1,5 м и земляным перекрытием толщиной 60–80 см. Внутренние размеры равнялись 3×3 м, высота – 160 см. Пулеметный ДОТ имел 2-3 амбразуры с толщиной щита 8–10 см. Гарнизон артиллерийского ДОТа равнялся 10–14 чел., пулеметного – 4–8 чел.

Все ДОТы были обнесены колючей проволокой в 3–4 ряда, высотой 35–40 см. На танкоопасных направлениях (долина р. Сирет, южнее Хэрменяса и Хелештиень, севернее Криуешть, Гэуряна и Бэйле Струнга) за 400 м впереди ДОТов был вырыт противотанковый ров глубиной 3–4 м и шириной 6–8 м; на отдельных участках (восточнее Гэуряна и севернее Бэйле Струнга) местность была эскарпирована. За противотанковым рвом в 200–300 м друг от друга было установлено проволочное заграждение в 1–2 ряда. Все ДОТы соединялись траншеями полного профиля с легким перекрытием – доски или жерди с земляным покрытием 4–5 см. Впереди УР была создана полоса предпо-

лья, включавшая стрелковые ячейки, окопы на пехотное отделение, пулеметные гнезда, которые соединялись с укрепрайоном сплошными траншеями. Для непосредственного охранения ДОТов имелись пулеметные гнезда и стрелковые ячейки.

В целом укрепрайон Петриш – Гэуряна представлял собой мощную оборонительную систему, однако у нее имелись и слабые места. В составе железобетона стен и потолков ДОТов на 3–4 части цемента приходилась 1 часть крупной гальки, 2 части средней гальки, 2 части мелкой гальки и 2 части песка. Бетон трамбовался ручными трамбовками, на арматуру шло круглое железо диаметром 10–12 мм, при этом прутья между собой не связывались, жесткая арматура отсутствовала. В результате качество было таково, что в отдельных случаях (район Бэйле Струнга) долговременное сооружение через 10–25 суток после постройки разваливалось без всякого огневого воздействия. Такие ДОТы могли быть разрушены 1–3 прямыми попаданиями бетонобойных снарядов калибра 152–203 мм. Наличие слабого броневого щита на фронтальных амбразурах давало возможность заклинивать их огнем прямой наводки орудиями меньших калибров. Земляная маска могла быть вскрыта не только 152-мм и 122-мм орудиями, но и 120-мм минометами. Связь между ДОТами была организована не телефонная, а через сигнализацию на основе шнуров и колокольчиков, посредством которых подавались кодовые команды гарнизонам на открытие, перенос и прекращение огня. Внутренняя обшивка у ДОТов отсутствовала, вентиляция осуществлялась через отдушину в потолке. В сооружениях имелись кирпичные печи для приготовления или подогрева пищи и нары для отдыха, но на этом удобства для гарнизона заканчивались. Водоснабжения и канализации в ДОТах не было, освещались они керосиновыми лампами, снабжение водой, провиантом и боеприпасами осуществлялось только в ночное время. У отдельных ДОТов тыловая стена была не железобетонной, а из двух рядов бревен с земляной засыпкой между ними; в некоторых ДОТах не было установлено вооружение; наблюдались случаи, когда ДОТ не имел постоянного гарнизона. Все это до определенной степени снижало оборонительный потенциал румынского укрепрайона к западу от Тыргу-Фрумос.

Боевые будни позиционной обороны

Активность противника на фронте 7-й гв. армии в течение всего периода была низкой. Немецкая и румынская авиация одиночными самолетами, реже – группами от 2 до 5 истребителей, вела разведку обороны войск армии и тыловых коммуникаций на глубину до 40–50 км, иногда с попутным бомбометанием; в июне 1944 г. было зафиксировано 384 самолетопролета, в июле – 340. Артиллерия противника: свыше 100 батарей, около 350 стволов, т. е. 10-11 стволов на 1 км фронта – вела беспокоящий и методический огонь до 500 снарядов и мин в сутки; артналеты силами 1-2 батарей служили поддержкой действий разведгрупп. Румыны время от времени предпринимали силовые разведки, в которых задействовалось от отделения до двух рот пехоты. Заканчивались они обычно безуспешно. Так, в ночь на 11.07.1944 г. ОШР 72-й гв. сд отразила попытку противника силой до двух рот пехоты вести разведку боем в районе оз. Боскотень. 12.07.1944 г. перед рассветом подразделения 14-го гв. сп 6-й гв. сд воспрепятствовали попытке противника взводом пехоты вести разведку из района г. Босия в северо-восточном направлении. 13.07.1944 г. ночью подразделения 229-го гв. сп 72-й гв. сд отразили попытку противника силой роты пехоты вести разведку в районе южнее Редута. В ночь на 18.07.1944 г. части 6-й сд отразили две попытки противника силами до взвода пехоты каждая вести разведку в районах: южные скаты г. Гужиней, Джурджешчий. 19.07.1944 г. перед рассветом огнем пе-

редовых частей были рассеяны небольшие подразделения противника (до взвода), пытавшиеся вести разведку юго-западнее оз. Боскотень. В результате такого рода боевых действий, равно как и от артиллерии 7-й гв. армии, противник нес значительные потери. Так, за первую декаду июля 1944 г. войсками 7-й гв. армии было уничтожено 410 солдат и офицеров противника, 7 пулеметных огневых точек, 2 автомашины, разрушено 3 блиндажа и 1 ДЗОТ, захвачено 12 пленных; свои потери при этом составили 107 чел. убитыми и 316 чел. ранеными. За вторую декаду было уничтожено 460 вражеских солдат и офицеров, 8 пулеметных огневых точек, 1 НП, взято в плен 12 румынских солдат (в том числе 3 перебежчика); свои потери – 69 чел. убитыми, 258 чел. ранеными, а за весь июль 1944 г. войсками 7-й гв. армии было уничтожено 1265 солдат и офицеров противника, взято в плен 36 чел. (из них 7 перебежчиков); свои потери за тот же период равнялись 238 чел. убитыми и 812 чел. ранеными [18, л. 5–10].

В течение рассматриваемого периода части и соединения 7-й гв. армии обороняли занятые рубежи, совершенствуя их в инженерном отношении. Только за июль 1944 г. в армейской полосе обороны было отрыто 410 км траншей и 243 км ходов сообщения, построено 156 ДЗОТов, установлено 41 430 противотанковых и 64 767 противопехотных мин, поставлено 33 км проволочных препятствий. Созданная система заграждений дополнялась противотанковыми резервами, организованными для эшелонированного действия при возникновении непосредственной угрозы танков противника. Направления действий подвижных отрядов заграждения были рекогносцированы, намечены места установки минных полей и групп мин. В составе противотанковых резервов постоянно находился в боевой готовности подвижной резерв. Одновременно в соединениях проводились занятия по боевой подготовке: в дивизиях первого эшелона – по 50-часовой, в дивизиях второго эшелона – по 100-часовой программе; для прохождения обучения соединения первого эшелона поочередно выводились во второй. Особенно большое внимание уделялось подготовке разведчиков. Их боевая учеба была организована так, что занятия наполовину проводились днем, наполовину ночью. В масштабах полков и дивизий регулярно производились однодневные, трехдневные, пятидневные сборы сержантов и офицеров-разведчиков. 23.07.1944 г. был проведен армейский сбор лучших разведчиков – от подразделений войсковой разведки до разведки родов войск, в первую очередь инженерных; после обмена опытом лучшие разведчики были награждены знаком «Отличный разведчик».

Разведка в частях 7-й гв. армии действовала действительно отлично. Ее основными задачами являлись: уточнение группировки противника, начертания переднего края основной полосы его обороны и полосы предполья, изучение укрепленного района, вскрытие огневой системы и системы инженерных заграждений. Созданная уже в мае 1944 г. сеть наблюдательных пунктов в дивизиях, полках и батальонах давала ценные результаты. Особенно большое внимание при этом уделялось наблюдению за укреп-районом противника – ДОТами, ДЗОТами, наличием гарнизонов и вооружения, режимом огня и др. На каждый засеченный ДОТ (только за июль 1944 г. было вновь вскрыто наличие 32 артиллерийских и пулеметных ДОТов) составлялся формуляр, куда вносились записи о его деятельности каждые сутки. Широко практиковались и активные разведывательные действия. За июнь 1944 г. было проведено 104 разведывательных операции, в том числе 3 боем, 72 – поиском, 28 – засадами, 1 – в тылу противника; было захвачено 11 пленных. В следующем месяце войсковые разведчики провели 99 операций, из них боем – 10, поиском – 47, засадой – 39, в тылу против-

ника – 3. В результате проведенных операций было захвачено 28 пленных, взято документов – 4, пулеметов – 8, винтовок – 8, уничтожено 212 солдат и офицеров противника. Кроме войсковой разведки, силами разведрот 60-й инжсапбр и 14-й шисбр проводилась разведка тактической глубины обороны противника от 6 до 25 км. Всего было сделано 13 успешных вылазок во вражеский тыл группами армейских саперов-разведчиков по 3-4 чел. со сроком пребывания за линией боевого соприкосновения от 3 до 6 дней. В результате проведенной тыловой разведки удалось установить характер огневых точек на участке юго-восточнее Гэурина – Роман. В тылу противника саперы-разведчики установили 30 противотанковых мин на дорогах и перекрестках. Что касается разведки переднего края, то саперы за июль сделали 60 выходов, из них 22 – в составе войсковой разведки; было обнаружено 11 минных полей, в том числе противотанковых.

Приведем несколько примеров успешных разведывательных операций. В ночь на 6 июня 1944 г. разведпартия 79-й отдельной разведроты 81-й гв. сд в составе семи разведчиков и двух саперов под командованием ст. лейтенанта Вишневского получила задачу захватить контрольного пленного в районе 1 км восточнее г. Гуминей. Объектом нападения был избран отдельный окоп. Ст. лейтенант Вишневский лично в течение трех дней вел тщательное наблюдение за объектом, в результате хорошо изучил пути подхода к объекту и отхода от него, а также режим огня противника. На четвертые сутки перед началом поиска были проведены два практических занятия (дневное и ночное) на местности, подобной району предстоящих действий. В результате каждый участник поиска знал свои обязанности и место в подгруппе. В 22.30 поисковая партия вышла на исходное положение, где получила приказ на действие. Пройдя дивизионное боевое охранение, разведпартия бесшумно приблизилась к месту нападения на боевое охранение противника. Увидев, что в намеченном районе находится группа вражеских солдат численностью 21 чел., ст. лейтенант Вишневский установил наблюдение за их действиями и принял решение атаковать в расчете на использование элемента внезапности. Выждав удобный момент для броска, разведчики атаковали противника. Забросав группу вражеских солдат гранатами, уничтожив до 10 чел. и захватив двух пленных, группа без потерь отошла в исходное положение.

Разведывательная партия 125-го сп 6-й сд вела подготовку к захвату пленного в районе де-Сус. Группа состояла из 14 человек: подгруппа захвата – 6 чел., две группы поддержки по 3 чел. и подгруппа обеспечения – 2 сапера. Вооружение – автоматы, гранаты, на поддержке – ручной пулемет. Подготовка велась в течение трех суток, благодаря чему были изучены скрытые подступы к объекту атаки, пути движения и направление отхода после захвата пленного. В ночь на 8 июля 1944 г. на данном участке противник активности не проявлял, ограничивая свои действия редкой ружейно-пулеметной стрельбой. За сутки до действия подгруппа обеспечения проделала проход в минном поле противника. Объектом атаки был избран ручной пулемет с расчетом – двое солдат. С наступлением темноты разведчики вышли на исходное положение и в 24.00 ползком начали продвигаться к вражескому пулемету. Справа и слева действовали подгруппы поддержки, в центре – подгруппа захвата. Когда последней до объекта атаки осталось 15 м, справа разведчики увидели двух солдат противника, направлявшихся к ручному пулемету. По команде старшего подгруппы захвата ст. сержанта Юркова бойцы бросились на идущих солдат, схватили обоих и быстро начали отходить. В это время пулемет дал длинную очередь по отходящим с пленными раз-

ведчикам. Ст. сержант Юрков броском гранаты уничтожил пулемет вместе с расчетом. Пока другие огневые точки успели открыть огонь, разведпартия с пленными достигла своих траншей. В этой операции отличились своими действиями ст. сержант Юрков и сержант Дуданин.

Разведывательная партия 6-й сд вела подготовку операции по захвату пленного в районе юго-западной окраины Джурджешчий. Группа состояла из 10 разведчиков и 2 саперов; командир группы – ст. сержант Козлов. Подготовка заняла три дня. В первые сутки наблюдения была произведена групповая вылазка для изучения местности; минных полей и проволочных заграждений разведчики не обнаружили. За сутки до действия, разбив группу на подгруппы поддержки и захвата, командир организовал тренировочные занятия на местности, подобной району действия, дневное и ночное по 4 часа каждое. Перед выходом разведпартия 6 часов отдыхала. В 22.00 04.07.1944 г. партия вышла в исходное положение. Уточнив направление движения, первой двинулась подгруппа обеспечения, которая должна была залечь левее вражеского пулемета и открыть отвлекающий огонь. Подгруппа захвата имела задачу подползти к пулемету и атаковать. В случае, если солдаты противника бросятся в бегство, подгруппа обеспечения должна была огнем отрезать им путь. Если они все же смогут убежать в траншею, группы нападения и обеспечения должны были забросать противника гранатами, ворваться в траншею, с боем захватить пленного и отойти под прикрытием автоматного огня. Разведпартия, двигаясь по нейтральной полосе на юго-западной окраине населенного пункта, в 150 м от обороны противника обнаружила идущих навстречу румынских солдат. Старший группы ст. сержант Козлов немедленно принял решение взять пленного засадой. Он расставил разведчиков по обе стороны тропинки, по которой двигались румыны, подготовив, таким образом, «мешок». Когда пятеро вражеских солдат достигли засады, ст. сержант Козлов броском гранаты и очередью из автомата уничтожил троих. В тот же момент на двоих, шедших впереди, бросились сержант Бузо, рядовой Дубов и другие разведчики. Сначала румыны сопротивлялись, но когда один из них был убит, второй – командир отделения бросил автомат и поднял руки вверх. Остальные вражеские солдаты были рассеяны огнем группы обеспечения. В этой операции отличились ст. сержант Козлов, сержант Бузо, разведчики Дубов и Буткевич, за что были представлены к правительственным наградам [19, л. 7–14].

Выводы

Таким образом, летнее затишье 1944 г. на фронте к западу от Тыргу-Фрумос действительно было обманчивым. Бойцы и командиры 7-й гв. армии, находясь в позиционной обороне, наносили значительный урон противнику, изматывая его и понижая морально-политическое состояние врага. Воля к сопротивлению немецких, и особенно румынских, солдат слабела, а впереди их ждало сокрушительное советское наступление – «Ясско-Кишиневские Канны»…

Список литературы

1. Верт А. Россия в войне 1941–1945 гг. М.: Прогресс, 1967. 773 с.

2. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: АСТ, 1999. 780 с.

3. Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М.: Воениздат, 1967. 502 с.

4. Гришина А. С. За год до Победы: боевые действия войск 2-го Украинского фронта севернее Ясс (30 мая – 8 июня 1944 г.) // Клио. 2024. № 1 (205). С. 176–183.

5. Гостони П. Кровавый Дунай. Боевые действия в Юго-Восточной Европе. 1944–1945. М.: Центрполиграф, 2013. 413 с.

6. Фриснер Г. Проигранные сражения. М.: Воениздат, 1966. 240 с.

7. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1981. 560 с.

8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 4: Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.

9. Бухнер А. Восточный фронт. Черкассы. Тернополь. Крым. Витебск. Бобруйск. Броды. Яссы. Кишинев. 1944. М.: Центрполиграф, 2013. 365 с.

10. Грамс Р. 14-я танковая дивизия. 1940–1945. М.: Центрполиграф, 2014. 446 с.

11. Малютина Т. П. Авантюра маршала Антонеску: румыны в войне против СССР 1941–1944 гг. Воронеж: ВГАУ, 2019. 448 с.

12. Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944–1945. М.: Наука, 1970. 676 с.

13. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1217.

14. ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 611.

15. ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 659.

16. ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 698.

17. ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 713.

18. ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 657.

19. ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 658.

References

1. Vert A. Russia in the war of 1941–1945. Moscow: Progress; 1967. 773 p. (In Russ.)

2. Tippelskirch K. History of the Second World War. Moscow: AST; 1999. 780 p. (In Russ.)

3. Minasjan M.M. Liberation of the peoples of South-East Europe. Moscow: Voenizdat; 1967. 502 p. (In Russ.)

4. Grishina A.S. A year before the Victory: combat operations of the troops of the 2nd Ukrainian Front north of Yassy (May 30 - June 8, 1944). *Klio*. 2024;1(205):176–183. (In Russ.)

5. Gostoni P. Bloody Danube. Fighting in Southeast Europe. 1944–1945. Moscow: Centrpoligraf; 2013. 413 p. (In Russ.)

6. Friessner J. Betrayed Battles. Moscow: Voenizdat; 1966. 240 p. (In Russ.)

7. Shtemenko S.M. General Staff during the war. Moscow: Voenizdat; 1981. 560 p. (In Russ.)

8. The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 4. The liberation of the territory of the USSR. 1944. Moscow: Kuchkovo pole; 2012. 864 p. (In Russ.)

9. Buchner A. Eastern Front. Cherkasy. Ternopil. Crimea. Vitebsk. Bobruisk. Brody. Iasi. Kishinev. 1944. Moscow: Centrpoligraf; 2013. 365 p. (In Russ.)

10. Grams R. 14th Panzer Division. 1940–1945. Moscow: Centrpoligraf; 2014. 446 p. (In Russ.)

11. Maljutina T.P. Adventure of Marshal Antonescu: Romanians in the war against the USSR 1941–1944. Voronezh: VGAU; 2019. 448 p. (In Russ.)

12. Liberation of South-Eastern and Central Europe by troops of the 2nd and 3rd Ukrainian Fronts. 1944–1945. Moscow: Nauka; 1970. 676 p. (In Russ.)

13. CZAMO (Central archive of the Russian Ministry of defence). F. 240. Op. 2779. D. 1217. (In Russ.)
14. CZAMO. F. 341. Op. 5312. D. 611. (In Russ.)
15. CZAMO. F. 341. Op. 5312. D. 659. (In Russ.)
16 CZAMO. F. 341. Op. 5312. D. 698. (In Russ.)
17. CZAMO. F. 341. Op. 5312. D. 713. (In Russ.)
18 CZAMO. F. 341. Op. 5312. D. 657. (In Russ.)
19. CZAMO. F. 341. Op. 5312. D. 658. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Гришина Анна Сергеевна, соискатель, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: vspihist@rambler.ru

Anna S. Grishina, Applicant, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: vspi-hist@rambler.ru

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять на официальный сайт журнала **https://hisplus.elpub.ru/jour**

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru